

2023

Том 14. № 4

2023. Vol. 14. No. 4

DOI: [10.19181/vis.2023.14.4](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

www.vestnik-isras.ru

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**В поисках справедливости:
идея безусловного
базового дохода**

/Парадигма базового дохода

/Конструирование
политического дискурса

/Образование как ресурс

/Консолидация
российского общества

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 4'2023

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2023. Том 14. № 4
DOI: 10.19181/vis.2023.14.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Главный редактор: М. К. Горшков
Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова
Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2023
© Vestnik instituta sotziologii, 2023

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

О Выпуске	10
<i>Аксенова О. В.</i> Российское общество в условиях глобального политического противостояния: тенденции и концепции	10
Тема номера:	
В поисках справедливости: идея безусловного базового дохода	18
<i>Бобков В. Н.</i> Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала	18
<i>Андреевская А. В.</i> Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода – понимание, мотивы, заблуждения	38
<i>Золотов А. В.</i> Еще раз об осуществимости универсального базового дохода	62
<i>Кислицына О. А.</i> Нужны ли нам бесплатные деньги? К полемике об универсальном базовом доходе	80
Конструирование политического дискурса в ситуации международной конфликтности	93
<i>Якоба И. А.</i> Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией.....	93
<i>Щенина О. Г.</i> «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования	112
<i>Пузанова Ж. В., Филиппов В. М., Ларина Т. И., Симонова М. А.</i> Об исследовании факторов восприятия фейковых новостей массовой аудиторией (кейс студенческой молодежи).....	128
Противоречия и консолидация в российском обществе	147
<i>Бараш Р. Э., Петухов Р. В.</i> Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу»	147
<i>Седова Н. Н.</i> Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта	176
<i>Косыгина К. Е.</i> О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области)	199
Регионы РФ: точки роста и диспропорции в развитии	219
<i>Пантин В. И.</i> Основные факторы неравномерного развития российских регионов	219
<i>Широкалова Г. С.</i> Малые города: итоги борьбы двух позиций	234

Система образования: ресурсы и потенциал развития 251

Журавлёв А. Л., Китова Д. А. Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей 251

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности 271

Матвеева Н. А., Замятина О. Н., Машкевич А. С. Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы 288

Девиантное поведение и социальные процессы 306

Позднякова М. Е., Брюно В. В. Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики) 306

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Russian society under global political confrontation: trends and concepts	10
Topic of the Issue:	
In search of justice: the idea of unconditional basic income	18
<i>Bobkov V. N.</i> The basic income paradigm and its impact on human development opportunities	18
<i>Andreenkova A. V.</i> Attitude of Russian youth to the idea of unconditional basic income – understanding, motives, misconceptions	38
<i>Zolotov A. V.</i> Once again about the feasibility of universal basic income ...	62
<i>Kislitsyna O. A.</i> Do We Need Free Money? On the debate about universal basic income	80
Constructing political discourse in the context of international conflict	93
<i>Iakoba I. A.</i> The constructed and the real in mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia	93
<i>Shchenina O. G.</i> “Cancel culture” in political discourse: multiple forms and research opportunities	112
<i>Puzanova Zh. V., Filippov V. M., Larina T. I., Simonova M. A.</i> On the study of factors of fake news perception by mass audience (case study of student youth)	128
Contradictions and consolidation in Russian society	147
<i>Barash R. E., Petukhov R. V.</i> Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West” ...	147
<i>Sedova N. N.</i> Features of transformation of worldview attitudes among Russian youth in the context of geopolitical conflict	176
<i>Kosygina K. E.</i> On the consolidation of society in the context of geopolitical tensions (based on research in the Vologda region)	199
Regions of the Russian Federation: growing points and disproportions of development	219
<i>Pantin V. I.</i> Main factors of uneven development among Russian regions	219
<i>Shirokalova G. S.</i> Small cities: results of the struggle between two positions	234

Educational system: resources and development potential.....251

Zhuravlev A. L., Kitova Dz. A. Education as a resource for socio-economic development of Russia: perceptions of social network users 251

Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and pedagogical community of Russia universities as an object of resource mobilisation 271

Matveeva N. A., Zamyatina O. N., Mashkevich A. S. Innovations in the Russian school: categorical analysis, social realities and barriers, prospects..... 288

Deviant behavior and social processes.....306

Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Deviant behaviour of the population as a reflection of maladaptive processes in Russian society (based on state statistics)..... 306

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.1

EDN: EEEXSJ

Российское общество в условиях глобального политического противостояния: тенденции и концепции

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Российское общество в условиях глобального политического противостояния: тенденции и концепции // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 10–17. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.1; EDN: EEEXSJ.

For citation: Aksenova O. V. Russian society under global political confrontation: trends and concepts. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 10–17. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.1; EDN: EEEXSJ.

Тема этого выпуска: «В поисках справедливости: идея безусловного базового дохода». Идея базового дохода в России и на Западе относительно нова, пока еще довольно экзотична, но уже остро дискуссионна. Доход, не требующий трудовых затрат, странным образом стал специфическим социальным феноменом, хотя его внедрение в разных странах пока еще экспериментально. Полемика вокруг его перспектив непосредственно затрагивает социальные основания существующего социума и заставляет задуматься о его довольно близком будущем. Необходимость универсального базового дохода связывают с технологической революцией и скорой заменой человека роботами во всех трудовых процессах. Однако подобные ожидания имели место и сорок лет назад, но индустрия предпочла человеческие рабочие руки в Китае и Юго-Восточной Азии. Базовый доход как шаг к построению нового, справедливого общества также вызывает целый ряд вопросов.

Что произойдет с обществом, если деньги раздавать всем и даром? Что станет с предложением рабочих рук на рынке труда? Является ли базовый доход инструментом социалистических (или социал-демократических) преобразований, элементом почти что коммунистического «всем по потребностям» или он – современная версия «хлеба и зрелищ» для плебса в Римской империи? Он, возможно, будет содействовать углублению старых противоречий между богатыми и бедными странами, так как его введения в планетарном масштабе не предполагается. Не менее вероятно, что данная идея есть всего лишь изощренная форма сокращения до минимума социальной политики государства, сворачивания адресных программ помощи. Кроме того, современное общество исторически, начиная с Нового времени, выстраивалось на ценности труда, которая была основополагающей, хотя и по-разному интерпретировалась, например, в протестантской этике и в советской идеологии. Как повлияет на нее, а в итоге и на общество безусловный базовый доход?

В статьях темы номера представлены разные точки зрения на проблему базового дохода, их авторы соглашаются, сомневаются и полемизируют с самой идеей и друг с другом.

Выпуск открывает статья [В. Н. Бобкова](#) (Москва) «[Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала](#)». По мнению автора, выплата базового дохода создает возможности для более твердых социальных гарантий и повышения уровня жизни граждан, хотя это и является одним из инструментов адаптации капитала к современным условиям извлечения прибыли. Базовый доход как инструмент построения солидарного общества обсуждается учеными с разным мировоззрением и политическими позициями, однако в условиях современного капитализма невозможно выплачивать базовый доход в полном соответствии с его основными критериями, главными из которых являются выплата дохода на протяжении всей жизни получателей, независимо от занятости и прочих характеристик их экономического и социального положения. Базовый доход можно реализовать в полной мере лишь в рамках социалистической парадигмы, а в России есть возможность для эволюционного перехода к ней посредством, в частности, расширения государственной собственности в ключевых отраслях экономики, введением в них государственного планирования и других преобразований, уже частично осуществляющихся с марта 2022 года. Все это не противоречит развитию рыночных секторов экономики, ориентированных на индивидуальные потребности граждан и развитие их разнообразного личностного потенциала.

В статье [А. В. Андреевской](#) (Москва) «[Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода: понимание, мотивы, заблуждения](#)» представлены результаты анализа данных двух волн РСИ – Российского социального исследования по программе ESS. Автор приходит к выводу о том, что глубокой поддержки идеи безусловного базового дохода среди молодежи пока не выявлено. Более того, основную информацию о нем большинство респондентов почерпнуло во время интервью. Положительное мнение вызвано скорее идеей гарантированного дополнительного дохода, обозначенного в названии. Его безусловность и всеобщность либо пока не нашли понимания, либо воспринимаются противоречиво. Есть те, кто воспринял базовый доход как систему справедливого распределения природной ренты и национального богатства, а к идее всеобщности и равенства в его распределении отнеслись положительно. Те, кто обращает внимание на то, что источником финансирования базового дохода являются налоги, относятся к нему отрицательно. Автор отмечает нестабильное мнение молодежи о базовом доходе по причине слабой сформированности, отсутствия у молодых людей достаточной информации о нем и предполагает, что разъяснения могут существенно изменить картину.

[А. В. Золотов](#) (Москва) в своей статье «[Еще раз об осуществимости универсального базового дохода](#)» рассматривает проблему осуществимости универсального базового дохода в мировом масштабе. Автор приходит к выводу, что базовый доход может как «улучшить» капитализм, так и открыть новую социалистическую перспективу для преобразований

нашей страны. Выплата базового дохода, по мнению автора, может стать инструментом ее гуманистического развития, пойти на пользу развитию человека в условиях приоритета общественных ценностей, здорового образа жизни, высокой образованности и т. п. Базовый доход нельзя воспринимать монетарно, необходимо сосредоточиться на ином, созидательном смысле жизни. Потенциальные получатели базового дохода подтверждают преобладание намерений к развитию своего потенциала. Они показывают, что этот инструмент новой социальной политики способен привести в действие резервы, которые есть у людей для развития себя, своих семей, всего общества. Необходимо проводить локальные эксперименты по выплате базового дохода, которые помогут в принятии верных решений при введении принципов универсальности и безусловности дохода.

В статье [О. А. Кислицыной](#) (Москва) [«Нужны ли нам бесплатные деньги? К полемике об универсальном базовом доходе»](#) представлена иная точка зрения. Автор полагает, что прогноз об исчезновении рабочих мест в близком будущем является чрезмерно преувеличенным. Есть сомнения в том, что универсальный базовый доход поможет победить бедность и неравенство, станет лучшей альтернативой существующей системе социального обеспечения. Неизвестны и последствия внедрения базового дохода. В настоящее время выводы делаются на основании страновых экспериментов, которые не могут служить доказательствами. Не лучше ли подождать, пока данный инструмент будет опробован другими странами? Наконец, по мнению автора, базовый доход не является единственным способом решить проблемы в системе социального обеспечения и на рынке труда существуют альтернативные направления социально-экономической политики, нацеленные на то, чтобы поощрять созидательный труд, а не препятствовать ему.

Рубрика [«Конструирование политического дискурса в ситуации международной конфликтности»](#) содержит три статьи на весьма актуальные в настоящее время темы, связанные с воздействием на отношение людей к ключевым проблемам и историческим событиям и через это на политический дискурс и массовое сознание в более широком смысле.

В статье [И. А. Якоба](#) (Иркутск) [«Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией»](#) анализируется конструирование дискурса как способа воздействия в современном медийном пространстве. Исследование осуществляется посредством моделирования оценочной интерпретации дискурсивного события-аттрактора в массмедийном пространстве. Выявлено, что переименование и переоценка трагических событий прошлого, которые являются вымыслом адресанта, преподносятся как реальность. Конструируется альтернативный сценарий прошлого, альтернативный мир, который выдается за реальность. Предполагается, что манипулятивное воздействие адресанта нацелено на изменение ценностных установок адресата. Автор показывает, как лингвистическая экспертиза текстов, критический дискурс-анализ и метод деконструкции помогают выявить истинные смыслы и скрытые интенции адресанта, что способствует раскрытию глубинных ценностных,

суггестивных смыслов, заложенных в дискурсе. На основании анализа некоторых информационных кейсов, относящихся к оценке событий Второй Мировой войны, автор приходит к выводу, что диалог с условным Западом оказывается в настоящее время практически невозможным на психолингвистическом уровне.

Статья [О. Г. Щениной](#) (Москва) «[“Культура отмены” в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования](#)» посвящена феномену «культуры отмены» (cancel culture), появившемуся на Западе и ставшем одним из факторов новой социальной и социально-политической реальности. Автор предпринял попытку анализа «культуры отмены» в контексте многообразия форм ее проявления. Анализируются попытки применения данного инструмента к России после начала СВО в феврале 2022 года, которые также демонстрируют ограниченные возможности «отмены», так как отменить Россию не удалось. Показана связь «культуры отмены» с цифровизацией, которая и обеспечила ее широкое распространение и относительную эффективность. Автор показывает, как широкое внедрение цифровых технологий значительно расширяет возможности цифрового бойкота, то есть исключения человека из цифровой системы на основе полученной третьими лицами информации.

В статье [Ж. В. Пузановой, В. М. Филиппова, Т. И. Лариной и М. А. Симоновой](#) (Москва) «[Об исследовании восприятия фейковых новостей массовой аудиторией \(кейс студенческой молодежи\)](#)» рассматривается проблема восприятия ложной (фейковой) информации массовой аудиторией, в особенности учащейся молодежью. Поднимаемая в статье проблематика остро актуализировалась в ситуации геополитического противостояния, когда зарубежные акторы используют фальшивые новости, информационные вбросы как инструмент дестабилизации социально-политической обстановки в стране. Авторы на основе сравнительного критического анализа ряда исследований, посвященных данной проблематике, а также собственных социопсихологических экспериментов приходят к выводу, что низкий уровень доверия другим людям и социальным институтам обостряет проблему доверия фейковым новостям в современном российском обществе. Авторские опросы показали, что студенчество верит фейковой информации больше, чем истинной, не способно в массе своей отличить фейковую новость, а при определении опираются на интуицию и догадки.

Рубрика [«Противоречия и консолидация в российском обществе»](#) представлена статьями, в которых показано, что в условиях глобального геополитического противостояния тенденции консолидации формируются через сглаживание социальных, в том числе ценностных, противоречий.

В статье [Р. Э. Бараш, Р. В. Петухова](#) (Москва) «[Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния “коллективному Западу”](#)» исследуется влияние дискурсивного конструкта «коллективный Запад» на национальную идентичность и историческую память современного российского общества. Рассматривается также и конструкт российской «традиции». Дуальность условно «западного» и условно «традици-

онного» в российском обществе сложилась исторически, по меньшей мере с начала XVIII века, однако современные события размывают это противостояние. Российская коллективная идентичность сочетает в себе как традиционно-самобытные, российские, так и западно-либеральные ценности. В вопросах истолкования исторической памяти россияне настроены однозначно: несовпадение российской и западной версий прошлого воспринимается ими очень остро. Негативная интерпретация событий советской истории, особенно касающаяся памяти о Победе в Великой Отечественной войне, для российской исторической памяти абсолютно неприемлема. Реакцией на попытки пересмотра традиционных для российской национальной памяти трактовок отечественной истории является рост запроса многих россиян на достоверное историческое знание.

В работе [Н. Н. Седовой](#) (Москва) [«Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта»](#) показана специфика трансформации мировоззрения российской молодежи 18–24 лет по сравнению с населением в целом в условиях геополитического противостояния. Как и в предыдущей статье анализ строится вокруг противостояния двух мировоззренческих позиций: сторонников западноориентированного пути развития России и сторонников цивилизационного суверенитета, самобытного пути развития страны. Значительная часть молодежи 18–24 лет была ориентирована на развитие страны по модели современного западного общества, на формирование либерально-демократической основы государственного устройства, на возможность строить жизненные стратегии в трансграничной среде. По этой причине усиление противостояния России и Запада после начала СВО стало для данной социальной группы особо чувствительным, так как противоречило ее установкам. Однако, по данным исследования 2023 года, наметившийся отрыв установок 18–24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом стал сокращаться. Видимо, можно говорить об адаптации молодежи указанного возраста к сложившейся ситуации, о поиске ею компромиссов между ранее воспринятыми установками и меняющейся реальностью.

[К. Е. Косыгина](#) (Вологда) в статье [«О консолидации общества в условиях геополитической напряженности \(по материалам исследования в Вологодской области\)»](#) рассматривает проблему социальной консолидации через призму общественного мнения регионального сообщества в условиях СВО, усиления антироссийских экономических санкций, ухудшения отношений России с западными странами. Выявлены изменения в оценках деятельности институтов региональной и федеральной власти, подтверждающие консолидацию российского общества вокруг Президента, понимание и поддержку населением целей СВО и принимаемых внешне- и внутривластных решений. В исследуемом регионе (Вологодская область) обнаружен более высокий уровень одобрения деятельности федеральных органов власти, чем региональных. Отмечено расширение общественно-государственного диалога в стране, его ориентация на включение институтов гражданского общества в решение задач по

защите национальных интересов и преодолению важнейших социально-экономических проблем на фоне роста геополитической конфликтности. Автор считает, что показателем одобрения выбранного властью РФ курса является стабильно низкий уровень протестного потенциала и большой запас терпения, а также рост конструктивной социальной активности.

Статьи, которые содержатся в рубрике [«Регионы РФ: точки роста и диспропорции в развитии»](#), посвящены весьма актуальной теме неравенств в региональном развитии.

В статье [В. И. Пантина \(Москва\) «Основные факторы неравномерного развития российских регионов»](#) особое внимание уделено воздействию исторических, культурно-цивилизационных и геополитических факторов на модернизацию российских регионов, включая региональные традиции, этносоциальную и культурную специфику. Сочетание этих и других факторов обуславливает неравномерность развития, что и создает социальные проблемы для конкретного региона. На этом, как утверждает автор, и должно быть сосредоточено внимание властей в первую очередь региональных, однако в сложившейся ситуации важно взаимодействие властей всех уровней. Важно своевременно реагировать на диспропорции в развитии, не допускать радикализации и политизации неравенств, перерастания их в социально-политические конфликты. Наиболее опасными являются социальные неравенства, прежде всего проблемы недоступности для многих жителей качественного здравоохранения и образования, экологические проблемы, межэтнические отношения, демографические проблемы. Для обеспечения социальной стабильности в российских регионах региональным и местным муниципальным органам власти необходимо учитывать цивилизационную специфику России и особенности развития региональных и местных локальных сообществ. Их игнорирование может привести к необратимому разрушению социальной среды, к деградации опорных социальных, культурных и ценностных структур российского общества, что в конечном итоге угрожает целостности государства.

Тему продолжает статья [Г. С. Широкаловой \(Нижний Новгород\) «Малые города России: итоги борьбы двух позиций»](#). В статье рассматриваются процессы деградации социальной среды малых городов, начавшиеся с разрушения СССР, деиндустриализации, закрытия предприятий агропромышленного комплекса. Формируется тенденция депопуляции обширных территорий, дополнительным фактором которой являются значимые региональные отличия в зарплатах. В статье анализируются две государственные концепции территориального развития страны. Первая опирается на экономическую эффективность вложений в агломерации и убыточность поддержки малых поселений, продолжая традиции, заложенные «младореформаторами» в 1990-х годах: перспективно то, что дает быстрый доход и уменьшает затраты. Вторая концепция основывается на анализе функций малых городов, как элементов не только экономической, но и геополитической, внутривластной, географической, социальной инфраструктуры. Автор приходит к выводу, что кластеризация (стягивание

населения в крупные центры) при депопуляции малых городов и сельских поселений может привести к ослаблению социально-экономического потенциала и обороноспособности страны.

Рубрика [«Система образования: ресурсы и потенциал развития»](#) представлена тремя статьями. Работа [А. Л. Журавлёва, Д. А. Китовой \(Москва\)](#) [«Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей»](#) носит междисциплинарный характер, соединяет подходы психологии и социологии. Ее целью стало выявление обыденных представлений населения о способности образования воздействовать на развитие государства в целом. Авторы установили, что, по мнению пользователей социальных сетей, главные функции образования связаны с его возможностью оказывать воздействие на развитие общества и государства, в том числе, как геополитического субъекта. При этом образование как ресурс макроэкономического развития государства доминирует над другими аспектами представлений, которые демонстрируют иерархическое построение приоритетов: общегосударственный, исторический, системный, глобальный, институциональный, региональный и мезо-экономический. Выявлены также расхождения между сторонниками государство-ориентированного и социально-центрированного путей развития общества. Историческая обусловленность российского образования у пользователей соотносится с особенностями его развития в СССР – привязки к более ранним периодам истории не происходит.

Статья [Г. Е. Зборовского, П. А. Амбаров](#) (Екатеринбург) [«Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности»](#) посвящена теоретическому осмыслению феномена мобилизационного управления ресурсностью научно-педагогического сообщества российских университетов. Цель авторов заключалась в том, чтобы раскрыть потенциал теорий мобилизации ресурсов, социальной общности, ресурсных концепций в концептуализации понятия мобилизации ресурсности научно-педагогического сообщества. Отметим, что данный подход сам по себе является инновационным, поскольку теории мобилизации ресурсов изначально создавались и использовались для изучения социальных движений. В данном случае авторы интерпретируют научно-педагогическое сообщество как социальную общность и социально-профессиональное сообщество. Предложена классификация его ресурсов, которые разделены на пять блоков: социально-демографический, научно-исследовательский, педагогический, ресурсы взаимодействия научно-педагогических работников и научных коллективов, морально-символический. Ставится вопрос об акторах мобилизации ресурсности, которые должны обладать глубоким знанием источников, особенностей и закономерностей функционирования ресурсов академического сообщества.

В статье [Н. А. Матвеевой, О. Н. Замятиной, А. С. Машкевич](#) (Барнаул) [«Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы»](#) показаны социальные барьеры инновационной деятельности в современной российской школе: понятийный, концептуальный, организационный, содержательно-управленче-

ский, размытое восприятие препятствий, профессиональные перегрузки, компетентностный и информационный. Обнаружено, что социальными источниками и носителями барьеров инновационной деятельности в школе являются все ее субъекты: учителя, администрация образовательной организации, специалисты органов управления образованием. По этой причине перед учеными стоит задача анализа проблемы инноваций в междисциплинарном синтезе научных дисциплин, изучающих образование. Необходимо также целый ряд действий, направленных на снижение барьеров для инноваций, в частности, повышение профессиональной готовности к ним педагогов и менеджеров.

Завершает выпуск традиционная рубрика [«Девиантное поведение и социальные процессы»](#), представленная статьей [М. Е. Поздняковой, В. В. Брюно \(Москва\) «Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе \(по материалам государственной статистики\)»](#). Авторы собрали и проанализировали материалы государственной статистики (Росстат, Минздрав, МВД и др.) за период более чем 40 лет (1980–2022 гг.). На основе анализа статистических данных рассмотрена динамика криминологических показателей преступности, продажи алкогольных напитков и алкопотребления, заболеваемости населения алкоголизмом, алкогольными психозами, наркоманией и т. п. Выделены шесть этапов развития деструктивных процессов в России, начиная с раннего послевоенного, продлившегося до 1947 года, за которым следовали периоды стабилизации и всплесков различных форм девиаций. По мнению авторов, после относительной стабилизации и тенденции к плавному снижению некоторых видов девиаций (2006–2019 гг.), с 2020 года наступил этап формирования условий для их нового всплеска. Важным для социологии результатом представляется обнаруженная авторами ограниченность государственной статистики, возникающая по причине высокой латентности девиантологических и криминологических проблем. Статистика может длительное время не улавливать деструктивные процессы, фиксируя относительное благополучие и реагировать лишь на их сильный, взрывной всплеск.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИДЕЯ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2

EDN: ENCPAJ

Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала

Ссылка для цитирования: Бобков В. Н. Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 18–37. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2; EDN: ENCPAJ.

For citation: Bobkov V. N. The Basic Income Paradigm and Its Impact on Human Development Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 18–37. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2; EDN: ENCPAJ.

Бобков Вячеслав Николаевич¹

¹Институт экономики РАН,
Москва, Россия

bobkovvn@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 275902

Аннотация. Актуализация исследовательского интереса к проблематике базового дохода обусловлена растущими неравенствами в различных сферах жизни людей, несправедливостью распределения материальных и социальных благ в современных капиталистических государствах. Выплата базового дохода открывает возможности повышения социальных гарантий и уровня жизни граждан.

В статье рассмотрены мировоззренческие парадигмы социальных последствий введения базового дохода. Показано, что в капиталистических государствах эта выплата, судя по многочисленным экспериментам, осуществляется в переходных формах. Ее введение выступает как один из адаптационных механизмов приспособления капитала к современным условиям извлечения прибыли. Антагонистические интересы правящих классов и большинства граждан, а также разобщенность частных интересов последних, не позволяют распространить выплату базового дохода в полном соответствии с его основными критериями. Основными из них являются универсальность – выплата всем гражданам, безусловность – выплата независимо от занятости и других характеристик экономического и социального положения людей и регулярность – выплата на протяжении всей жизни получателей базового дохода.

Обоснована возможность соблюдения основных критериев выплаты базового дохода при реализации социалистической парадигмы развития современных государств. Показано, что в современной России возможно эволюционное разрешение накопившихся

противоречий и поэтапная реализация новой социалистической парадигмы развития. Это может быть, обусловленная сложившимися обстоятельствами, цепочка гуманистических преобразований. Начало ей уже положено после февраля 2022 г. расширением государственной собственности в ключевых отраслях экономики, введением в них государственного планирования, востребованностью для решения этих задач новых кадров, ставящих во главу приоритеты общественных и государственных ценностей. Все это не противоречит развитию рыночных секторов экономики, ориентированных на индивидуальные потребности граждан и развитие их разнообразного личностного потенциала, а также на обслуживание государственной собственности в ключевых отраслях и реализацию всесторонних внешнеэкономических связей.

Проведенные под руководством автора социологические исследования показали, что российские возможные получатели базового дохода, подтверждают намерения развивать свой человеческий потенциал и считают целесообразным проведение экспериментов по выплате базового дохода.

В заключение сделан вывод о том, что введение базового дохода в совокупности с другими инструментами социалистической эволюции российского общества и государства, является шансом развития и реализации человеческого потенциала в нашей стране.

Ключевые слова: базовый доход, универсальность, безусловность, регулярность выплаты, капитализм, социализм, противоречия, человеческий потенциал

Введение

Среди ученых, исследующих проблематику базового дохода (БД), несмотря на большой разброс их отношения к целям, задачам и практической целесообразности его введения, сложился консенсус в понимании нескольких основных его критериев (признаков). Они включают **универсальность** выплаты, т. е. предназначение ее для всех граждан той или иной страны и одинаковость размера; **безусловность**, что означает выплату БД независимо от занятости и других оснований жизнедеятельности; а также **базовый** характер выплаты, что позволяет рассматривать ее как качество основания, над которым возвышаются все другие источники доходов и еще ряд признаков [26].

Под руководством автора данной статьи коллективом ученых в период 2020–2022 гг. было проведено масштабное общероссийское исследование: «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России», выполненное по гранту РФФИ в РЭУ им. Г. В. Плеханова (проект №20-010-00271) (далее – Проект).

Причиной обращения к данной проблематике явился огромный международный и отечественный научный и практический интерес к введению БД, обусловленный изменениями современных экономик и обществ, которые выражаются в растущих неравенствах в различных сферах жизни людей [14; 28].

В Проекте была проанализирована готовность российского общества к введению БД. В 2020 и 2021 гг. были проведены два опроса: экспертный (51 эксперт, представляющие научное, образовательное, бизнес сообщество и профсоюзы, а также органы государственного и муниципального управления) и массовый ($n = 1200$) среди представителей наиболее уязвимых слоев населения (малоимущие семьи с детьми, выпускники профессиональных учебных заведений, осуществляющие переход от учебы к первому устойчивому месту работы, внутренние трудовые мигранты, платформенные работники)¹.

Опрос экспертов показал, что примерно половина их высказалась за выплату наиболее нуждающимся категориям населения. С помощью экспертов были определены приоритетные потенциальные получатели БД: малоимущие семьи с детьми; выпускники профессиональных и высших учебных заведений, впервые выходящие на рынок труда; работники с высокой концентрацией признаков неустойчивой (прекарной) занятости (внутренние трудовые мигранты и платформенные работники) и безработные граждане, зарегистрированные в службах занятости [24: 97–98]. В отличие от экспертов, сторонниками введения базового дохода оказались 2/3 респондентов – его потенциальных получателей. Были установлены наиболее приоритетные цели выплаты БД: 1) преодоление абсолютной монетарной бедности и 2) обеспечение минимального уровня жизни и 3) снижение социально-экономического неравенства.

По результатам проведенного исследования опубликована монография [24], где наряду с другими материалами, представлены итоги обсуждения проблемы на международной научно-практической конференции, проведенной авторами совместно с коллегами из Фрайбургского университета (Германия) в 2021 г. в Российском экономическом университете. Информация о монографии опубликована на сайте международной сети базового дохода (BIEN) которая объединяет исследователей более 40 стран мира². Также после выхода книги в свет, состоялось несколько крупных ее обсуждений на площадках РАН с участием авторов [3].

Состоявшиеся обсуждения монографии, выявили дискуссионные теоретико-методологические вопросы о характере преобразований современных обществ с использованием БД и стимулировали проведение нами дополнительного исследования мировоззренческой парадигмы его введения и реконструкции результатов социологических опросов, проведенных в период реализации Проекта.

Цель данной публикации – показать возможные социальные последствия введения БД при парадигмальных условиях развития современной России. Объектом представленного в статье исследования является выплата БД в качестве одного из инструментов трансформации России. Предмет

¹ Массовый опрос проводился методом анкетирования через специализированную онлайн-платформу (июль–август 2021 г.). Фактические размеры выборок позволили при 95% доверительном интервале получить погрешности 4,3, 7,8 и 4,3% соответственно для каждой целевой группы респондентов.

² Сайт Всемирной сети базового дохода. <https://basicincome.org/news/2023/01/russian-monograph-on-universal-basic-income/> (Дата обращения 01.07. 2023)

исследования – ожидаемые последствия введения базового дохода при различных возможных мировоззренческих парадигмах развития нашей страны. Гипотеза исследования – введение БД может решить вопрос повышения уровня жизни наименее обеспеченных слоев и представляет собой один из адаптационных механизмов приспособления капитала к современным условиям извлечения прибыли. При социалистической парадигме развития российского государства базовый доход во взаимодействии с другими технологиями управляемой социоприродной эволюции может стать одним из инструментов всестороннего развития человека.

О мировоззренческой парадигме введения базового дохода

Как представляется, главный вопрос при принятии политического решения о введении базового дохода, состоит не в том, откуда взять деньги и сколько платить получателям? Возможности для ограниченного введения выплат БД у государства всегда имеются.

Это означает осуществление выплат только для определенных категорий населения; ограничение получателей конкретными условиями (например, душевыми доходами ниже прожиточного минимума (ПМ)) и ее небольшую величину (как правило, в размере национального ПМ); возможность сочетания (замены) денежных выплат с бесплатными услугами, а также ее установление на определенный срок. Все эти особенности т. н. переходных форм БД широко применяются в экспериментальных проектах в разных странах [15; 28; 2; 8].

Во время острой фазы пандемии COVID-19 (2019–2020) выплаты БД, установленные на ограниченное время, широко использовались в экономиках разных капиталистических стран и показали свое преимущество перед традиционными системами адресной социальной поддержки населения [36]. Так, в 2020 г. в России на три месяца было введено детское пособие в размере регионального ПМ для всех семей с детьми до 16 лет¹.

Главный вопрос – с какими целями вводить базовый доход? Это означает, что в БД должен быть заложен мировоззренческий стержень. Не случайно среди ученых, бизнес-сообщества и политиков довольно четко можно различить различные ценностные подходы к осмыслению целей БД. Ученые и эксперты, относящихся к мейнстриму неолиберальных и либертарианских взглядов часто поддерживают БД для замены им действующих систем государственных социальных гарантий и адресной социальной поддержки. Фактически в этой парадигме базовый доход означает перекладывание на граждан расходов на образование, сохранение здоровья и др. Они считают, что такая система будет менее обременительной для государства,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 652 от 11 мая 2020 года «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. № 474». <http://static.government.ru/media/files/eHqF7HB0TQBwHDTqdsGAdOEyYlmaIWSM.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

а также преодолевает недостатки малоэффективных систем адресной социальной поддержки и коррупцию интересантов, распределяющих средства на государственные гарантии и адресные выплаты [29; 39]. Стремление «облегчить» обязательства государства, на деле, может обернуться увеличением государственных социальных расходов и сокращением гарантий, поскольку прямые социальные расходы населения из средств БД и удовлетворение социальных потребностей граждан в нынешних социальных моделях имеют разные механизмы реализации. В действующих социальных моделях прямые денежные расходы несут, как правило, уязвимые слои, а объем непрямых расходов (на льготы и выплаты) государство распределяет с учетом того, что они востребованы не всеми гражданами [31]. Так произошло в 2005 г., когда в нашей стране заменили значительную часть льгот денежными выплатами, в результате чего, расходы государства на обеспечение тех же гарантий значительно выросли¹.

Поскольку идея БД получила развитие в капиталистических обществах [35; 38; 27; 33; 32], то в большинстве современных публикаций введение этой выплаты рассматривается в качестве элемента современной капиталистической экономики, которая базируется на рыночных механизмах и ориентирована на прибыль.

Огромное неравенство между богатыми и бедными – это одна из причин классовых противоречий и социальной напряженности в капиталистических государствах. Поэтому ряд представителей элитарных слоев видят в БД инструмент снижения бедности граждан при сохранении власти капитала. Как минимум, его выплата приводит к повышению уровня жизни наименее обеспеченных слоев. И в этом смысле, инструмент БД прямо вписывается в ряд институтов социальной защиты населения. Его введение не отменяет, но ослабляет экономическую зависимость людей от капитала через механизм перераспределения части общественного продукта от богатых к бедным.

При анализе влияния БД на развитие противоречий капиталистического общества надо иметь в виду, что выплата одной и той же суммы для бедного и богатого имеет разную полезность. Дополнительная, даже небольшая, сумма денег для бедных гораздо больше полезна, чем та же сумма для богатых. И в этом смысле, с позиций сравнительной динамики полезности благ, выплата БД, при прочих равных условиях, приведет к снижению немонетарного неравенства. Что же касается динамики монетарного неравенства, то оно с введением БД может как снижаться, так и расти. Это будет зависеть от соотношения динамики доходов высоко- и малообеспеченных групп населения. Как правило, капитал, демонстрируя свою демократизацию, сохраняет власть, чтобы наращивать доходы и свое господство в капиталистических государствах.

Таким образом, БД выступает как один из адаптационных механизмов приспособления капитала к современным условиям извлечения прибыли – влияния революции 4.0 (робототехника, интернет вещей, большие

¹ Монетизация льгот в России: десять лет спустя // Статья от 22.08.2014 г. «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20140822/1020935104.html> (дата обращения 20.06.2023)

данные, облачные вычисления, цифровые технологии, 3D-печать, имитационное моделирование, интеллектуальные материалы и др.) на преобразование рабочих мест и общественных коммуникаций [25: 173–215; 24: 35–46]. Его ограниченное введение «работает» как на интересы бедных, так и на интересы богатых слоев, не подвергая рискам удержания последними экономической, политической и духовной власти в капиталистических государствах.

Капиталистическое государство построено так, чтобы работник занимал подчиненное положение и развивался только в той мере, в которой это выгодно работодателю и не угрожает господству капитала. Поэтому, разрешая «одной рукой» экспериментальное тестирование БД, «другой рукой» буржуазные государства не вводят его как национальную выплату для всех граждан.

Индивидуалистическому сознанию значительной части граждан капиталистических обществ также сложно воспринять идеи универсальности и безусловности выплаты базового дохода. Далекое не все из них хотели бы делиться своими доходами, а делиться, в случае его введения как универсальной выплаты, придется не только с теми, кто нуждается, но и с другими, всем со всеми.

Все эти противоречия наглядно проявились в попытке Швейцарии введения БД на страновом уровне, единственной т. н. развитой капиталистической стране, где это было предпринято для всех граждан и без всяких условий. Там был проведен референдум. В голосовании приняли участие 46% от всего населения. 23,1% из проголосовавших высказались за базовый доход, в то время как подавляющее большинство, принимавших участие в голосовании, высказались против. Существуют разные оценки причин такого голосования: «...у граждан не было полной ясности, кто именно будет его получать – только граждане или также мигранты, о каком размере выплат идет речь, в какой мере базовый доход призван заменить текущие схемы социального обеспечения...» [14: 178]. Эксперты также считают, что причиной неудачного референдума мог быть акцент на монетарные аспекты дискуссии, предшествующие референдуму о его введении – сколько денег выплачивать и откуда взять деньги? Не исключено, что на решение голосовавших повлияли опасения повышения налогов, которые, и без того, являются высокими в данной стране [24: 330–333]. Эти и многие другие причины, конечно, могли повлиять на соотношение голосов.

Но они не отменяют главного – отрицания идеи универсальности БД влиятельными представителями «правлящих классов» и неготовности в настоящее время массового сознания к его повсеместному и без ограничений введению даже в одной из самых высокоразвитых капиталистических стран.

Отметим, что эти ограничения связаны не с самой идеей БД, а с тем, что его введение означает трансформацию современных капиталистических обществ. В этом, на наш взгляд, заключается ответ на вопрос, почему выплаты базового дохода в развитых капиталистических странах

ограничиваются экспериментальными проектами, а не вводятся для всех граждан. Идея создания общества равных возможностей, которая вытекает из универсальности, безусловности и постепенного превращения БД в основной доход, не может получить полную реализацию в капиталистических государствах, что в полной мере относится и к современной капиталистической России [9; 6].

При кажущейся простоте, реализация идеи БД как универсальной выплаты связана с необходимостью системных изменений в отношениях собственности на средства производства и распределения, преодолением антагонистических интересов и трансформацией общественного сознания.

Этические императивы БД – построение свободного, справедливого и солидарного общества, часто ставятся в центр современных дискуссий о его миссии исследователями с разными мировоззренческими взглядами [37; 34], а сторонники социалистических идей поддерживают введение БД по причинам заинтересованности не только в сокращении бедности, но и неравенства возможностей, а также реализации свободного выбора гражданами профессиональных и социальных траекторий своего развития [30].

Препятствия созданию политико-экономических условий для реализации введения БД могут быть преодолены только путем гуманизации общества в широком социальном контексте его преобразований.

Парадигмой демократизации капиталистического общества является его социализация. Базовый доход при таком целеполагании приобретает принципиально иное мировоззренческое содержание. Он может стать одним из инструментов реализации цели всестороннего развития человека во взаимодействии другими технологиями трансформации общества.

О предпосылках введения БД и контурах гуманистической альтернативы развития России

Является ли введение БД той социальной технологией, с использованием которой (в совокупности с другими социализирующими государство инструментами) удастся кардинально преобразовать нашу страну и общество, вновь разделенное после развала СССР на богатых и бедных? Имеются ли предпосылки для построения новой модели социализма в России с использованием БД?

На наш взгляд, введение БД в России, в целях реализации новой социалистической перспективы, возможно. Россия (в составе СССР) в отличие от большинства капиталистических стран, в которых в настоящее время проводятся эксперименты по введению БД, более 70 лет практически реализовывала социалистическую перспективу. У россиян сохранилась генетическая память, есть накопленный поколениями опыт социалистических преобразований.

Полагаем, что у современной России больше шансов пройти путь к социализации, к универсальному и безусловному БД, чем у других капиталистических стран. В нашей стране есть необходимые природные ресурсы, интеллектуальный потенциал, материально-техническая база и опыт социалистического развития. В маленькой стране такой социалистический мировоззренческий и практический разворот трудно представить («задавит» мировой капитал), а в России он возможен. Мы – самодостаточная страна.

Произошедшая в 1991 году смена общественно-экономической формации в России и особенности ее осуществления привели к тому, что наблюдаются не только общие противоречия характерные для капитализма, но и высокий уровень особенных внутренних и внешних противоречий. А именно:

- масштабирование неустойчивой (прекарной) занятости, сопровождающейся утратой работниками трудовых и социальных гарантий, основанных на бессрочном трудовом договоре, работе в режиме стандартного рабочего времени (полный рабочий день, нормальная продолжительность рабочей недели) и приводящей к снижению качества и уровня жизни домохозяйств [18: 21–23; 19];

- разрушение сложившихся моделей обязательного социального страхования из-за сокращения сферы устойчивой занятости и недостаточности страховых взносов для выплат при наступлении старости, инвалидности и других страховых случаев. Уже сейчас наше государство выделяет на эти выплаты значительные дотации Фонду обязательного пенсионного и социального страхования¹;

- сложность отечественной системы социальной защиты населения и ее низкая результативность. Выплаты из этой системы гражданам, исчерпавшим возможности трудового потенциала и находящимся в состоянии абсолютной монетарной бедности, как правило, не приводят к ее преодолению [10];

- высокое социально-экономическое неравенство в сочетании с низким уровнем жизни широких масс населения [6], характеризующие высокий уровень эксплуатации труда капиталом и неустойчивость российского общества [20];

- нереализованный общественный запрос на социальную справедливость [12], приводящий, в совокупности с обозначенными выше противоречиями, к высокому уровню противостояния олигархической верхушки и обслуживающей ее интересы узкой группы представителей экономики и культуры с основной частью общества;

- необходимость противостояния страны с консолидированным политико-экономическим и военно-промышленным комплексом стран НАТО, создающих ей экзистенциальные угрозы (распад государства) при наличии значительных экономических, военных и внутривнутриполитических проблем.

¹ Федеральный закон от 14.07.2022 №250-ФЗ. «Об исполнении бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации за 2021 год». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421805/5b0ee3e54724e24a228e19e0fb65f61b7beeba99/ (дата обращения: 30.06.2023).

После февраля 2022 г. внешние и внутренние условия развития России кардинально изменились. Востребованы расширение государственной собственности в ключевых отраслях экономики и введение в них государственного планирования, новые кадры с приоритетами государственных и коллективных (кооперативных) ценностей для решения этих задач и служения своей стране, которые сложно «пробивают дорогу» при сохраняющемся господстве олигархических интересов.

В нарастающих внутренних и внешних противоречиях вызревают условия, когда не только «низы» не хотят жить по-старому, но и «верхи» не смогут управлять, не считаясь с интересами страны. Хотелось бы надеяться, что эти противоречия могут быть разрешены **эволюционными гуманистическими преобразованиями**. Это может быть неизбежная, обусловленная обстоятельствами, цепочка решений и действий снизу и сверху, начало которым уже положено, и тогда поэтапная реализация социалистической парадигмы развития станет возможной. Конечно, сложно предвидеть, какие «граммы» накапливающихся противоречий могут привести к качественному сдвигу массового сознания и сознания российской власти.

В качестве «кирпичиков» нового общественного договора, на наш взгляд, необходимы:

- опережение ростом культуры и образованности граждан усложнения средств, которые ими используются для социально-экономических преобразований;
- формирование в массовом сознании гуманистических ценностей труда, альтернативных ценностям капитала;
- выдвижение во все сферы управления, от первичных до руководящих органов, не только высокообразованных кадров, но и готовых к реализации общественных интересов, формированию высокого качества человека и качества его жизни;
- восстановление приоритета общественной собственности (ее государственной и кооперативной форм) на основные средства производства в ключевых отраслях экономики социальной и духовной сфер, а также на природные и информационные ресурсы над частной собственностью¹, что позволит обеспечивать управляемость гуманистическими преобразованиями [23];
- мотивация и стимулирование развития малого и среднего бизнеса как важного инструмента гибкого реагирования на изменяющиеся потребности населения и экономики;

¹ В 1991 г. соотношение стоимости государственных и негосударственных основных фондов в Российской Федерации (РФ, в составе СССР) по формам собственности составляло 91% (государственная): 9% (негосударственная); в 2019 г. это соотношение радикально изменилось и пропорция предстала практически в перевернутом виде – 15:85 (в %). URL: <https://www.google.com/search?q=http%2F%2Frosstat.gov.ru%2Ffolder%2F14304%23&oq=http%2F%2Frosstat.gov.ru%2Ffolder%2F14304%23&aqs=chrome..69i57j69i58.99962j0j4&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 16.07.2023).

- справедливое распределение общественных благ, **введение БД**, реализующего принципы универсальности и безусловности и приводящие к преодолению абсолютной бедности и малообеспеченности;
- создание равных возможностей для развития и реализации способностей людей, позволяющее преодолевать несправедливое социально-экономическое неравенство; повышение социально-экономической безопасности; социальной включенности и сплоченности общества, а также условий для полноправного участия граждан в его жизни как альтернативы индивидуализации всех его сфер [4: 115–120];
- сокращение рабочего и увеличение свободного времени, обусловленное повышением производительности труда вместо прекаризации жизни [20] и др.

Движение к этой гуманистической альтернативе может стать разворотом государства и общества к новой модели социализма [21: 360; 22: 11; 16; 1] и преодолению отчуждения граждан от национального богатства.

Оценивание российскими экспертами и респондентами возможных социальных последствий введения базового дохода

В этой части статьи мы возвращаемся к результатам социологических опросов, чтобы определить готовность потенциальных получателей базового дохода, развивать свой потенциал и реализовывать его на благо себя, семьи и страны. Участники опросов отмечали положительное влияние введения БД на физиологическое и психологическое здоровье. Часть респондентов предпочла бы получение его в виде расширенного перечня бесплатных лекарств для детей и пожилых (41,9–65,5%), а также медицинских услуг (6,5–17,6%) [24: 151, 180–181, 209, 214–215, 230–231]. На снижение стресса, связанного с отсутствием сбережений при наступлении неблагоприятных обстоятельств (потеря работы, болезнь и пр.) надеются 63,8%, а обеспокоенности потерять доход от занятости в связи с увольнением, сокращением на предприятии, его реорганизацией и пр. в случае введения БД ожидают 52,2% респондентов [там же: 136].

Обращает на себя внимание, что 41,7 и 45,7% респондентов связывают с введением БД «более достойное самочувствие человека». 19,9% выделили среди целей введения БД «обретение (расширение) свободы в выборе жизненной траектории, саморазвития и самосовершенствования». Удельный вес экспертов, обратившихся к этой цели введения БД, был еще выше – 25,8%. При ответе на вопросы о позитивных эффектах при введении БД, расширение свободы и саморазвития отметили 37,5% экспертов и 36,6% респондентов [там же: 124, 130]. Значительная часть респондентов была бы готова использовать БД для получения дополнительного профессионального образования и повышения квалификации (25,8–69,4%), а также дополнительного образования для детей (41,9–62,5%) [там же: 151, 180–181; 209, 214–215; 230–231].

Реализацию этих ожиданий респонденты «видят», прежде всего, в сфере занятости и возможностях повышения качества досуга. Из таблицы видно, что позитивные оценки влияния БД на сферу занятости и досуга (возможность работать по специальности, расширение возможности трудоустройства – 61,2%; увеличение времени досуга и повышение его качества – 35,4% ответов респондентов) в 1,5–3,0 раза превышают негативные оценки (снижение уровня занятости и стимулов к ней – 24,7% и рост неофициальной занятости – 21,9%) [там же: 134] Это не подтверждает выводов противников введения БД о разрушающем эффекте иждивенчества, разращении людей т. н. незаработанными деньгами [17].

Таблица 1 (Table 1)

Оценки представителями целевых категорий населения влияния введения БД на сферы занятости и досуга, включая реализацию их персональных стратегий
Ratings by representatives of target population categories of the impact of introducing basic income on employment and leisure spheres, including the implementation of their personal strategies

Оценки влияния и персональных стратегий	Представители целевых категорий населения, в % от числа ответивших (n = 1210)
Общее влияние	
Возможность работать по специальности, расширение возможности трудоустройства, не ориентируясь на уровень заработной платы	61,2
Увеличение времени досуга и повышение его качества	35,4
Снижение уровня занятости и стимулов к ней	24,7
Рост неофициальной занятости	21,9
Персональные стратегии	
Выплата БД приведет к «проактивным» стратегиям в сфере занятости (станут работать больше, выбрав любимую работу; станут работать в качестве самозанятого, фрилансера; станут искать другую работу; станут выполнять менее оплачиваемую работу)	36,4
Выплата БД не приведет к изменениям в сфере занятости (БД не повлияет выбор работы)	32,8
Выплата БД приведет к снижению участия в занятости (станут работать меньше и проводить больше времени со своей семьей; станут работать меньше и больше заниматься волонтерской работой)	17,1
Выплата БД позволит получить дополнительные навыки (станут получать дополнительные навыки)	7,9
Выплата БД приведет к уходу из сферы занятости (перестанут работать)	0,5

Примечание. У респондентов была возможность множественного ответа.

Преобладающие намерения респондентов в части персональных стратегий занятости состоят в активных действиях на рынке труда и в сфере занятости (работать больше, выбрав любимую работу; работать в качестве самозанятого или фрилансера; искать другую, более подходящую работу и др.) – 36,4% ответов. Иные стратегии, включающие снижение участия в занятости, а именно – работать меньше для того, чтобы проводить больше времени со своей семьей, заниматься волонтерской работой (17,1%) или получать дополнительные профессиональные навыки (7,9%) также являются положительными, характеризующими высокое качество использования свободного времени. Даже пессимисты сошлись на том, что выплата БД не приведет к негативным изменениям в сфере занятости (32,8%) и только их незначительная часть (0,5%) посчитали, что выплата БД приведет к уходу из сферы занятости [24: 135]. Все это свидетельствует о намерениях получателей БД более полно реализовывать и развивать свой потенциал, что совпадает с их позитивным вкладом в развитие общества и страны.

Конечно, для реализации позитивных намерений граждан надо создавать необходимые условия. Они были заложены в моделировании выплат БД на разработанных имитационных моделях: I-я модель была направлена на ликвидацию абсолютной монетарной бедности (расчет проводился в интервале 2019–2025 гг.); II-я модель предназначалась для решения трех взаимоувязанных задач: ликвидации абсолютной монетарной бедности; ежемесячной выплаты в размере двух прожиточных минимумов трудоспособного населения безработным гражданам, зарегистрированным в государственных центрах занятости; и введения ежемесячного пособия в размере прожиточного минимума ребенка всем детям до 18 лет (расчет проводился в интервале 2023–2035 гг.). Обе модели продемонстрировали рост потребительского спроса и экономики в целом, который позволял не только вернуть заемные средства (их предполагалось направить из Фонда национального благосостояния), необходимые для запуска выплаты БД, но и обеспечить в последующем продолжение выплаты из дополнительных доходов государственного бюджета [25: 173–215; 24: 271–287]. Таким образом, было подтверждено, что введение базового дохода вышеуказанным уязвимым категориям населения открывает возможности повышения их качества и уровня жизни.

Конечно, не очевидным является то, что намерения потенциальных российских получателей БД обязательно совпадут с реальной практикой в случае ее экспериментального воплощения. Тем не менее российские эксперты, глубоко изучающие зарубежные практики введения БД, делают обнадеживающие выводы о не подтверждении опасений его негативного влияния на занятость и рост иждивенчества [15], а также о высокой поддержке среди российского населения идеи БД, которая была выявлена еще за несколько лет (2016–2017 гг.) до проведения нашего социологического опроса. Что характерно, введение БД было одобрено преимущественно по мировоззренческим основаниям [2]. Практика, как известно, является главным критерием истины, а экспериментальные проекты это ограниченная практика. Нельзя не согласиться с сомнениями ряда экс-

пертов, что в полной мере система БД нигде не была апробирована и это делает неочевидным ее реальные последствия [13]. Добавим только, что наша позиция не противоречит этим сомнениям, если вести речь о потенциале введения БД в капиталистических государствах. Их мировоззренческий мейнстрим, действительно, позволяет использовать БД лишь в ограниченных пределах. Здесь, на наш взгляд, кроется главный «водораздел» с альтернативной социалистической мировоззренческой стратегией развития России, которая могла бы органично вписать БД в инструментарий реализации цели развития и реализации человеческого потенциала¹.

Заключение

Введение базового дохода может как «улучшить» капитализм, так и открыть новую социалистическую перспективу преобразований нашей страны. Ее гуманистическое развитие может стать целью, а выплаты БД одним из важных инструментов ее реализации.

В этом смысле можно сказать, что БД – это не про деньги, а про ограниченное (при капитализме) или универсальное и безусловное развитие человека в условиях приоритета общественных ценностей, здорового образа жизни, высокой образованности, достойной работы, возвышении института семьи и воспитания детей, реализации достоинства и свободы. Пока элитарное и массовое сознание не освободятся от парадигмы восприятия БД как дополнительных денег, не может быть реализован смысл «универсальности» и «безусловности» этой выплаты, обуславливающей возможности всестороннего развития человека. Идея универсальности и безусловности требует немонетарного мышления и сосредоточении на ином, созидательном смысле жизни.

В силу условий, сложившихся в России после февраля 2022 г. может реализоваться мировоззренческая парадигма введения базового дохода в качестве одного из инструментов ее пошаговой социалистической трансформации.

30 лет неудачных неолиберальных реформ и необходимость суверенно развивать нашу страну в условиях беспрецедентных внешних санкций и военно-политического противостояния со странами НАТО выталкивают в маргинальное поле внутреннюю компрадорскую буржуазию и т. н. «элиты», обслуживающие ее интересы, востребует людей, готовых преобразовывать себя и работать во имя достойного будущего России.

Потенциальные получатели базового дохода подтверждают преобладание намерений к развитию своего потенциала. Они показывают, что этот инструмент новой социальной политики способен привести в действие резервы, которые есть у людей для развития себя, своих семей, всего

¹ Мнение россиян, о том, что введение базового дохода поможет им развиваться подтверждено, проведенным 2023 г. исследованием SuperJob. URL: https://finance.mail.ru/2023-08-11/kazhdyy-vtoroy-rossiyanin-podderzhal-ideyu-bezuslovnogo-bazovogo-dohoda-57374635/?frommail=1&utm_partner_id=441 (дата обращения: 18.08.2023).

общества. Для подтверждения этих намерений необходимо проводить эксперименты по выплате базового дохода, которые, несмотря на их локальность и другие ограничения позволяют накапливать социальную практику и помогут в принятии верных решений при введении принципов универсальности и безусловности этого актуального инструмента национальной социальной политики.

Время покажет, сможем ли наша страна не только перейти к введению базового дохода, но и увязать этот инструмент с гуманистической социальной эволюцией во имя высокого качества человека и качества его жизни.

Библиографический список

1. Альтернатива: Выбор пути (перестройка управления и горизонты рынка) / Рук. авт. кол.: В. Н. Бобков, А. А. Сергеев. М.: Мысль, 1990. 461 с.

2. Андреевкова А. В. Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013216250008321-6; EDN: FFFAHV.

3. Бийжанова Э. К. Универсальный базовый доход как инструмент борьбы с неравенством // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 154–158. DOI: 10.31857/S013216250026594-6; EDN: AVSXQY.

4. Бобков В. Н., Акимов А. К. Теория социального качества как инновационный инструмент изучения общества (размышления в связи с международным социологическим форумом: «Социальное качество и социальное управление») // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 115–120. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10047; EDN: YROBQL.

5. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1 (211). С. 9–19. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10049; EDN: LBIWLB.

6. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107; EDN: YGFLOH.

7. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Универсальный базовый доход: шанс для России? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 141–143. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_12_141_143; EDN: XYPSVS.

8. Бобков В. Н., Черных Е. А., Золотов С. А., Павлова В. В. Безусловный базовый доход: критериальные основы, переходные формы и опыт экспериментов по внедрению // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 84–94. DOI: 10.31857/S013216250009313-7; EDN: TWZOOV.

9. Бобков В. Н. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 10–28. EDN: PFRYQH.

10. Бобков В. Н., Бобков Н. В., Шуняев А. В. Гарантированный минимальный доход малоимущих семей с детьми как форма универсального базового дохода // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 1. С. 49–53. DOI: 10.53115/19975996_2023_01_049-053; EDN: XQDPLP.

11. Бузгалин А. В. Ренессанс социализма. М.: УРСС, 2007. 512 с.

12. Горшков М. К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6 (58). С. 32–47. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.

13. Капелюшников Р. И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? М.: НИУ ВШЭ, 2020. 52 с.

14. Квашнин Ю. Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // Современная Европа. 2019. № 3. С. 171–181. DOI: 10.15211/soveurope32019171181; EDN: AHPRFR.

15. Квашнин Ю. Д. Зарубежные эксперименты с безусловным базовым доходом: подходы, результаты, интерпретации, уроки для России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 314–326. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.2; EDN: OUDXPO.

16. Колганов А. И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 401 с.

17. Куликов А. Г. Безусловный «базовый» доход в России: шанс или ловушка? // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 2. С. 192–205. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_192_205; EDN: YBRHTJ.

18. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Подвойский Г. Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Т. 17(3). С. 109–124. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124; EDN: JEL J21.

19. Одинцова Е. В. Наемные работники организаций: качественно-количественная идентификация на основе проявлений неустойчивой занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 19. № 3. С. 385–394. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_6_385_394; EDN: LHJVOO.

20. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. 364 с. EDN: VOKUSY.

21. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

22. Субетто А. И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы / Под науч. ред. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2021. 76 с. EDN: QONWVN.

23. Субетто А. И. Философия хозяйства в становящейся новой, ноосферной парадигме взаимоотношений Человека и Природы в XXI веке (о «философско-хозяйственной революции» в системе философского знания). URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001h/00165356.htm> (дата обращения: 04.07.2023).

24. Универсальный базовый доход: шанс для России? / Под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Е. В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова; Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022; EDN: PDLTFU.

25. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Под ред. В. Н. Бобкова, Н. В. Локтюхиной, Е. Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022; EDN: WOQAYF.

26. BIEN. “About Basic Income”. 2018. URL: <https://basicincome.org/basic-income> (дата обращения: 01.07.2023).

27. Friedman M. The Case for the Negative Income Tax // National Review. 1967. No. 7 (March). P. 239–241.

28. Gentilini U., Grosh M., Rigolini I., Yemtsov R. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. Washington, D.C.: World Bank Group, 2019. 300 p.

29. Lehto O. Basic Income around the World: The Unexpected Benefits of Unconditional Cash Transfers. UK: Adam Smith Research Trust 2018. 36 p. URL: https://static1.squarespace.com/static/56eddde762cd9413e151ac92/t/5a5f54ff53450ae87509190a/151619712_0863/Universal+Basic+Income.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

30. Manjarin E., Szlinder M. A Marxist Argumentative Scheme on Basic Income and Wage Share in an Anti-capitalist Agenda // Haagh A., Howard M. (ed.) Basic Income Studies. De Gruyter, 2016. Vol. 11. Iss. 1. P. 49–59.

31. Melzochová J., Špecián P. An Estimate of the Basic Income Costs: Case of the Czech Republic An Estimate of the Basic Income Costs: Case of the Czech Republic // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 30. P. 550–557. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01267-8.

32. Paine T. Agrarian Justice. Devon, UK: Earthsharing Devon, 2017. P. 18–31.

33. van Parijs P. Basic Income: A simple and powerful idea for the twenty-first century // Ackerman B., Alstott A., van Parijs P. (eds) Redesigning Distribution: Basic Income and Stakeholder Grants as Cornerstones for an Egalitarian Capitalism (Real Utopias Project). London, UK: Verso, 2006. P. 20–21.

34. van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Cambridge: Harvard University Press, 2017. 400 p.

35. Russel B. Roads to Freedom: Socialism, Anarchism, and Syndicalism, Allen & Unwin. London, UK, 1918. P. 118–119.

36. Ståhl C., MacEachen E. Universal Basic Income as a Policy Response to COVID-19 and Precarious Employment: Potential Impacts on Rehabilitation and Return-to-Work // *Journal of Occupational Rehabilitation*. 2020. Vol. 31. P. 3–6. DOI: 10.1007/s10926-020-09923-w.

37. Standing G. *Battling Eight Giants: Basic Income Now*. London: I.B. Tauris, 2020. 152 p.

38. Tobin J., Pechman J., Mieszkowski P. (1967) *Is a Negative Income Tax Practical?* Washington, D.C., USA: Brookings Institution, 1967. 27 p.

39. Zwolinski M. The Pragmatic Libertarian Case for a Basic Income Guarantee // *Cato Unbound: A Journal of Debate*. 2014. URL: <https://www.cato-unbound.org/2014/08/04/matt-zwolinski/pragmatic-libertarian-case-basic-income-guarantee> (дата обращения: 01.07.2023).

Получено редакцией: 27.07.23

СЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобков Вячеслав Николаевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором, Институт экономики РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2

The Basic Income Paradigm and Its Impact on Human Development Opportunities

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia

E-mail: bobkovvn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7364-5297

For citation: Bobkov V. N. The Basic Income Paradigm and Its Impact on Human Development Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 18–37. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2; EDN: ENCPAJ.

Abstract. The actualisation of research interest in the issue of basic income is driven by growing inequalities in various aspects of people's lives and the unfair distribution of material and social goods in capitalist states. Providing a basic income opens up opportunities to enhance social guarantees and the standard of living for citizens.

The article examines the ideological paradigms of the social consequences of implementing basic income. It is shown that in capitalist states, this payment, judging by numerous experiments, is being implemented in transitional forms. Its introduction serves as one of the adaptive mechanisms for capital to adapt to the modern conditions of profit extraction. The antagonistic interests of ruling classes and the majority of citizens, as well as the fragmentation of the private interests of the latter, do not allow the widespread implementation of basic income in full accordance with its fundamental criteria. The main criteria include universality – payment to all citizens, unconditionality – payment regardless of employment and other characteristics of the economic and social status of individuals, and regularity – payment throughout the entire lives of basic income recipients.

The possibility of adhering to the fundamental criteria for providing basic income is justified in the implementation of a socialist paradigm for the development of modern states. It is demonstrated that in contemporary Russia, an evolutionary resolution of accumulated contradictions and a phased implementation of a new socialist development paradigm are possible. This could potentially be a chain of humanitarian transformations, conditioned by the circumstances that have emerged. The beginning of this transformation has already been initiated after February 2022 with the expansion of state ownership in key economic sectors, the introduction of state planning within them, the demand for new personnel prioritising collective and state values to address these issues. All this does not contradict the development of market sectors of the economy, oriented toward individual citizens' needs and the development of their diverse personal potential, as well as servicing state ownership in key sectors and

facilitating comprehensive international economic connections.

Sociological research conducted under the author's guidance has shown that potential recipients of basic income in Russia confirm their intentions to develop their human potential and consider it advisable to conduct experiments on the provision of basic income.

In conclusion, it is concluded that the introduction of basic income, in conjunction with other instruments of socialist evolution of Russian society and the state, represents an opportunity for the development and realisation of human potential in our country.

Keywords: basic income, universality, unconditionality, regularity of payment, capitalism, socialism, contradictions, human potential

References

1. Alternative: Choosing a path (management restructuring and market horizons). Moscow, Mysl, 1990: 461 (in Russ.).
2. Andreenkova A. V. Comparative analysis of the attitude of the population to the idea of an unconditional basic income in Russia and in Europe. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 18–30 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008321-6; EDN: FFFAHV.
3. Biyzhanova E. K. Universal Basic Income as a Tool to Combat Inequality in Modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 7: 154–158 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250026594-6; EDN: AVSXQY.
4. Bobkov V. N., Akimov A. K. Theory of social quality as an innovative tool for studying society (reflections in connection with the international sociological forum: “Social quality and social management”). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2018: 4 (210): 115–120 (in Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10047; EDN: YROBQL.
5. Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. Methodological approaches to strengthening the targeting of social support for low-income families with children. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2019: 1 (211): 9–19 (in Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10049; EDN: LBIWLB.
6. Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2022: 1: 78–107 (in Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107; EDN: YGFLOH.
7. Bobkov V. N., Odintsova E. V. Universal basic income: a chance for Russia? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2023: 19: 1: 141–143 (in Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_12_141_143; EDN: XYPSVS.
8. Bobkov V. N., Chernykh E. A., Zolotov S. A., Pavlova V. V. Unconditional basic income: criterial foundations, transitional forms and experience of implementation experiments. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 10: 84–94 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009313-7.
9. Bobkov V. N. The depressing social results of the twenty-year capitalist transformation of Russia. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2012: 2: 10–28 (in Russ.).
10. Bobkov V. N., Bobkov N. V., Shunyaev A. V. Guaranteed minimum income for low-income families with children as a form of universal basic income. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*, 2023: 1: 49–53 (in Russ.). DOI: 10.53115/19975996_2023_01_049-053; EDN: XQDPLP.
11. Buzgalin A. V. Renaissance of socialism. Moscow, URSS, 2007: 512 (in Russ.).
12. Gorshkov M. K. Social justice in the mass perception and value orientations of Russians. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2022: 11: 6 (58): 32–47 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.
13. Kapelyushnikov R. I. Universal basic income: does it have a future? Moscow, NIU VSHE, 2020: 52 (in Russ.).
14. Kvashnin Yu. D. Basic income for European countries: from theory to practice. *Sovremennaya Evropa*, 2019: 3: 171–181 (in Russ.). DOI: 10.15211/soveurope32019171181; EDN: AHPFR.
15. Kvashnin Yu. D. Foreign experiments with an unconditional basic income: approaches, results, interpretations, lessons for Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2021: 17: 3: 314–326 (in Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.2; EDN: OUDXPO.
16. Kolganov A. I. Chto takoe socializm? Marksistskaya versiya [What is socialism? Marxist version]. Moscow, LIBROKOM, 2012: 401 (in Russ.).

17. Kulikov A. G. Unconditional “basic” income in Russia: a chance or a trap? *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2022: 2: 192–205 (in Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_192_205; EDN: YBRHTJ.
18. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Podvoisky G. L. Sustainable and precarious employment in the Russian Federation. *Mir novoj ekonomiki*, 2023:17:3: 109–124 (in Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124; EDN: JEL J21.
19. Odintsova E. V. Employees of organizations: qualitative and quantitative identification based on manifestations of precarious employment. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2022: 19: 3: 385–394 (in Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_385_394; EDN: LHJVOO.
20. From precarious employment to the precarization of life. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, Ves Mir, 2022: 364 (in Russ.).
21. Russian society and the challenges of the time. Book 5. Ed.by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves Mir, 2017: 427 (in Russ.).
22. Subetto A. I. Noospheric scientific school in Russia: results and prospects. *Scientif. ed. by L. A. Zelenov. St. Petersburg, Asterion*, 2021:76 (in Russ.). EDN: QONWVN.
23. Subetto A. I. Philosophy of economy in the emerging new, noospheric paradigm of the relationship between Man and Nature in the 21st century (about the “philosophical and economic revolution” in the system of philosophical knowledge). Accessed 07.04.2023. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001h/00165356.htm> (in Russ.).
24. Universal basic income: a chance for Russia? Ed. by V. N. Bobkov (editor-in-chief), E. V. Odintsova. Moscow, REU im. G. V. Plekhanov; Izhevsk: Shelest, 2022: 360 (in Russ.). DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022; EDN: PDLTFU.
25. The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future. Ed. by V. N. Bobkov, N. V. Loktyukhina, E. F. Shamaeva. Moscow, FNISTS RAN, 2022: 274 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022; EDN: WOQAYF.
26. BIEN. “About Basic Income. 2018. Accessed 01.07.2023. URL: <https://basicincome.org/basic-income>.
27. Friedman M. “The Case for the Negative Income Tax. *National Review*, 1967: 7 (March): 239–241.
28. Gentilini U., Grosh M., Rigolini I., Yemtsov R. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. Washington, D.C., World Bank Group, 2019: 300.
29. Lehto O. Basic Income around the World: The Unexpected Benefits of Unconditional Cash Transfers. UK, Adam Smith Research Trust 2018: 36 p. Accessed 01.07.2023. URL: <https://static1.squarespace.com/static/56eddde762cd9413e151ac92/t/5a5f54ff53450ae87509190a/1516197120863/Universal+Basic+Income.pdf>.
30. Manjarin E., Szlinder M. A Marxist Argumentative Scheme on Basic Income and Wage Share in an Anti-capitalist Agenda. In Haagh A., Howard M. (ed.) *Basic Income Studies*. De Gruyter, 2016: 11: 1: 49–59.
31. Melzochová J., Špecián P. An Estimate of the Basic Income Costs: Case of the Czech Republic An Estimate of the Basic Income Costs: Case of the Czech Republic. *Procedia Economics and Finance*, 2015: 30: 550–557. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01267-8.
32. Paine T. *Agrarian Justice*. Devon, UK, Earthsharing Devon, 2017: 18–31.
33. van Parijs P. “Basic Income: A simple and powerful idea for the twenty-first century. In Ackerman B., Alstott A., van Parijs P. (eds) *Redesigning Distribution: Basic Income and Stakeholder Grants as Cornerstones for an Egalitarian Capitalism (Real Utopias Project)*. London, UK, Verso, 2006: 20–21.
34. van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Cambridge, Harvard University Press, 2017: 400.
35. Russel B. *Roads to Freedom: Socialism, Anarchism, and Syndicalism*, Allen & Unwin. London, UK, 1918: 118–119.
36. Ståhl C., MacEachen E. Universal Basic Income as a Policy Response to COVID-19 and Precarious Employment: Potential Impacts on Rehabilitation and Return-to-Work. *Journal of Occupational Rehabilitation*, 2020: 31: 3–6. DOI: 10.1007/s10926-020-09923-w.
37. Standing G. *Battling Eight Giants: Basic Income Now*. London: I.B. Tauris, 2020: 152.

38. Tobin J., Pechman J., Mieszkowski P. Is a Negative Income Tax Practical? Brookings Institution, Washington, D.C., USA, 1967: 27.

39. Zwolinski M. The Pragmatic Libertarian Case for a Basic Income Guarantee. *Cato Unbound: A Journal of Debate*, 2014. Accessed 01.07.2023. URL: <https://www.cato-unbound.org/2014/08/04/matt-zwolinski/pragmatic-libertarian-case-basic-income-guarantee>.

The article was submitted on: July 27, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav N. Bobkov, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher,
Head of Sector, Institute of Economic of RAS

ТЕМА НОМЕРА

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИДЕЯ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.3

EDN: ENCPAJ

Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода – понимание, мотивы, заблуждения¹

Ссылка для цитирования: *Андреенкова А. В.* Отношение российской молодежи к идее безусловного базового дохода – понимание, мотивы, заблуждения // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 38–61. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.3; EDN: AUUJRW.

For citation: Andreenkova A. V. Attitude of Russian Youth to the Idea of Unconditional Basic Income – Understanding, Motives, Misconceptions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 38–61. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.3; EDN: AUUJRW.

Андреенкова Анна Владимировна¹

¹Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

Anna.andreenkova@cessi.ru

AuthorID ПИНЦ: 259928

Аннотация. В последние годы начала широко обсуждаться идея безусловного базового дохода (ББД) как способа реформирования системы социального обеспечения. Для эффективного внедрения этой системы необходим высокий уровень общественного согласия, так как она затронет все социальные группы. По данным Российского социального исследования (РСИ) по программе Европейского социального исследования (ESS), поддержка ББД среди населения России – одна из самых высоких в Европе. Больше всего ББД поддерживает молодежь. На основе десятой волны РСИ проверены гипотезы об основаниях формирования отношения к ББД у молодежи России – утилитарно-прагматическая теория интересов, ценностная и гипотеза «уровня сформированности мнения». Обнаружены значимые различия во взглядах на отношении к ББД между гендерными группами, людьми с разным уровнем образования, экономического положения, разной структурой семьи, опытом безработицы и балансом работы и личной жизни. Среди ценностных факторов наибольшую связь с ББД показала поддержка мер по сокращению экономического неравенства и ценность независимости. Однако, в целом первые две гипотезы не могут убедительно объяснить феномен поддержки ББД среди молодежи. Результаты когнитивных интервью, проведенных в рамках национального опроса ЦЕССИ-Монитор, показали, что мнение о ББД среди молодежи в России пока

¹ Статья подготовлена в рамках темы "Запрос российских граждан на справедливое социальное государство" 123091200057-8 ЭИСИ / при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН.

слабо сформировано. Основную информацию о ББД большинство респондентов почерпнуло из самого названия концепция во время интервью. Положительное мнение о ББД возникло благодаря идее гарантированного дополнительного дохода, упомянутого названии. Такие аспекты как безусловность и всеобщность либо пока не нашли понимания, либо воспринимаются противоречиво. Те, кто смотрит на ББД как систему справедливого распределения природной ренты и национального богатства, относятся к идее всеобщности и равенства в распределении такого дохода положительно. Те, кто обращает внимание на то, что источником финансирования ББД являются налогоплательщики, воспринимают идею всеобщности и равенства без учета заслуг и потребностей отрицательно. В целом низкая информированность о ББД и слабая сформированность мнения ведет к тому, что оценки ББД в опросах существенно колебаться, устойчивость отношения к ББД низкая. Новые аргументы, разъяснения или уточнения могут существенно изменить картину. Говорить о глубокой поддержке идеи ББД среди молодежи России пока преждевременно.

Ключевые слова: безусловный базовый доход, система социального обеспечения, социальная справедливость, социальное государство, социальная политика, молодежь, общественное мнение, межстрановые сравнения

Безусловный базовый доход как ответ на современные вызовы реформирования социальной политики

Проблемы распределительной справедливости занимают одно из центральных мест в повестке дня многих стран, в том числе и России. Многие десятилетия страны европейского региона шли по пути постоянного расширения социального государства, системы перераспределения средств от более обеспеченных к менее обеспеченным группам с помощью государственного налогового регулирования и системы государственной социальной поддержки. Несмотря на определенные успехи, полностью удовлетворительными результаты этой политики назвать нельзя. Хотя в исторической перспективе достижением многих стран, в том числе и России, является уменьшение экономического неравенства между классами и другими большими социальными группами, индивидуальное неравенство остается на высоком уровне. Не исчезла из повестки дня и проблема бедности, низкого уровня и качества жизни [10]. Неудовлетворенность у населения вызывают разные аспекты социальной политики – высокая стоимость системы социального обеспечения, налоговая нагрузка, неравенство во вкладе и отдаче от системы, бюрократизированность, административные издержки. В России такую неудовлетворенность вызывает в первую очередь низкий размер социальных выплат. Глобальные изменения, которые затронули большинство европейских стран, в том числе изменения демографического состава населения, высокий уровень миграции, усложнение рынка труда – увеличение технологической безработицы, связанной с процессом цифровизации и автоматизации, прекаризация труда, множественность трудовых траекторий на протяжении жизни, также ведут к необходимости реформирования системы социального обеспечения.

В ответ на эти вызовы в последние годы началось обсуждение нового способа организации социального обеспечения – безусловного базового дохода (ББД) [7; 21]. Согласно этой концепции, каждый человек на протяжении всей жизни регулярно получает фиксированную сумму дохода от государства без каких-либо условий или предпочтений, в том числе независимо от уровня дохода, вклада в экономику, а также потребностей или жизненной ситуации (многодетность, безработица, болезни, старость). Идея ББД возникла более двухсот лет назад, однако внимание широких политических кругов и общественности разных стран она начала привлекать лишь в последнее десятилетие. Конкретных моделей ББД и предложений по ее модификации довольно много [16]. Идея ББД эволюционирует в процессе научных и общественных обсуждений, при попытках применить ее к конкретным социально-экономическим и культурным условиям, а также в зависимости от политических целей и убеждений ее сторонников. В некоторых вариантах ББД предполагается полный отказ от всех других социальных выплат, что должно привести к существенной экономии административных расходов по сравнению с нынешней системой. В других моделях ББД предполагается использовать как дополнение к существующей системе, применять только к отдельным группам населения или ограниченное количество времени [4]. В этом случае значительное количество преимуществ, которые предлагает эта система, теряется. Однако, более мягкие варианты реформирования социальной системы имеют больше шансов получить широкую поддержку и реализоваться.

Консолидация и раскол в общественном отношении к ББД в разных странах и поколениях

Эксперты и аналитики, обсуждающие вопрос ББД, сходятся во мнении, что эффективное внедрение этой системы невозможно без высокой степени общественного согласия, без того, чтобы она стала частью функционирующего общественного договора [8]. Достичь такого согласия пока не удалось ни в одной стране, хотя доля поддерживающих ББД во многих странах довольно высока [3]. Общественное отношение к ББД является внутренне противоречивым. Одно из противоречий состоит в том, что при высокой поддержке абстрактной идеи базового дохода, отношение к реальным политическим решениям, связанным с внедрением этой системы, в том числе к повышению налогов или сокращению существующих социальных выплат, скорее отрицательное [14; 23]. Другим мотивационным противоречием является то, что система ББД, одной из главных целей которой является решение проблемы технологической безработицы, больше всего поддерживается в тех странах, где технологическая безработица невелика, а уровень занятости высокий [19]. К таким странам относится и Россия. Особенности обсуждения ББД в России является акцент на решении проблемы бедности, повышении уровня жизни уязвимых групп населения

(исследования под руководством В. Н. Бобкова, см. [5]), а также экономические последствия введения ББД, «природной ренты» как источника финансирования такой системы [12].

По данным РСИ по программе ESS, поддержка ББД в России составила 65% в 2017г. и за последующие годы поднялась до 74% (рис. 1). При этом сохраняется тренд на более высокую поддержку ББД среди молодежи, чем среди других групп населения. Такая структура поддержки ББД характерна не только для России, но и для большинства других европейских стран.

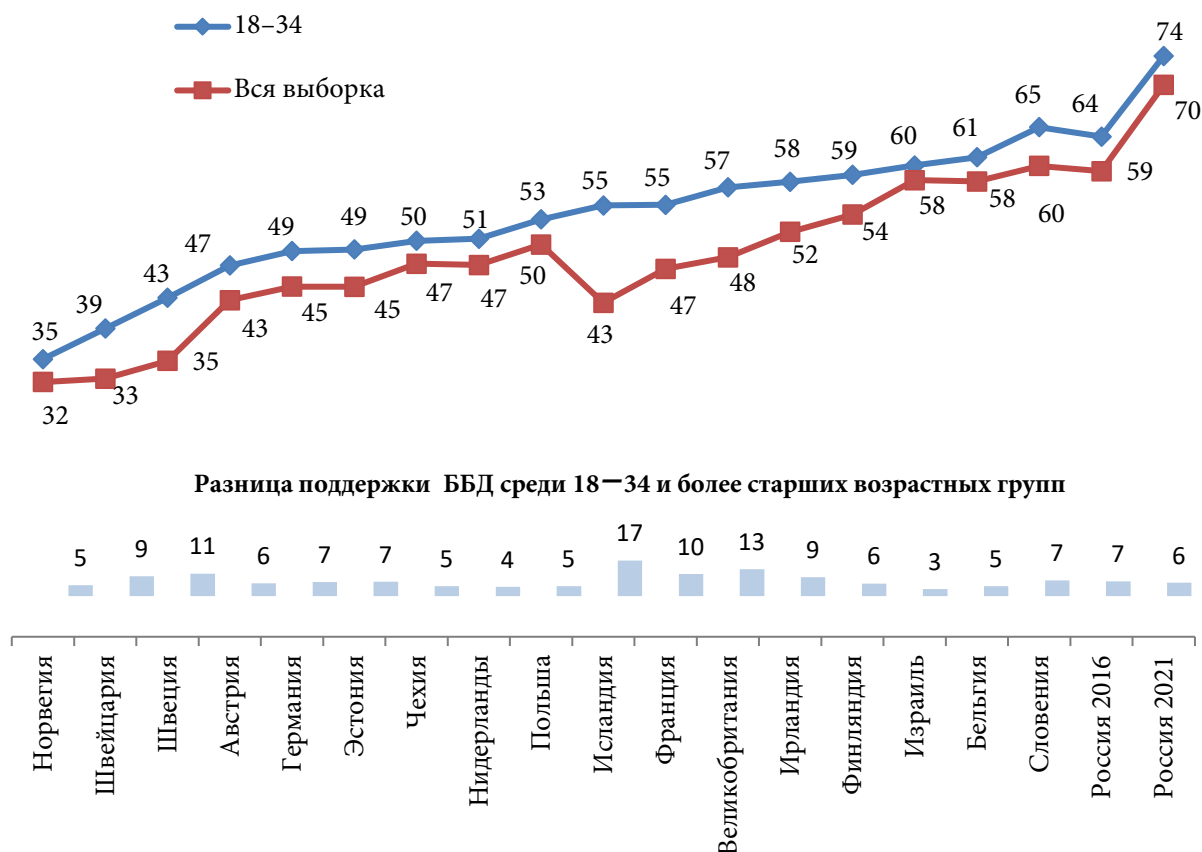

Рис 1. Поддержка ББД в России и странах Европы, %

Figure 1. Support for UBI in Russia and European countries, %

Источник: данные Российского социального исследования волна РСИ 8 и волна 10 (2017 и 2021 гг.) – национальные опросы населения РФ 15 лет и старше, проведенные ЦЕССИ по программе ESS методом личных интервью по месту жительства. Размер выборки в 2017 г. составил n = 2430, в 2021 г. – n = 2070 (www.ess-ru.ru). Данные по другим странам – ESS волна 8 на сайте www.europeansocialsurvey.com. Подсчеты автора.

По данным РСИ и ESS поддержка ББД среди молодежи выше, чем среди других групп населения, во всех 18 странах, включенных в исследование ESS в волне 8. Межгрупповые различия по возрасту статистически значимы во всех странах, кроме Израиля. Наиболее велики такие различия в странах с наибольшей поляризацией общественного отношения к ББД – в Швеции, Исландии и Великобритании. Наименьшие возрастные различия были обнаружены в Чехии, Нидерландах и Польше – странах с умеренной поддержкой ББД (среднеевропейский уровень), но также в Израиле и Бельгии – странах с высокой поддержкой ББД.

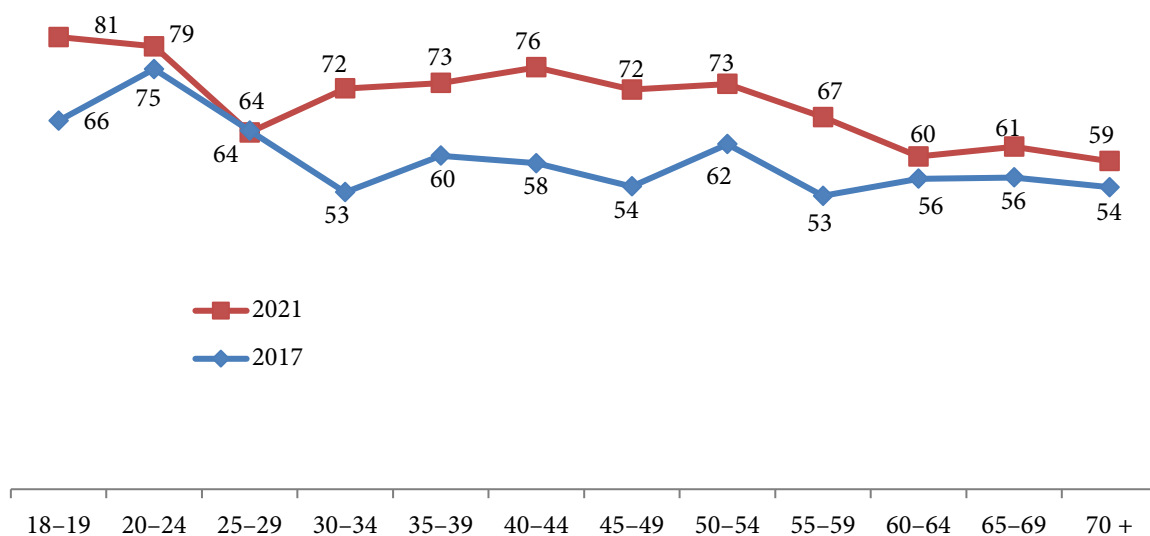

Рис 2. Динамика поддержки ББД в России по возрастным группам, %

Figure 2. Dynamics of support for UBI in Russia by age group, %

Источник: данные РСИ 8 (2017 г.) и волна 10 (2021 г.).. (www.ess-ru.ru). Подсчеты автора.

В России с 2017 до 2021 г. наблюдался существенный рост поддержки ББД (см. рис.1). При этом динамика отношения разных возрастных групп к этой идее неодинакова. Рост произошел в основном за счет увеличения поддержки ББД среди молодых групп населения (рис. 2). Положительное отношение к ББД россиян старше 60 лет выросло лишь немного, и может быть охарактеризовано как относительно стабильное.

Почему молодежь поддерживает ББД – гипотезы и методы исследования

Понимание причин и мотивов, на основе которых формируется отношение молодежи к идее ББД, особенностей понимания и ожиданий молодежи от этой системы позволит оценить уровень сформированности и устойчивости общественного мнения о ББД и сделать предположения о перспективах общественной поддержки ББД в будущем, когда новые поколения постепенно будут заменять старшие.

Привлекательность ББД для молодежи может иметь несколько оснований. Такое отношение может стать результатом рациональной оценки личного или группового выигрыша и проигрыша от введения системы, понимания своих интересов и соответствия ББД этим интересам (*прагматическо-утилитарная гипотеза*). Отношение к ББД может сформироваться на основе личных интересов, «примеряя» эту идею по отношению к себе, к своей семье или близким, возможные потери и то, что можно приобрести. Ведь именно молодые люди могут получить больше всего от введения ББД – среди них меньше всего регулярных получателей в рамках нынешней системы, они смогут воспользоваться преимуществами ББД для построения и корректировки своих жизненных планов и выбрать жиз-

ненную траекторию с учетом ББД. Однако, в случае финансирования ББД из налоговых источников, основное финансовое бремя ББД ляжет как раз таки на нынешних молодых. Отношение к идее ББД может стать результатом размышлений более высокого порядка – о выигрыше или проигрыше от ее введения для своей группы, «таких людей как я» – поколения, гендерной группы, социально-экономического или профессионального слоя. Согласно этой гипотезе основой отношения к ББД является прагматическая мотивация – эгоцентричная или группоцентричная.

Отношение к ББД может строиться на более глубоких ценностных основаниях – представлениях о справедливости, равенстве, воздаянии по заслугам, личной и коллективной ответственности, солидарности и благотворительной помощи (*ценностная гипотеза*).

Мнение о ББД может стать результатом особенностей понимания этой идеи на определенном временном этапе и в рамках конкретного социального и информационного контекста. Новая сложная социальная идея может отражаться в общественном сознании в сокращенном или одностороннем виде. Внимание может быть сконцентрировано на одной стороне идеи – либо наиболее очевидной, либо наиболее обсуждаемой, либо наиболее знакомой – напоминающей другие, уже известные понятия и концепции. При этом другие стороны или последствия идеи, понятные экспертам, широкой общественностью не всегда учитываются. Недостаток всесторонней информации и широкого обсуждения формируют представления о новой концепции, исходя из ее семантических характеристик, ключевых слов (*гипотеза уровня сформированности общественного мнения*). Если нынешние представления о ББД проистекают из такого семантически основанного понимания, поверхностной информации, то каждый новый штрих, дополнительная информация, могут существенно менять отношение или мнение обо всей идее. В этом случае общественное мнение о проблеме является нестабильным и меняется во времени.

Нельзя исключить, что три гипотезы, описанные выше, не являются взаимоисключающими, а либо дополняют друг друга, либо социально дифференцированы – описывают процессы, происходящие в разных социальных группах.

Для проверки гипотез используются данные двух волн РСИ – Российского социального исследования по программе ESS [1]. В волне 8 (2017) вопрос о ББД задавался во всех странах в рамках ротационного модуля «Установки по отношению к социальному обеспечению в изменяющейся Европе: солидарность под угрозой» (руководитель проф. W. van Oorshot) [17]. Размер выборки в России составил 2430 респондентов, из них 732 респондента 18–34 лет. В волне 10 (2021) такой же вопрос о ББД был включен только в РСИ, было опрошено 2070 респондентов, из них 572 в возрасте 18–34 лет.

Измерение отношения к новой и многокомпонентной концепции во многом зависит от формулировки вопроса. В РСИ использовался вопрос о ББД по методике ESS: *«В настоящее время в некоторых странах говорят о введении системы безусловного базового дохода. Я попрошу*

Вас выразить свое мнение относительно этой системы – Вы «против» или «за» нее. Вы были бы «против» или «за» введения безусловного базового дохода в России? Категории ответов: 1. Категорически против; 2. Против; 3. За; 4. Решительно за). На карточке перечислены основные положения этой системы: А) Государство ежемесячно выплачивает всем гражданам определенную сумму, которая позволяет оплачивать все основные расходы на проживание. Б) Эта система вводится вместо большинства нынешних выплат, льгот и социальных услуг. В) Цель заключается в обеспечении каждому прожиточного минимума. Г) Каждый человек получает одну и ту же сумму, независимо от того, работает он или нет. Д) Деньги, которые люди зарабатывают на работе или получают из других источников, остаются в их распоряжении. Е) Сама система финансируется за счет налогов».

Количественные методы, которые чаще всего применяются для оценки общественного отношения к ББД, распределения взглядов в обществе и их динамику мало говорят о мотивах и причинах отношения разных групп к этой идее. Качественные методы для изучения ББД пока используются в международной практике не часто, один из немногих примеров – исследование в Венгрии [18] и в Нидерландах [22]. Такая задача была поставлена в рамках проекта ЦЕССИ-Монитор 2023. В национальный опрос, проведенный по случайной выборке мобильных и стационарных номеров среди населения РФ 18 лет и старше (1000 респондентов), после вопроса об отношении к ББД был включен блок когнитивных вопросов. Среди них – вопросы о понимании ББД, логике формирования ответов на этот вопрос, цепочке рассуждений и аргументов, мотивах выбора той или иной позиции. Всего на когнитивные вопросы ответили 175 молодых респондентов от 18 до 34 лет.

Анализ данных. Причины и мотивы поддержки ББД среди молодежи в России

Комплексный анализ данных количественных опросов РСИ и результатов когнитивных интервью открывает возможности проверить все три описанные выше гипотезы – прагматически-утилитарную, ценностную и гипотезу уровня сформированности общественного мнения.

Для проверки первых двух гипотез использовался метод бинарной логистической регрессии на данных РСИ. Зависимой переменной выступало отношение респондентов к ББД (вопрос описан выше). Переменная преобразована из 4-балльной в дихотомическую – полностью или в целом «за» (1), полностью или в целом «против» (0). Затруднившиеся определить свое мнение не были включены в анализ. В качестве независимых переменных использовались показатели, связанные с личными или групповыми интересами, и показатели общих установок, ценностей и мировоззрения.

Интересы

В целом ряде исследований было показано, что отношение людей к разным формам социальной политики зависят от их фактических интересов или представлений о своих интересах [24]. Потенциальные «получатели» от введения конкретной социальной политики склонны поддерживать ее больше, чем те, кто к ним не относится. Хотя варианты реализации ББД могут быть разные, мы исходим из классического представления о том, что ББД заменит все или большинство других социальных выплат. В таком случае от введения ББД выиграют в первую очередь те, кто нуждается в такой поддержке в силу реального или потенциального (угрозы) социально-экономического положения, а также те, кто не получает или получает небольшое количество социальной помощи сейчас.

Гендер. Женщины могут быть склонны в большей степени поддерживать ББД, так как являются более уязвимой социальной группой. Такие результаты были получены в нескольких странах, например, в Японии [25]. Женщины чаще, чем мужчины заняты на рутинных низкооплачиваемых работах, проходят нелинейные профессиональные траектории с перерывами в трудовой деятельности или неполной занятостью из-за ухода за детьми, другими членами семьи, географической мобильности вслед за семьей. В результате, гарантированный доход отвечает их базовым интересам и потребностям в экономической безопасности. С другой стороны, женщины чаще, чем мужчины, получают различные социальные выплаты в молодом и среднем возрасте в рамках нынешней системы социальной поддержки (декретные, по уходу за ребенком и др.). Опасения или нежелание лишиться этих выплат может стать причиной негативного отношения молодых женщин к ББД.

Возраст. На отношение к ББД могут влиять как возрастные социально-психологические особенности (готовность к изменениям, позитивный взгляд на будущее, поддержка социальных инноваций), так и особенности жизненного цикла людей – потребности в социальной помощи при образовании семьи, на время обучения, начальных стадиях построения карьеры. Предположительно наибольшей поддержкой ББД будет пользоваться среди самых молодых групп, которые получают возможность учесть ББД при планировании своего жизненного пути – выборе профессии, места работы, типа трудового контракта, места жительства.

Экономическое положение. Одной из наиболее важных задач ББД является победа над бедностью. Потребности в ББД, предположительно, выше среди людей с низкими доходами и уязвимым социально-экономическим положением – риском бедности в будущем. Для людей с высокими доходами выгоды от ББД значительно меньше, чем для малообеспеченных групп, а потери могут быть существенными из-за увеличения налоговой нагрузки или сокращения государственных социальных программ, которыми эти люди пользуются. Такие результаты относительно стран Европы были получены Росма и ван Ооршотом [20]. В нашем анализе показателями экономического положения выступают субъективная

оценка дохода семьи (4-балльная шкала) и зависимость семьи от социальных выплат («Каков основной источник дохода Вашей семьи» – если названы пенсии, пособия, дотации, стипендии, то значение 1, остальные источники – 0).

Семьи с детьми. Семьи с детьми находятся в более уязвимом положении, чем семьи, состоящие только из взрослых, и поэтому больше нуждаются в помощи. Однако, такие семьи уже получают разные виды социальной поддержки и могут бояться или не хотеть ее потерять. С другой стороны, размер нынешних социальных выплат вызывает большое неудовлетворение и производится только на одного члена семьи, в то время как ББД должно выплачиваться всем. Состав семьи может стать значимым фактором при формировании отношения к ББД, но направление этого влияния заранее трудно определить.

Образование. Уровень образования также может по-разному повлиять на формировании мнения о ББД. С одной стороны, в ББД заинтересованы люди с низким уровнем образования как более материально уязвимые, в соответствии с «гипотезой интересов». С другой стороны, людям с высоким уровнем образования легче увидеть возможности, которые открывает ББД – построение сложной профессиональной траектории, распределение жизненного времени, выбор профессии. Образованные группы могут в большей степени оценить и риски, связанные с ББД для рынка труда, налоговой нагрузки, в морально-этических аспектах. В анализе использовался показатель уровня образования – высшее, среднее профессиональное, общее среднее и ниже среднего.

Положение на рынке труда. Предположительно в ББД наиболее заинтересованы те группы молодых россиян, которые либо находятся в нестабильном положении на рынке труда, потеряли или могут потерять работу, работают на низкооплачиваемых, тяжелых, рутинных работах, не имеют гарантированного заработка, либо хотели бы быть более свободными в выборе рабочих часов, регулировать баланс рабочего и свободного времени [13]. В анализ включены переменные: опыт безработицы (вопрос «Приходилось ли Вам когда-либо быть без работы и искать работу дольше трех месяцев?»); виды труда на нынешней или последней работе – рутинный ручной труд, работа в сфере услуг, умственный, управленческий или творческий труд; тип трудового контракта – постоянный (бессрочный) или временный, сдельный, неофициальная занятость; баланс работы и личной жизни («Как часто Вы чувствуете, что из-за работы не можете посвятить семье или партнеру столько времени, сколько Вам хотелось бы? – 6-балльная шкала преобразована в 3-балльную – никогда или редко, иногда, часто или постоянно).

Ценности

Согласно «ценностной гипотезе» отношение к ББД формируется на основе базовых жизненных ценностей и социально-политических установок. Предполагается, что поддержка ББД выше среди тех, кто высоко ценит

равенство и безопасность, и ниже среди тех, кто ценит материальное превосходство – богатство и независимость. В анализ включены четыре вопроса из шкалы ценностей Ш. Шварца («Насколько похож такой человек для Вас»): ценность богатства («Для него важно быть богатым. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей»); ценность равенства возможностей («Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни»); ценность безопасности («Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности») и ценность независимости («Для него важно самому принимать решения»). Каждый пункт оценен как высокая ценность (очень или в значительной степени похож на меня), средняя (немного или совсем чуть-чуть похож) или низкая (не похож или совсем не похож). Также включен вопрос о поддержке мер по сокращению экономического неравенства («Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми», шкала согласия-не согласия от 1 до 5).

Партийные предпочтения. Хотя концепция ББД не имеет строгой идеологической привязки и находит сторонников/противников среди политиков разных политических ориентаций [15; 9], можно предположить, что в России более сильную поддержку ББД окажут сторонники «левых», прокоммунистических или про-социалистических взглядов. Партийные предпочтения для анализа определялись по ответам на вопросы «За какую партию Вы проголосовали на выборах в Госдуму в сентябре 2016 года?» и «Какая партия наиболее близка Вам по политическим взглядам?». Если хотя бы в одном из этих вопросов были названы партии КПРФ, Справедливая Россия, Коммунисты России или Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, то показателю присваивается значение «поддержка левых партий». Если в этих вопросах названы «Яблоко», «Парнас», «Партия роста», то присвоено значение «поддержка демократических партий».

Оценка системы социального обеспечения. На мнение о переходе к ББД, подразумевающем коренное реформирование нынешней системы социального обеспечения, может оказать влияние оценка нынешней системы социального обеспечения. Чем менее удовлетворены респонденты нынешней системой, тем больше они могут поддерживать альтернативные варианты. В качестве показателя использовался вопрос «Насколько Вы удовлетворены работой нынешней государственной системы социального обеспечения в России?» (шкала 0–10 преобразована в 3-балльную: «удовлетворен» (6–10), «не удовлетворен» (0–4), «посередине» (5)).

Для анализа использовался метод бинарной логистической регрессии. Он позволяет не только оценивать вклад каждого параметра в общую модель, но также определить различия между категориями этих параметров в отношении зависимой переменной. Значение *odd ratio* выше 1 означает, что группа в большей степени поддерживает ББД, чем референтная группа (выбрана для каждого параметра), если значение меньше 1, то поддержка меньше, чем в референтной группе.

Таблица 1 (Table 1)

**Влияние факторов интересов и ценностей на отношение к ББД
среди молодежи России**
*The influence of factors of interests and values on attitudes towards UBI
among Russian youth*

Параметр	Категории	Размер выборки	Odds Ratio	B	Значимость	Стандартная ошибка
Пол	Мужчина	290	0,57	-0,56	**	0,28
	Женщина	253				
Возраст	В годах	543	1,01	0,01		0,03
Субъективный доход						
	Нет материальных трудностей	60	0,97	-0,03		0,52
	Дохода в принципе хватает	222	1,19	0,17		0,42
	На такой доход жить трудно	185	1,51	0,41		0,42
	Жить очень трудно	61				
Зависимость от социальных выплат						
	Не зависит	483				
	Зависит	60	0,61	-0,50		0,43
Дети младше 14 лет в семье						
	Есть	206	0,63	-0,46	*	0,28
	Нет	337				
Образование						
	Высшее или больше	156	0,44	-0,82	*	0,42
	Среднее профессиональное	170	0,73	-0,31		0,37
	Начальное профессиональное	78	1,00	0,00		0,46
	Средняя школа или меньше	140				
Опыт безработицы						
	Есть	177	1,49	0,40		0,27
	Нет	366				
Виды труда						
	Ручной труд	154	1,06	0,05		0,73
	Базовые услуги/ торговля	86	2,15	0,76		0,76
	Офисная работа	40	2,16	0,77		0,86
	Профессиональные услуги	32	4,47	1,50		0,93
	Специалисты	54	0,89	-0,12		0,78
	Управленческий	11	2,10	0,74		1,02
	Никогда не работал	148				
Тип трудового контракта						
	Постоянный (бессрочный)	202	0,79	-0,24		0,57
	Временный или вообще нет	157	1,07	0,07		0,60
	Не работает	176				

Продолжение таблицы 1

Параметр	Категории	Размер выборки	Odds Ratio	B	Значимость	Стандартная ошибка
Баланс работы и личной жизни						
	Не испытывают дисбаланс (никогда или редко)	119	0,49	-0,71	*	0,40
	Испытывают иногда	89	0,70	-0,36		0,45
	Часто или постоянно	77	0,32	-1,14	***	0,43
	Нет работы или личной жизни	253				
Ценность богатства						
	Высокая	83	1,28	0,25		0,38
	Средняя	232	1,10	0,10		0,27
	Низкая	227				
Ценность равенства возможностей						
	Высокая	145	0,62	-0,48		0,39
	Средняя	301	1,13	0,13		0,35
	Низкая	96				
Ценность безопасности						
	Высокая	179	1,80	0,59	*	0,35
	Средняя	236	1,68	0,52	*	0,31
	Низкая	128				
Ценность независимости						
	Высокая	192	0,61	-0,50		0,40
	Средняя	280	0,81	-0,21		0,39
	Низкая	71				
Поддержка мер по сокращению экономического неравенства						
	Поддерживает	342	2,11	0,75	**	0,37
	Посередине	150	1,97	0,68	*	0,41
	Против	51				
Партийные предпочтения						
	Левые партии	47	1,30	0,27		0,44
	Продемократические партии	40	1,03	0,03		0,46
	Другие партии или нет партийных предпочтений	456				
Удовлетворенность нынешней системой социального обеспечения						
	Не удовлетворен	277	0,81	-0,21		0,29
	Удовлетворен	105	0,57	-0,57		0,37
	На среднем уровне	161				
	Константа			1,48		0,98
	LR chi2(8)		3,34			
	Pseudo R ²		0,175			
	Размер выборки	543				

Примечания. Значимость (вклад в общую модель) B – ***на уровне 0,01; **на уровне 0,05; *на уровне 0,1.

Источник: РСИ волна 10, подгруппа 18–34 года, подсчеты автора, к данным применен постстратификационный вес.

Подтвердилось предположение о более высокой поддержке ББД среди женщин, чем среди мужчин – *odd ratio* для мужчин существенно меньше 1 (табл. 1). Уязвимость группы в настоящий момент, вероятно, более важна, чем оценка потенциальных шансов на включение в систему социальной поддержки новых менее нуждающихся групп. Возрастные различия внутри группы молодежи оказались статистически не значимы.

Материальное положение оказывает довольно большое влияние на отношение к ББД среди молодежи – поддержка существенно выше среди малообеспеченных групп. Значимым фактором является образование – ББД поддерживают в наибольшей степени люди с базовым уровнем образования (средняя школа или ниже) или начальным профессиональным. В группе людей со средним профессиональным образованием поддержка существенно ниже, а среди людей с высшим образованием оно самое низкое.

В отличие от других параметров уязвимости, наличие в семье детей не ведет к увеличению поддержки ББД, а наоборот. В данном случае боязнь потерять выплаты, предоставляемые нынешней системой социального обеспечения, очевидно, перевешивает надежды на гарантированный базовый доход для всех.

Иначе выглядит ситуация со стороны другой уязвимой группы, тоже включенной в нынешнюю систему социального обеспечения – безработных. Люди, которые на протяжении своей трудовой жизни имели опыт безработицы, склонны в большей степени поддерживать ББД, чем те, кто не имел такого опыта. Условия и размер поддержки безработных в нынешней социальной системе таковы, что опасения потерять такую поддержку невелики, и поддержка альтернативной системы высока.

Трудовые отношения, в которых респондент находится, оказывают определенное влияние на отношение к ББД. Молодые респонденты, которые состоят в защищенных и стабильных трудовых отношениях (постоянный бессрочный контракт) поддерживают ББД меньше, чем те, кто находится в более нестабильных трудовых отношениях (временный контракт) или вообще не работают. Респонденты видят достоинства ББД в удовлетворении потребности в экономической безопасности в случае нестабильной занятости. Среди молодых россиян, занятых разными видами труда, наибольшую поддержку введение ББД имеет среди работников сферы услуг и торговли, офисных служащих. Меньше всего его поддерживают наиболее квалифицированные специалисты. Баланс работы и личной жизни является важным фактором, связанным с отношением к ББД. Респонденты, которые испытывают наиболее серьезный дисбаланс, выказывают поддержку значительно больше, чем те, у кого рабочее и личное время более гармонично согласуются между собой (см. табл. 1).

Ценностные факторы, включенные в анализ, показывают еще более сложную картину. Высокая ценность богатства, которая согласно теоретическим предположениям, должна вести к уменьшению поддержки ББД, напротив, оказалась связана с положительным мнением о выплате. Считающие себя приверженцами идеи богатства, поддержи-

вают ББД больше, чем люди, не ценящие богатство. Столь же неожиданный результат был получен в отношении ценности равенства возможностей – больше всего ББД поддерживают те, для которых эта ценность не очень важна. Однако, показатель ценности экономического равенства (поддержка мер по сокращению экономического неравенства в обществе) очень значим для определения отношения к ББД – люди с высокой поддержкой таких мер с большим одобрением относятся к ББД, чем противники. Показатель ценности безопасности ведет себя в соответствии с теоретическими предположениями – поддержка существенно выше у тех, кто высоко ценит безопасность, чем среди тех, для которых она не столь значима. Ценность независимости обратным образом связана с отношением к ББД – более позитивно к этой идее относятся люди, которые не очень высоко ценят независимость.

Политические предпочтения молодых россиян, выраженные через партийный выбор, показывают определенную связь с ББД – сторонники «левых» партий (КПРФ, Справедливая Россия) в большей степени поддерживают ББД, чем сторонники продемократических партий, других политических сил или не имеющих определенных партийных предпочтений. Однако, эти выводы нужно принимать с осторожностью, так как размер групп сторонников разных партий в выборки РСИ очень невелик.

Оценка функционирования нынешней системы социального обеспечения связана с поддержкой ББД в ожидаемом направлении – те, кто удовлетворен нынешней системой, поддерживают ББД меньше других. Однако, респонденты, которые не удовлетворены нынешней системой, поддерживают ББД меньше, чем те, кто занимают промежуточную позицию в своих оценках.

Среди всех факторов, связанных с групповыми интересами и включенных в общую модель, наибольшее влияние на отношение молодых россиян к ББД оказывают принадлежность к разным гендерным группам, образование, баланс работы и личной жизни и структура семьи, ценность экономического равенства и ценность независимости. Однако, в целом, ни гипотеза прагматических интересов, ни ценностная гипотеза не позволяют в полной мере убедительно объяснить причины формирования отношения к ББД, объяснительная сила общей модели невелика. Эти две гипотезы не являются взаимоисключающими, но дополняют друг друга. ББД находит поддержку среди тех молодых россиян, которые находятся в уязвимом положении в экономическом, трудовом и социальном плане, и в отношении которых защита нынешней системы социальной поддержки либо не обеспечена, либо недостаточна, то есть призвана удовлетворять личные и групповые потребности. На отношение к ББД также влияют ценности и мировоззрение людей, независимо от их потребностей и утилитарных причин. Основными при формировании позитивного отношения к ББД являются ценности экономического равенства, левые идеологические взгляды, при формировании негативных взглядов – ценности независимости и равенства возможностей.

Уровень сформированности мнения о ББД, источники информации и понимание – когнитивное тестирование

Важными факторами при формировании мнения о новом социальном явлении или новой социальной политике, такой как введение ББД, могут служить не только представления о личных и/или групповых интересах и потребностях и общее мировоззрение и ценности, но также информационные и когнитивные аспекты восприятия новых идей и понятий. Когнитивные интервью показали, что практически все респонденты, участвовавшие в опросе, услышали о ББД в ходе опроса впервые. Результаты когнитивных интервью мы анализируем в рамках качественной методологии – определяя основные тенденции и главные мысли, используем метод классификации и группировки, приводим примеры конкретных высказываний респондентов с иллюстративными целями. Данный анализ не подразумевает точных количественных оценок, хотя и основан на респондентах из случайной вероятностной выборки.

Вся информация о ББД была получена респондентами из самого вопроса – семантической составляющей названия идеи и предложенного объяснения. Декодируя информацию, заложенную в названии идеи, основное внимание респондентов привлекли слова «базовый доход». На слово «безусловный» респонденты обращали меньше внимания, оно было менее понятно. Лишь небольшая часть респондентов восприняли ББД как новую или уникальную идею. Большинство старались соотносить ее с уже известными им концепциями – равными заработками («одинаковая зарплата», «фиксированная зарплата») или с «минимальным прожиточным минимумом». При понимании ББД как системы минимальной поддержки она вызывала положительное отношение, при понимании ее как уравнивания доходов – чаще негативное.

Помимо названия концепции респондентам зачитывали описание этой идеи (шесть пунктов, описанных выше). Основное внимание было приковано к ключевому слову «выплаты», говорившее респондентам, что речь идет о дополнительных деньгах, это воспринимается однозначно позитивно:

«Собираются выплачивать помимо зарплаты еще определенную сумму какую-то? Тогда, конечно, за. Все люди, наверное, будут за» (жен., 26 лет, в декрете, село, Дальний Восток)

«Мне кажется, не помешал бы доход еще» (жен., 34 года, безработная, село, Западная Сибирь)

Большинство понятий, использованных в описании концепции ББД, в целом воспринимались респондентами как положительные, особенно «выплаты», «доход». Поэтому, несмотря на очень слабое или отсутствующее понимание концепции, респонденты оценивали свое отношение позитивно, выражали «поддержку». В выдвигаемом предложении респонденты видели общее направление в расширении социальной помощи и поэтому в целом оценивали это позитивно, как и любой другой вид уве-

личения социальной поддержки. Сомневающиеся респонденты или те, кто мало понял вопрос, выбирали ответ «поддерживаю», а не уход от ответа («затрудняюсь ответить»), что во многом объясняет высокую поддержку ББД в целом:

«Я не знаю, что это. Но я «за». Хотя не знаю, насколько это правильно». (жен., 34 года, работает, малый город, Юг РФ)

«Сложный вопрос. Пожалуй, наверное, за» (муж., 35 лет, работает, средний город, Поволжье).

«Я об этом ничего не слышал. Впервые слышу. Если это будет для людей? Конечно, положительно отношусь» (муж., 33 года, работает, Москва)

«Не совсем понял, но пусть будет «за» (муж., 24 года, работает, Санкт-Петербург).

Как и в случае с названием ББД, лишь небольшая часть респондентов обратили внимание на идею «безусловности» – «одинаковые выплаты независимо от любых критериев», а также источник финансирования системы – «за счет налогов». При этом те, кто обратили внимание на эти аспекты, оценили свое отношение к идее ББД как негативное.

Объясняя свой выбор в поддержку ББД, рационализируя его, респонденты выдвигали три основных мотива. Все они имели ценностную основу, соотносились с социально-политическими установками и взглядами респондентов на справедливое устройство общества и распределительную справедливость.

Мотив 1. Поддержка идеи распределения национального дохода равным образом между людьми. Респонденты соотносили идею ББД с идеей «национальной ренты», принятой в ряде стран. И такой вариант распределения национального богатства получал поддержку, воспринимался как справедливый и подходящий для России:

«Это касается абсолютно всех людей? То есть, мы зарабатываем всей страной X количество денег и этот X мы делим на количество людей? Было бы отлично! Лодырей, конечно же, развелось бы, но звучит прикольно!» (муж., 23, работает, средний город, Центральный регион)

«Если я не ошибаюсь, в Норвегии есть такой социальный закон: все норвежцы получают социальные выплаты с продаж недр. Получают все жители эти деньги. Почему россияне не получают с продажи газа и нефти никаких денег? МРОТ, который 13 000, – не знаю как на него прожить» (муж., 19 лет, работает, село, Юг РФ).

«Решительно «за». Почему в Арабских Эмиратах, многих странах так делают, а в России такая куча ресурсов и непонятно куда все эти деньги уходят! Пусть хоть часть этих денег идет на счета граждан, а они сами решат, тратить ли их на благотворительность, либо тратить их на себя» (муж., 35 лет, работает, Москва)

Мотив 2. Поддержка равенства доходов как таковых, отсутствия материального неравенства:

«Вообще я за единообразие, чтобы всем все было поровну и одинаково. Почему те, кто сидят у власти, руководство получают огромные деньги, а тот, кто работает больше, дольше, получает меньше? Это же неправильно» (муж., 32 года, работает, малый город, Поволжье)

«Я думаю, что все люди равны. Я думаю, что я «за». (муж., 28 лет, работает, малый город, Северный Кавказ,)

«Если каждый житель в России будет получать одинаковое количество денег за то, что они просто существуют в России, даже не важно работает или не работает, то я «за». (муж., 22 года, учится, средний город, Северный Кавказ)

«Чтобы был одинаковый у всех доход и на это можно жить? Конечно, «за». (жен., 35 лет, работает, село, Северо-Запад)

Мотив 3. Гуманитарные мотивы – поддержка людей в трудных жизненных ситуациях:

«Я скорее «за». Если люди работать не могут, они могли бы хоть как-то жить, пить-есть, за квартиру платить» (муж., 34 года, работает, средний город, Центральный регион)

Объяснение выбора противников ББД более разнообразны, и включают как мировоззренческие аргументы и мотивы, так и прагматические, а также возможные негативные социальные последствия.

Мотив 1. Не поддерживают равенство выплат при неравном вкладе:

«Это все работают по-разному и всем одну сумму выплачивают, так что ли? Я против» (муж., 30 лет, работает, Москва)

«Независимо от его деятельности? Я категорически против. Это Замятин «Мы», ей богу». (жен., 31 год, работает, Санкт-Петербург)

«Если каждому будет выплачиваться – смысл? Кто-то будет работать, бедолажка, а кто-то сидеть. Я против». (муж., 34 года, работает, Москва)

«Бомж, который ничего не делал, получит, скажем, 15 тысяч, и человек, который проработал на заводе 30 лет, тоже получает 15 тысяч. Нет, это не катит» (муж., 24 года, работает, областной центр, Поволжье)

«Есть люди, которые работают, допустим, 30 лет, пашут. И есть человек, который работал год. Должна же быть разница!» (жен., 35 лет, работает, малый город, Восточная Сибирь)

«Я, наверное, все-таки буду против. Почему люди-тунеядцы будут получать эти деньги?» (муж., 32 года, работает, малый город, Юг РФ)

Мотив 2. Социальные последствия. Приведет к сокращению занятости, люди бросят работать:

«Конечно, против, все перестанут работать» (муж., 33 года, работает, малый город, Центральный регион)

«Категорически против. Алкашей мало?» (муж., 28 лет, работает, областной центр, Урал)

«Если человеку будут платить, то он вообще перестанет что-либо делать. И к чему мы придем? Я не против того, чтобы платить людям, которым это реально необходимо. Но не всем» (муж., 31 год, работает, малый город, Поволжье).

Мотив 3. Предположение, что размер выплат будет слишком мал, в результате система не будет иметь смысла. Респонденты высказывали недоверие к органам власти, которые будут заниматься организацией системы ББД, и тому, что выплата будет достаточного размера, а не аналогом «минимального» прожиточного минимума, который не соответствует даже базовым потребностям:

«Если выплата будет равна МРОТу, то это никакого смысла» (муж., 24 года, работает, областной центр, Поволжье)

«Это зависит от суммы, которую они будут выплачивать. Возможно, это будет круто, но по факту – нет, у нас так не будет» (жен., 25, работает, Москва).

Мотив 4. Прагматические опасения, что сумма ББД будет меньше, чем сумма некоторых нынешних социальных выплат, например, декретных:

«У нас минимальная жизненная выплата, минималка – что-то около 15–20 тысяч руб., насколько я помню. А есть выплаты, например, инвалидам, первая группа – не может ходить, передвигаться, ему выплачивают по 30 тыс. руб. Значит, им столько платить уже не будут? Это неправильно» (муж., 21 год, работает, областной центр, Восточная Сибирь).

Респонденты очень редко упоминали или рассуждали о возможных последствиях введения ББД для себя, своей судьбы, выбора жизненного пути. Новые возможности, которые открывает такая система пока осознаются мало.

Сравнение когнитивных ответов проводится в качественном формате как направление мнений без оценок частоты. Молодые участники опроса в большей степени готовы переменам, более позитивно относятся к изменениям в целом, чем старшие. Респонденты старшего возраста высказали больше опасений и недоверия любым изменениям и предпочитают status quo, даже если он их не очень удовлетворяет. Молодые россияне, судя по их высказываниям в глубинных интервью, с большей готовностью принимают идею равных безусловных выплат, чем старшие группы, для которых основными являются выплаты по заслугам или по потребностям. У старших россиян мотив прагматических интересов звучит значительно чаще, чем среди молодых, они воспринимают ББД как возможную

угрозу их нынешним социальным выплатам. Размер нынешних социальных выплат, определение минимального прожиточного минимума является одной из наиболее острых проблем в системе социального обеспечения. Расширение базы выплат, в случае ББД – до всеобщей, может привести к уменьшению выплат тем, кто их уже получает, в частности, пенсионеров. Такие опасения возникают молодые россияне – в основном родители маленьких детей.

Выводы

Молодые россияне проявляют высокий интерес к развитию социального государства и системы социальной поддержки. Молодежь заинтересована и готова поддержать новые идеи в этой области, в том числе ББД. Однако высокие показатели поддержки ББД, которую фиксируют опросы, не должны вводить в заблуждение. Мнение о выплате и среди молодежи, впрочем, и среди людей более старшего возраста в России еще не полностью сформировано и не является стабильным. Общий позитивный настрой к этой идее может легко измениться в зависимости от новых аргументов, разъяснений или уточнений.

В настоящий момент ББД получает поддержку молодых россиян в основном благодаря идее о дополнительных выплатах от государства. Молодежь осознает, насколько уязвимыми являются многие группы населения нашей страны, в том числе они сами, и ищут поддержки именно со стороны системы социального обеспечения. Идея равенства и безусловности выплат базового дохода значительно более сложна и воспринимается противоречиво, в зависимости от контекста. Если ББД представляется системой справедливого распределения природной ренты или национального богатства, то отношение к идее равенства и безусловности в распределении позитивно, в пользу ББД. Если идея ББД предстает как способ изменения системы социальной поддержки, то идея равенства выплат без учета вклада вызывает скорее отторжение.

Структурный анализ групп с разными интересами показал, что личная уязвимость является значимым фактором при формировании отношения к ББД (опыт безработицы, низкое образование, низкие доходы). Однако, здесь заложено и противоречие. Большинство уязвимых групп уже получают определенную поддержку со стороны социальной системы и главным становится вопрос о размере выплат, а не их типе и условиях, соотношении нынешних и будущих выплат и готовности «разделить» эти выплаты с другими. Идеи социальной солидарности, распространения социальной помощи на всех лишь за сам факт принадлежности к обществу, пока большого сочувствия ни у молодых, ни у более старших россиян не вызывает. Поддержка ББД не обязательно объясняется поддержкой его универсального и безусловного характера, а зачастую лишь как возможность получить гарантированный минимальный доход тем, кто нуждается. Сходные результаты были получены и на примере стран Европейского Союза [Roosma, van Oorschot, 2020].

Влияние ББД на расширение возможностей для гибких профессиональных траекторий, выбора жизненного пути пока не конца осмыслена и понята в среде российской молодежи. О таких последствиях ББД упоминаются респондентами редко, что может объясняться тем, что название идеи, которое является пока основным источником информации, не помогает в расшифровке концепции таким образом, а количество информационных материалов по этим аспектам ББД в средствах массовой информации очень невелико. В отношении источников финансирования очень дорогостоящей системы ББД молодые россияне готовы были бы поддержать содержание системы за счет перераспределения доходов от сверхбогатых людей, «олигархов», либо «национальной ренты» на природные ресурсы и доходы от крупных государственных корпораций. Гражданский вариант ББД за счет увеличения налогов всех граждан поддержки не находит.

Несмотря на эти ограничения, позитивное отношение молодежи к идее ББД даже в абстрактной форме может сыграть существенную роль в определении будущей стратегии развития системы социального обеспечения в России. Принимая участие в обсуждении ББД, молодые граждане имеют возможность оценить разные сценарии будущего, сказать свое слово о том, каким они видят социальное государство, чего ждут от него и какой вклад готовы внести сами.

Библиографический список

1. Андреенков В. Г. Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях // Россия в Европе / Под ред. А. В. Андреенковой, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 13–46. EDN: DFTWPX.
2. Андрееenkova А. В. В поисках справедливой системы социального обеспечения – динамика отношения российского общества к безусловному базовому доходу // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 3. С. 38–56. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9150; EDN: CNAGAQ.
3. Андрееenkova А. В. Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013216250008321-6; EDN: FFFAHV.
4. Бобков В. Н., Золотов А. В., Одинцова Е. В. Переходные формы безусловного базового дохода как реальная перспектива России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 33–47. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2; EDN: ZFQQEK.
5. Бобков В. Н., Антипов В. И., Колмаков И. Б., Павлова В. В. Переходные формы безусловного базового дохода и варианты инструментария для тестирования в России на примере безработных // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 5. С. 69–84. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-5-69-84; EDN: STVVHG.

6. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Черных Е. А. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: постановка проблемы и введение в анализ // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 13–27. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-12; EDN: OVVDSDG.
7. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ВШЭ, 2020. 440 с.
8. Гонтмахер Е. Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // *Экономическая политика*. 2019. № 2. С. 156–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177; EDN: ZEUZML.
9. Давыдов Д. Безусловный доход: от «левых» ожиданий к «правому» воплощению // *Свободная мысль*. 2016. № 2. С. 15–26. EDN: VSXSTF.
10. Лапин Н. И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // *Социологические исследования*. 2018. № 8. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250000758-6; EDN: YCNEKD.
11. Универсальный базовый доход: шанс для России? / Отв. ред. В. Н. Бобков. Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022; EDN: PDLTFU.
12. Черных Е. А. Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 4. С. 70–84. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10083; EDN: FDUAYC.
13. Cardone P. E. Public opinion towards a universal basic income in Europe // *The Italian Journal of Economic, Demographic and Statistical Studies, SIEDS*. 2021. Vol. 75(4). P. 97–107, October-D.
14. Chrisp J., Pulkka V. V., Rincón L. M. Snowballing or wilting? What affects public support for varying models of basic income? // *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2020. Vol. 36(3). P. 223–236. DOI: 10.1017/ics.2020.28.
15. Chrisp J., Martinelli L. Neither left nor right // *The Palgrave international handbook of basic income*. Palgrave Macmillan, 2019. P. 477–492. DOI: 10.1007/978-3-030-23614-4_24/
16. de Wispelaere J., Stirton L. The many faces of universal basic Income // *The Political Quarterly*. 2004. Vol. 75. No. 3. P. 266–274. DOI: 10.1111/j.1467-923X.2004.00611.x/
17. ESS Round 8: European Social Survey. ESS-8 2016 Documentation Report. Edition 2.2. Bergen, European Social Survey Data Archive, Sikt – Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, Norway for ESS ERIC. 2020. DOI: 10.21338/NSD-ESS8-2016.
18. Herke B., Vicsek L. The attitudes of young citizens in higher education towards universal basic income in the context of automation – A qualitative study // *International Journal of Social Welfare*. 2022. Vol. 31(2). P. 1–13. DOI: 10.1111/ijsw.12533.

19. Kozák M. Cultural productivism and public support for the universal basic income from a cross-national perspective // *European Societies*. 2021. Vol. 23(1). P. 23–45. DOI: 10.1080/14616696.2020.1758741.

20. Roosma F., van Oorschot W. Public opinion on basic income: Mapping European support for a radical alternative for welfare provision // *Journal of European Social Policy*. 2020. Vol. 0(2). P. 190–205. DOI: 10.1177/0958928719882827.

21. OECD. Basic income as a policy option: Can it add up? Policy brief on the future of work. Paris: OECD, 2017.

22. Rossetti F., Roosma F., Laenen T., Abts K. An unconditional basic income? How Dutch citizens justify their opinions about a basic income and work conditionality // *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2020. Vol. 36(3). P. 284–300. DOI: 10.1017/ics.2020.15.

23. Stadelmann-Steffen I., Dermont C. Citizens' opinions about basic income proposals compared – A conjoint analysis of Finland and Switzerland // *Journal of Social Policy*. 2020. Vol. 49(2). P. 383–403. DOI: 10.1017/S0047279419000412.

24. Svallfors S. Contested Welfare States: Welfare Attitudes in Europe and Beyond. Stanford University Press, 2012.

25. Yang J., Mohan G., Fukushi K. An Analysis of the Factors Influencing Public Attitudes toward Implementing Basic Income (BI) from an Individual Perspective: A Case Study of Hokuriku Region, Japan // *Societies*. 2020. 10. 52. DOI:10.3390/soc10030052.

Получено редакцией: 05.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреенкова Анна Владимировна, доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.3

Attitude of Russian Youth to the Idea of Unconditional Basic Income – Understanding, Motives, Misconceptions¹

Anna V. Andreenkova

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia

E-mail: Anna.andreenkova@cessi.ru

ORCID: 0000-0002-6776-7703

For citation: Andreenkova A. V. Attitude of Russian Youth to the Idea of Unconditional Basic Income – Understanding, Motives, Misconceptions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 38–61. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.3; EDN: AUUJRW.

¹ The article was prepared within the framework of the theme "Russian citizens' request for a just social state" 123091200057-8 EISI / with the support of the Ministry of Education and Science in INION RAS.

Abstract. In recent years, the idea of a universal basic income (UBI) has begun to be widely discussed as a way to reform the social security system. For the effective implementation of this system, a high level of public consent is required, since it will affect all social groups. According to the Russian Social Survey (RSI) under the ESS programme, support for UBI among the Russian population is one of the highest in Europe. Most of all, UBI is supported by young people. Based on the tenth wave of RSI, hypotheses about the grounds for the formation of attitudes towards UBI among Russian youth were tested – the utilitarian-pragmatic theory of interests, the value theory and the “level of opinion formation” hypothesis. Significant differences were found in attitudes towards UBI between gender groups, people with different levels of education, economic status, different family structure, experience of unemployment and work-life balance. Among the value factors, support for measures to reduce economic inequality and the value of independence showed the strongest relationship with a UBI. However, in general, the first two hypotheses cannot convincingly explain the phenomenon of support for UBI among young people. The results of cognitive interviews conducted as part of the CESSI-Monitor national survey showed that the opinion about UBI among young people in Russia is still poorly formed. The majority of respondents gleaned basic information about UBI from the very name of the concept during the interview. Positive opinion about UBI arose due to the idea of guaranteed additional income mentioned in the name. Such aspects as unconditionality and universality either have not yet found understanding or are perceived contradictory. Those who view a UBI as a system of equitable distribution of natural resource rents and national wealth have a positive attitude towards the idea of universality and equality in the distribution of such income. Those who emphasise the fact that UBI is funded by taxpayers perceive the idea of inclusiveness and equality without regard to merit and need negatively. In general, low awareness of UBI and poorly formed opinions lead to its instability. New arguments and clarifications can significantly change the picture. Therefore, it is still premature to talk about deep support for the UBI idea among Russian youth.

Keywords: unconditional basic income, social security system, social justice, welfare state, social policy, youth, public opinion, cross-country comparisons

References

1. Andreenkov V. G. Metodologicheskie problemy i resheniya v sovremennykh mezhdunarodnykh sravnitel'nykh issledovaniyakh [Methodological issues and solutions in contemporary international research in Russia in Europe]. Ed. by A. V. Andreenkova L. A. Belyaeva. Moscow, Academia, 2009: 13–46 (in Russ.). EDN: DFTWPX.
2. Andreenkova A. V. In Search of Fair Social Welfare System – Dynamic of Attitudes Toward Universal Basic Income in Russian Society. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2022: 28: 3: 38–56 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9150; EDN: CNAGAQ.
3. Andreenkova A. V. A comparative analysis of popular attitudes toward the idea of universal basic income in Russia vs Europe. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 18–30 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008321-6.
4. Bobkov V. N., Zolotov A. V., Odintsova E. V. Transition forms of universal basic income as a real prospect for Russia. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, pronoz*, 2021: 14: 4: 33–47 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2.
5. Bobkov V. N., Antipov V. I., Kolmakov I. B., Pavlova V. V. Transitional Forms of Universal Basic Income and Options of Testing Tools in Russia, Illustrated by Unemployed. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova*, 2020: 17: 5: 69–84 (in Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2020-5-69-84.
6. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Chernykh E. A. Impact of Universal Basic Income on Employment According to Russian Experts. *Ekonomika regiona*, 2022: 18: 1: 159–174 (in Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-12.
7. van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Moscow, VSHE, 2020: 440 (in Russ.).
8. Gontmakher E. S. Basic income: a prologue to social policy of the XXI century? *Ekonomicheskaya politika*, 2019: 2: 156–177 (in Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177.
9. Davydov D. Unconditional income: from “left” expectations to “right” inclinations”. *Svobodnaya mysl*, 2016: 2: 15–26 (in Russ.).
10. Lapin N. I. Formation of social state – the method of successful evaluation of the society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 8: 3–11 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250000758-6.
11. Universal Basic Income: Is It a Chance for Russia? Ed. by V. N. Bobkov, E. V. Odintsova. Izhevsk, Shelest, 2022: 360 (in Russ.). DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022.

12. Chernykh E. A. Unconditional Basic Income: Public Opinion Attitude and Financial and Economic Aspects of Implementation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2019: 15: 4: 70–84 (in Russ.). DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10083.
13. Cardone P. E. Public opinion towards a universal basic income in Europe. *The Italian Journal of Economic, Demographic and Statistical Studies, SIEDS*, 2021: 75(4): 97–107: October-D.
14. Chrisp J., Pulkka V. V., Rincón L. M. Snowballing or wilting? What affects public support for varying models of basic income? *Journal of International and Comparative Social Policy*, 2020: 36(3): 223–236.
15. Chrisp J., Martinelli L. Neither left nor right. In *The Palgrave international handbook of basic income*. Palgrave Macmillan, 2019: 477–492.
16. de Wispelaere J., Stirton L. The many faces of universal basic Income. *The Political Quarterly*, 2004: 75: 3: 266–274.
17. ESS Round 8: European Social Survey. ESS-8 2016 Documentation Report. Edition 2.2. Bergen, European Social Survey Data Archive, Sikt – Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, Norway for ESS ERIC, 2020. DOI: 10.21338/NSD-ESS8-2016.
18. Herke B., Vicsek L. The attitudes of young citizens in higher education towards universal basic income in the context of automation – A qualitative study. *International Journal of Social Welfare*, 2022: 1–13. DOI: 10.1111/ijsw.12533.
19. Kozák M. Cultural productivism and public support for the universal basic income from a cross-national perspective. *European Societies*, 2021: 23:1: 23–45. DOI: 10.1080/14616696.2020.1758741.
20. Roosma F., van Oorschot W. Public opinion on basic income: Mapping European support for a radical alternative for welfare provision. *Journal of European Social Policy*, 2020: 30(2): 190–205. DOI: 10.1177/0958928719882827.
21. OECD. Basic income as a policy option: Can it add up? Policy brief on the future of work. Paris: OECD, 2017.
22. Rossetti F., Roosma F., Laenen T., Abts K. An unconditional basic income? How Dutch citizens justify their opinions about a basic income and work conditionality. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 2020: 36(3): 284–300. DOI: 10.1017/ics.2020.15.
23. Stadelmann-Steffen I., Dermont C. Citizens' opinions about basic income proposals compared – A conjoint analysis of Finland and Switzerland. *Journal of Social Policy*, 2020: 49(2): 383–403.
24. Svallfors S. *Contested Welfare States: Welfare Attitudes in Europe and Beyond*. Stanford University Press, 2012.
25. Yang J., Mohan G., Fukushi K. An Analysis of the Factors Influencing Public Attitudes toward Implementing Basic Income (BI) from an Individual Perspective: A Case Study of Hokuriku Region, Japan. *Societies*, 2020: 10: 52. DOI: 10.3390/soc10030052.

The was submitted on: July 05, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Andreenkova, Doctor of Sociological Sciences,
Vice director of the Institute for comparative social research (CESSI)

ТЕМА НОМЕРА

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИДЕЯ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.4

EDN: FFJEEV

Еще раз об осуществимости универсального базового дохода

Ссылка для цитирования: *Золотов А. В.* Еще раз об осуществимости универсального базового дохода // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 62–79. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.4; EDN: FFJEEV.

For citation: Zolotov A. V. Once Again about the Feasibility of Universal Basic Income. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 62–79. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.4; EDN: FFJEEV.

Золотов Александр Владимирович¹

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

zoav6@iee.unn.ru

AuthorID РИНЦ: 327805

Аннотация. В статье рассмотрена проблема осуществимости универсального базового дохода (УБД) в современном обществе/мире. Сформулированы три основных аспекта этой проблемы: целесообразность осуществления УБД с учетом взаимосвязи позитивных и негативных социально-экономических эффектов этой меры; степень соответствия УБД институциональной системе современного общества; возможность финансирования УБД в размере прожиточного минимума. Раскрыто противоречивое влияние УБД на общественное благосостояние, на экономический рост и образ жизни членов общества. Приведены аргументы в пользу совместимости УБД с функционированием рынка труда. Сделан вывод о потенциальном преобладании позитивных эффектов использования УБД в контексте утвердившегося понимания развития как обретения человеком свободы. Отмечена тенденция к предоставлению социально значимых благ (образование, медицинское обслуживание) всем членам общества независимо от уровня их доходов. На примере анализа семейного капитала обоснована неправомочность увязки социального обеспечения только с задачей сокращения бедности. УБД представлен как закономерный этап в реализации тенденции к универсальной социальной поддержке. Проанализирована роль минимального размера оплаты труда (МРОТ) как гарантированного государством базового дохода работника. Поставлена под сомнение необходимость выплаты УБД работникам наряду с выплатой МРОТ. Показано различие между нынешней практикой использования МРОТ и реализацией МРОТ в качестве формы УБД (заработок в размере доли от МРОТ при частичной занятости, возможность задолженности по зарплате). Обоснованы меры для преодоления данного различия (зарплата на уровне не ниже МРОТ независимо от количества отработанного времени, выплата УБД из специального фонда в период наличия задолженности по зарплате с последующим возме-

щением этих расходов фонду за счет работодателя). Предложено включать гарантированный государством базовый доход в качестве элемента во все виды доходов от экономической деятельности. Приведены расчеты, показывающие, что суммарные расходы на выплату УБД в размере прожиточного минимума составят около трети от расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП, что демонстрирует возможность финансирования УБД. Сделан вывод о принципиальной осуществимости УБД во всех рассмотренных аспектах.

Ключевые слова: универсальный базовый доход, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда

Проблема универсального базового дохода (УБД) становится все более обсуждаемой не только в зарубежной, но и отечественной социально-экономической литературе.

УБД рассматривается как социальная выплата, предназначенная для всех граждан независимо от их занятости и других оснований жизнедеятельности (выплата без условий), и которая позиционируется как базовая, то есть в качестве основания, над которым возвышается пирамида всех других, не безусловных источников доходов [7].

В поле зрения исследователей находятся практически все аспекты проблемы: характеристика его сущности и принципов [23]; соотношение с существующей системой социальной поддержки [12]; потенциальные эффекты его реализации [24]; опыт пилотных проектов по внедрению его принципов [20]; использование форм, более последовательно отражающих принципы УБД по сравнению с нынешними способами социальной поддержки («переходных форм УБД») [6]; перспектива осуществления УБД [1].

В обсуждениях УБД главным дискуссионным пунктом, обобщающим содержание остальных содержательных моментов концепции, остается перспектива осуществления УБД. Исследователи делятся на тех, кто такую перспективу допускает [9] и тех, кто считает ее утопичной [10]. Думается, что в этой дискуссии приведены еще не все аргументы «за» и «против».

На наш взгляд, проблема осуществимости УБД имеет три основных аспекта:

- **целесообразность его использования:** в случае потенциального преобладания позитивных социально-экономических эффектов стоит прилагать усилия к его реализации, при доминировании негативных последствий было бы абсурдно добиваться его введения [21];

- **совместимость с институциональным каркасом (по терминологии Р. И. Капелюшニコва [15]) существующего общества:** если УБД с необходимостью сопряжен с его ломкой, то это лишает его перспективы осуществления [2];

- **проблема финансового обеспечения выплаты УБД:** располагает ли общество достаточными финансовыми средствами для реализации УБД или нет [18].

Рассмотрим по порядку отмеченные аспекты.

Соотношение позитивных и негативных эффектов реализации УБД

Ни одно явление общественной жизни не может не быть противоречивым. Противоречивость – не недостаток, а адекватный способ самодвижения любого объекта. Поэтому в анализе концепции УБД требуется выделять потенциальные позитивные и негативные результаты его осуществления, что делают практически все авторы, занимающиеся данной проблематикой.

В работе К. Видерквиста [24] приведен развернутый перечень положительных и отрицательных эффектов от введения УБД, обобщающий представленные в научной литературе позиции, что дает возможность опираться на положения данной работы при обсуждении подобных эффектов.

Распространенное при рассмотрении проблемы последовательное изложение сначала аргументов «за», а затем – «против», имеет недостаток, затрудняющий понимание внутреннего единства позитивных и негативных результатов использования УБД. На наш взгляд, целесообразно подчеркивать эту связь с помощью такой группировки отмеченных эффектов, критерием которой является принадлежность к одному и тому же аспекту социально-экономической действительности.

Прежде всего, можно выделить влияние УБД на благосостояние членов общества. В этом отношении к позитивному влиянию УБД можно отнести:

- значительное повышение благосостояния его чистых получателей и некоторых доноров;
- повышение экономического равенства, как вследствие прямого перераспределения доходов в пользу лиц с низкими доходами, так и косвенного – посредством создания более благоприятных условий на рынке труда, улучшения здоровья и роста уровня образования;
- сокращение и даже преодоление бедности (в совокупности с другими мерами);
- денежный выигрыш значительной доли населения.

Вместе с тем, фиксируется возможность следующих негативных последствий для общественного благосостояния:

- выплата УБД на экономически и политически приемлемом уровне ведет к ухудшению положения наименее обеспеченных людей по сравнению с традиционной социальной политикой;
- налогообложение работающих в пользу неработающих;
- получение выгоды от УБД не реципиентами, а другими субъектами (вследствие сокращения работодателями заработной платы работников, роста квартирной платы в районах проживания людей с низкими доходами и т. д.).

Итак, в плане материальной обеспеченности от введения УБД будут как выигравшие, так и проигравшие. И дело не только в их количественном соотношении (первых, вероятно, будет больше), а в том, что будет сделан шаг к сокращению бедности. В этом смысле введение УБД находится в русле характерного для последнего столетия прогресса системы социального обеспечения.

Прогнозируется ряд позитивных последствий в трудовой сфере от использования УБД, включая:

- выигрыш для многих низкооплачиваемых работников, для которых УБД играет роль дополнения к зарплате, а также посредством создания условий на рынке труда, ведущих к повышению зарплаты (например, через повышение уровня резервной зарплаты, т. е. мотивирующей для вступления на рынок труда; более длительному времени поиска подходящей работы и т. д.);

- улучшение условий труда благодаря возможности работников менять имеющиеся условия труда на более благоприятные и стимулирование рынка к совершенствованию таких условий;

- уменьшение эксплуатации работников через представление как членам профсоюзов, так и не входящим в них, дополнительной возможности отказаться от невыгодных условий найма;

- обретение низкооплачиваемыми работниками большего потенциала для борьбы за прогрессивные социальные изменения благодаря освобождению от долгих часов работы при низкой зарплате;

- мотивирование получателей социальной помощи вступать в состав рабочей силы гарантией, что они всегда улучшат свое положение при увеличении заработка, а не снижении его.

В то же время, как представляется, УБД способен привести к ряду негативных последствий на рынке труда, среди которых:

- возможность для людей получить долю общественного продукта, создаваемого без собственного трудового вклада – нарушает принцип взаимности и трудовую этику;

- недопустимо большое сокращение предложения труда, которое затруднительно нейтрализовать какими-либо другими мерами;

- снижение эффективности действий работников как силы, противостоящей глубокому социально-экономическому неравенству, вследствие гарантированной минимальной обеспеченности.

В данном случае одна и та же мера потенциально вызывает прямо противоположные эффекты, что особенно наглядно проявляется в отношении способности низкооплачиваемых работников бороться за свои трудовые права.

Что касается влияния УБД на предложение труда, то, чем выше заработок, получаемый работником, тем относительно меньше семейные доходы, получаемые в форме УБД, тем слабее воздействие этой выплаты на трудовое поведение. Скажем, при зарплате двух работающих родителей

на уровне средней по России, то есть 63260 руб. (по данным на 1 января 2023 г.¹), и УБД (в размере базового прожиточного минимума 14729 руб. на 1 января 2023 г.), выплачиваемого двум несовершеннолетним детям, семейный бюджет составил бы 185436 руб. При зарплате родителей на уровне МРОТ (15279 руб.) эта величина была бы 89474 руб.

В первом случае отказ от работы с переходом на получение только УБД означал бы резкое падение материальной обеспеченности семьи – на 126520 руб., тогда как во втором суммарный семейный доход уменьшился бы на 30558 руб. Понятно, что угроза значительного сокращения семейного бюджета активнее стимулировала бы к продолжению трудовой деятельности, тогда как при уменьшении потенциальной потери этот стимул становился бы слабее.

По результатам проведенного в 2021 г. опроса рабочих пищевой промышленности, у которых типичный заработок значительно ниже среднего по регионам их проживания, 25% опрошенных готовы были бы прекратить работу при введении УБД на уровне МРОТ [16]. Приведенные данные свидетельствуют также о том, что трудовая мотивация отнюдь не исчерпывается инструментальным типом, то есть ориентацией на заработок. При использовании УБД речь идет не об угрозе выхода из состава экономически активного населения большинства даже тех работников, заработок которых близок к МРОТ. Потребность в труде имеет самостоятельное значение.

Можно спрогнозировать, что отток из трудовой сферы пусть и незначительного меньшинства работников с низкими зарплатами способен привести к росту зарплат в целях привлечения соискателей на рабочие места, ставшие вакантными. Очевидно, что подобные колебания в спросе и предложении на рынке труда не являются чем-либо экстраординарным.

Влияние УБД скажется и на экономическом росте. С одной стороны, речь идет о содействии (совместно с соответствующей налоговой политикой) быстрому экономическому росту и сокращению безработицы посредством стимулирования совокупного спроса, а также – повышению динамизма экономического развития благодаря укреплению здоровья работников, росту уровня их образования, безопасности.

С другой стороны, констатируется негативное влияние УБД на экономический рост вследствие комплекса факторов, включая: уменьшение предложения труда; рост издержек на труд; генерирование инфляции; стимулирование роста налогов, ведущее к сокращению объема инвестиций и снижению инновационной активности [3].

Налицо неоднозначность эффекта, которая характерна не только для УБД, но для социальной ориентации капиталистической экономики в целом. В долгосрочной перспективе переход от «дикого» капитализма к «социальному рыночному хозяйству» не исключал быстрого экономического роста. На наш взгляд, нет оснований отрицать такую связь в будущем.

¹ Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2023.pdf> (дата обращения: 14.06.2023).

Еще одним аспектом теоретической дискуссии является модификация образа жизни вследствие введения УБД. Сторонники этой меры фокусируют внимание на следующих эффектах [11]:

- повышение социальной мобильности посредством улучшения здоровья, безопасности и уровня образования детей, а также помощи взрослым начать бизнес, получить образование или пройти повышение квалификации, обеспечить время для поиска подходящей работы;
- движение в сторону социальной вовлеченности при сокращении социальной изоляции;
- более разносторонний образ жизни вследствие уменьшения продолжительности труда, вовлечения в практику деления рабочих мест, увеличения времени для выполнения родительских обязанностей;
- обретение людьми бóльшей свободы в смысле контроля над своей жизнью через снижение зависимости от работодателей;
- повышение предпринимательской активности и развитие инноваций благодаря созданию финансовой подушки для тех, кто принимает на себя риск, и предоставлению более продолжительного времени для проработки предпринимательской идеи;
- создание возможности людям уделять больше времени для неоплачиваемой работы (уход за близкими, волонтерство), некоторые виды которой ценятся выше, чем многие формы оплачиваемой работы.

Критики концепции УВД приводят свою аргументацию, когда отмечают:

- возможность для людей получить долю общественного продукта, создаваемого при участии труда, без собственного вклада, что нарушает принцип взаимности и трудовую этику;
- побуждение людей к деструктивному поведению – к праздности, употреблению наркотиков, отсутствию заботы о будущем, игромании, выбору бессмысленных видов активности в ущерб полезной оплачиваемой работе, решению иметь «слишком много» детей [17];
- консервация гендерных ролей, поскольку женщины смогут оставаться вне сферы оплачиваемой работы, выполняя неоплачиваемый труд по уходу и другие традиционные функции;
- поощрение потребительства, ведущего к экологическим проблемам.

Несомненно, каждый из указанных положительных эффектов имеет свою «оборотную сторону». Так, например, разносторонний образ жизни в связи с увеличением свободного времени за известным пределом способен трансформироваться в деструктивное поведение. Уменьшение зависимости от работодателей может выразиться в консервации гендерных ролей и т. п.

Доводы как в поддержку использования УБД, так и критической направленности, имеют свое обоснование. И все же ограничиться подобной констатацией, на наш взгляд, недостаточно. Во всяком противоречии есть доминирующая тенденция, определяющая общую направленность развития процесса.

Позитивные аспекты использования УБД отражают закономерную тенденцию к обеспечению благосостояния и развития всех членов общества. Развитие правомерно трактовать как обретение свободы [22]. Это означает, что позитивным тенденциям потенциально принадлежит доминирующая роль, что подтверждается практикой социально-экономического прогресса за многие десятилетия. Поэтому идея УБД, на наш взгляд, целесообразна для осуществления.

УБД как потенциальный элемент существующего институционального каркаса

Появление концепции УБД, несомненно, отражает объективные тенденции развития современного общества. Для него характерны бесплатное всеобщее среднее образование, всеобщий охват населения бесплатными, по крайней мере, базовыми медицинскими услугами и все это – вне зависимости от социального статуса получателей услуг. В этом смысле налицо принцип универсальности предоставления данных благ.

Подобная универсальность отличается от характерной для УБД. Бесплатное образование предоставляется в рамках определенного периода, а не в течение всей жизни, как в случае с УБД. Базовой медицинской помощи не свойственна регулярность выплаты УБД. Очевидно, что уже существующие способы универсального предоставления благ отличаются и между собой, а не только по отношению к характерному для концепции УБД. Однако указанная специфика не отрицает самого принципа универсальности.

Распространение его на выплату денежного дохода отражает тенденцию к увеличению количества видов и масштабов социальных трансфертов различным категориям населения. Если бы она была обусловлена только борьбой с бедностью, то пришлось бы признать растущие масштабы бедности с прогрессом капиталистического общества. Актуализация идеи всеобщего закона капиталистического накопления, вероятно, имеет свое основание, иначе бы, например, не уделялось столько внимания прекаризации [14].

На наш взгляд, происходящее развитие сферы социальных трансфертов не сводится только к предупреждению бедности, но охватывает и тех членов общества, кто не испытывает материальных лишений [5].

Так, например, программа семейного капитала адресована всем семьям независимо от их материального благополучия. В ее рамках адресность социальной поддержки достигает своего предела, поскольку в принципе каждая семья должна иметь детей. В результате возрастает доля тех членов общества, которые стали адресатами этого трансферта. При долго-

срочном продолжении такой практики его получателем может стать любой человек. Другими словами, налицо прогресс создания предпосылок для развития каждого члена общества.

Рост числа программ социальных выплат, когда их охват становится всеобщим, приводит к необходимости появления единой программы. Концепция УБД, на наш взгляд, есть теоретическое выражение этой необходимости, которая порождена потребностями развития самого «институционального каркаса» современного общества.

Единый (универсальный) трансферт не обязательно должен быть единственным. Создание базовых условий для развития всех членов общества едва ли достижимо без учета специфических потребностей социальных групп, нуждающихся в особой поддержке (инвалидов, сирот, пожилых людей). Такие трансферты, скорее всего, не будут замещаться (по крайней мере полностью) универсальным трансфертом. И в этом отношении можно говорить о модификации, но не «ломке институционального каркаса» современного общества [13].

Еще одной проблемой институционального характера является интерпретация УБД как дополнения к доходам от экономической деятельности. Подобный подход выглядит инородным в нынешней организации распределения первичных доходов (хотя с точки зрения перераспределительных процессов традиционен). На наш взгляд, целесообразна корректировка понимания УБД, приближающая ее к уже существующим реалиям социальных гарантий.

Следует принять во внимание, что современное государство законодательно обязывает выплачивать зарплату на уровне не ниже устанавливаемого законом минимального размера, который, в свою очередь, определяется прожиточным минимумом. Хотя зарплата выплачивается предпринимателем, государство выделяет в ней базовую составляющую, не зависящую от трудового вклада работника и в этом смысле – безусловную. В результате торга о параметрах найма работодатель может установить более высокую зарплату по сравнению с МРОТ, но, как бы ни складывался этот торг, государство гарантирует, что зарплата не может быть ниже данной величины. МРОТ олицетворяет гарантированный государством базовый доход работника, над которым возвышается безусловная часть заработной платы, то есть зависящая от трудового вклада конкретного работника.

Показательна точка зрения о том, что УБД делает излишним институт минимальной заработной платы [19]. Отказ от этого института без ущерба для работников означает замещение МРОТ универсальным базовым доходом.

Минимальную зарплату не принято рассматривать в контексте осуществления УБД, очевидно, потому что выплата последнего отождествляется с трансфертом непосредственно из государственного бюджета. Отсюда представление, что работник, имея гарантию в виде МРОТ, должен получать УБД сверх этой суммы. Происходит своеобразное удвоение гарантированного государством дохода работника, что едва ли обосновано. Тот факт,

что работник является членом современного общества, в отличие, например, от рабовладельческого, диктует необходимость использования МРОТ. Действительный дуализм оснований для гарантированного государством базового дохода работающим членам общества отсутствует. Поэтому включение в характеристики УБД указание на его выплату исключительно из специальных фондов не является необходимым с точки зрения реализации принципов УБД.

Сегодняшняя практика МРОТ допускает его деление в зависимости от доли ставки (оклада) работника. Выходит, что размер оплаты может быть ниже базового уровня, что не соответствует пониманию УБД в его принятом смысле. На зарплату в размере МРОТ начисляется подоходный налог, что не предполагается применительно к УБД. МРОТ не исключает риска отсутствия дохода в связи с задолженностью работодателя по зарплате. Следовательно, МРОТ в его нынешнем виде сам по себе не является модификацией УБД. Его скорее можно рассматривать в качестве переходной формы УБД, то есть трансферта, приближающегося к принципам УБД [8].

Для утверждения МРОТ в качестве полноценной формы УБД требуется его выплата в фиксированном размере – на уровне прожиточного минимума – независимо от объема отработанных часов. Это будет мотивировать работодателей отказаться от использования частичной занятости, которая в ее вынужденном для работников варианте является сегодня острой проблемой, так как не гарантирует получения заработка, удовлетворяющего базовые потребности. Со стороны тех, кто сегодня работает не на полную ставку, отказ от работы не поведет к потере дохода, так как они будут получать УБД и в случае незанятости. При этом остается возможность труда в качестве волонтеров, по уходу за близкими и т. д.

Очевидно, что для трансформации зарплаты на уровне МРОТ в УБД понадобится освободить базовую часть зарплаты от начисления подоходного налога.

Проблема, связанная с задолженностью по зарплате, решается, например, посредством выплаты УБД из специального государственного фонда до момента, когда работодатель ликвидирует этот долг с компенсацией фонду соответствующих расходов.

В конечном счете, источником выплаты УБД являются налоги на факторные доходы, в т. ч. зарплату. Чтобы гарантировать базовый доход для всех – часть общества должна трудиться. Выплата УБД трудящимся обязательно из централизованных фондов вместо его получения в форме МРОТ, на наш взгляд, не является абсолютно необходимой.

При использовании МРОТ как формы УБД реализация его принципа универсальности будет означать: трудится человек или не трудится, он становится получателем УБД. В первом случае УБД выступает базовой составляющей заработной платы, во втором – выплачивается в форме трансферта из специального фонда.

Аналогичным образом, государство может гарантировать получение УБД предпринимателям, владельцам денежного капитала, собственникам недвижимости и т. п. При нерегулярном получении дохода от этих видов

экономической деятельности УБД будет выплачиваться данным членам общества из специального фонда с последующим вычетом из факторных доходов в пользу фонда.

Определенный резерв для неплановой выплаты УБД должен существовать при любой организации практики УБД. Так, динамика уровня рождаемости – процесс прогнозируемый, но напрямую не контролируемый, что требует наличия средств, зарезервированных для выплат новым членам общества.

Порядок получения УБД, при котором он выступает для экономически активного населения в качестве гарантированного элемента доходов от хозяйственной деятельности, несомненно, сложнее, чем предполагаемый при трактовке УБД как надбавки ко всем доходам. И все же в период бурного прогресса информационных технологий нет неразрешимых технических проблем, препятствующих модификации факторных доходов для осуществления УБД.

Величина МРОТ, по сути, соотносится с базовыми потребностями самого работника независимо от его семейного положения. Поэтому получение МРОТ не гарантирует обеспечения базовых потребностей членов семьи работающих. Введение УБД позволяет решить эту проблему, распространяя гарантию базовых условий для развития, действующую по отношению к работникам, на неработающих членов их семей.

Рассмотрение компоненты МРОТ в заработной плате в качестве УБД позволяет скорректировать прогнозируемое влияние УБД на трудовое поведение. При таком подходе это влияние не связано с изменением дохода работника, так как в виде МРОТ универсальный доход уже выплачивается. В результате отсутствовал бы эффект дохода, связанный с прибавкой УБД к зарплате, следствием которого могло бы стать снижение индивидуального предложения труда.

Таким образом, УБД и в его общепринятом понимании, и особенно – в скорректированном (как это было сделано выше), – не приведет, на наш взгляд, к разрушению существующего институционального каркаса современного общества.

Проблема финансирования УБД

Признание целесообразности введения УБД, его совместимости с существующими социальными институтами не отменяет значения проблемы его финансирования. Тезис о чрезмерной общей стоимости выплат УБД – один из главных контраргументов в отношении его осуществимости.

В рамках обсуждения финансовых аспектов концепции УБД дискутируется модификация налоговой системы, включая повышение ставок существующих налогов, введения новых и т. д. Главным же предметом в этом обсуждении является не способ перераспределения части ВВП в целях обеспечения ресурсов для введения УБД, а величина той доли ВВП, за счет которой этот трансферт будет финансироваться. Вопрос

о налоговой нагрузке является производным от определения размеров этой доли: если последняя совместима с функционированием бюджета, то, в принципе, становится реализуемой требуемая модификация налоговой системы.

Очевидно, что величина отмеченной доли зависит от двух переменных: численности населения и размеров УБД. Именно его размер – вариативная компонента формирования доли ВВП, предназначенной для выплаты УБД.

Большинство исследователей предполагают соответствие УБД прожиточному минимуму. Это вполне логично, если рассматривать УБД в контексте создания базовых условий для человеческого развития. С одной стороны, требуется достаточно средств для того, чтобы оставаться включенным в жизнь современного общества, с другой – база или основа не должна исчерпывать всего круга потребностей развития.

Расчет величины прожиточного минимума – отдельная самостоятельная проблема, актуальность которой в России придала попытка связать его размер с медианным среднедушевым доходом, а не с потребительской корзиной. В любом случае прожиточный минимум имеет вполне определенное количественное значение. Его базовое (на душу населения) значение для России на 1 января 2023 г. составило 14375 руб., что приблизительно соответствовало средней величине МРОТ в 2022 г. (на начало года составлявшего 13890 руб. а с 1 июня 2022 г. – 15279 руб.).¹

Предполагая равенство УБД прожиточному минимуму и используя официальную цифру численности постоянного населения России на 1 января 2023 г. – 146 424 729 чел.,² можно определить требуемый размер общего фонда для выплаты УБД в течение года: он составит приблизительно 25,26 трлн руб. или около 16,7% от ВВП России в 2022 г.

Принимая во внимание, что УБД будет использоваться, главным образом, для целей потребления, можно сопоставить указанную величину с долей расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП, составляющей 47,3% (в 2022 г.).³ Следовательно, суммарные выплаты УБД будут находиться на уровне трети от расходов, используемых для конечного потребления. В целом, подобная ситуация согласуется с представлением о допустимом соотношении фонда, обеспечивающего базовые условия для развития членов общества, и фонда, дающего возможность выйти за рамки этих условий. В этом, на наш взгляд, состоит фундаментальная возможность финансирования УБД.

Проблема возникает тогда, когда предполагаемые суммарные расходы на выплату УБД соотносят с величиной государственного бюджета. Если расходы консолидированного бюджета РФ в 2022 г. составили

¹ Каким будет МРОТ в 2023 году. URL: <http://duma.gov.ru/news/56138/> (дата обращения: 4.12.2023).

² Оценка численности постоянного населения РФ (на 01.01.2023). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 4.12.2023).

³ ВВП годы использование (с 1995г.) URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 4.12.2023).

55 182,0 млрд руб.,¹ то на выплату УБД на уровне прожиточного минимума пришлось бы потратить почти половину – 45,8% этого бюджета. При фиксированном объеме бюджета одномоментная трансформация его расходных статей привела бы к дезорганизации нынешней государственной финансовой системы.

Решение проблемы сторонники концепции УБД связывают, прежде всего, с ростом доли бюджета в ВВП за счет роста прогрессии налоговых ставок. В самом деле, доля консолидированного бюджета в России составляет 36,4%, что приблизительно на 12 п.п. ниже, чем в Швеции, долгое время небезосновательно считавшейся образцом социально ориентированного государства. Следовательно, резерв для увеличения налоговых поступлений в государственный бюджет России, несомненно, имеется.

Даже при доведении доли консолидированного бюджета России до уровня 50% от ВВП, статья расходов на УБД в бюджете была бы очень высокой – 33,3%. Вероятно, негативный эффект от бюджетной трансформации был бы слабее, чем при нынешних размерах бюджета, но тем не менее все равно носил бы шоковый характер.

Возможность избежать подобного шока связывается с перспективой поэтапного доведения УБД до уровня прожиточного минимума. Так, если начинать использовать универсальный доход в форме выплаты на уровне 0,1 от прожиточного минимума, то изменение структуры бюджета перестает быть радикальным. После адаптации бюджетной системы к новым условиям универсальный доход увеличивается еще на 0,1 прожиточного минимума и т. д. В результате подобных шагов шоковый эффект внедрения УБД исчезает, разумеется, при том условии, что общество в целом соглашается с подобным масштабом и способом перераспределения ВВП.

Встречается аргумент, что выплата универсального дохода, хотя бы в размере определенной части от прожиточного минимума, ведет к увеличению дохода бюджета за счет дополнительных налоговых поступлений. Расширение налоговой базы объяснимо ускорением экономического роста на основе увеличения совокупного спроса [4]. Согласно такому представлению, использование УБД само формирует финансовую основу для его выплаты в следующем периоде.

Мультипликативный эффект прироста трансфертных платежей на прирост ВВП общепризнан. И хотя остается под вопросом, достаточно ли такой зависимости для «самофинансирования» УБД, но ее игнорирование при обсуждении вопроса о ресурсах для УБД едва ли оправдано.

Расчеты, приведенные выше, предполагают, что фонд для выплаты УБД формируется в дополнение уже используемым социальным трансфертам. Между тем, возможны и другие представления о соотношении нового трансферта и существующих.

Если УБД полностью замещает последние, то его финансирование перестает быть острой проблемой, поскольку нынешняя доля социальных расходов в бюджете является заметной величиной.

¹ Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute> (дата обращения: 4.12.2023).

Не исключается также вариант частичного замещения нынешних трансфертов при введении УБД. Например, пособие на детей, позволяющее довести среднедушевой семейный доход до уровня прожиточного минимума, – явный кандидат на поглощение универсальным базовым доходом. В отношении же пенсий по инвалидности возможна ситуация дополнения их универсальным доходом. Налицо компромисс между приведенными выше противоположными вариантами в отношении суммарных расходов на осуществление УБД.

При рассмотрении финансирования УБД обычно подразумевается, что оно осуществляется государством, то есть так или иначе обусловлено перераспределением доходов, получаемых в капиталистическом обществе от труда, предпринимательской деятельности или собственности на какие-либо активы. Как уже отмечалось, принцип универсальности, присущий УБД, допускает более широкую трактовку формирования источников этого трансферта.

Включение УБД в заработную плату в качестве ее базового элемента позволяет скорректировать масштабы перераспределения ВВП через государственный бюджет в целях финансирования универсального социального трансферта. Так, работающих по найму в России около 65 млн чел., базовая величина их заработка суммарно составит приблизительно 11,5 трлн руб. Следовательно, для финансирования УБД, выплачиваемого неработающим, понадобится перераспределять через бюджет 13,76 трлн руб. или 24,9% от расходной части бюджета.

С учетом того, что УБД будет включать часть уже выплачиваемых трансфертов, структурный сдвиг бюджета будет менее значительным. Он станет еще меньше при повышении доли бюджета в ВВП до уровня, существующего в Швеции, составив 18% (даже без учета поглощения существующих трансфертов). Такая величина не представляется неподъемной для современного социального государства тем более, что поэтапное введение УБД для неработающих позволит адаптировать бюджетную систему к использованию универсального трансферта.

Освобождение гарантированной государством базовой части заработной платы от подоходного налога приведет к уменьшению налоговых поступлений на 1,5 трлн руб. в год (3% от консолидированного бюджета). Потребуется увеличение налоговых ставок на налогооблагаемую часть доходов от экономической деятельности. При прогрессивном налогообложении это приведет к росту налоговой нагрузки наиболее обеспеченных социальных слоев, что едва ли вызовет возражение у большинства членов общества.

Анализ основного проблемного аспекта финансирования УБД, связанного с определением доли расходов УБД в ВВП и консолидированном бюджете, показывает, что его финансирование, несомненно, представляет собой серьезную проблему. И все же нет достаточных оснований считать ее в принципе неразрешимой.

Заключение

Концепция УБД не является чисто умозрительной конструкцией, лишенной каких-либо перспектив осуществления.

Осуществимость УБД базируется, прежде всего, на том, что в противоречиях его реализации позитивным тенденциям, то есть направленным на формирование базовых предпосылок для развития каждого, потенциально принадлежит доминирующая роль. Об этом свидетельствует весь опыт развития системы социальных льгот и гарантий.

Институциональная структура современного общества уже предполагает действие принципа универсального предоставления значимых благ, например, таких, как всеобщее среднее образование, базовые медицинские услуги. Увеличение разнообразия и масштабов финансирования социальных трансфертов выявляет перспективу возникновения универсального денежного дохода, который, скорее всего, будет дополняться некоторыми уже используемыми трансфертами. Следовательно, при реализации УБД речь идет не о сломе существующего «институционального каркаса», а о его модификации.

Общая сумма выплат УБД на уровне прожиточного минимума составит около трети объема конечного потребления домашних хозяйств, что оставляет широкие возможности для выхода за рамки базовых условий развития, гарантируемых УБД. Соответственно, требуемое перераспределение ВВП, несмотря на его масштабность, согласуется с функционированием бюджетной системы.

Можно с уверенностью прогнозировать продолжение дискуссии об осуществимости УБД. Факт нахождения проблемы в поле научной дискуссии повлияет на практику социального обеспечения, развитие которой будет все больше сверяться с концепцией УБД.

Библиографический список

1. Антипов В. И., Бобков В. Н., Золотов А. В. и др. Универсальный базовый доход: шанс для России? Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022; EDN: PDLTFU.

2. Беляева О. И., Ремаренко А. А. Теоретические подходы к концепции безусловного основного дохода: эволюция и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. 2020. №1 (108). С. 30–39. DOI: 10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-30-39; EDN: VHKMSY.

3. Бибоматов Р. В., Брилева К. С. Безусловный базовый доход: сущность, перспективы и примеры внедрения // Scientific perspectives. 2018: XXXV Международная научно-практическая конференция. М., 2018. С. 72–75. EDN: XQFEUP.

4. Бобков В. Н., Антипов В. И., Колмаков И. Б., Черных Е. А. Моделирование сценариев преодоления абсолютной монетарной бедности в России на основе концепции безусловного базового дохода // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 2. С. 204–215. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.4; EDN: ZVURAL.

5. Бобков В. Н., Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 3(213). С. 8–24. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10069; EDN: QBCARF.

6. Бобков В. Н., Золотов А. В., Одинцова Е. В. Переходные формы безусловного базового дохода как реальная перспектива России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 4. С. 33–47. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2; EDN: ZFQQEK.

7. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Черных Е. А. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: постановка проблемы и введение в анализ // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 13–27. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.2; EDN: OVVDSG.

8. Бобков В. Н., Черных Е. А., Золотов С. А., Павлова В. В. Безусловный базовый доход: критериальные основы, переходные формы и опыт экспериментов по внедрению // *Социологические исследования*. 2020. № 10. С. 84–94. DOI: 10.31857/S013216250009313-7; EDN: TWZOOV.

9. Гонтмахер Е. Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // *Экономическая политика*. 2019. № 2. С. 156–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177; EDN: ZEUZML.

10. Жаворонков Р. Н. Безусловный основной доход – будущее социального обеспечения? // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина*. 2019. № 11(63). С. 106–116. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.106-116; EDN: YPYCME.

11. Кислицына О. А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «За», кто «Против»? // *Вестник Института экономики РАН*. 2019. № 3. С. 32–47. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030; EDN: GDZTDT.

12. Одегов Ю. Г., Павлова В. В., Теленная Л. С. Безусловный базовый доход – готов ли Российский рынок труда его воспринять? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. № 4. С. 71–79. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.6; EDN: RZXIVV.

13. Сигачев М. И., Кутергин В. А., Фадеев Э. В. Безусловный базовый доход: новые направления социальной политики // *История и современность*. 2021. № 2(40). С. 64–74. DOI: 10.30884/iis/2021.02.03; EDN: VIKGKK.

14. Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И. Прекарный труд в России: состояние и тенденции // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 2(60). С. 93–103. EDN: BQYLER.

15. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?: препринт WP3/2020/04. М.: ВШЭ, 2020. 52 с.

16. Чуков Р. С., Золотов С. А. Безусловный базовый доход как мотиватор работников периферии цифровой экономики // *Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки*. 2021. № 4(64). С. 112–119. DOI: 10.52452/18115942_2021_4_112; EDN: MANSZZ.

17. Шипилов А. В. Будущее постсовременного общества: вперед в прошлое? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 7–26. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.1.1; EDN: ХОВНKH.
18. Cowan S. UBI: Universal Basic Income is an Unbelievably Bad Idea / The Centre for Independent Studies. 2017. URL: <https://www.cis.org.au/app/uploads/2017/11/rr32.pdf> (дата обращения: 27.05.2023).
19. Groot L. Compensatory Justice and Basic Income // Journal of Social Philosophy. 2002. Vol. 33. No. 1. P. 144–161.
20. Kangas O., Jauhiainen S., Simanainen M., Ylikännö M. The Basic Income Experiment 2017–2018 in Finland. Preliminary results. Reports and Memorandums of the Ministry of Social Affairs and Health 2019:9. Helsinki: Ministry of Social Affairs and Health, 2019. 30 p.
21. Lowrey A. Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World. N. Y.: Random House, 2018. 263 p.
22. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press. 2001. 366 p.
23. Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen. L.: Penguin, 2017. 400 p.
24. Widerquist K. A Critical Analysis of Basic Income Experiments for Researchers, Policymakers, and Citizens. Cham: Palgrave Pivot. 2018. 167 p.

Получено редакцией: 30.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотов Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.4

Once Again about the Feasibility of Universal Basic Income

Aleksandr V. Zolotov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: zoav6@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0001-7451-4408

For citation: Zolotov A. V. Once Again about the Feasibility of Universal Basic Income. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 62–79. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.4; EDN: FFJEEV.

Abstract. The article examines the problem of the feasibility of a universal basic income (UBI) in modern society/world. Three main aspects of this problem are formulated: the feasibility of implementing UBI, taking into account the relationship between the positive and negative socio-economic effects of this measure; the degree of compliance of UBI with the institutional system of modern society; possibility of financing UBI in the amount of the subsistence minimum. The controversial impact of UBI on public welfare, economic growth and the lifestyle of members of

society is revealed. Arguments are given in favour of the compatibility of UBI with the functioning of the labour market. A conclusion is drawn about the potential predominance of the positive effects of using UBI in the context of an established understanding of development as a person gaining freedom. There has been a tendency to provide socially significant benefits (education, medical care) to all members of society, regardless of their income level. Using the example of family capital analysis, the illegitimateness of linking social security only with the task of poverty reduction is substantiated. UBI is presented as a logical step in the implementation of the trend towards universal social support. The role of the minimum wage (SMW) as a state-guaranteed basic income for a worker is analysed. The need to pay UBI to employees along with the minimum wage has been questioned. The difference is shown between the current practice of using the minimum wage and the implementation of the minimum wage as a form of UBI (earnings in the amount of a share of the minimum wage for part-time employment, the possibility of wage arrears). Measures to overcome this difference are justified (salary at a level not lower than the minimum wage, regardless of the amount of time worked, payment of UBI from a special fund during the period of arrears in wages, with subsequent reimbursement of these expenses to the fund at the expense of the employer).

It is proposed to include a state-guaranteed basic income as an element in all types of income from economic activity. Calculations are presented showing that the total costs of paying UBI in the amount of the subsistence minimum will amount to about a third of household expenditures on final consumption in GDP, that demonstrates the possibility of financing UBI. A conclusion is drawn about the fundamental feasibility of UBI in all aspects considered.

Keywords: universal basic income, subsistence wage, minimum wage

References

1. Antipov V. I., Bobkov V. N., Zolotov A. V. et al. Universal basic income: a chance for Russia? *Izhevsk, Shelest*, 2022: 360 (in Russ.). DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022.
2. Belyayeva O. I., Remarenko A. A. Theoretical approaches to the concept of unconditional basic income: evolution and prospects. *Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, 2020: 1(108): 30–39 (in Russ.). DOI: 10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-30-39.
3. Bibomatov R. V., Brileva K. S. Unconditional basic income: essence, prospects and examples of implementation. In *Scientific perspectives 2018: XXXV International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2018: 72–75 (in Russ.)*.
4. Bobkov V. N., Antipov V. I., Kolmakov I. B., Chernykh E. A. Simulation of scenarios for overcoming absolute monetary property in Russia based on the concept of unconditional basic income. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2021: 17: 2: 204–215 (in Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.4.
5. Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. Universal basic income: reflections on the possible impact on improving the living standards and quality of life and the sustainability of society. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2019: 3(213): 8–24 (in Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10069.
6. Bobkov V. N., Zolotov A. V., Odintsova E. V. Transitional Forms of Universal Basic Income as a Real Prospect for Russia. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2021: 14: 4: 33–47 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2.
7. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Chernykh E. A. Universal basic income as regulator of improving the standards and quality of life: Statement of the problem and introduction to analysis. *Narodonaseleniye*, 2020: 23: 1: 13–27 (in Russ.). DOI: 10.19181/population.2020.23.1.2.
8. Bobkov V. N., Chernykh E. A., Zolotov S. A., Pavlova V. V. Unconditional basic income: Criterial bases, transitional forms and experimental implementations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2020: 10: 84–94 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009313-7.
9. Gontmakher E. SH. Basic income: prologue to social policy of the 21st century? *Ekonomicheskaya politika*, 2019: 2: 156–177 (in Russ.).
10. Zhavoronkov R. N. Basic income – future of social security? *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina*, 2019: 11(63): 106–116 (in Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.106-116.
11. Kislitsyna O. A. Introduction of the unconditional basic income system: What the Russians think about it? Who is for, who is against? *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2019: 3: 32–47 (in Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030.
12. Odegov YU. G., Pavlova V. V., Telennaya L. S. Unconditional basic income: Whether the russian labor market is ready to perceive this? *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2020: 4: 71–79 (in Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.6.

13. Sigachyov M. I., Kutergin V. A., Fadeyev E. V. Unconditional basic income: new directions of social policy. *Istoriya i sovremennost*, 2021: 2(40): 64–74 (in Russ.). DOI:10.30884/iis/2021.02.03.
14. Toshchenko Zh. T., Anisimov R. I. Precarious work in Russia: Status and trends. *Ekonomicheskoye vrozhdeniye Rossii*, 2019: 2(60): 93–103 (in Russ.).
15. Universal basic income: does it have a future?: preprint WP3/2020/04. Moscow, VSHE, 2020: 52 (in Russ.).
16. Chukov R. S., Zolotov S. A. Unconditional basic income as a motivator for workers in the periphery of digital economy. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsialnyye nauki*, 2021: 4(64): 112–119 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2021_4_112.
17. Shipilov A. V. The future of the post-modern society: Forward to the past? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2018: 21: 1: 7–26 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2018.21.1.1.
18. Cowan S. UBI: Universal Basic Income is an Unbelievably Bad Idea / The Centre for Independent Studies, 2017. Accessed 27.05.2023. URL: <https://www.cis.org.au/app/uploads/2017/11/rr32.pdf>
19. Groot L. Compensatory Justice and Basic Income. *Journal of Social Philosophy*, 2002: 33: 1: 144–161.
20. Kangas O., Jauhiainen S., Simanainen M., Ylikännö M. The Basic Income Experiment 2017–2018 in Finland. Preliminary results. Reports and Memorandums of the Ministry of Social Affairs and Health 2019:9. Helsinki, Ministry of Social Affairs and Health, 2019: 30.
21. Lowrey A. Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World. New York, Random House, 2018: 263.
22. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press, 2001: 366.
23. Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen. London, Penguin, 2017: 400.
24. Widerquist K. A Critical Analysis of Basic Income Experiments for Researchers, Policymakers, and Citizens. Cham, Palgrave Pivot, 2018: 167.

The article was submitted on: June 30, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Zolotov, Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of Economic Theory and Methodology Department,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ТЕМА НОМЕРА

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИДЕЯ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.5

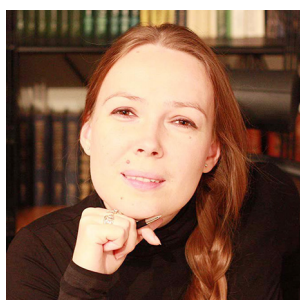
EDN: EYFLBD

Нужны ли нам бесплатные деньги? К полемике об универсальном базовом доходе

Ссылка для цитирования: Кислицына О. А. Нужны ли нам бесплатные деньги? К полемике об универсальном базовом доходе // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 80–92. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.5; EDN: EYFLBD.

For citation: Kislitsyna O. A. Do We Need Free Money? On the Debate about Universal Basic Income. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 80–92. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.5; EDN: EYFLBD.

Кислицына Ольга Анатольевна¹

¹Институт экономики РАН,
Москва, Россия

olga.kislitsyna@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 76704

Аннотация. В этой статье автор предлагает вместо вопроса, о том, является ли универсальный базовый доход шансом для России, поразмышлять над другим вопросом – о том, а нужен ли он нам?

Идея универсального базового дохода (УБД), понимаемого как безусловная ежемесячная денежная выплата, предоставляемая всем и провозглашенного ответом на проблему бедности и технологической безработицы в эпоху цифровизации и роботизации – предмет обсуждения итогов коллективного исследования, проведенного под руководством видного специалиста в области экономики труда, уровня и качества жизни населения В. Н. Бобкова. Рассмотрев основные теоретико-методологические положения УБД, его достоинства и недостатки, проанализировав страновые эксперименты по введению УБД, опросив экспертов и население о перспективах введения УБД в России, проанализировав на основе экспертно-имитационной динамической модели макроэкономические последствия, исследователи отвечают утвердительно на поставленный вопрос «Универсальный базовый доход: шанс для России?» и полагают, что переход к УБД в стране возможно осуществить постепенно, посредством различных переходных форм.

Полемизируя с авторами монографии, автор статьи предлагает обсудить три аспекта.

Во-первых, основные аргументы, приводимые в пользу необходимости введения УБД, не соответствуют действительности. Прогноз о том, что рабочие места исчезнут в будущем вследствие технологических изменений, является чрезмерно преувеличенным. Возникают сомнения в том, что УБД будет справедливым и может победить бедность

и неравенство. Нет особых оснований полагать, что УБД является лучшей альтернативой существующей системе социального обеспечения.

Во-вторых, никто не может точно ответить, каковы будут последствия внедрения УБД. Выводы о его преимуществах основаны на результатах страновых экспериментов и микросимуляционного моделирования. Однако эти подходы страдают рядом недостатков и остаются лишь наводящими на размышления, а не доказательными. В связи с этим автор статьи ставит вопрос о том, что не лучше ли подождать, пока другие страны сначала опробуют УБД, чтобы лучше понять его преимущества и недостатки.

В-третьих, автор утверждает, что введение УБД не является единственным способом решить проблемы в системе социального обеспечения и на рынке труда, и предлагает альтернативные направления социально-экономической политики.

Ключевые слова: универсальный базовый доход (УБД), бедность, технологические изменения, страновые эксперименты, система социальной защиты, дискуссия

Представьте себе, что каждый месяц правительство платит на ваш банковский счет некую денежную сумму и ничего не ждет взамен. Звучит фантастически. Но эта идея последнее время стала одной из самых горячо обсуждаемых в мире. Универсальный базовый доход (УБД) – это радикальное политическое предложение о ежемесячной денежной выплате, предоставляемой всем членам сообщества без проверки нуждаемости, независимо от личной заслуги, без каких-либо условий.

Идея УБД является и предметом обсуждения в недавно вышедшей коллективной монографии «Универсальный базовый доход: шанс для России?»¹ по результатам исследовательского проекта РФФИ², выполненного в Научном центре экономики труда РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Поскольку автор статьи не являлся членом исследовательского коллектива, полемизировать о необходимости и целесообразности введения УБД будет на основе результатов, изложенных в монографии.

Данное научное издание, как и само исследование, – пожалуй, одно из первых в нашей стране, посвященных УБД. И если само исследование будет интересно скорее ученым, которые прямо или косвенно занимаются данной проблематикой, то книга предназначена для более широкого круга читателей. Она написана ясным и понятным языком, содержит много ссылок на исследования по изучаемой тематике, что позволяет заинтересованному в осмыслении и решении проблем уровня и качества жизни в России читателю углубить свои познания, обратившись к указанным научным источникам.

¹ Универсальный базовый доход: шанс для России? / Под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Е. В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова; Ижевск: Шелест, 2022. 360 с.

² Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект №20–010–00271 «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России» в Научном центре экономики труда РЭУ им. Г. В. Плеханова (2020–2022) под руководством В. Н. Бобкова.

Монография состоит из пяти разделов, включающих в общей сложности 15 глав. Логически ее можно разделить на две части. Первая носит теоретический характер, вторая – практический. Первый раздел посвящен теоретическим основам УБД, обоснованию необходимости его введения, его положительным и отрицательным сторонам. Авторы предполагают, что вследствие неготовности экономик и сознания людей, УБД «является категорией, которая, скорее всего, будет постепенно раскрывать свою сущность, проходя трансформацию через переходные формы» [2]. Во втором разделе представлен обзор зарубежных и российских публикаций, посвященных изучению УБД, систематизированы страновые эксперименты по его внедрению.

Наибольшее внимание привлекли последние три раздела (3, 4 и 5), хотя читатели, возможно, выделяют для себя другие аспекты этой монографии. Третий раздел знакомит с результатами опросов среди российских экспертов, связанных с научно-образовательным сообществом, работодателями, профсоюзами, органами власти, и представителей целевых категорий населения, включающих малоимущие семьи с детьми, выпускников средних профессиональных учебных заведений, неустойчиво занятых, о введении в России УБД и его переходных форм. Чуть менее половины экспертов (45,1%) и четверть представителей целевых категорий населения (24,5%) полагают, что страна не готова к введению УБД. Противоположного мнения придерживаются только 5,9% экспертов и треть (29,8%) населения. Почти половина экспертов (49%) и представителей целевых категорий (46%) высказались за введение переходных форм УБД. Мнения экспертов и населения о целях введения УБД, его формах, источниках реализации, положительных и отрицательных аспектах оказались практически схожи. Что касается мнения опрошенных о влиянии УБД на сферу занятости населения, мнения разделились: эксперты склонны ожидать отрицательного эффекта УБД, в то время как представители целевых категорий населения настроены более оптимистично. Четвертый раздел монографии посвящен анализу предпочитаемых схем переходных форм УБД для целевых категорий. Завершают авторы книги постановкой возможных направлений введения переходных форм УБД для четырех особо уязвимых групп населения (зарегистрированные безработные, выпускники учебных заведений, лица с высокой концентрацией признаков неустойчивой занятости, малоимущие домохозяйства) и моделированием их макроэкономических последствий. В заключении на поставленный в названии монографии вопрос авторы отвечают утвердительно: «универсальный базовый доход представляет шанс для граждан России повысить уровень социальных гарантий, трудовую мотивацию, развитие личности и укрепление семьи – открыть новую страницу в повышении уровня и качества жизни».

Разумеется, выделенные моменты представляют лишь краткий обзор полученных авторами результатов. Желающие ознакомиться с позицией авторов относительно необходимости, возможности, направлений, последствий введения УБД в России, должны сами прочитать монографию.

Надо отметить, что значение монографии не только в ее интересном содержании, но, главное – она заставляет задуматься. По каким-то вопросам невольно начинаешь полемизировать с авторами. Вместо того, чтобы обсуждать технические детали (хотя, конечно, дьявол кроется в деталях) предложенных направлений введения переходных форм УБД, кажется важным сосредоточиться на его общей концепции, необходимости и полезности его для России. Вместо вопроса, вынесенного в название книги, мне кажется, что уместнее было бы спросить о том, нужен ли УБД нам вообще.

Когда дело доходит до внесения таких радикальных изменений в социально-экономическую политику, необходимо проявлять осторожность. «История показывает, что, когда политики пытаются изменить общество только потому, что политика выглядит многообещающе или заставляет их чувствовать себя хорошо, люди страдают. Иногда миллионы из них умирают» [19]. Необходимо остановиться на трех важных вопросах.

Первый вопрос касается необходимости введения УБД

Авторы рассматриваемой концепции наряду с другими сторонниками введения УБД видят в нем *возможность избежать ожидающих нас негативных последствий на рынке труда, связанных с надвигающимися технологическими изменениями, обусловленными расширением цифровизации и роботизации*. Например, некоторые сторонники УБД в 2013 г. предсказывали, что 47% рабочих мест в США, вероятно, будут ликвидированы из-за технологий в течение следующих 20 лет [8]. К счастью, прошла половина этого срока, и мы видим, что результат далек от предсказаний. Многие экономисты скептически относятся к мысли о технологических изменениях, которые приведут к массовой безработице. Исследователи полагают, что подобные оценки страдают методологическими проблемами и, проведя расчеты для 21 страны Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), показывают, что количество рабочих мест в группе риска значительно ниже – в среднем менее 9% [4]. Причем наблюдается неоднородность по странам, например: в Корее доля автоматизированных рабочих мест составляет 6%, а в Австрии – 12%. Исследователи объясняют это тремя причинами: «Во-первых, использование новых технологий – это медленный процесс ... Во-вторых, ... работники могут приспособиться к изменению технологических возможностей путем переключения задач, тем самым предотвращая технологическую безработицу. В-третьих, технологические изменения также порождают дополнительные рабочие места за счет спроса на новые технологии и более высокой конкурентоспособности». Они заключают, что, хотя низкоквалифицированные работники могут больше всего пострадать от перестройки, «автоматизация и цифровизация вряд ли уничтожат большое количество рабочих мест» [4].

Даже если роботы с искусственным интеллектом со временем станут во всем превосходить людей, последние все равно смогут найти работу в тех областях, где они обладают сравнительным преимуществом. Следовательно, УБД решает не ту проблему [7].

Технологические изменения приведут не к ликвидации рабочих мест, а к изменению необходимых навыков. Поэтому ответ должен заключаться не в том, чтобы постоянно поддерживать менее образованных граждан вне рынка труда, давая им бесплатные деньги, а в том, чтобы инвестировать в образование, переобучение и т. п., чтобы каждый мог воспользоваться новыми возможностями. Таким образом, угроза технического прогресса кажется гораздо менее выраженной. Это подрывает один из ключевых «алармистских» [1] аргументов в пользу УБД.

Другой популярный аргумент, обосновывающий необходимость введения УБД, связан с возрастанием *запроса обществ на социальную справедливость, необходимость решения проблем бедности и неравенства*. На первый взгляд, введение УБД кажется очень привлекательной идеей. Однако, проблема заключается в том, что он не предназначен для самых нуждающихся [6]. Он работает по принципу лейки¹. Если он выплачивается всем, независимо от дохода и финансового положения, он либо очень дорог (поэтому придется или повышать налоги в том числе для тех, кто находится в нижней части распределения доходов [9], и/или сокращать расходы на ранее существовавшие пособия, а, может быть, и на что-то еще, например, на образование или здравоохранение, что негативно отразится на бедных), либо УБД обеспечивает лишь очень небольшой уровень дохода, что мало влияет на бедность. В качестве альтернативы, состоятельные граждане не получают данную выплату или снова вычитают его в рамках сбора налогов. Но тогда эти выплаты, строго говоря, не являются безусловными, поскольку требуют проверки доходов и активов в каждом отдельном случае. В таком случае, налоговая инспекция заменит службу занятости².

Единая ставка УБД также вызывает опасения по поводу справедливости. И речь идет даже не о получении всеми одинаковой выплаты, независимо от своих заслуг, а о людях с особыми потребностями, например, таких, как инвалиды, которые окажутся в более ущемленном положении, поскольку выплаты не будут ориентированы на их более высокие по сравнению с другими людьми потребности.

Согласно некоторым расчетам, проведенным ОЭСР для развитых стран, введение УБД, финансируемого из бюджета, выделенного на ранее существовавшие пособия, будет менее эффективно адресовано бедным, чем пособия в настоящее время [12]. Аналогично, результаты исследования в развивающихся странах показывают, что, несмотря на несовершенство целевых программ социального обеспечения с проверкой нуждаемости, они могут привести к значительно более высокому повышению благосостояния, по сравнению с универсальными программами, потому что при заданном общем бюджете они обеспечивают гораздо более высокие трансферты бедным [10].

¹ Butterwegge C. Das bedingungslose Grundeinkommen zerstört den Wohlfahrtsstaat // Bundeszentrale für politische Bildung. 21.12.2015. URL: <https://www.bpb.de/dialog/netzdebatte/217778/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же.

Кроме того, эксперты полагают, что УБД является менее рентабельным по сравнению с целевыми программами социального обеспечения, потому что «многим бедным и безработным не хватает не только денег»¹. Корни бедности, в основном, нефинансовые, часто взаимосвязанные – плохое образование, безработица, психическое нездоровье, распад семьи, зависимость от алкоголя и наркотиков, проблемы с долгами [5]. И хотя денежные выплаты могут помочь решить краткосрочные такие проблемы, они менее успешны в устранении более глубоких причин бедности, от которых страдают люди. Например, независимо от того, насколько щедрой является государственная поддержка, пока алкозависимый человек, не имеющий образования, столкнувшийся с бездомностью, не получит доступ к индивидуальной поддержке, которая поможет ему отказаться от алкоголя, выучиться, найти жилье, он вряд ли выйдет из состояния нищеты. В итоге самая большая проблема с универсальным базовым доходом, по мнению экспертов, «может заключаться не в его стоимости или его распределительных последствиях, а в ошибочном представлении, что деньги лечат все болезни»².

Что, касается неравенства, УБД не изменит неравное распределение капитала: «Ситуации с неравным доходом и богатством будут встречаться с денежной выплатой одинаковой суммы, хотя с равными следует обращаться одинаково, а с неравными – неравно, если мы хотим, чтобы все было справедливо»³. Усилия по сокращению неравенства должны быть направлены на сочетание фискальной и перераспределительной политики.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет предположить, что необходимость введения УБД остается спорной идеей.

Второй вопрос – не лучше ли подождать, пока другие страны сначала опробуют УБД, чтобы лучше понять его преимущества и недостатки?

Никто не может точно ответить, каковы будут последствия внедрения УБД, т. к. проведенные страновые эксперименты редко существуют достаточно долго, чтобы проверить жизнеспособность в течение более, чем нескольких лет. Они сильно различаются по целям, масштабам и источникам финансирования, а также по их политическому и экономическому контексту. Наличные выплачиваются на разных уровнях, с разной периодичностью, обычно намного ниже черты бедности и, в основном, лицам, отобранным из-за того, что они находятся в крайне неблагоприятном

¹ Sawhill I. V. Money for Nothing: Why a Universal Basic Income Is a Step Too Far // [Brookings.edu](https://www.brookings.edu/blog/social-mobility-memos/2016/06/15/money-for-nothing-why-a-universal-basic-income-is-a-step-too-far/). 15.06.2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/social-mobility-memos/2016/06/15/money-for-nothing-why-a-universal-basic-income-is-a-step-too-far/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же.

³ Butterwegge C. Das bedingungslose Grundeinkommen zerstört den Wohlfahrtsstaat // Bundeszentrale für politische Bildung. 21.12.2015. URL: <https://www.bpb.de/dialog/netzdebatte/217778/> (дата обращения: 10.06.2023).

положении, а средства предоставляются чаще всего не правительствами, а благотворительными организациями, корпорациями и агентствами по развитию [15].

Исследование, рассмотревшее 15 практических экспериментов [6], в ходе которых были опробованы различные способы распределения регулярных денежных выплат среди населения в ряде стран, которые можно отнести к трем группам (бедные, со средним уровнем дохода и богатые), не смогло найти доказательств, что такая схема может быть устойчива для всех людей в любой стране в краткосрочной, среднесрочной или долгосрочной перспективах, или что этот подход может обеспечить долгосрочное улучшение благосостояния или уменьшение неравенства.

Поскольку страновые эксперименты ограничены из-за нехватки финансирования и времени, исследователи начали изучать УБД в рамках, так называемых, микросимуляционных моделей. Однако отмечается, что, если поначалу модели казались вполне правдоподобными, то после того как аналогичные модели в период пандемии COVID-19 оказались достаточно неточными (мягко выражаясь) [18], этот метод был дискредитирован [19]. Поэтому эксперименты и модели остаются просто наводящими на размышления, а не доказательными [17].

Существуют довольно веские аргументы против введения УБД, о которых справедливо упоминают авторы книги. Один из самых популярных заключается в негативном влиянии на рынок труда (исследователи утверждают (например, см. обзор [3]), что УБД или некоторые его элементы сами по себе создают отрицательный стимул к работе, таким образом, проблема безработицы не только не решится [11], но даже усугубится, что приводит к созданию общества, в котором никто не будет продолжать выполнять низкооплачиваемую непопулярную тяжелую, но важную работу, такую как уборка или вывоз мусора¹; УБД закрепит низкую заработную плату и нестандартную занятость, поскольку работодатели, зная, что работники в любом случае смогут обеспечить себе пропитание, могут платить более низкую заработную плату [6] и увеличить количество рабочих мест с частичной занятостью²; существует опасность того, что негативные эффекты, возможно, в большей степени, затронут молодежь по сравнению с другими демографическими группами³). Согласно другому популярному аргументу, введение УБД требует слишком больших затрат [13], поглощая средства, которые было бы лучше потратить другими способами [6].

¹ Heaven D. A no-strings-attached income has gained new popularity amidst the automation of jobs, but it's not always popular // BBC. 22.06.2019. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20190719-universal-basic-income> (дата обращения: 10.06.2023).

² Gaskell A. Does A universal basic income discourage work? // Forbes. 5.03.2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/adigaskell/2018/03/05/does-a-universal-basic-income-discourage-work/> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Smith M., Shanahan G. Universal basic income: is it really what today's youth need? // The conversation. 19.03.2017. URL: <https://theconversation.com/universal-basic-income-is-it-really-what-todays-youth-need-72979> (дата обращения: 10.06.2023).

Кроме того, беспокойство вызывает то, что введение УБД – шаг к урезанию прав и свобод рядовых граждан, их полной зависимости от государства. Не получится ли так, что в обмен на сомнительную заботу, выдачу бесплатных денег, государство получает рычаги для давления и принуждения? Совсем недавно, мы уже проходили испытания эпидемией, когда многие люди, не желающие вакцинироваться, были лишены возможности путешествовать, посещать театры и музеи, организации общепита и торговые центры, а иногда работать и учиться.

Зачем «бежать впереди паровоза»? Не лучше ли учиться на чужих ошибках? Не лучше ли последовать совету Адама Смита, что к большим изменениям «следует всегда прислушиваться с большой осторожностью и никогда не следует принимать их до тех пор, пока они не будут долго и тщательно изучены не только с самым скрупулезным, но и самыми подозрительным вниманием» [16].

Третий вопрос: является ли введение УБД единственным способом решить проблемы в нашей системе социального обеспечения и на рынке труда?

Несомненно, нынешняя система социального обеспечения несовершенна и не в состоянии защитить людей от нищеты. Но введение УБД – не единственный способ решения проблемы бедности и занятости можно, к примеру:

- улучшить систему социальной защиты. Это потребует расширения охвата системы и увеличения инвестиций. Но будет стоить гораздо дешевле, потому что не нужно давать деньги множеству людей, которым они не нужны, менее сложным и менее разрушительным по сравнению с УБД. «При любом заданном уровне расходов – реформы социальной защиты, которые уважают, поощряют и даже субсидируют занятость, дадут лучшие результаты, чем УБД, пытающийся заменить ее»¹;

- создавать большее количество государственных услуг более высокого качества, которые будут бесплатными для тех, кто в них нуждается, независимо от платежеспособности (универсальные базовые услуги, как альтернатива УБД [14]). Помимо образования и здравоохранения такой подход может быть распространен на другие сферы, такие как жилье, уход за детьми, социальная помощь взрослому населению, транспорт и связь;

- принимать меры для создания рабочих мест с хорошей оплатой труда. Основной обязанностью правительства должно быть обеспечение работой всех, кто может и хочет работать. Вместо того, чтобы закидывать людей рыбой (бесплатными деньгами), надо дать им удочку и научить ло-

¹ Oren C. Why a Universal Basic Income Is a Terrible Idea // National Review. 15.05.2016. URL: <https://manhattan.institute/article/why-a-universal-basic-income-is-a-terrible-idea> (дата обращения: 10.06.2023).

вить рыбу. Работа означает больше, чем финансовая безопасность. Ее преимущества огромны и хорошо задокументированы, и программы борьбы с бедностью должны поощрять работу, а не препятствовать ей. Меньше работы означает меньше «чувства гражданственности и социальной включенности, ухудшение психического здоровья и чувства благополучия, меньше счастья, ниже самооценка, еще хуже здоровье детей, больше преступности и намного больше злоупотребления наркотиками»¹;

- пересмотреть качество образования, которое ухудшалось последние 30 лет в угоду Западу;
- сосредоточиться на обучении технологическим навыкам низкоквалифицированных работников, при обеспечении надлежащей поддержки людей с низкими доходами по мере того, как они получают знания, необходимые для выхода на рынок труда;
- вводить субсидируемые государством стажировки в государственных/частных компаниях для учащихся старших классов и средних и высших учебных заведений; внедрять дуальную систему профессионального образования, включающую практические занятия на рабочих местах, механизм госзаказа на подготовку специалистов.

Все это потребует не только денег, но и политической воли. Авторы свидетельствуют, что первое есть: «В ходе восстановительного экономического роста (2000-е гг. – н.вр.) у российского государства появились значительные средства для активизации социальной политики». Значит, дело осталось за вторым. События последних лет подталкивают нас к тому, что пора перестать догонять западный поезд и, наконец, осмыслить собственный путь развития страны.

В завершение отмечу, что в целом рассмотренная монография представляет собой серьезное, глубокое, заслуживающее изучения и использования исследование, дающее богатую пищу для размышления, которое, с большой уверенностью можно сказать, вызовет отклик в научной и образовательной среде, станет предметом научных дискуссий, окажет позитивное влияние на осмысления формирования будущей социально-экономической политики.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, УБД кажется очень привлекательной идеей, он имеет свои недостатки, которые требуют серьезного анализа и обсуждения. Во-первых, необходимость введения УБД, связанная с возможным будущим исчезновением рабочих мест из-за технологических изменений, кажется сильно преувеличенной. Во-вторых, с большой вероятностью УБД не даст ожидаемого результата в решении проблем бедности и неравенства. Кроме того, нет достаточных оснований полагать, что УБД является лучшей альтернативой существующей системе социального обеспечения. В-третьих, введение УБД связано со множеством возможных рисков. Поэтому представляется целесообразным подождать, пока

¹ Doar R. Universal Basic Income Would Undermine the Success of Our Safety Net / American Enterprise Institute. 17.05.2018. URL: <https://www.aei.org/articles/universal-basic-income-would-undermine-the-success-of-our-safety-net/> (дата обращения: 10.06.2023).

другие страны опробуют УБД, что позволит лучше понять его преимущества и недостатки и определить, соответствует ли такая политика социально-экономическим и политическим целям нашей страны. Одновременно стоит работать над совершенствованием существующей системы социального обеспечения.

Библиографический список

1. Капелюшников Р. И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 95–127. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-8-95-127; EDN: UIBFNY.
2. Универсальный базовый доход: шанс для России? / Под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Е. В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханов; Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022; EDN: PDLTFU.
3. Afscharian D., Muliavka V., Ostrowski M. S., Siegel L. The State of the UBI Debate: Mapping the Arguments for and against UB // Basic Income Studies, De Gruyter. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 213–237. DOI: 10.1515/bis-2021-0030.
4. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 189. Paris: OECD Publishing, 2016. 32 p. DOI: 10.1787/5jlz9h56dvq7-en.
5. Centre for Social Justice Universal Basic Income. An Effective Policy for Poverty Reduction? 2018. 28 p. URL: https://www.centreforsocialjustice.org.uk/wp-content/uploads/2018/08/CSJ_UBI_August-2018.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
6. Coote A., Yazici E. Universal Basic Income – A Report for Unions. New Economics Foundation, 2019. 56 p. URL: https://www.world-psi.org/sites/default/files/documents/research/en_ubi_full_report_2019.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
7. Don A. Basic income: a radical idea enters the mainstream. Parliamentary of Australia. Parliamentary Library. Research Paper Series, 2016–2017. 22 p.
8. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? University of Oxford, 2013. 72 p.
9. Ghatak M., Jaravel X. Is Funding a Large Universal Basic Income Feasible? A Quantitative Analysis of UBI with Endogenous Labour Supply // LSE Public Policy Review. 2020. Vol. 1. No. 2. P. 1–11. DOI: 10.31389/lseppr.9.
10. Hanna R., Olken B. A. Universal Basic Incomes versus Targeted Transfers: Anti-Poverty Programs in Developing Countries // Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 32. No. 4. P. 201–226. DOI: 10.1257/jep.32.4.201.

11. Krämer R. Universal basic income – Not really an alternative // International Union Rights. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 24–25. DOI: 10.1353/iur.2020.a838153.

12. OECD. Basic income as a policy option: Can it add up? Policy brief on the future of work. Paris: OECD publishing, 2017. 26 p. URL: <https://www.oecd.org/social/Basic-Income-Policy-Option-2017.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

13. Ortiz I., Behrendt C., Acuña-Ulate A., Nguyen Q. A. Universal Basic Income proposals in light of ILO standards: Key issues and global costing. ESS Working Paper No. 62. Geneva: International Labour Office, 2018. 66 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648602.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

14. Portes J., Reed H., Percy A. Social prosperity for the future: a proposal for universal basic services. Insitute for Global Prosperity, University College London (UCL), 2017. 56 p. URL: https://www.ucl.ac.uk/bartlett/igp/sites/bartlett/files/universal_basic_services_-_the_institute_for_global_prosperity_.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

15. Schneider H. Universal Basic Income –Empty Dreams of Paradise // Intereconomics. 2017. Vol. 52. No. 2. P. 83–87. DOI: 10.1007/s10272-017-0651-1.

16. Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: William Strahan, 1776. 38 p.

17. The Palgrave International Handbook of Basic Income / Ed. by M. Torry. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 608 p.

18. Wimalawansa S. J. What Modelling and Reproduction Numbers Are Useful in Predicting COVID-19 Spread? // Canadian Journal of Biomedical Research and Technology. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 1–3.

19. Wright R. E., Przegalińska A. Debating Universal Basic Income. Exploring the Basic Income Guarantee. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022. 141 p.

Получено редакцией: 30.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кислицына Ольга Анатольевна, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник, Институт экономики РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.5

Do We Need Free Money? On the Debate about Universal Basic Income

Olga A. Kislitsyna

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

E-mail: olga.kislitsyna@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4144-237X

For citation: Kislitsyna O. A. Do We Need Free Money? On the Debate about Universal Basic Income. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 80–92. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.5; EDN: EYFLBD.

Abstract. In this article, the author proposes that instead of asking whether a universal basic income is a chance for Russia, we should think about another question: do we need it?

The idea of a universal basic income (UBI), understood as an unconditional monthly cash payment provided to everyone and proclaimed as a response to the problem of poverty and technological unemployment in the era of digitalisation and robotisation, is the subject of discussion of the results of a collective study conducted under the leadership of a prominent specialist in the field of labour economics, level and quality of life of the population V. N. Bobkova. Having considered the main theoretical and methodological provisions of UBI, its advantages and disadvantages, having analysed country experiments on the introduction of UBI, interviewing experts and the population about the prospects for introducing UBI in Russia, having analysed the macroeconomic consequences based on an expert simulation dynamic model, the researchers answered affirmatively to the question posed “Universal basic income: a chance for Russia?” and believe that the transition to UBI in the country can be carried out gradually, through various transitional forms.

First, the main arguments made in favour of introducing a UBI are false. The prediction that jobs will disappear in the future due to technological change is wildly exaggerated. There are doubts that UBI will be fair and can combat poverty and inequality. There is little reason to believe that a UBI is a better alternative to the current welfare system. Secondly, no one can accurately answer what the consequences of implementing UBI will be. Conclusions about its benefits are based on the results of country experiments and microsimulation modelling. However, these approaches suffer from a number of shortcomings and remain suggestive rather than evidence-based. This article raises the question of whether it would be better to wait for other countries to try UBI first to better understand its advantages and disadvantages. Thirdly, the author argues that the introduction of a UBI is not the only way to solve problems in the social security system and the labour market, and suggests alternative directions for socio-economic policy.

Keywords: universal basic income (UBI), poverty, technological changes, country experiments, social security system, debate

References

1. Kapelyushnikov R. I. Universal basic income: does it have a future? *Voprosy ekonomiki*, 2020: 8: 95–127 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-8-95-127.
2. Universal basic income: a chance for Russia? Ed. by V. N. Bobkov, E. V. Odincova. Moscow, REU im. G. V. Plekhanova; Izhevsk, Shelest, 2022: 360 (in Russ.). DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022.
3. Afscharian D., Muliavka V., Ostrowski M. S., Siegel L. The State of the UBI Debate: Mapping the Arguments for and against UBI. *Basic Income Studies, De Gruyter*, 2022: 17(2): 213–237. DOI: 10.1515/bis-2021-0030.
4. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 189. Paris, OECD Publishing, 2016: 32. DOI: 10.1787/5j1z9h56dvq7-en.
5. Centre for Social Justice Universal Basic Income. An Effective Policy for Poverty Reduction? 2018: 28. Accessed 10.06.2023. URL: https://www.centreforsocialjustice.org.uk/wp-content/uploads/2018/08/CSJ_UBI_August-2018.pdf
6. Coote A., Yazici E. Universal Basic Income – A Report for Unions. New Economics Foundation, 2019: 56. Accessed 10.06.2023. URL: https://www.world-psi.org/sites/default/files/documents/research/en_ubi_full_report_2019.pdf
7. Don A. Basic income: a radical idea enters the mainstream. Parliamentary of Australia, Parliamentary Library. Research Paper Series, 2016–17: 22.
8. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? University of Oxford, 2013: 72.
9. Ghatak M., Jaravel X. Is Funding a Large Universal Basic Income Feasible? A Quantitative Analysis of UBI with Endogenous Labour Supply. *LSE Public Policy Review*, 2020: 1(2): 1–11. DOI: 10.31389/lseppr.9.
10. Hanna R., Olken B. A. Universal Basic Incomes versus Targeted Transfers: Anti-Poverty Programs in Developing Countries. *Journal of Economic Perspectives*, 2018: 32(4): 201–226. DOI: 10.1257/jep.32.4.201.

11. Krämer R. Universal basic income – Not really an alternative. *International Union Rights*, 2020: 27(3): 24–25. DOI: 10.1353/iur.2020.a838153.
12. OECD. Basic income as a policy option: Can it add up? Policy brief on the future of work. Paris, OECD publishing, 2017: 26. Accessed 10.06.2023. URL: <https://www.oecd.org/social/Basic-Income-Policy-Option-2017.pdf>
13. Ortiz I., Behrendt C., Acuña-Ulate A., Nguyen Q. A. Universal Basic Income proposals in light of ILO standards: Key issues and global costing. ESS Working Paper No. 62, Geneva, International Labour Office, 2018: 66. Accessed 10.06.2023. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648602.pdf
14. Portes J., Reed H., Percy A. Social prosperity for the future: a proposal for universal basic services. Insitute for Global Prosperity, University College London (UCL), 2017: 56. Accessed 10.06.2023. URL: https://www.ucl.ac.uk/bartlett/igp/sites/bartlett/files/universal_basic_services_-_the_institute_for_global_prosperity_.pdf
15. Schneider H. Universal Basic Income–Empty Dreams of Paradise. *Intereconomics*, 2017: 52(2): 83–87. DOI: 10.1007/s10272-017-0651-1.
16. Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London, William Strahan, 1776: 38.
17. The Palgrave International Handbook of Basic Income. Ed. by M. Torry. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019: 608.
18. Wimalawansa S. J. What Modelling and Reproduction Numbers Are Useful in Predicting COVID-19 Spread? *Canadian Journal of Biomedical Research and Technology*, 2020: 3(3): 1–3.
19. Wright R. E., Przegalińska A. Debating Universal Basic Income. Exploring the Basic Income Guarantee. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2022: 14.

The article was submitted on: June 30, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Kislitsyna, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher,
Institute of Economics RAS

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6

EDN: EUNEOQ

Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией

Ссылка для цитирования: Якоба И. А. Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

For citation: Yakoba I. A. The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

Якоба Ирина Александровна^{1,2}

¹Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия;

²Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

irina_yakoba@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 518917

Аннотация. Конструирование дискурса как способа воздействия в современном медийном пространстве получает все более широкое распространение. Воздействующий потенциал дискурса раскрывается посредством моделирования оценочной интерпретации дискурсивного события-аттрактора в массмедийном пространстве. Данное исследование выявляет и демонстрирует особенности конструирования новых ценностных установок события-аттрактора в медийном дискурсе для смещения идеологических ценностей, переписывания исторических фактов с заданной идеологической позиции. Объектом исследования выбран референт событий Великой Отечественной (Второй Мировой) войны, антироссийская интерпретация которого представлена в резолюции европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» и заявлении М. Моравецкого на ответное заявление В. В. Путина на неформальном саммите СНГ. Методами исследования определены аксиологический анализ, интерпретационный анализ в русле инференции, когнитивное моделирование, критический дискурс-анализ и метод деконструкции. Исследование демонстрирует каким образом данная резолюция и заявление Моравецкого конструируют ложную интерпретацию исторических фактов Второй Мировой Войны для смещения ценностей адресата, активируя лингвокогнитивные механизмы: спин-докторинг, фокусирование, дефокусирование, фреймирование, рефреймирование, позиционирование, имажинеринг. В результате исследования делаются выводы о потенциале дискурсивных инструментов для идеологического воздействия на адресата. Выявлено, что переноминация и переоценка катастрофических событий в прошлом, которые являются вымыслом адресанта, преподносятся как реальность. Конструируется

альтернативный сценарий прошлого, который выдается за реальное состояние дел, что может запутать адресата со сниженным уровнем критичности при восприятии внушаемой информации. Следовательно, предполагается, что манипулятивное воздействие адресанта нацелено на изменение ценностных установок адресата. Развитие дискурсивных технологий по смене социально-политических позиций некритически мыслящего адресата и формирования антироссийских аксиологических ориентаций молодого поколения способствует смещению высших ценностей, а своевольная трактовка исторических фактов на Западе приобретает регулярный характер. Представленные когнитивные модели новых конструируемых политических позиций, содержат аксиологические аттракторы, лингвокогнитивные механизмы и дискурсивные стратегии, выявленные в процессе анализа.

Ключевые слова: конструирование дискурса, интерпретация, аксиология, оценка, война

Введение

В последние годы даже на официальном уровне широко распространяются всевозможные информационные фейки с целью дестабилизации международных отношений в своих интересах, продвижения своих идеологических позиций. Перед человечеством встают политические проблемы: каким образом преодолеть кризис в международных отношениях, и одновременно как защитить итоги Второй Мировой войны. При этом некоторые политические субъекты явно ведут дело к пересмотру этих итогов, для чего пытаются формировать ложные интерпретации истории войны, пользуясь массовым историческим невежеством.

Целью данного исследования являются выявление и демонстрация конструирования ложной оценочной интерпретации дискурсивного события-аттрактора в медийном пространстве на примере интерпретации событий Второй Мировой войны. Медийное пространство рассматривается нами в аспекте оценочных возможностей дискурсивной коммуникации между адресантом и массовым адресатом. Массовая медийная коммуникация представляет собой систему социального взаимодействия особого рода, в центре внимания которой находится общество [3, с. 20]. Несомненно, массмедиа обладает огромным воздействующим потенциалом, способствует «оценке окружающей действительности, воздействуя на общественное сознание и моделируя соответствующую картину мира» [там же, с. 22].

Для создания безопасного информационного пространства необходимо противостоять антироссийским информационным фейкам. Одним из способов эффективной защиты является повышение уровня осознанности у населения и разъяснение дискурсивных способов конструирования псевдофактов и способов искажения информации западными СМИ. Отметим, что для интерпретации событий и события-знака адресант и адресат представляют дискурс как «репертуар интерпретации» [23, с. 169]. В процессе конструирования дискурса создаются взаимосвязи между событиями, локализованными в медийном социальном дискурсе, основанными на совокупности текстов СМИ и социальных медиа, что обуславливает значимость категорий интердискурсивности и интертекстуальности.

Логично предполагать, что конструирование и распространение иного ценностного отношения к персонам, событиям, историческим фактам посредством медийных каналов используется для воздействия на ценности адресата. Контроль и доминирование в СМИ становятся всеохватывающими, адресат постоянно подвергается воздействию манипулятивных приемов, методов, технологий. Прошлое становится политической мишенью для изменения отношения к некоторым событиям, смещения ценностей. Воздействие происходит на рациональный и эмоциональный уровни «*cogito*» (как рефлексивный акт сознания) адресата, давление оказывается на триггерные зоны и болевые точки. Данные идеи подтверждаются высказываниями известных ученых. «Воздействуя на реципиента, мы стремимся “спровоцировать” его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности “слабые точки”, выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [13, с. 273]. «Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия – авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой» [10, с. 130].

Теоретическую базу исследования составили: теория деконструкции дискурса Ж. Деррида [6; 7]; теория оценки Н. Д. Арутюновой [1; 2]; положения синергетики и лингвосинергетики Г. Хакена [24; 25], И. А. Герман [4; 5]; модель открытости смысловых произведений и интерпретативных процессов У. Эко [27; 28]. Также мы опирались на цикл исследований, проведенных Институтом социально-политических исследований (ИСПИ ФНИСЦ РАН) и Московским институтом социально-культурных программ под руководством В. Н. Иванова, В. К. Сергеева [8].

Описание методики исследования

Методологическая база исследования основывается на аксиологической параметризации дискурса [20], концепции «Умной настройки» дискурса [28], концепции технологизации дискурса [18]. Основными методами исследования являются лингвоаксиологический анализ, использующийся для выявления аксиологических компонентов текста, системы ценностей и оценок; когнитивное моделирование, позволяющее графически представить, реконструировать ментальные структуры (механизмы, стратегии, аттракторы), стоящие за словом; метод когнитивной интерпретации, который позволяет понять взаимодействие мышления, языка, интерпретировать и описать дискурс реагирования, вербализацию когнитивных механизмов; метод деконструкции, позволяющий «разобрать по косточкам» конкретный дискурс, понять его инструменты на разных языковых уровнях и потом снова «собрать» дискурс, чтобы выявить скрытый смысл.

Постановка и решение проблемы осуществляются в адресатоцентричном аспекте интерпретационной лингвистики [11], что подразумевает понимание интерпретации как процесса восприятия и осмысления текста. При этом считается, что адресат действует самостоятельно, незави-

симо от интенций адресанта. Говоря об ожидании адресата, Ю. М. Лотман делает акцент на изначальной установке читателя. Он выделяет «ритмическое ожидание, стилистическое, образное, жанровое и т. п., которые подтверждаются или не подтверждаются прочитанным текстом» [15, с. 11–12]. Дотекстовое ожидание во многом определяет вариативность интерпретации: каждая индивидуальная личность (тип личности) актуализирует в интерпретируемом тексте релевантные в данной коммуникативной ситуации компоненты, коррелирующие с его дотекстовыми ожиданиями, и оценивает по сложившейся шкале оценок [12, с. 58].

Терминологический аппарат исследования

Исследование основано на выявлении аттракторов, лингвокогнитивных механизмов и дискурсивных стратегий, лежащих в основе конструирования дискурса. *Аттрактор* несет смысл дискурса, вызов для привлечения внимания адресата, направляя или меняя его когнитивные процессы. *Лингвокогнитивный механизм* выступает способом формирования (создания и осознания) смысла и его вербализации. *Дискурсивная стратегия* это вербальный замысел сообщения, который используется для создания плана действий, аргументированного в сообщении. Лингвокогнитивные механизмы, выявленные в ходе анализа, перечислены и охарактеризованы ниже.

Имажинеринг визуализирует идеи, описывая яркие образы того, что было, есть или будет, которые вызывают эмоции: гнев, страх, гордость и т. д. Выделяются подвиды: драматизация, гиперболизация, искривление, интенсификация, редукция.

Метафоризация – механизм для осмысления новых концептов через усвоенные ранее концепты. Ассоциации, проводимые посредством метафоры, помогают «увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» [16].

Позиционирование разделяет объекты на противоположные или противоборствующие элементы: друг – враг, хорошие – плохие, свои – чужие и т. п. Выделяются подвиды: единение, оппозиция.

Цель *спин-докторинга* – намеренно осветить событие, происшествие, действие необъективно. «Предположение, подтверждающее желаний и надежды адресатов, принимаемое без тщательного доказательства и обоснования» [19, с. 2].

Фокусирование выделяет только один аспект из многих, привлекает внимание к фрагменту события, происшествия, действия, смещает смысл, изменяет модальность нарратива. Фокусирование позиционируется как механизм распределения внимания [22].

Дефокусирование, наоборот, выводит из фокуса внимания адресата те стороны, от которых надо отвлечь и пропустить, переводит такую информацию в разряд незначимой, что способствует «с помощью языковых средств понижать степень выделенности тех или иных объектов» [9].

Фреймирование способствует рассмотрению ситуации или явления с некоторой ценностной или политической позиции в структуре определенных идеологических рамок. Фреймирование – это процесс, в котором понимание и оценивание регулируются «сообразно присвоенным значениям» [30, с. 93]. *Фрейм* (англ. frame – рамка, каркас) является таким образом *ментальной репрезентацией* события.

Рефреймирование способствует намеренному перескакиванию с одного фрейма на другой, подменяя ценности и смещая отношение к персоне, событию, происшествию, действию, как бы переписывая его заново, как совсем иное. Рефреймирование определяется как «процесс перепрограммирования сознания» [21].

Результаты и обсуждение исследования

В современных западных СМИ, ведущих активную антиросийскую пропаганду, на сегодняшний день наметилась тенденция к отождествлению СССР и нацистской Германии, приравнивать Сталина к Гитлеру, а значит – обвинять в нацистских взглядах (в особенности с учетом присоединения Крыма) Россию как наследницу СССР и называть Путина наследником Сталина, что, в свою очередь, дает повод правительствам Запада начинать войну с РФ [14, с. 88]. Рассмотрим референты события-аттрактора причин и итогов Великой Отечественной (Второй Мировой) войны. Началом дискуссии послужила резолюция Европарламента от 19.09.2019, в которой была изложена ложная интерпретация причин начала Второй Мировой войны. Определим, какие лингвокогнитивные механизмы активируются в каждом случае, и каким образом они реализуются в дискурсе.

(1) B. whereas 80 years ago on 23 August 1939, the communist Soviet Union and Nazi Germany signed a Treaty of Non-Aggression, known as the Molotov-Ribbentrop Pact, and its secret protocols, dividing Europe and the territories of independent states between the two totalitarian regimes and grouping them into spheres of interest, which paved the way for the outbreak of the Second World War¹ (тогда как 80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретные протоколы, разделившие Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами. и группирование их по сферам интересов, что подготовило почву для начала Второй мировой войны). Данный фрагмент акцентирует внимание на одном из договоров, которые Германия подписывала со многими европейскими государствами в 1930-х гг. В резолюции Европарламента умалчивается, что этот договор был последним в ряду других (Германии с Польшей, Великобританией, Францией, Литвой, Латвией), а СССР был последней стра-

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 25.04.2020).

ной, подписавшей подобный договор о ненападении¹. Своевольное наименование договора «пактом» по именам министров иностранных дел Советского Союза и фашистской Германии, подписавших его, Молотова и Риббентропа (*the Molotov-Ribbentrop Pact*), указывает на негативное, уничижительное отношение Евросоюза к данному документу, позволяет сместить фокус на вину подписавших его конкретных личностей, что указывает на активацию механизма фокусирования. Использование конверсивов, уточняющих, что данный договор «подготовил почву» (*paved the way*) для «внезапного начала» (*outbreak*) войны сразу ориентирует восприятие адресата в определенном оценочном направлении и подмену понятий, что указывает на активацию механизма спин-докторинга. Сравнение СССР и фашистской Германии как двух тоталитарных режимов (*the two totalitarian regimes*), объединенных одной целью (*dividing Europe and the territories of independent states*) позволяет поставить на один уровень нацистский режим и социалистический строй, имплицитно мыслить об их равной отрицательной мощи, что снова указывает на активацию механизма спин-докторинга. Пресуппозиция разделения зон влияния в Европе (*dividing Europe ... and grouping them into spheres of interest*) смещает внимание, позволяет умолчать о попытках СССР защитить Чехословакию от аннексии территорий Германией, Польшей и Румынией, что указывает на активацию механизма дефокусирования.

(2) *C. whereas, as a direct consequence of the Molotov-Ribbentrop Pact, followed by the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty of 28 September 1939, the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin – which stripped the country of its independence and was an unprecedented tragedy for the Polish people – the communist Soviet Union started an aggressive war against Finland on 30 November 1939, and in June 1940 it occupied and annexed parts of Romania – territories that were never returned – and annexed the independent republics of Lithuania, Latvia and Estonia² (тогда как, как прямое следствие пакта Молотова-Риббентропа, за которым последовал нацистско-советский договор о границе и дружбе от 28 сентября 1939 года, Польша подверглась вторжению сначала Гитлера, а две недели спустя Сталина, что лишило страну ее независимости и стало беспрецедентной трагедией для польского народа – коммунистический Советский Союз начал агрессивную войну против Финляндии 30 ноября 1939 года, а в июне 1940 года оккупировал и аннексировал части Румынии – территории, которые так и не были возвращены – и аннексировал независимые республики Литвы, Латвии и Эстонии).* Выстраивание событий в псевдо-последовательности, смещение смысловых акцентов, модальности, использование негативно-оценочных высказываний (*was invaded, stripped the country, aggressive war, occupied and annexed, an unprecedented tragedy, that were never returned*) позволяет открыть возможности для переписывания истории, активируя комплекс лингвокогнитивных механизмов, описанных далее.

¹ Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 19.06.2020).

² European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 25.04.2020).

Во-первых, соединение в одну логическую цепочку зависимости подписания договора о дружбе и границах (*the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty*), который рассматривается как секретный протокол, и нападения на Польшу (*the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin*). Указание на прямое следствие (*a direct consequence*) подписания пакта как причину лишения Польши независимости (*stripped the country of its independence*) конструируется механизмом фреймирования.

Во-вторых, Польша была захвачена войсками Германии 1 сентября 1939 г., а рассматриваемый договор подписан 28 сентября 1939 г., что указывает на обратную последовательность событий. Следовательно, данное высказывание (*a direct consequence of the Molotov-Ribbentrop Pact, followed by the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty of 28 September 1939, the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin*) не соответствует действительности. Происходит активация механизма спин-докторинга.

В-третьих, утверждение, что Советский Союз начал агрессивную войну против Финляндии (*the communist Soviet Union started an aggressive war against Finland on 30 November 1939*) искажает и преувеличивает факты, подтвержденные документально. «В течение 1938–1939 гг. велись переговоры, в ходе которых Москва стремилась обеспечить безопасность Ленинграда, передвинув границу на Карельском перешейке. Взамен Финляндии предлагались территории Карелии, большие по размерам, и определенная сумма для переселения жителей»¹. Следовательно, СССР вел переговоры с Финляндией, которые оказались безрезультатными, по вопросу обмена территориями, за несколько месяцев до 30.11.1939 г. Во время продолжения территориального конфликта обе стороны начали приготовления к войне и проводили активную политическую взаимную антипропаганду. Прямым следствием Зимней войны стало то, что Финляндия в 1941 г. присоединилась к Германии в нападении на Советский Союз². Таким образом, умалчивание одних фактов и искажение других активизирует механизмы спин-докторинга и дефокусирования.

Далее говорится об оккупации и аннексии части Румынии, Литвы, Латвии и Эстонии (*it occupied and annexed parts of Romania – territories that were never returned – and annexed the independent republics of Lithuania, Latvia and Estonia*). Применение механизма спин-докторинга для искажения исторических фактов позволяет сконструировать такие события, принятие которых адресатом было бы выгодно адресанту. Согласно историческим данным с 28 сентября по 10 октября 1939 г. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, по которым эти страны предоставили СССР свою территорию для размещения советских военных баз³.

¹ Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. История. РФ. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sovietsko-finskaia-voina> (дата обращения: 25.04.2020).

² Вихавайнен Т. Зимняя война глазами финнов. URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/zimnyaya-voyna-glazami-finnov/> (дата обращения: 10.10.2020).

³ Айрапетов О. Эстония, Латвия и Литва в советской политике осенью 1939 года. URL: <https://regnum.ru/article/2925681> (дата обращения: 10.10.2020).

Конфликт СССР с Румынией произошел через год (в июне 1940 г.) и «был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по «мирному» варианту плана»¹. Румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая объявляла бы передачу Бессарабии незаконным актом как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передает СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию [17]. Использование конверсивов «оккупация» и «аннексия» имеет идеологически-пропагандистский характер и отмечается только в последние годы в связи с намерением ценностно переориентировать румынское население.

В резолюции Европарламента умалчивается, что разделение Румынии совершали другие соседние государства – Венгрия и Болгария: «итало-германское вмешательство заставило Румынию передать Северную Трансильванию Венгрии (30 августа 1940 г.) и Южную Добруджу (7 сентября 1940 г.) Болгарии»². Все эти дискурсивные трансформации указывают на действие механизмов спин-докторинга, дефокусирования и рефреймирования.

(3) K. whereas despite the fact that on 24 December 1989 the Congress of People's Deputies of the USSR condemned the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact, in addition to other agreements made with Nazi Germany, the Russian authorities denied responsibility for this agreement and its consequences in August 2019 and are currently promoting the view that Poland, the Baltic States and the West are the true instigators of WWI (тогда как, несмотря на то, что 24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР осудил подписание пакта Молотова-Риббентропа, а также других соглашений, заключенных с нацистской Германией, российские власти отказались от ответственности за этот договор и его последствия в августе 2019 года и в настоящее время продвигают точку зрения, что Польша, страны Балтии и Запад являются истинными зачинщиками Первой мировой войны).

Навязывание переоценки ценностей, противоположная интерпретация ролей участников войны, событий и их значения для настоящего, включает действие комплекса механизмов. Соединение реальных и вымышленных фактов позволяет суггестивно воздействовать на адресата: представление сначала фактов, соответствующих действительности, повышает уровень доверия адресата, что может стать причиной принятия вымышленных фактов без тщательной исторической проверки данных. Так, в начале, в первой части предложения, информация соответствует действительности (*on 24 December 1989 the Congress of People's Deputies of the USSR the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact*). Однако далее информация искажается. Во-первых, замена слов «осуждать» на «отрицать ответственность» меняет смысл всего высказывания: *condemned the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact u denied responsibility for this agreement*. Во-вторых, вырывание предложения из

¹ Оккупация Советским Союзом Бессарабии и Буковины. Eurocentrist. LifeJournal. URL: <https://eurocentrist.livejournal.com/#post-eurocentrist-15812> (дата обращения: 10.10.2020).

² Королевство Румыния. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6348&PORTAL_ID=6348 (дата обращения: 25.04.2020).

контекста без следующего за ним предложения искажает идею всего документа. Приведем как пример п. 7 Постановления Съезда народных депутатов от 24.12.1989: «7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹. Уточнение о признании договоров недействительными в резолюции Европарламента опускается, однако, данный факт осуждения договора Съездом народных депутатов привязывается к другому по хронологии факту отрицания ответственности Российскими властями (*the Russian authorities denied responsibility for this agreement*). Посредством противопоставления решений современного руководства России и съезда народных депутатов СССР обнаруживается введение негативной валоризации первого, что указывает на действие механизма позиционирования в подвиде оппозиция.

К тому же, пресуппозиция «*Российские власти отрицают ответственность за это соглашение*» вуалирует действительные интенции Европарламента обвинить уже нынешнюю Россию (как политический субъект Российская Федерация) в развязывании войны. Использование негативных конверсивов «*подстрекатель, провокатор*» по отношению к некоторым европейским странам от имени России направлено на обострение международных отношений и изменение исторических данных, сдвигая ценностные ориентиры и меняя идеологическую позицию на определение истинных зачинщиков войны: *are currently promoting the view that Poland, the Baltic States and the West are the true instigators of WWII*. Синергичное действие механизмов спин-докторинга, позиционирования, дефокусирования способствует направлению внимания адресата по траектории негативного отношения к России.

(4) 16. *Is deeply concerned about the efforts of the current Russian leadership to distort historical facts and whitewash crimes committed by the Soviet totalitarian regime and considers them a dangerous component of the information war waged against democratic Europe that aims to divide Europe, and therefore calls on the Commission to decisively counteract these efforts* (Глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, ведущейся против демократической Европы и направленной на раскол Европы, и поэтому призывает Комиссию решительно противодействовать этим усилиям). Стратегия «перекладывания вины» (*the efforts of the current Russian leadership to distort historical facts and whitewash crimes*) как актуализация механизма спин-докторинга получает все более широкое распространение. Использование разговорного метафорического выражения «отбеливание преступлений» (*whitewash*

¹ Постановление СНД СССР от 24.12.1989 п 979-1 о политической и правовой оценке Советско-германского договора о ненападении от 1939 года URL: <https://www.lawmix.ru/docs/ссср/1241> (дата обращения 23.10.2019).

crimes) сконструировано по аналогии с метафорой «отмывание денег» и отражает негативное ценностное отношение адресанта. Печально известная технология «Окно Овертона», используемая для смещения шкалы ценностей [29], все чаще обнаруживает свое действие в западном медийном пространстве. Стратегия «отзеркаливания» (*a dangerous component of the information war waged against democratic Europe*) активизирует механизм рефреймирования и наблюдается, когда действия, взгляды и ценности, которые принадлежат адресанту, намеренно приписываются адресату. Таким образом, приводятся в действие известные изречения: «кто первый встал, того и тапки» или «лучшая защита – это нападение».

Когнитивная модель инструментов, конструирующих резолюцию Европарламента представлена на рисунке 1. В центре модели расположены аксиологические аттракторы, нацеленные на привлечение внимания к проблеме причин и итогов Второй Мировой Войны: *война, оккупация, территория, тоталитарный режим*. Вокруг расположены механизмы и стратегии, посредством активации которых конструируются нужные идеи для смещения смысла и ценностей.

Рис. 1. Когнитивная модель конфликтного дискурса резолюции Европарламента
 Figure 1. Cognitive model of the conflict discourse of the European Parliament resolution

На рассмотренную нами выше резолюцию последовал ответ президента России В. В. Путина на неформальном саммите СНГ (20.12.2019)¹. Этот ответ обладает персуазивностью, сконструирован на основе модализации необходимости (*старался, пытался, вынужден был*), нарратива-объяснения (*Да, там есть секретная часть о разделе какой-то территории. Но мы не знаем, что есть в других соглашениях европейских стран с Гитлером. Потому что если мы вскрыли эти документы, то в западных столицах это все хранится под грифом «секретно». Мы ничего не знаем, что там было. Но нам теперь и знать не нужно, потому что мы по фактам видим, что сговор был*), механизмов фреймирования (*И в этом участвовал не только Гитлер, но и прежние руководители этих государств. Именно это и открывало Гитлеру движение на восток, именно это и послужило причиной начала Второй мировой войны*) и фокусирования (*мы видим, что был раздел независимого демократического государства – Чехословакии*). Логичная аргументация в сдержанном нейтральном тоне, интенциональность на дружелюбие и сотрудничество позволяют не только опровергнуть искаженные факты, но и вернуть диалог в прежнее русло, отстаять свою политическую позицию. Игнорирование нападок и обвинений способствует конструктивному диалогу, снижает конфликтность ситуации посредством действия стратегий создания диалогичности и бесконфликтного отстаивания своей позиции. Представим когнитивную модель инструментов дискурса Путина, гасящего конфликт, на неформальном саммите СНГ на рисунке 2.

Рис. 2. Когнитивная модель инструментов бесконфликтного дискурса В. В. Путина

Figure 2. Cognitive model of conflict-free discourse tools by V. V. Putin

¹ Путин В. В. Выступление на неформальном саммите СНГ 20 декабря 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения: 25.04.2020).

В ответ на выступление В. В. Путина, премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий опубликовал заявление (29.12.2019) на английском языке, на своем официальном сайте¹. В целом, как утверждает информационно-аналитический российский интернет-источник «статья премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого о Второй мировой войне является попыткой переписать историю»². Ниже приведен интерпретационный анализ некоторых фрагментов данного заявления.

(6) *The death toll of Nazism, fascism and communism is obvious for people of our generation. It is also obvious who is responsible for those crimes – and whose pact started World War II, the most murderous conflict in the history of humankind* (Число погибших от нацизма, фашизма и коммунизма очевидно для людей нашего поколения. Также очевидно, кто несет ответственность за эти преступления и чей пакт положил начало Второй мировой войне, самому кровавому конфликту в истории человечества). Объединение нацизма, фашизма и коммунизма в пресуппозиции (*The death toll of Nazism, fascism and communism*) смещает ценностное отношение к тоталитарным режимам, уравнивает их. Указание, что число погибших очевидно только для определенной группы людей, придает значимости адресанту как обладателю знаний не для всех (*obvious for people of our generation*). Псевдологическая связка «также ясно/очевидно» (*It is also obvious who is responsible for those crimes*) повторяет лексему (*obvious*) и смещает смысл предложения к ответственности за те преступления. Импликация лиц, ответственных за убийства набирает обороты и усиливается указанием на подписанный ими пакт, якобы послуживший причиной войны (*and whose pact started World War II*). Далее интеллектуальная напряженность дискурса интенсифицируется посредством словосочетания с негативно-окрашенным оценочным прилагательным в превосходной степени как самого смертоносного конфликта за всю историю человечества (*the most murderous conflict in the history of humankind*). Происходит активация механизма имажинеринга в подвиде «искривление».

(7) *Our country was the first to experience the armed aggression of Nazi Germany and Soviet Russia*. Переименование названия государства USSR на *Soviet Russia* способствует дрейфованию смысла и связывает ответственность за действия СССР тех времен с современной Россией. Такой перенос акцентов и объединение государств интерпретируем как действие механизмов дефокусирования и позиционирования в подвиде единения.

(8) *Thanks to Stalin, Hitler could conquer new countries with impunity, lock Jews from all over the continent in ghettos, and prepare Holocaust – one of the worst crimes in the history of humankind* (Благодаря Сталину Гитлер мог безнаказанно завоевывать новые страны, запирать евреев со всего континента в гетто и готовить Холокост – одно из самых страшных преступлений в истории человечества). В то же время фигура советского вождя возводится в ранг значимых и влиятельных фигур, от которых

¹ Statement by the Prime Minister of Poland Mateusz Morawiecki URL: <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/statement-by-the-prime-minister-of-poland-mateusz-morawiecki.html> (дата обращения: 25.04.2020).

² Историк обвинил Польшу в позорной фальсификации итогов Второй мировой URL: <https://ria.ru/20200122/1563702257.html> (дата обращения: 25.04.2020).

зависит будущее всего мира (*thanks to Stalin*), благодаря кому Гитлер смог безнаказанно (*with impunity*) совершить ряд антигуманных действий против евреев (*lock Jews; prepare Holocaust*). Связывание авторитета Сталина и безнаказанности действий Гитлера позволяет сместить внимание адресата на Сталина, сконструировать негативное отношение адресата к Сталину, тем самым рефреймировать ситуацию. Можно выделить таким образом действие механизмов фокусирования, рефреймирования, стратегии создания круга «чужих» и дискредитации.

(9) *Communist leaders, Joseph Stalin in the first place, are responsible for all these crimes. Eighty years after World War II started, attempts are made to rehabilitate Stalin for political goals of today's President of Russia.* (За все эти преступления несут ответственность коммунистические лидеры, и в первую очередь Иосиф Сталин. Спустя восемьдесят лет после начала Второй мировой войны предпринимаются попытки реабилитировать Сталина ради политических целей сегодняшнего президента России). Декларативное утверждение о виновности всех коммунистических лидеров, в особенности Сталина, во всех преступлениях (*Communist leaders, Joseph Stalin in the first place, are responsible for all these crimes*) является явным преувеличением, искажением, псевдоумозаключением; таким образом, не отражает реальность, а конструирует ее. Так конструируется альтернативная реальность, выгодная адресанту, посредством стратегии моделирования альтернативного прошлого. Дальнейшее указание, что производятся попытки реабилитировать Сталина ради политических целей современного Президента России (*attempts are made to rehabilitate Stalin for political goals of today's President of Russia*) основано на активации механизма спин-докторинга. Однако конструирование предложения в страдательном залоге позволяет адресанту не указывать однозначно, кто является актором попыток, тем самым позволяет избежать прямого обвинения.

(10) *President Putin has lied about Poland on numerous occasions, and he has always done it deliberately* (Президент Путин неоднократно лгал о Польше, и всегда делал это сознательно). Двойной речевой акт прямого обвинения во лжи (*has lied; has done*) в видовременной форме Present Perfect указывает на результат к настоящему моменту, чем усиливает воздействующий эффект. Использование уточняющего атрибутивного словосочетания (*numerous occasions*), повтор грамматической формы с уточняющим наречием времени – всегда (*always*) и наречием, выражающим злостное намерение (*deliberately*), интенсифицируют аксиологический сдвиг, активируют механизм имажинеринга в подвиде интенсификации.

(11) *"This usually happens when Russian authorities feel international pressure related to their activities – and the pressure is exerted not on historical but [the] contemporary geopolitical scene"* («Обычно это происходит, когда российские власти ощущают международное давление, связанное с их деятельностью – и давление оказывается не на исторической, а на современной геополитической сцене»). Субъективное объяснение причин действий российских властей (*This usually happens when ...*) демонстрирует знание их чувств (*feel international pressure*), что не аргументировано логически. Попытка переключить адресата на эмоциональное мышление,

описывая чувство давления, уточнение, что это давление проявляется не только по отношению к исторической, но и современной геополитической сцене, активирует механизм имажинеринга в подвиде гиперболизации.

(12) *“Without Stalin’s complicity in the partition of Poland, and without the natural resources that Stalin supplied to Hitler, the Nazi German crime machine would not have taken control of Europe”* («Без соучастия Сталина в разделе Польши и без природных ресурсов, которые Сталин поставлял Гитлеру, преступная машина нацистской Германии не взяла бы под свой контроль Европу»). Прямое указание на соучастие Сталина (*Stalin’s complicity*) в разделе Польши, так же, как и поставка природных ресурсов Гитлеру (*Stalin supplied to Hitler*) активируют механизм позиционирования в подвиде оппозиция. Пресуппозиция, что Гитлер и Сталин противопоставляются Польше и Европе, позиционируется как отношение врагов и невинных жертв. Использование сослагательного наклонения нереального типа (*would not have taken control*) подталкивает адресата к мысли, что именно Сталин послужил причиной захвата контроля над Европой, и без его участия этого бы не произошло. Такая двойная пресуппозиция, что Сталин помогал Гитлеру и сам хотел взять Европу под контроль, может легко запутать некритически мыслящего адресата. Следовательно, здесь тоже наблюдается действие механизма спин-докторинга. Метафорическая конструкция «Нацистско-немецкая машина для преступлений» (*the Nazi German crime machine*) включает образно-эмоциональное мышление, активирует механизмы метафоризации и имажинеринга в подвиде драматизации, что служит еще одним суггестивным средством воздействия на подсознание адресата. На рисунке 3 представлена когнитивная модель инструментов конфликтного дискурса Моравецкого.

Рис. 3. Когнитивная модель инструментов конфликтного дискурса М. Моравецкого

Figure 3. Cognitive model of conflict discourse tools by M. Morawiecki

К выводам

Очевидно, что переосмысление, переноминация и переоценка катастрофических событий прошлого, которые на самом деле намеренно сконструированы адресантом, а преподносятся аудитории как реальность, выявляют действие механизмов спин-докторинга, фреймирования, рефреймирования, фокусирования, дефокусирования, имажинеринга, метафоризации и позиционирования. Конструирование негативного сценария прошлого выдается за реальное состояние дел, может запутать адресата со сниженным уровнем сознательности, аналитичности и критичности при восприятии подаваемой таким образом информации. Суггестивное воздействие беспрепятственно проходит когнитивный фильтр адресата, проникая на глубинный ценностный уровень и воспринимается им уже как собственные мысли.

Как показывает анализ современного медийного дискурса в интернет-пространстве по рассматриваемому топику, множественные интерпретации начала и итогов Второй Мировой войны получили широкое распространение в западных СМИ. Как следствие, для российского государства становится необходимым представить широкой общественности первоначальные исторические факты, подтвержденные официальными документами. Представленный в данной статье анализ ответного заявления российского Президента демонстрирует достойный аргументативный ответ, не выходящий за рамки рациональности и документально подтвержденной информации. Подчеркнем, что российские государственные и политические деятели В. В. Путин, М. В. Мишустин, С. В. Лавров и др. разговаривают языком логики, рационализма и прагматизма, а их европейские оппоненты, наоборот, языком негативных эмоций. Так, рассмотренная европейская резолюция не гнушается намеренными искажениями исторических фактов для оказания максимального воздействия на адресата. По этой причине диалог с условным Западом оказывается в настоящее время практически невозможным на психолингвистическом уровне.

Смещение духовных ценностей и фальсификация исторических фактов на Западе приобретают характер дискурсивных технологий по смене идеологических, социально-политических позиций не критически мыслящего адресата и формирования антироссийских аксиологических ориентаций молодого поколения. Лингвистическая экспертиза текстов, критический дискурс-анализ и метод деконструкции нацелены на выявление истинных смыслов и скрытых интенций адресанта. Таким образом, исследователи, работающие в разных социо-гуманитарных областях, в том числе лингвисты и дискурсивные технологи могут способствовать раскрытию глубинных ценностных, суггестивных смыслов, заложенных в дискурс и конструирующих альтернативный мир. Последнее делает подобные работы весьма актуальным для политологии, политической социологии и практической политики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999. 896 с.
3. Володина М. Н. Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / Под ред. А. Г. Пастухова. Орел: ОрГИК, 2015. С. 20–26. EDN: WEWJEN.
4. Герман И. А. Лингвосинергетика. Барнаул: АлАЭП, 2000. 161 с.
5. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999. 130 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
7. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
8. Иванов В. Н., Сергеев В. К. Всегда Великая Победа. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 264 с. EDN: FSRPHN.
9. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014. 320 с.
10. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
11. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ...д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.
12. Ким Л. Г., Беляева Е. С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста // Вестник ТомГУ. Филология. 2019. № 57. С. 48–62. DOI: 10.17223/19986645/57/3; EDN: ZAYFML.
13. Леонтьев А. А. Психология общения: уч. пос. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Академия, 2008. 368 с.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2020. 344 с. EDN: YWMHLD.
15. Лотман Ю. М., Гаспаров М. Л. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
16. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 1979. 151 с.
17. Назария С. М. Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 92–101.

18. Плотникова С. Н. Технологизация дискурса в современном обществе / Под ред. С. Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 320 с.
19. Романов А. А., Морозова О. Н., Романова Л. А. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации. 2015. Т. 1. № 39. С. 1–31. EDN: TWAIWX.
20. Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3(24). С. 13–18. EDN: RBWOPZ.
21. Скрипникова А. И. Фреймирование и рефреймирование в масс-медиа // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1235–1238.
22. Толдова С. Ю. Структура дискурса и механизм фокусирования как важные факторы выбора номинации объекта в тексте. Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.19. М., 1994. 22 с.
23. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Гум. Центр, 2004. 336 с.
24. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.
25. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. И. Емельянова. М.: Мир, 1980. 404 с.
26. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. М.: Петрополис, 1998. 432 с.
27. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
28. Якоба И. А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Ученые записки ПетрГУ. 2019а. № 3(180). С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.315; EDN: SWJYGM.
29. Якоба И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник ЧерГУ. 2019б. № 5(95). С. 175–187. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-14; EDN: OZJLBP.
30. Яноу Д., Хульст М. ванн. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2. С. 87–110. EDN: NYKOVH.

Получено редакцией 19.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якоба Ирина Александровна, доктор филологических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры иностранных языков №1, Иркутский национальный исследовательский технический университет; профессор кафедры лингвистики и лингводидактики, Иркутский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6

The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia

Irina A. Yakoba

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia;
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

E-mail: irina_yakoba@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0443-4685

For citation: Yakoba I. A. The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

Abstract. The construction of discourse as a method of influence in the modern media space is becoming increasingly widespread. The influencing potential of discourse is revealed through modelling the evaluative interpretation of a discursive attractor event in the mass media space. This study identifies and demonstrates the features of constructing new value systems of an attractor event in media discourse to shift ideological values and rewrite historical facts from a given ideological position. The object of the study is the referent of the events of the Great Patriotic War (World War II), the anti-Russian interpretation of which is presented in the resolution of the European Parliament “On the importance of preserving historical memory for the future of Europe” and the statement of M. Morawiecki to the response statement of V. V. Putin at the informal CIS summit. Axiological analysis, interpretive analysis in line with inference, cognitive modelling, critical discourse analysis and the deconstruction method have been used as the research methods. The study demonstrates how this resolution and Morawiecki’s statement construct a false interpretation of the historical facts of the Second World War to shift the addressee’s values, activating linguistic-cognitive mechanisms: spin-doctoring, focusing, defocusing, framing, reframing, positioning, imagineering. As a result of the study, conclusions are drawn about the potential of discursive tools for ideological influence on the addressee.

It has been revealed that the renomination and reevaluation of catastrophic events in the past, which are the addresser’s imagination, are presented as reality. An alternative scenario of the past is constructed, which is presented as the real state of affairs, which can confuse the recipient with a reduced level of criticality when perceiving the suggested information. Consequently, it is assumed that the addresser’s manipulative influence is aimed at changing the addressee’s values. The development of discursive technologies to change the socio-political positions of the uncritically thinking addressee and the formation of anti-Russian axiological orientations of the younger generation contribute to the displacement of higher values, and the arbitrary interpretation of historical facts in the West is becoming regular. The presented cognitive models of new constructed political positions contain axiological attractors, linguo-cognitive mechanisms and discursive strategies identified in the process of analysis.

Keywords: discourse construction, interpretation, axiology, assessment, war

References

1. Arutyunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988: 341 (in Russ.).
2. Arutyunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, YaRK, 1999: 896 (in Russ.).
3. Volodina M. N. Social and information-linguistic role of texts of mass communication. Genres and types of text in scientific and media discourse. Ed. by A. G. Pastukhov. Orel, OrGIK, 2015: 20–26 (in Russ.). EDN: WEWJEN.
4. German I. A. Lingvosinergetika [Linguistics]. Barnaul, AlAEP, 2000: 161 (in Russ.).
5. German I. A., Pishchalnikova V. A. Vvedenie v lingvosinergetiku [Introduction to linguo-synergetics]. Barnaul, 1999: 130 (in Russ.).
6. Derrida J. O grammatologii [About grammar]. Transl. from fr. and introd. by N. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem, 2000: 512 (in Russ.).
7. Derrida J. Pis'mo japonskomu drugu [Letter to a Japanese friend]. *Voprosy filosofii*, 1992: 4: 53–57 (in Russ.).
8. Ivanov V. N., Sergeev V. K. Always a great victory. 3rd ed., rev. and expand. Moscow, FNISCRAN, 2020: 264 (in Russ.). EDN: FSRPHN.
9. Iriskhanova O. K. Igrы fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, YaSK, 2014: 320 (in Russ.).

10. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa [Language of social status]. Moscow, Gnosis, 2002: 333 (in Russ.).
11. Kim L. G. Variational-interpretative functioning of the text: theoretical and experimental research. dis. ... dr. philol. sc. Kemerovo, 2010: 405 (in Russ.).
12. Kim L. G., Belyaeva E. S. Pre-text expectations of the addressee as a factor in the variability of the interpretation of a political text. *Vestnik TomGU. Philologiya*, 2019: 57: 48–62 (in Russ.). DOI: 10.17223/19986645/57/3; EDN: ZAYFML.
13. Leontiev A. A. Psihologija obshhenija [Psychology of communication]. 5th ed. Moscow, Smysl; Akademija, 2008: 368 (in Russ.).
14. Linguistics of information-psychological warfare: monograph. Book III. Ed. by A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, SFU, 2020: 344 (in Russ.). EDN: YWMHLD.
15. Lotman Yu. M., Gasparov M. L. O pojetah i poezii: Analiz pojeticheskogo teksta [About poets and poetry: Analysis of the poetic text]. St. Petersburg.: Iskusstvo-SPb, 1996: 846 (in Russ.).
16. Minsky M. Frejmy dlja predstavlenija znaniy [Frames for knowledge representation]. Moscow, Jenergija. 1979: 151 (in Russ.).
17. Nazariya S. M. June 1940 events in Bessarabia and their interpretation in modern historiography. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 2013: 4: 3: 92–101 (in Russ.).
18. Plotnikova S. N. Tehnologizacija diskursa v sovremennom obshhestve [Technologization of discourse in modern society]. Ed. by S. N. Plotnikova. Irkutsk, IGLU, 2011: 320 (in Russ.).
19. Romanov A. A., Morozova O. N., Romanova L. A. Spin-doctoring construction of mental representations in the system of public communication. *Mir lingvistiki i kommunikacii*, 2015: 2: 39: 1–31 (in Russ.). EDN: TWAIWX.
20. Serebrennikova E. F. Aksiologicheskaja parametrizacija social'nogo diskursa [Axiological parametrization of social discourse]. *Vestnik IGLU*, 2013: 3 (24): 13–18 (in Russ.). EDN: RBWOPZ.
21. Skripnikova A. I. Frejmirovanie i refrejmirovanie v mass-media [Framing and reframing in mass media]. *Molodoj uchenyj*, 2014: 4: 1235–1238 (in Russ.).
22. Toldova S. Yu. Struktura diskursa i mehanizm fokusirovanija kak vazhnye faktory vybora nominacii ob'ekta v tekste [The structure of discourse and the focusing mechanism as important factors in choosing the nomination of an object in a text]. Abstract dis. ... cand. philol. sci.: 10.02.19. Moscow, 1994: 22 (in Russ.).
23. Phillips L., Jorgensen M. V. Discourse analysis. Theory and method. Transl. from Eng. Kharkov, Gum. Centr, 2004: 336 (in Russ.).
24. Haken G. Synergetics. Hierarchies of instabilities in self-organizing systems and devices. Moscow, Mir, 1985: 424 (in Russ.).
25. Haken G. Synergetics. Transl. from Eng. by V. I. Emelyanov. Moscow, Mir, 1980: 404 (in Russ.).
26. Eco U. Missing structure. Introduction to semiology. Transl. by A. G. Pogonyaylo, V. G. Reznik. Moscow, Petropolis, 1998: 432 (in Russ.).
27. Eco U. The role of the reader. Studies in the semiotics of the text. Transl. from Eng. and ital. S. Silver. St. Petersburg, Symposium, 2005: 502 (in Russ.).
28. Iakoba I. A. External and internal parameters of media discourse. *Uchenye zapiski PetrGU*, 2019a: 3 (180): 94–100 (in Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.315; EDN: SWJYGM.
29. Iakoba I. A. Deconstruction of the Overton Window Technology in American Media Discourse. *Vestnik CherGU*, 2019b: 5 (95): 175–187 (in Russ.). DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-14; EDN: OZJLBP.
30. Yanou D., Hulst M. van. Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovaniya [Frames of the political: from frame analysis to framing analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2011: 10: 1-2: 87–110 (in Russ.). EDN: NYKOBH.

The article was submitted on: April 19, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Iakoba, Doctor of Philological Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor of Foreign languages Department, Irkutsk National Research Technical University; Professor of linguistics and linguodidactics department, Irkutsk State University

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7

EDN: IBELSQ

«Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования

Ссылка для цитирования: Щенина О. Г. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

For citation: Shchenina O. G. “Cancel Culture” in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

Щенина Ольга Геннадьевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oschenina@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 485533

Аннотация. В данной статье рассматривается т. н. cancel culture («культура отмены») как фактор новой социальной реальности, оказывающий влияние на конфигурации постоянно изменяющихся общественных отношений. Вместе с тем показано, что трактовки «культуры отмены» в социально-политическом и социокультурном дискурсе весьма обширны. Предпринята попытка анализа «культуры отмены» в контексте многообразия форм ее проявления, охарактеризованы основные черты и особенности этого явления. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что «культура отмены» представляет собой одну из форм взаимодействия между субъектами социальных отношений. Показано, что «культуру отмены» можно рассматривать и как форму политических отношений, и как технологии, применяемой в настоящее время в разных сферах общественной жизни для достижения определенных политических или бизнес-целей. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что «культура отмены» получает широкое распространение в связи с переходом к повсеместному использованию информационно-коммуникационных технологий, становлением сетевого общества. А процесс цифровизации, в том числе и социальных отношений, во многом способствует ее экспансии в современном обществе.

Переход к новому типу общества – информационному, сетевому – повлек за собой переход к новым формам и механизмам социальных взаимодействий. В работе отмечается, что ускорение общественного развития оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности социума и в том числе систему социальных взаимодействий и отношений. Высказывается предположение о зарождающихся в XXI в. технологиях и механизмах реализации социальных взаимодействий, альтернативных существующим.

С этих позиций утверждается, что «культура отмены» является одной из разновидностей социальных взаимодействий прежде всего в сетевой проекции. Сделан вывод о том, что спектр интерпретации понятия «культура отмены» достаточно широк, исследовательские подходы многообразны и позволяют изучать ее с точки зрения форм и технологий социального взаимодействия, а также как одну из разновидностей моделей коммуникаций.

Феномен «культуры отмены» рассматривается в контексте цифровой трансформации современного общества. На основе анализа процессов цифровизации (в ракурсе рассматриваемого вопроса о взаимосвязи цифровизации и «культуры отмены») отмечается особая значимость политико-правовых и этических аспектов реализации «культуры отмены» в социальных практиках.

Ключевые слова: новая реальность, «культура отмены», социальные отношения, цифровизация, технологии

Введение

Новая реальность современного мира в условиях глобальной турбулентности представляет собой пеструю мозаику форм коммуникаций, отношений, сетей, а также их разнообразных моделей во всех сферах общественной жизни. Они постоянно видоизменяются и процесс этой модификации зачастую похож на броуновское движение либо диффузию. То есть происходящие в обществе перемены характеризуются взаимовлиянием и взаимопроникновением составляющих их компонентов (например, как молекулы и атомы при диффузии). И такое обращение к аналогии из области физики и химии в контексте междисциплинарности представляется нам не случайным.

Поскольку в ситуациях появления иных форм и конфигураций новой реальности происходит ее переосмысление, появляются креативные идеи, гипотезы развития, в том числе и на основе интеграции разных областей знания. При этом следует отметить, что наряду с изменениями материальных факторов современного мира существенным образом меняется и его нематериальная составляющая (например, ценности общества, культура и др.).

Новая социальная реальность проявляется в разных проекциях: социально-политической, экономической, социокультурной. Представляется, что социальная динамика современного мира оказывает существенное влияние на широкий спектр социальных отношений, которые видоизменяются под влиянием процессов глобальной турбулентности. При этом социальные отношения меняют свои конфигурации под влиянием информатизации и цифровизации, а также сетевизации. Однако не только технологические процессы и инновации преобразуют облик социума, не менее значимы и социально-политические последствия их реализации. Нарастающие по экспоненте изменения практически во всех областях системы социальных отношений позволяют специалистам делать выводы об устойчивой тенденции к их модификации. Таким образом, ускорение

общественного развития в нынешнюю эпоху перемен оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности социума, в том числе и систему социальных отношений.

Как известно, процессы трансформации социума влекут за собой в том числе и появление новых концептов, категорий, понятий, характеризующих происходящие перемены, так, например, «новые социальные формы порождают новое в языке» [6, с. 4]. К такого рода феноменам в полной мере относится т. н. cancel culture («культура отмены»), которая все чаще вызывает широкий общественный резонанс при ее реализации на практике.

Возрастающий исследовательский интерес к этому феномену политологов, социологов, философов, лингвистов и других специалистов в области прежде всего социально-гуманитарного знания свидетельствует о зарождающихся в XXI в. альтернативных существующим технологиях и механизмах реализации социальных взаимодействий.

В политическом дискурсе все чаще высказывается мнение о незначительном влиянии «культуры отмены» на политический процесс, и эта точка зрения преобладает в среде специалистов. При этом, однако, подчеркивается, что она может выступать как средство политического давления на оппонентов в контексте ее применения в коммуникативных политических практиках. Новая социальная реальность сетевого общества формирует в процессе становления новое коммуникативное пространство, которое модифицирует пространственно-темпоральные характеристики современного общества. В этой связи особое значение приобретают вопросы научного анализа общественных трансформаций и поиска адекватных интерпретационных моделей общественных отношений. В этом отношении дискурс, связанный с «культурой отмены» также представляется важным предметом исследования.

О дефинициях «культуры отмены»

Термин «культура отмены» (cancel culture) или канселлинг появился в социально-политическом дискурсе относительно недавно и получил распространение в течение последнего десятилетия. Употребление его в качестве научной категории пока еще не имеет широкого распространения. Чаще всего его употребляют в негативном контексте по отношению к оценкам действий, точек зрения, мнений людей и групп.

В политической повестке это понятие применяется для характеристики политических практик, при изучении эффективности применения политических технологий в области политических коммуникаций. В более широком смысле оно используется при анализе трансформаций существующей системы международных отношений и современного мира в контексте описания тенденций развития и поисков путей преодоления политического кризиса. Сюда относятся попытки «отмены» нашей страны – России – в системе международных отношений (и особенно в области искусства, спорта, шоу-бизнеса), которые могут рассматриваться как «инструмент политического давления» [4, с. 220].

Зачастую термин «культура отмены» используется для выражения неодобрения, отрицания позиции человека или группы по социально значимым проблемам, то есть как элемент социального контроля и оказания давления на инакомыслящих.

Термин получил достаточно широкое распространение в связи с технологическими возможностями социальных сетей, принципиально изменяющими формы коммуникаций между пользователями. В 2020 г. издатели Оксфордского словаря в докладе «2020. Слова беспрецедентного года»¹ выделили 16 терминов, которыми можно охарактеризовать ситуацию в мире, ключевые тенденции, процессы и явления, среди них была и «культура отмены». Следовательно, есть основания признать, что она прочно вошла в нашу жизнь и является сегодня одним из факторов социальной реальности.

Проблематика, сопряженная с «культурой отмены» вызывает интерес в обществе и уже находит отражение в работах отечественных исследователей. Так, А. Ф. Фефелов обращает внимание на дискурс «культуры отмены» в лингвистическом ракурсе (лингвистическом значении и смысле), а также останавливается на вопросах перевода с английского этого термина и его интерпретации [8]. На основе лингвокультурного и переводческого анализа рассматриваемого феномена «культура отмены» им выдвигается идея дихотомии в переводе термина: как «культура отмены» и «отмена» культуры.

П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина в своем исследовании сосредотачиваются на роли «новых медиа» в распространении «культуры отмены» и предлагают ее феноменологический анализ [2]. Кроме того, авторами выявлены и проанализированы социокультурные и социально-политические аспекты рисков и угроз в контексте информационной безопасности при реализации в российских практиках «культуры отмены».

Э. А. Новосёлов анализирует различные аспекты ее проявления в современной России в условиях санкционного давления на примерах попыток «отмены» нашей страны в разных сферах: экономике, политике, культуре [4]. Автор предлагает рассматривать «культуру отмены» как «политический инструмент давления» на Россию на основе анализа ряда кейсов российской действительности [4, с. 223]

И. А. Быков, изучая «культуру отмены» в контексте политического дискурса, рассматривает ее как «разновидность агрессивных коммуникаций» и делает вывод, что «...ее влияние на политическую повестку и, тем более, на политический процесс значительно ограничено» [1, с. 14]. Применение методологии критического дискурс-анализа прежде всего для анализа политических практик позволило автору представить широкую палитру мнений и подходов к исследованию значения и места «культуры отмены» в российском обществе.

Вместе с тем следует отметить – большинство специалистов на основе комплексного изучения практик «культуры отмены» в нашей стране полагают, что она не получила широкого распространения. В ракурсе рассмотре-

¹ Word of the Year 2020 // OxfordLanguages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения: 27.05.2023).

ния актуальной политической повестки дня характеристику причин и факторов ее незначительного влияния на российский политический процесс предлагают А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев, С. В. Устинкин, А. А. Фоменков [3]. Авторами выявлены и проанализированы факторы, которые оказывают влияние на незначительное распространение «культуры отмены» в нашей стране. Среди них можно выделить традиции политической культуры, политику исторической памяти, символическую политику.

С. В. Чугров отмечает важную роль в этом особого «социокультурного кода нации» [11, с. 91] на основе исторического и философского анализа рассматриваемого вопроса. На основе изучения генезиса «культуры отмены» в мировой политике в социокультурном контексте он выделяет ряд факторов, оказывающих влияние на такие практики и широту их распространения. В контексте анализа современных российских реалий автором сделан вывод о том, что «великая история и культура, литература и искусство становятся стержнем, который позволит сохранить идентичность и целостность России» [11, с. 96].

Поскольку «культура отмены» многозначна в определениях и трактовках, следует рассмотреть многообразие и даже некоторую сложность ее дефиниций. Поэтому, на наш взгляд, при характеристике данного явления вполне возможно использовать в смысловом контексте не только термин, имеющий точно определенное значение, но и как общее понятие «культура отмены» в более широком смысле. Это позволит интерпретировать более полно ее содержание, признаки, свойства.

Поскольку изучение «культуры отмены» в теоретико-методологическом плане началось сравнительно недавно, выделим на основе анализа дефиниций рассматриваемого феномена несколько его граней. Упомянутые выше авторы предложили следующие исследовательские ракурсы трактовки культуры отмены»: факторы ее распространения; агрессивные коммуникации; политический инструмент давления; риски и угрозы; дуализм трактовок.

Перейдем к рассмотрению дефиниций этого весьма неоднозначного феномена современного общества. Во-первых, это «цифровой бойкот», который может применяться по отношению к отдельным людям или же целым социальным группам; во-вторых, публичная демонстрация уклонения от отношений в любых формах и проявлениях с данным человеком (как правило, публичным, известным) или же представителями социальной группы. В-третьих, это «феномен массовой критики людей в социальных сетях и на публичных информационных платформах» [2, с. 163]; и в-четвертых, «cancel culture» есть способ поведения общества или группы людей, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать какого-либо человека, потому что он сказал или сделал что-то оскорбительное» [9, с. 37].

Следует отметить, что понятие «культура отмены» в ряде публикаций употребляется как синоним невежества, необразованности, отсталости и в целом как характеристика бескультурья. Существует мнение, что ее можно рассматривать и в качестве контркультуры в рамках дихотомии

«доминирующая культура – контркультура». Кроме того, применение «культуры отмены» по отношению к отдельному человеку или социальной группе можно анализировать и в ракурсе восстановления справедливости [7]. То есть в ситуациях конфликтов или скандалов в публичном пространстве возможно игнорирование их участников как попытка восстановления стабильности. А также привлечение кого-либо к ответственности за публичные высказывания или поступки в том числе и при наличии у человека высокого социального статуса. Однако обвинения могут быть необоснованными и тогда это может быть представлено как организация гонения на человека или группу лиц, или их преследование по сугубо политическим мотивам, что влечет за собой репутационные риски и репутационный ущерб прежде всего для медийных персон.

Таким образом, практики реализации «культуры отмены» позволяют трактовать ее и как процесс, например, отстранения от публичного пространства, публичную изоляцию и др. Вместе с тем, на основе анализа социальных практик «культуры отмены» уместным выглядит предположение о ее технологической компоненте. То есть она является социальной технологией, которая применяется достаточно активно в разных сферах общественной жизни.

Представляется, что в процессе анализа дефиниций «культуры отмены» возможно выделить два направления исследований. Во-первых, рассмотрение «культуры отмены» как социально-политической технологии. Технологический компонент может быть представлен как совокупность технологических условий ее реализации: медиaprостранство; манипулирование общественным мнением; технология информационной/гибридной войны; виртуальная среда; социальная технология.

Безусловно, перечень условий может быть дополнен и расширен, при этом следует отметить, что каждая составляющая в равной степени оказывает влияние на возможности применения «культуры отмены» и на последствия ее реализации.

Во-вторых, изучение форм и видов социально-политических практик «культуры отмены». Их многообразие предполагает в свою очередь множественность оценок и трактовок рассматриваемого феномена, среди которые общественное порицание; социальная справедливость; цифровая культура и аксиологический аспект ее применения и т. п.

Как упоминалось выше, «культура отмены» получает распространение в условиях активного использования информационно-коммуникационных, прежде всего цифровых технологий. Следовательно, это одна из разновидностей социальных взаимодействий прежде всего в сетевой проекции.

Однако если мы обратимся к истории, то увидим, что такая форма социально-политических отношений существовала задолго до появления интернета и социальных сетей как одна из форм социального бойкота (остракизма) человека или группы лиц. Так, в Древней Греции остракизм (собственно, этот термин там и возник) использовался как средство борьбы с политическими противниками, например, их «отмены» в системе государственного управления, равно как и для недопущения тирании.

Следует отметить, что в Древнем мире такая форма политических практик являлась скорее исключением, нежели правилом. Аристотель в трактатах «Политика» и «Афинская полития» приводит множество примеров остракизма и дает теоретическое обоснование этого феномена.

Таким образом, спектр интерпретации понятия «культура отмены» достаточно широк, исследовательские подходы многообразны и позволяют рассматривать его с точки зрения анализа форм и технологий социального взаимодействия, а также как одну из разновидностей моделей коммуникаций.

«Культура отмены» в условиях цифровизации

В условиях цифровизации всех сторон жизни современного человека, поскольку она становится одним из основных трендов развития общества, особую роль начинают играть цифровые возможности людей, групп и государства в целом. По мнению исследователей цифровизации, современный цифровой мир характеризуется «1) гигантскими скоростями передачи информации и знаний; 2) гигантскими объемами запоминающих устройств; 3) гигантскими скоростями поиска и распознавания данных в базах данных и знаний; 4) глобальными масштабами передачи и распространения социально- и индивидуально-значимых информации, и знаний. Все это обуславливает быстрое распространение знаний, особенно научных, и их влияние на технологический и социальный прогресс» [5, с. 35]. Тем самым на наших глазах формируется новая «социально-цифровая» реальность, оказывающая существенное влияние на жизнедеятельность общества.

Новая цифровая реальность оказывает влияние на поведение и сознание современного человека прежде всего посредством социальных сетей, которые фактически представляют собой технологическую площадку реализации возможностей организации его «цифровой жизни». Одной из сторон последней может выступать и «культура отмены» как разновидность современных моделей социальной коммуникации.

Обратимся к некоторым примерам «культуры отмены» в контексте российских реалий, которые немногочисленны, поскольку эта модель социальных коммуникаций не получила широкого распространения в российском обществе. Достаточно вспомнить кейсы «культуры отмены» в российской действительности: одним из первых, получивших широкую огласку примеров «культуры отмены», стала рекламная компания сети ресторанов «Тануки» в 2020 г. В рекламе заведений использовались изображения людей с лишним весом, а также предпринималась попытка сопоставить предлагаемый ассортимент блюд с отличиями людей по расовым признакам (цвет блюд – цвет кожи). Предложивший идею этой рекламной компании А. Фрольченков лишился должности руководителя SMM-отдела, однако сеть ресторанов «Тануки» в результате скандала приобрела внимание и известность у посетителей.

Одним из примеров практики «культуры отмены» в российском обществе стало интервью в 2020 г. с телеведущей Региной Тодоренко о домашнем насилии, после которого она подверглась травле в публичном пространстве. Однако ей удалось восстановить репутацию и вернуться в профессиональную сферу после многочисленных извинений и выпуска в прокат документального фильма о домашнем насилии и роли женщины в этих ситуациях.

Не менее широкую известность получили и высказывания Ксении Собчак, выразившей в 2020 г. в одном из своих аккаунтов неоднозначно трактуемое отношение к протестам в США. Вследствие чего она подверглась обвинениям в расизме, а автомобильный концерн Audi разорвал с ней рекламный контракт после длительного сотрудничества.

После начала специальной военной операции в 2022 г. на Западе началась мощная кампания по отмене нашей страны – России – практически по всем направлениям. Например, были отменены концерты Анны Нетребко, Дениса Мацуева, Валерия Гергиева и др., то есть предпринимались значительные усилия для «отмены» российских деятелей культуры. Были отмечены попытки сорвать постановки классических балетов «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» только по причине того, что они созданы русским композитором и т. п. Практики культуры отмены в отношении России проявляются в разрыве отношений между ведомствами и организациями в науке, образовании, культуре, спорте, бизнесе и других сферах. Так, многие учреждения культуры европейских стран прервали все контакты с давними партнерами в РФ, российским спортсменам был закрыт доступ к участию в международных соревнованиях и т. д. Сегодня можно привести уже сотни и даже тысячи примеров отмены России в самых разных областях на фоне принятия 12-го пакета санкций против нашей страны, однако всем очевидно, что эти попытки провалились. Достаточно вспомнить, что Президент РФ В. В. Путин еще в апреле 2022 г. заявил: «Жестко изолировать в современном мире вообще невозможно никого, такую огромную страну, как Россия, так точно невозможно. Поэтому мы будем работать с теми нашими партнерами, которые хотят взаимодействовать»¹.

Анализируя ситуации применения «культуры отмены» прежде всего в социально – политических практиках, ряд специалистов отмечают возможности этой технологии для манипулирования общественным мнением.

Поскольку реакция общественного мнения на практики «культуры отмены» разнообразна, следует учитывать в этой связи феномен «спирали умолчания», предложенный Э. Ноэль-Нойман. Так, «Э. Ноэль-Нойман представляет более позитивный взгляд на влияние мнения большинства на меньшинство, принимая в качестве отправной точки понятие «общественное мнение». Страх перед социальной изоляцией приводит многих людей к отказу от некоторых своих изначальных представлений – с целью достичь

¹ Путин: Беседа с работниками космодрома Восточный [Электронный ресурс] // Президент России. 12.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions/AMU/events/68180> (дата обращения: 27.05.2023).

компромисса с общественным мнением» [10, с. 275]. И это еще один из ракурсов возможного изучения феномена «культуры отмены» – манипулирование общественным мнением и массовым сознанием, а также поведением человека. Тем самым актуализируется вопрос изменения сознания людей под влиянием информационных потоков в информационном обществе.

Следовательно, особый исследовательский интерес в области социально-гуманитарного знания представляют антропологические аспекты информационного общества.

Какова же связь цифровизации и «культуры отмены»? Особую роль здесь будут играть цифровые платформы, которые предоставляют технологические возможности применения «культуры отмены» на практике. Именно они преимущественно обеспечивают сетевые коммуникации, создают возможности для участия в цифровом пространстве.

Деятельность современного человека во многом осуществляется на основе информационно-коммуникационных технологий. В этом контексте следует учитывать и «цифровые разрывы» среди населения, рассматриваемые прежде всего как неравенства в доступе к интернету и другим цифровым возможностям. Так число пользователей интернета в мире превысило 5 млрд человек из 8 млрд жителей Земли и составило в 2023 г. 5,16 млрд чел.¹, то есть более половины населения планеты имеют доступ в интернет и, следовательно, обладают хотя бы минимальными цифровыми компетенциями.

Вместе с тем, важную роль играют цифровые навыки населения, особенно цифровая грамотность. По данным национальной программы «Цифровая экономика РФ» уровень цифровой грамотности россиян должен составить 38% в 2023 г.² Безусловно, достигнутый уровень будет оказывать существенное влияние на качество цифровой жизни людей, например, в сфере политики расширять либо, наоборот, ограничивать способы и формы участия граждан в политической жизни, оказании влияния на принятие политических решений и т. д. Так, переход к созданию цифрового профиля гражданина на портале Госуслуг позволил объединить огромные массивы данных на одной технологической платформе и обеспечить эффективное получение информации в многообразных форматах в области предоставления государственных услуг населению. Переход на цифровой рубль в ближайшее время потребует совершенствования цифровых навыков населения, а у отдельных возрастных когорт (пожилые люди) и их формирования в целом.

Социальную значимость цифровизации для населения с точки зрения предоставления услуг государством трудно переоценить. Вместе с тем следует упомянуть о ее рисках, например, получение доступа третьими лицами к конфиденциальной информации или «утечка» персональных дан-

¹ Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // Общий отчет: URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/#> (дата обращения: 27.05.2023).

² Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04.06. 2019 г. [Электронный ресурс] // Методические материалы национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения: 27.05.2023).

ных. И в этих условиях при повышении доступности к цифровому профилю человека расширяются возможности цифрового бойкота на основе полученной третьими лицами информации, что может повлечь серьезные репутационные риски. Цифровой бойкот как элемент культуры отмены предполагает исключение человека из цифровой системы по определенным основаниям. Так, могут блокироваться профили неугодных в социальных сетях, отсекается их доступ к определенным цифровым услугам, а в перспективе – блокироваться банковские счета, что может лишить средств к существованию. Последнее вызывает опасения у многих, что отражается в публичном дискурсе. Возникновение этого социального явления в условиях цифровизации ставит в общественную повестку вопросы цифровой этики, цифровой грамотности и цифровой безопасности человека. Поэтому «не менее значимы для высокого уровня цифровой грамотности оказываются знания, умения и навыки социально-психологического и этического характера, которые позволяют противостоять многочисленным угрозам» [12, с. 94].

В сетевом обществе становятся все более востребованными для современного человека навыки защиты своих прав и свобод в инфо-цифро-сетевом пространстве. Мы сегодня являемся свидетелями зарождения нового права, права цифровой эпохи – возникает «...право второго модерна», регулирующие экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов и искусственного интеллекта»¹. Этой тематике начинает уделяться все большее внимание в социально-политическом дискурсе, поскольку цифровая трансформация преобразует практически все стороны жизнедеятельности людей.

Представляется, что в контексте рассматриваемого вопроса о взаимосвязи цифровизации и «культуры отмены» приобретают особое значение именно политико-правовые аспекты. Ведь трактовка «культуры отмены» в негативном ракурсе предполагает санкции со стороны общества за нарушение социальных норм, одной из разновидностей которых являются нормы правовые.

Особый исследовательский интерес представляет и еще один ракурс трактовки рассматриваемого в данной статье понятия «культура отмены» – ее этический, нравственный компонент. Этот термин часто используется специалистами при характеристике так называемой «новой этики», которая иногда употребляется в том числе и в качестве синонима «культуры отмены». В повестке социокультурного дискурса тем самым формируется дилемма «старой» и «новой» этики. Хотя, на наш взгляд, в этом проявляется специфика дуализма новой социальной реальности – ее виртуальной и социальной (реальной) форм, поскольку «культура отмены» получила свое развитие прежде всего в социальных сетях, принадлежащих виртуальному миру. Таким образом, как упоминалось выше, переход к новому типу общества – информационному, сетевому – повлек за собой переход к новым формам и механизмам социальных взаимодействий.

¹ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115). 29 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 27.05.2023).

Обратимся к результатам социологического опроса о «культуре отмены» и «новой этике» 2021 г., который проводился международным коммуникационным агентством PBN Hill+Knowlton Strategies и независимым исследовательским агентством MAGRAM Market Research. В этом исследовании предлагалась следующая трактовка «новой этики»: «человек осознает, что в обществе существуют некие группы людей с отличными от его интересов и что ему необходимо жить так, чтобы не задевать ни свои интересы, ни их»¹. 63% россиян высказались за то, что России нужна «новая этика», однако всего 7% населения страны знают этот термин².

По мнению большинства опрошенных, в ракурсе «новой этики» требуют решения вопросы экологии, инклюзивности, домашнего насилия, политики, равноправия в семье и карьере. Вместе с тем, не утратили актуальности в этом контексте интересы социально-демографических групп, прежде всего к ним можно отнести проблемы и права молодежи, пожилых людей. Следовательно, «новая этика» включает не только мораль как ее основную составляющую, но и социальный, демографический, политический компоненты.

Авторами исследования сделан вывод о формировании в российском обществе «культуры отмены» в том числе и на основе анализа отношения россиян к тем или иным брендам в зависимости от социальной позиции и социальных действий фирмы или компании. Три четверти респондентов уверены в том, что фирмы учитывают их мнение на основе онлайн-коммуникаций с брендом посредством сетей, например, отзыв на сайте компании. В случае неодобрения или негативной реакции на политику компании около трети россиян допускают отказ от покупок товаров и услуг этого бренда, то есть его «отмену». А это повлечет для бизнеса финансовые и имиджевые потери, восстановить репутацию бренда в глазах потребителя будет сложно. То есть социальная составляющая деятельности фирм и компаний приобретает все большую значимость в сетевом обществе.

Таким образом, «культура отмены» в условиях цифровизации получает широкое распространение благодаря прежде всего развитию цифровых технологий, которые позволяют не только обеспечить коммуникации, маршрутизацию информационных потоков, но и приводят к изменениям социума. В цифровом пространстве современного мира зарождаются новые формы, модели реализации социальных взаимодействий и отношений. Кроме того, применение технологий Big Data или искусственного интеллекта позволяет на принципиально ином уровне на основе массивов данных проводить качественный анализ состояния социума и прогнозировать тенденции его развития. Тем самым цифровизация во многом изменяет наши представления о влиянии быстро развивающихся технологий на жизнедеятельность общества.

¹ Федорова Е. Возможна ли «культура отмены» в России? // Агентство Социальной Информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/> (дата обращения: 27.05.2023).

² Федорова Е. Возможна ли «культура отмены» в России? // Агентство Социальной Информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/> (дата обращения: 27.05.2023).

Заключение

Обращение к проблематике «культуры отмены» политологов, философов, социологов, лингвистов связано с активным исследовательским поиском объяснительных моделей, научных подходов и интерпретаций новых явлений и процессов действительности, стремлением сформулировать адекватные им объяснительные модели и теоретические концепты.

В заключение следует отметить, что «культура отмены» представляет собой одну из форм взаимодействия между субъектами социальных отношений. Уместным представляется рассмотрение «культуры отмены» в качестве социальной технологии, которая применяется в настоящее время достаточно активно в разных сферах общественной жизни.

К специфическим характеристикам «культуры отмены» относится множественность ее трактовок и подходов, среди которых следует обратить внимание на ряд аспектов. Прежде всего это технологический контекст ее реализации: виртуальная среда; социальная технология; технология информационной / гибридной войны; манипулирование общественным мнением; медиапространство. Многообразие трактовок ее видов и форм основано на оценке коммуникативных практик: рассмотрение ее как элемента цензуры в обществе; проявление агрессии в публичном пространстве; усиление ответственности человека за слова и поступки (мера его личной ответственности); ограничение свободы слова; проявление нетерпимости к другому мнению; исключение человека из публичного пространства; преследование за публичные высказывания или действия др. Практики повседневности свидетельствуют о том, что «культура отмены», безусловно, влияет на общественную повестку дня.

Востребовано регулирование цифро-сетевой среды на основе этических и правовых норм. Важную роль при этом будет играть аксиологический аспект, ведь «культура отмены» переформатирует ценности общества, подвергая их сомнению, коррозии или наоборот, стоит на страже основных ценностей и способствует их сохранению. Возникает ряд закономерных вопросов: «Каковы эффекты «культуры отмены» – позитивные, негативные или нейтральные? Насколько применимы к характеристике «культуры отмены» оценки: позитивные/негативные последствия, рациональные/нерациональные действия?»

И еще один немаловажный вопрос: Возможно ли объяснение смысла «культуры отмены» на основе использования понятия «цифровая культура»? С точки зрения ее технологической составляющей представляется очевидным положительный ответ на этот вопрос. Однако нравственный аспект как неотъемлемый элемент ее реализации на практике, в силу негативных, как правило, последствий для отдельных персон, позволяет отнести ее скорее к контркультуре как специфическому виду культуры. Вместе с тем следует отметить, что в условиях цифровизации общества формируется цифровая культура и «культура отмены» является одной из ее форм. Цифровая среда рассматривается как площадка для реализации различного рода коммуникативных практик, в том числе и «отменяющих».

Изучение феномена «культуры отмены» тесно связано с коннотациями социальной справедливости. Поскольку часть пользователей социальных сетей придерживается мнения о том, что отмена в публичном

пространстве, например, публичных или медийных персон является справедливой и может рассматриваться как реакция отдельных пользователей или общественного мнения на их неприемлемые высказывания или поведение. То есть демонстративная отмена человека или группы лиц может быть определена как проявление нетерпимости по отношению к кому-либо или проявление конфликтности некоторых групп. Многие исследователи проблематики «культуры отмены» используют для оценки подобной ситуации термин «порицание» или «общественное порицание». В повестке политического дискурса в этом ракурсе возможен пересмотр контекста влияния лидеров мнений в виртуальном пространстве.

При этом следует учитывать, что виртуальное пространство создает новый формат связей и отношений между людьми на основе информационно-коммуникационных технологий. Они существенно преобразуют коммуникативные социально-политические практики, в том числе расширяя возможности изоляции человека (реальной и виртуальной). В этой связи следует учитывать и технологические возможности для использования в этом контексте искусственного интеллекта.

Таким образом, «культура отмены» получает свое развитие в условиях становления сетевого общества и социальных сетей, которые реформируют культурное пространство современного мира. Одним из перспективных направлений исследований феномена «культуры отмены» представляется социокультурный анализ влияния глубинных трансформаций общества на сферы общественной жизни в контексте многообразия социальных практик, в том числе и культурных.

Востребована методологическая проработка новых социологических и политологических концептов, адекватных реалиям современного мира, в том числе и «культуре отмены». О возрастании исследовательского интереса к рассматриваемой в статье проблематике свидетельствует расширение тематики политического и методологического дискурса по вопросам трансформаций современного мира прежде всего в контексте коммуникативных практик.

Библиографический список

1. Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник КБГУ: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–26. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002; EDN: WGWYYI.
2. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник МЛГУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2(857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162; EDN: SCWOWZ.
3. Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В. и др. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046; EDN: LCISEH.

4. Новоселов Э. А. «Культура отмены» как инструмент политического давления // *Культура и природа политической власти: теория и практика* / Под ред. А. А. Керимова. Екатеринбург, 2022. С. 220–226. EDN: GDJGWW.
5. Ракитов А. И. Человек в оцифрованном мире // *Философские науки*. 2016. № 6. С. 33–47. EDN: WKELMZ.
6. Стригин М. Б. Топология социального, или Диаграммы метафизики мышления. От когнитивности атома до мирового разума / Под ред. А. В. Маркова, Е. С. Степченко. СПб: РХГА, 2022. 410 с. EDN: YZYASE.
7. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 3. С. 34–37. DOI: 10.24158/spp.2022.3.5; EDN: GEJVR.
8. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // *Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144; EDN: HPGCVR.
9. Филиппович Ю. С., Стрекалов Г. С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2021. № 1(26). С. 36–41. DOI: 10.21626/j-chr/2021-1(26)/5; EDN: VSJORL.
10. Хинес Х. «Эффект фургона с оркестром и эффект неудачника» // *Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза* / Под ред. С. У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009. 751 с.
11. Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 5. С. 88–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07; EDN: XZKRO.
12. Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 1. С. 94. EDN: VSDBPB.

Получено редакцией: 28.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенина Ольга Геннадьевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7

“Cancel Culture” in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities

Olga G. Shchenina

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: oschenina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2801-2612

For citation: Shchenina O. G. “Cancel Culture” in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

Abstract. The article discusses the so-called “cancel culture” as a factor in the new social reality, influencing the configuration of constantly changing social relations. At the same time, it is shown that the interpretations of “cancel culture” in sociopolitical and sociocultural discourse are very extensive. An attempt has been made to analyse “cancel culture” in the context of the variety of forms of its manifestation, and the main features and characteristics of this phenomenon are described. As a result of the analysis, it was concluded that “cancel culture” is one of the forms of interaction between subjects of social relations. It is shown that “cancel culture” can be considered both as a form of political relations and as a technology currently used in various spheres of public life to achieve certain political or business goals. At the same time, attention should be paid to the fact that “cancel culture” is becoming widespread in connection with the transition to the widespread use of information and communication technologies and the emergence of a network society. And the process of digitalisation, including social relations, largely contributes to its expansion in modern society.

The transition to a new type of society – information, network society – entailed a transition to new forms and mechanisms of social interactions. The work notes that the acceleration of social development has a significant impact on all aspects of social life, including the system of social interactions and relationships. It is suggested that technologies and mechanisms for the implementation of social interactions, alternative to existing ones, are emerging in the 21st century. From these positions, it is argued that “cancel culture” is one of the types of social interactions, primarily in network projection. It is concluded that the range of interpretation of the concept of “cancel culture” is quite wide, research approaches are diverse and make it possible to study it from the point of view of forms and technologies of social interaction, as well as one of the varieties of communication models.

The phenomenon of “cancel culture” is considered in the context of the digital transformation of modern society. Based on the analysis of digitalisation processes (from the perspective of the considered issue of the relationship between digitalisation and “cancel culture”), the special significance of the political, legal and ethical aspects of the implementation of “cancel culture” in social practices is noted.

Keywords: new reality, “cancel culture”, social relations, digitalisation, technology

References

1. Bykov I. A., Ahmedova YU. D. Cancel culture in the political discourse of modern Russia. *Vestnik KBGU: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'*, 2021: 1: 1: 14–26 (in Russ.). DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002; EDN: WGWYYI.
2. Bylevskij P. G., Cackina E. P. Phenomenological analysis the notion «cancellation culture». *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2022: 2(857): 162–169 (in Russ.). DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162; EDN: SCWOWZ.
3. Nikitin A. V., Orlinskaya O. M., Sedaev P. V. et al. Cancel culture: reasons for development challenges in Russia. *Vlast'*, 2022: 30: 3: 65–69 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046; EDN: LCISEH.
4. Novoselov E. A. “Cancel Culture” as an instrument of political pressure. In *Culture and the nature of political power: theory and practice*. Ed. by A. A. Kerimov. Yekaterinburg, 2022: 220–226 (in Russ.). EDN: GDJGWW.
5. Rakitov A. I. A man in the digital world. *Filosofskie nauki*, 2016: 6: 33–47 (in Russ.). EDN: WKELMZ.
6. Strigin M. B. Topology of the social, or Diagrams of the metaphysics of thinking. From the cognitiveness of the atom to the world mind / Ed. by A. V. Markov, E. S. Stepchenko. St. Petersburg, RHGA, 2022: 410 (in Russ.).
7. Subbotina M. V. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new way of manipulation. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2022: 3: 34–37 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2022.3.5; EDN: GEJPVR.
8. Fefelov A. F. The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2022: 20: 1: 126–144 (in Russ.). DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144; EDN: HPGCVR.

9. Filippovich YU. S., Strekalov G. S. Some features of cancel culture. *Kollekciya gumanitarnyh issledovanij*, 2021: 1(26): 36–41 (in Russ.). DOI: 10.21626/j-chr/2021-1(26)/5; EDN: VSJORL.

10. Hines H. Theory and methods in Modern Political Science: The First Attempt at Theoretical Synthesis. Ed. by S. U. Larsen. Transl. from Eng. by E. A. Zhukova. Moscow, ROSSPEN, 2009: 751 (in Russ.).

11. Chugrov S. V. Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022: 5: 88–98 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07; EDN: XZKDRO.

12. SHarikov A. V. Digital Literacy: A Four-Component Model. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2016: 14: 1: 87–98 (in Russ.). EDN: VSDBPB.

The article was submitted on: June 28, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga G. Shchenina, Candidate of Political Sciences,
Leading Researcher of the Center for political science and political sociology,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.8

EDN: KOLZGV

Об исследовании факторов восприятия фейковых новостей массовой аудиторией (кейс студенческой молодежи)¹

Ссылка для цитирования: Пузанова Ж. В., Филиппов В. М., Ларина Т. И. Симонова М. А. Об исследовании факторов восприятия фейковых новостей массовой аудиторией (кейс студенческой молодежи) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 128–146. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.8; EDN: KOLZGV.

For citation: Puzanova Zh. V., Filippov V. M., Larina T. I., Simonova M. A. On the study of factors of fake news perception by mass audience (case study of student youth). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 128–146. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.8; EDN: KOLZGV.

Пузанова Жанна Васильевна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

puzanova-zhv@rudn.ru

AuthorID РИНЦ: 193540

Филиппов Владимир Михайлович¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

president@rudn.ru

AuthorID РИНЦ: 4415

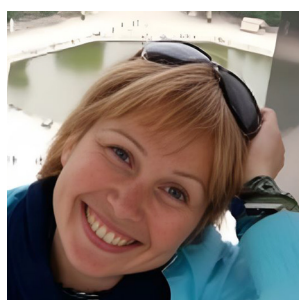

Ларина Татьяна Игоревна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

larina-ti@rudn.ru

AuthorID РИНЦ: 701812

Симонова Мария Александровна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

simonova-ma@rudn.ru

AuthorID РИНЦ: 665894

¹ Материал подготовлен в рамках проекта FSSF-2023-0027 «Научно-экспертное исследование влияния традиционных и семейных ценностей на развитие общественно-политических систем: опыт России и мировая практика».

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия ложной (фейковой) информации массовой аудиторией, в особенности учащейся молодежью. Фейковая информация сегодня подобна вирусам, которые мгновенно «заражают» массу получателей. Отдельной категорией фейковой информации выступают фейковые новости, самое страшное последствие которых – реальные действия людей на основании недостоверной, не соответствующей фактам объективной реальности информации. Студенты являются активной социальной группой и основными потребителями информации социальных сетей, где в основном циркулируют фейки. Фейковые новости являются продуктом эпохи постправды, характеризующейся состоянием социума, когда правдой становятся те факты и ситуации, в которые верит общественность. В статье социально-психологические факторы, влияющие на восприятие фейковой информации студенческой молодежью, и которым следует уделять внимание при проведении социологических исследований по данному вопросу. В качестве социально-психологических факторов выделяются: социальные установки, когнитивные искажения, вопросы доверия и эмоциональный интеллект. Рассмотрена структура социальной установки и сделан вывод с опорой на когнитивистские теории, что фейковые новости, влияя на аффективный компонент социальной установки за счет содержащегося в них эмоционального заряда влекут изменение социальной установки. Значимую роль в этом процессе играют когнитивные искажения: эффект Даннинга-Крюгера, эвристика аффекта и предвзятость подтверждения. Авторы приходят к выводу, что низкий уровень доверия другим людям и социальным институтам актуализирует проблему доверия фейковым новостям в российском обществе. На основании результатов опросов установлено, что студенчество верит ложной информации больше, чем истинной, не способно отличить обман, а при определении опираются на интуицию и догадки. На основании экспериментов, проведенных социологами из РУДН показано, что эмоциональный интеллект не оказывает прямого влияния на компетентность в распознавании фейковых новостей, но влияет на критичность в оценке своих способностей к распознаванию таковых. Результатом статьи стали рекомендации по выбору социально-психологических факторов для дальнейшего изучения вопроса, основным из которых является учет показателей IQ наряду с EQ, что позволит разработать научно-практические рекомендации по снижению доверия фейковым новостям.

Ключевые слова: фейковые новости, эмоциональный интеллект, когнитивные искажения, социальная установка, доверие, эксперимент, фокус-группа, студенчество

Введение

В 2016 г. редакционный совет Оксфордского словаря английского языка выбрал «словом года» термин «постправда». В этом словаре данное понятие определяется как ситуация, когда объективные факты реальности оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем эмоции и личные убеждения¹. И. Д. Тузовский, анализируя трактовки данного термина, приходит к выводу, что постправда связана с намеренным медийным искажением реальности с использованием эристики и когнитивных искажений [19, с. 64]. Примерно в то же время стал чаще использоваться

¹ Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 20.09.2023).

термин «фейковые новости», который нельзя назвать новым феноменом. Словосочетание «газетная утка» существовало задолго до появления «фейковых новостей». Фейковая новость зачастую имеет провокационное содержание, что вызывает у читателя эмоциональную реакцию, подталкивающую его поделиться этой информацией с другими. Такая новость имеет высокие шансы стать вирусной в Интернете и широко распространиться [34]. Если ложная информация распространится на широкую аудиторию, то последствия этого будут уже реальными. Даже после доказательства недостоверности новости она может оказывать влияние на взгляды человека [31]. Критично, что фейковые новости становятся катализатором реальных действий и влекут за собой вполне ощутимые последствия. В данной статье мы рассматриваем именно как фейковые только те новости, которые имеют целью изменить общественное мнение по важным социально-политическим вопросам, и не будем рассматривать фейки, которые концентрируются на привлечении внимания к бренду, т. е. имеют коммерческую цель либо фейки сатирические, пародийные и т. п. (в т. ч. пранки).

В эпоху постправды правдой становится то, что во что верит общественность, поэтому вопросы, связанные с восприятием информации, доверием и когнитивными искажениями оказываются в фокусе внимания исследователей, которые занимаются вопросами фейковых новостей.

Специальная военная операция стала триггером появления массы ложной информации, которой оказались подвержены в первую очередь пользователи социальных сетей, особенно Instagram^{1*} и Facebook^{*}, а это в основном молодые люди, в т. ч. студенты. Как отмечает В. А. Смирнов, СВО оказала влияние на снижение доверия студентов общественно-политическим институтам и акторам, а также повлияла на динамику миграционных настроений, увеличивая долю молодых людей, рассматривающих эмиграцию как возможный вариант жизненной траектории [17]. Можно рассуждать о том, насколько фейковые новости явились причиной реальных эмиграционных практик молодежи, но что они оказали влияние на их мнение – очевидно. По данным Mediasopce за 2023 г.², социальные сети – одна из самых распространенных форм интернет-активности. В среднем россияне проводят в социальных сетях около 60 мин. в день. Причем пользователи среднего возраста (25–44) большую часть этого времени тратят на ВКонтакте. TikTok лидирует по доле времени потребления среди пользователей молодого возраста (12–24). Сейчас показатели пользования запрещенными сетями ожидаемо упали, однако сложно учесть число пользователей сервисов VPN, поэтому по факту они могут быть больше. Практики медиапотребления студенческой аудитории соответствуют общенациональным тенденциям [2, с. 16]. Студенческая молодежь выбрана как объект рассмотрения в силу ее особого положения в обществе: эта социальная группа уже имеет определенный социальный опыт, обладает социальным капита-

¹ * Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

² Социальные сети в первом полугодии 2023. URL: <https://mediascope.net/news/1681112/> (дата обращения: 20.09.2023).

лом, находится на этапе получения высшего образования и социально-политически активна. В то же время идеалы и ценности молодых находятся еще на этапе формирования, а критерии истинности информации, которыми они пользуются, остаются неизведанной областью для социальных наук. Тема восприятия фейковой информации в не может считаться темой исключительно социологической, поскольку находится в фокусе психологов, социальных психологов, журналистов и других специалистов, связанных с медиа, поэтому в данном вопросе игнорирование социально-психологических аспектов будет неоправданным. Целью статьи является определение социально-психологических факторов, влияющие на восприятие фейковой информации студенческой молодежью и которым следует уделять внимание при проведении исследований по данному вопросу.

Краткий обзор литературы по проблеме

Как уже отмечалось выше, активизация интереса к вопросам и технологиям производства фейковых новостей, их восприятия и функционирования произошла в 2016 г. Предыстория появления термина описана во множестве работ, касающихся понятий «слухи», «сплетни», «пропаганда» и пр. По замечанию В. Р. Богословской и Ф. И. Шаркова, которые провели обзор последних исследований, касающихся фейковых новостей, проблема дефиниций понятия не решена и во многом упирается в критерий умышленности распространения недостоверной информации, а также под вопрос ставится отнесение к фейкам информации сатирического содержания [3]. В то же время они останавливаются на четырех типах фейковых новостей: целевая дезинформация, поддельные заголовки, вирусные сообщения и заголовки, а также сатира. Сложность определения отмечают и специалисты по коммуникологии, проводя параллель с другим понятием «информационная мистификация» [4].

Мы в рамках статьи остаемся на позиции, сходной с А. Казун [9], проанализировавшей основные дефиниции фейковых новостей в зарубежных источниках, а именно, – фейковая информация – это та информация, которая создается и распространяется заведомо умышленно с целью получения тех или иных преференций.

Эмпирическая база исследования

Обратимся к вопросу, насколько студенчество подвержено влиянию фейковых новостей.

В качестве эмпирической базы нами использованы результаты следующих исследований:

1. Реализованное в 2021 г. 3 курсом кафедры социологии РУДН (опрошены студенты московских вузов – РУДН, МГУ и НИУ ВШЭ, квотная выборка, квоты по направлению обучения в каждом вузе, $n = 1346$) [14];

2. Исследование К. Л. Зуйкиной и Д. В. Соколовой, опросивших в 2019 г. московских студентов (выборка – целевая, $n = 200$, исключены журналисты и студенты, обучающиеся медиаграмоте), в анкете респондентам было предложено оценить на предмет истинности восьми новостей различной тематики [8];

3. Исследование Д. Н. Барина и В. В. Несиной, проведенное методом массового опроса студентов вузов г. Смоленска ($n = 600$, апрель 2022 г.). Цель – выявить особенности отношения молодежной студенческой интернет-аудитории к фейковым публикациям и определить умение идентифицировать фейковую новость в контексте практик медиапотребления в социальных сетях [2].

Эти исследования показали, что:

1. Две трети московских студентов считают себя способными отличить достоверную новость от ложной, в то же время пятая часть учащихся не считает себя способными сделать это.

2. Около трети московских студентов отметили, что они практически никогда не перепроверяют новости на предмет их достоверности.

3. Большинство респондентов в Смоленске не смогло распознать фейковые новости, которые были опровергнуты официальными СМИ или на специально созданном для проверки информации сайте. Респонденты более восприимчивы к ложным новостям, так как чаще готовы соглашаться с содержанием фейковой новости, чем с содержанием новости достоверной.

4. Молодежная аудитория склонна завышать собственный уровень медиаграмотности, кроме того, аудитория, не обладающая журналистскими навыками, воспринимает источники информации и их потенциальную достоверность совсем не так, как профессиональные журналисты. Как отмечали сами студенты, зачастую они опирались на собственные ощущения и догадки при идентификации фейка. То есть мы сталкиваемся с теми самыми эмоциями и когнитивными искажениями.

5. Высшее образование слабо влияет на способность критически осмысливать информацию и определять фейковые новости.

Проблема восприятия фейковых новостей студенчеством рассматривалась не только в контексте непрофильных специальностей, но и самими журналистами, которые приходят к выводу, что существует «необходимость введения в учебный процесс подготовки студентов-журналистов современных элементов фактчекинга и верификации данных, обогащают существующую литературу в области журналистики и журналистского образования, имеют практическую значимость для сокращения разрыва между университетами и средствами массовой информации в вопросах подготовки журналиста, способного профессионально функционировать в условиях фейковой информации» [21, с. 95].

Методология исследования

Для обоснования выбора социально-психологических факторов, влияющих на степень доверия фейковым новостям, нами использованы методы анализа и синтеза существующей научной литературы и исследований. В основе исследования лежит сравнительный метод, смыслом которого является рассмотрение схемы научного исследования отечественных и зарубежных ученых, которые ставили целью определить, как уровень эмоционального интеллекта (разумное поведение в эмоциональной области [6, с.7]) влияет на степень доверия фейковым новостям.

Социально-психологические теории, объясняющие восприятие фейковых новостей

Социальные установки

Социальная установка – одно из основных понятий социологии и социальной психологии, которое дает возможность не только полноценно описать содержание отношения к чему-либо, но и возможности прогнозирования поведения субъекта. Классическое определение термина дано У. Томасом и Ф. Знанецким: «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» [30]. Вопросы прогнозирования поведения не являются простыми, особенно если принять во внимание существование парадокса Лапьера. Р. Лапьер выявил наличие разрыва между высказанными респондентом социальными установками, ему присущими, и его реальным поведением [28]. Однако вывод Лапьера имеет большее значение для методологии массовых опросов, в случаях, когда человек заполняет опросник и предполагает, что поведет себя так или иначе в конкретной ситуации, при столкновении же с этой ситуацией начинают играть роль все больше контекстуальных факторов, которые могут влиять на поведение. В таком случае прогнозирование реального поведения становится более возможным в ходе проведения социальных экспериментов, позволяющих вводить контрольные и зависимые переменные.

Большой эвристический потенциал для изучения социальных установок в социологии дает теория М. Смита о трехкомпонентной структуре, согласно которой любую социальную установку можно описать [22, с. 108] с трех позиций: 1) когнитивный (что мы знаем об объекте); 2) аффективный (что мы чувствуем в отношении объекта); 3) поведенческий (как мы себя ведем или поведем). С учетом такого подхода социологи уже могут работать с подсознательным аффективным отношением к изучаемым объектам, используя, например, психосемантические методы [1].

В контексте восприятия фейковых новостей важным аспектом является социально-психологический подход когнитивистов к социальным установкам, согласно которому изменение установки происходит в том случае,

когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие, так люди склонны адаптировать/согласовывать свои знания (когнитивный компонент) с эмоциями (во избежание когнитивного диссонанса) [20; 26].

Фейковые новости всегда содержат в себе эмоциональный заряд и их цель – эмоции реципиентов. Ю. В. Лобанова пишет, что «фейк непременно должен обладать свойством «цеплять» эмоции, и удерживаться через них в восприятии для того, чтобы затем, подобно вирусу, развязать эпидемию настоящего «эмоционального заражения»» [10]. Если вспомнить фейковые новости о вакцинации от COVID-19, то большинство их усиливали и без того обострившийся страх смерти, отчего многие под действием эмоций отказывались от вакцины.

Тем не менее подобный подход к социальным установкам не является универсальным, а одним из возможных взглядов на объяснение восприятия фейковых новостей.

Когнитивные искажения

Это еще одно понятие социальной психологии, которое часто звучит в связи с темой фейковых новостей. Термин введен Д. Канеманом и А. Тверски для обозначения нерациональных аспектов принятия решений [32; 33], т. е. ошибки восприятия, основанные на работе быстрых мыслительных процессов, изолирующих критическое мышление. Рассмотрим три когнитивных искажения, которые в большей степени связаны с восприятием фейковых новостей.

Возвращаясь к идее Э. Торсона во введении, о продолжении влияния на человека фейковой новости после ее опровержения, обратимся к такому когнитивному искажению, как эмоциональная эвристика (эвристика аффекта). Эвристика аффекта описывает ситуации, когда решения принимаются под влиянием эмоций. Эвристика аффекта упрощает жизнь, представляя мир гораздо организованнее, чем он есть на самом деле. В нашем воображении у хороших технологий мало недостатков, у плохих нет преимуществ, и все решения принимать легко [7, с. 88].

Эффект Даннинга-Крюгера во многом синонимичен понятию «псевдоэкспертность» и имеет отношение к лидерам общественного мнения в социальных сетях. Это когнитивное искажение связывает понятия уверенности и экспертности и показывает, что они не всегда эквивалентны. Некомпетентные люди, которые менее квалифицированы в вопросе, чаще склонны думать, что все знают и делятся своим мнением с другими [27]. Если возвращаться к примеру восприятия информации по поводу вакцинации от COVID-19, то в социальных сетях тогда появилась масса «экспертов», не имеющих даже медицинского образования, которые рассуждали о вреде вакцинации. Тем не менее, если такой «эксперт» уже имеет популярность у какого-то круга лиц, то он может сформировать общественное мнение на основе недостоверной информации.

Когнитивное искажение, которое называется предвзятостью подтверждения, имеет три формы: 1) предвзятый поиск информации (мы ищем информацию, которая подтверждает нашу точку зрения); 2) предвзятая интерпретация (любая информация может быть интерпретирована по-разному); 3) предвзятость памяти (в памяти начинают всплывать факты, подтверждающие нашу актуальную точку зрения, даже если немного «тюнингованные»).

Понятие «склонность к подтверждению» ввел П. Уэйсон в 1970-х гг. [35]. Это когнитивное искажение говорит о том, что человек отдает предпочтение той информации, которая согласуется с его точкой зрения, интерпретирует ее предвзято.

Вопросы доверия

Следующее понятие, которое необходимо рассмотреть, освещая проблему фейковых новостей – доверие.

«Доверие» не является синонимом «доверчивости». Последняя является чертой характера и описывает ситуацию, когда человек некритично верит всему, доверие же всегда связано с ответственностью человека перед самим собой за решение поверить конкретно этому человеку/источнику/ситуации, с оценкой рисков, то есть не лишено элемента критического мышления.

Японский психолог Т. Ямагиши ввел термин «генерализованное доверие», которое обозначает безусловное ожидание надежности от незнакомого человека [36; 37; 38; 39; 40]. Высокодоверяющие люди демонстрируют большую чувствительность как к позитивным, так и к негативным сигналам от незнакомого человека. Это социальный навык, позволяющий делать более компетентные в долгосрочной перспективе оценки ситуации.

Немецкий психолог К. Монтаг утверждает, что люди с более низким уровнем доверия к окружающим чаще испытывали проблемы с правильной классификацией фальшивых и подлинных новостей [12].

Пандемия чрезвычайно обострила проблему дефицита доверия, отмечаемую в условиях распространения постправды и fake news на глобальном уровне, но особенно заметную в России, где этот дефицит значительно подрывает самую возможность базовой солидарности [18].

Консалтинговое агентство Edelman ежегодно проводит опрос «Барометр доверия» (Edelman Trust Barometer), в нем принимают участие 36 тыс. респондентов из 28 стран, включая Россию. Однако в исследование 2023 г. Россия не была включена. Последний опрос проводился в период с 1 по 24 ноября 2021 г. Этот год охарактеризован как «Круговорот недоверия»¹. Так, согласно результатам, среди всех стран, включенных в исследование, в России наименьший уровень доверия СМИ, составляющий 29% (Вопрос «Ниже приведен список институтов. Для каждого из них укажите, насколько вы доверяете этому институту в том, что

¹ Edelman Trust Barometer 2022. URL: <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer> (дата обращения: 04.10.2023).

касается правильных действий.» 9-балльная шкала, высшие 4 балла обозначают доверие). Тот же результат показывал опрос предыдущего 2020 г. После снижения доверия медиа на 9% за 2018 г. наблюдались только небольшие изменения в сторону увеличения¹. Если обратиться к опросу «Источники информации: предпочтения россиян»², можно видеть, что телевидение более всего пользуется доверием россиян (43%), новостным сайтам доверяют 21% опрошенных, а 15% – социальным сетям. (Вопрос: «Есть ли источники информации, которым вы доверяете больше, чем остальным? И если да, то каким именно?» Не более 3 ответов). Чуть больше четверти респондентов не доверяют какому-то источнику больше, чем остальным. С прошлого года таких людей стало немного больше, а также уменьшилось доверие к новостным сайтам в Интернете. 42% россиян говорят о том, что недостоверную информацию невозможно отличить от достоверной (Вопрос: «Как Вы считаете, возможно или невозможно отличить недостоверную информацию в СМИ, Интернете от достоверной?»)³. Вероятно, использование множества разных источников информации поможет отличать фальшивые новости и не верить им. Согласно исследованиям, люди больше доверяют фейковым новостям, если в целом много потребляют таких новостей и мало правдивой информации [23].

Можно предположить, что кризис доверия в обществе обуславливает необходимость заполнения некой неопределенности и неизвестности, возникающей у людей в стремительно меняющейся социальной реальности какими-то объясняющими факторами. Такими факторами и становятся фейковые новости, конспирологические теории или вовсе магические, оккультные практики.

В исследовании социально-психологических предпосылок веры в теории заговора относительно COVID-19, проведенном 2020 г. Т. А. Нестик, О. С. Дейнекой, А. А. Максименко [13] доверие институтам был включено как один из предполагаемых факторов. Респондентам предлагалось оценить доверие правительству, а также СМИ и медработникам по 5-балльной шкале. Согласно результатам, недоверие институтам оказалось среди главных предпосылок к вере в конспирологические теории о заболевании. Институциональное доверие, наоборот, снижало склонность к конспирологическим объяснениям.

Низкий уровень доверия другим людям и социальным институтам актуализирует проблему доверия фейковым новостям в российском обществе.

¹ Edelman Trust Barometer 2019. URL: <https://www.edelman.com/trust/2019-trust-barometer> (дата обращения: 04.10.2023).

² Источники информации: предпочтения россиян // ФОМ. 14.02.2023. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 04.10.2023).

³ Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе // ВЦИОМ. 20.03.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-mnenie-rossiyan-o-novom-zakone-> (дата обращения: 18.11.2023).

Эмоциональный интеллект

Поскольку фейковые новости содержат в себе эмоциональную составляющую и направлены на воздействие на эмоции реципиентов, логично привлечь к рассмотрению теории эмоционального интеллекта (EQ). Данная концепция была популяризирована в российском обществе благодаря переводу книги Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» [5], в которой автор ставит в прямую зависимость успех человека в обществе, в т. ч. лидерство от уровня т. н. эмоционального интеллекта. Гоулман выделял в качестве составляющих эмоционального интеллекта следующие способности [6]: 1. Идентификацию и называние эмоциональных состояний, понимание взаимосвязей между эмоциями, мышлением и действием. 2. Управление эмоциональным состоянием – контроль эмоций и замена нежелательных эмоциональных состояний адекватными. 3. Способность входить в эмоциональные состояния, способствующие достижению успеха. 4. Способность идентифицировать эмоции других людей, быть чувствительным к ним и управлять эмоциями других. 5. Способность вступать в удовлетворяющие межличностные отношения с другими людьми и поддерживать их. Концепция эмоционального интеллекта Гоулмана основана на теории Дж. Майер и П. Саловей, которые в структуре эмоционального интеллекта выделяли такие компоненты как самосознание, самоконтроль, социальная чуткость, управление отношениями [25].

Удобной для практического использования является модель российского психолога Д. В. Люсина, в которой он обозначен как способность понимать и распознавать свои эмоции и управлять ими, а также понимать, распознавать и управлять эмоциями других людей [11].

Существующие тесты измерения эмоционального интеллекта так или иначе основаны на вышеприведенных концепциях.

Обращаясь к вопросам влияния эмоционального интеллекта на восприятие фейковых новостей, следует отметить неоднозначность имеющихся результатов.

Так, британские ученые из университета Стартклайда в Глазго [29] пришли к выводу, что более высокий эмоциональный интеллект опосредует большую компетентность в распознавании фейковых новостей. Исследователи провели эксперимент с участием 87 чел., которых разделили на две группы в зависимости от уровня их образования. В группу 1 вошли те, кто закончил или находился в процессе получения университетской степени. В этой группе было 57 участников (40 женщин), большинство из которых были в возрасте от 17 до 35 лет ($n = 50$) с небольшой долей людей в возрасте от 36 до 56 лет ($n = 7$). В группу 2 вошли те, кто имел образование на уровне школы/колледжа Великобритании. В этой группе было 30 участников (15 женщин), половина из которых была в возрасте от 17 до 35 лет ($n = 16$), а половина – от 36 до 56 лет ($n = 14$). Следует отметить, что группы не рандомизированы по признаку образования, и авторы отдают себе в этом отчет, отмечая, что оценка влияния уровня образования на определение фейковых новостей была не основной, а дополнительной целью. Для определения уровня эмоционального интеллекта авторы использовали методику

К. Бачарда [24], выбрав три субшкалы – самосознание, эмпатия и саморегуляция, отказавшись от шкал, измеряющих социальные навыки и настроение. В качестве набора новостей для оценки участники получали шесть новостей в формате поста сети Facebook, три из которых были истинными, а три – ложными. Задачей участников было критически оценить каждую на предмет достоверности, ответив на четыре вопроса. Ответы давались по 5-балльной шкале Лайкерта, которая варьировалась от 1 (полностью согласен) до 5 (полностью не согласен). Каждый вопрос предварялся текстом «Насколько вы согласны со следующим утверждением»: 1 (Объективность) «автор и прикрепленная статья объективны», 2 (Профессионализм) «статья выглядит написанной профессионалом», 3 (Сила аргумента) «в статье представлены веские аргументы» и, наконец, явный вопрос об обнаружении фейковых новостей. 4 (Надежность) «Этот источник информации заслуживает доверия». Ответы на фейковые новости оценивались в обратном порядке. В результате корреляционного анализа и коэффициента Пирсона, который использовался для проверки связи между оценками по параметру «Обнаружение фейковых новостей» и общими показателями EQ и субшкалами, была обнаружена зависимость. Авторы не только показали влияние уровня эмоционального интеллекта на способность распознавать фейковые новости, но и показали, что уровень образования также положительно связан с этой способностью.

В 2023 г. кафедрой социологии РУДН был проведен эксперимент с применением метода фокус-групп, целью которого также было установление того, насколько уровень эмоционального интеллекта опосредует способность распознавать фейковые новости, и опосредует ли вообще. В эксперименте приняли участие 16 студентов, восемь – участники с высоким уровнем эмоционального интеллекта, восемь – с низким. Также каждый из участников до и после эксперимента отвечал на письменный вопрос, считает ли он себя компетентным в вопросе распознавания фейковых новостей. Процедура эксперимента в обеих группах была одинакова: проводилась фокус-группа, в ходе которой участники обсуждали вопросы потребления информации, критерии, по которым они выбирают источники информации. Основным блоком стал блок «тестирование», в ходе которого демонстрировались четыре новости – все из них были фейковые, но демонстрировались как подлинные (правдивые). В каждой группе среди участников была «подсадная утка» – член исследовательской команды, который в случае, если участники группы начинали склоняться к мнению, что новость фальшивая, «качал» мнение в другую сторону – «а я видел такую новость», «недавно мне на почту приходило такое письмо», «мне кажется, такое вполне могло бы быть» – осуществляя таким образом компонент социального воздействия (авторская методика). Нам не удалось констатировать какую-либо зависимость способности распознавать фейковые новости от уровня эмоционального интеллекта, но выявили другой интересный факт: участники с высоким уровнем эмоционального интеллекта оказались более самокритичны, они чаще меняли мнение по поводу своей компетентности в распознавании фейков, чем участники с низким EQ.

Примечательно, что в другом исследовании, проведенном кафедрой социологии РУДН, касающегося вопросов доверия, в 2022 г., также установлено отсутствие связи между уровнями эмоционального интеллекта и конформности молодых респондентов [16]. Для обсуждения была выбрана тема отношения к изменам в контексте доверия – как наиболее простая и допустимая для дискуссии. Все участники – девушки с негативной установкой к предмету обсуждения, выявленной при помощи измерения отношения к супружеским изменам с использованием шкалы Лайкерта. В эксперименте участвовали две группы – для влияния на изначальную (негативную) установку при помощи стимульного материала и специальной методики. Группы были гомогенны по уровню эмоционального интеллекта: одна – с уровнем ниже среднего, вторая – выше среднего. В группах также использовалась «подсадная утка».

Различия в результатах исследований, касающихся эмоционального интеллекта, можно легко объяснить разницей процедур. В исследовании британских ученых, каждый участник выполнял задание в одиночку в формате онлайн-теста. В исследовании РУДН формат восприятия фейковых новостей был более приближен к тому, что мы наблюдаем в жизни: люди видели фейковые новости в первый раз, имели возможность обсудить их в группе, то есть повлиять на мнение друг друга, плюс наличие «подсадной утки» добавил эксперименту реальности. Ведь в жизни при циркуляции фальшивых новостей мы тоже зачастую сталкиваемся со злонамеренным влиянием по формированию общественного мнения (напр. ЦИПСО).

Авторы из Шотландии также отмечают, что люди с высоким EQ лучше оценивали контент фейковых новостей, однако, поскольку в их исследование не включался прямой показатель критического мышления, неясно, являются ли люди с высоким EQ также обладателями более высокого уровня критического мышления [29].

Также в эксперименте британских ученых оценивался параметр «уровень образования», в то время как в эксперименте РУДН участвовали только представители студенчества.

Если сравнивать эксперименты исследователей из РУДН, то результаты вполне сопоставимы: эмоциональный интеллект не связан со способностью распознавать фейковую информацию и не связан с общей склонностью человека поддаваться внушению в ситуациях, когда это внушение осуществляется. Очень важен именно этот нюанс – внешнее воздействие. В случаях, когда исследуемые выполняли бы тестирование в одиночку, данные могли бы быть другими. Но мы исходим из идеи, что эксперимент должен быть приближен к жизни, а в ней мы постоянно находимся под внешним воздействием общественного мнения.

Упомянувшийся К. Монтаг пришел к выводу, что распознавать фейки помогает аналитическое мышление: более низкий флюидный интеллект (отвечающий за обработку новой информации) связан с повышенной восприимчивостью к фальшивым новостям (верой в их правдивость), а более высокий кристаллизованный интеллект (фактологические знания, накопленные в течение предыдущей жизни) может помочь в распознавании дезинформации [12].

Выводы

Для того, чтобы разрабатывать рекомендации по противодействию воздействию фейковой информации на молодежь недостаточно в эмпирических исследованиях делать упор на рациональное знание маркеров недостоверной информации, необходимо учитывать и психоэмоциональное состояние реципиента, его способности управлять эмоциями в процессе ознакомления с содержанием публикации [2]. Такими маркерами являются уровень доверия, эмоциональный интеллект и склонность к конкретным когнитивным искажениям.

Люди прибегают к различным способам уменьшения неопределенности, среди них конспирологические теории, оккультные практики, распространение фейковых новостей и слухов. Слухи, фальшивые новости, теории заговора начинают заменять правдивую информацию, а оккультные практики реальную деятельность. Распространение подобных явлений в обществе может говорить о генерализированном кризисе доверия. Поэтому для будущих прикладных исследований восприятия информации студенческой молодежью, и не только ею, необходим учет показателя «доверие».

Неоднозначность имеющейся информации о влиянии уровня эмоционального интеллекта на распознавание ложной информации делает логичным использование другой модели эмоционального интеллекта, в которой эмоциональный интеллект не существует отдельно от общего интеллекта, но они соединяются воедино. Это модель лаборатории EQ-factor под руководством Н. Коро и В. Шиманской, которую они представили в 2014 г. [14]. Основным концептом их модели выступает интеллектуально-эмоциональный профиль личности IEPР, сочетающий показатели как IQ, так и EQ.

Таким образом, учет социально-психологических факторов в прикладных социологических исследованиях восприятия фейковой информации людьми, в т. ч. студенческой молодежью является безусловной необходимостью сегодняшних реалий.

Библиографический список

1. Баранова Т. С. Психосемантические методы в социологии // Социология: 4М. 1994. № 3–4. С. 55–64.

2. Баринев Д. Н., Несина В. В. «Фейк-ньюс» в социальных сетях: медиапрактики студенческой молодежи // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 1. С. 5–23. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(1).5-23; EDN: IOZQRY.

3. Богословская В. Р., Шарков Ф. И. Феномен фейковых новостей: обзор исследований последних лет // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Т. 6. № 3. С. 111–118; EDN: IYLTPI.

4. Головацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 7. № 2. С. 139–152. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152; EDN: EUZPL.

5. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Пер. с англ. А. Исаевой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 536 с.

6. Гоулмен Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе ЭИ / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 301 с.

7. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 331 с.

8. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией // Вестник ТомГУ. Филология. 2021. № 71. С. 310–326. DOI: 10.17223/19986645/71/19; EDN: КНРКЕJ.

9. Казун А. Д. Так ли страшен фейк? Ложные новости и их роль в современном мире // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 162–175. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.791; EDN: ННВОQV.

10. Лобанова Ю. В. Эмоциональные особенности восприятия фейковых сообщений // Образовательный вестник «Сознание». 2022. Т. 24. № 11. С. 59–65. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-11-59-65; EDN: ХМРЕJZ.

11. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2004. 176 с.

12. Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу / Пер. с нем. М.: Individuum, 2023. 352 с.

13. Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407; EDN: BRGQGI.

14. Коро Н., Шиманская В. Описание модели Эмоционального Интеллекта EQ и Интеллектуально-эмоционального Профиля Личности UR: https://www.marketologi.ru/upload/information_system_79/4/1/8/item_4188/information_items_property_11581.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

15. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. «Здоровая личность» современного студента вуза как исследовательский концепт // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7. С. 151–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-151-166; EDN: RQLSXX.

16. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Гудкова Я. А. Диагностика уровня конформности студенческой молодежи (результаты методического эксперимента) // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 518–530. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-518-530; EDN: VNCLCV.

17. Смирнов В. А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8–9. С. 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23; EDN: IMHDWW.

18. Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087; EDN: ЕКЖАКУ.
19. Тузовский И. Д. Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257; EDN: INBBVP.
20. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000. 320 с.
21. Шестеркина Л. П., Лободенко Л. К., Красавина А. В., Марфицына А. Р. Фактчекинг и верификация информации в контексте журналистского образования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 94–108. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).94-108; EDN: ТВИISN.
22. Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 344 с.
23. Balmas M. When fake news becomes real: Combined exposure to multiple news sources and political attitudes of inefficacy, alienation, and cynicism // Communication Research. 2014. No. 41(3). P. 430–454. DOI: 10.1177/0093650212453600.
24. Barchard K. A. Seven components potentially related to emotional intelligence. 2021. URL: <https://ipip.ori.org/newEmotionalIntelligenceKey.htm> (дата обращения: 04.10.2023).
25. Caruso D. R., Salovey P. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 2004. 296 p.
26. Heider F. The psychology of interpersonal relations. N. Y.: John Wiley & Sons, 1958. 322 p.
27. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77(6). P. 1121–1134. DOI: 10.1037//0022-3514.77.6.1121.
28. LaPiere R. T. Attitudes vs Actions. 1934 // International Journal of Epidemiology. 2010 Feb. Vol. 39(1). P. 7–11. DOI: 10.1093/ije/dyp398.
29. Preston S, Anderson A, Robertson D. J et al. Correction: Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence // PLOS ONE. 2021. Vol. 16(10). P. e0258719. DOI: 10.1371/journal.pone.0258719.
30. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd ed. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1927. Vol. 1. 1115 p.
31. Thorson E. Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. Publicly Accessible Penn Dissertations. 2013. 170 p. URL: <http://repository.upenn.edu/edissertations/810> (дата обращения: 03.04.2023).
32. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974. Vol. 185(4157). P. 1124–1131.

33. Tversky A., Kahneman D. Rational choice and the framing of decisions // *The Journal of Business*. 1986. Vol. 59(4). P. 251–278.
34. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359(6380). P. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
35. Wason P. C. On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1960. Vol. 12(3). P. 129–140. DOI: 10.1080/17470216008416717.
36. Yamagishi T. The provision of a sanctioning system as a public good // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51(1). P. 110–116. DOI: 10.1037/0022-3514.51.1.110.
37. Yamagishi T. Trust as a form of social intelligence // Cook K. S. (ed.). *Trust in society*. N. Y.: Russel Sage Foundation Publ., 2021. P. 121–147.
38. Yamagishi T., Akutsu, S., Cho, K. et al. Two-component model of general trust: Predicting behavioral trust from attitudinal trust // *Social Cognition*. 2015. Vol. 33(5). P. 436–458. DOI: 10.1521/soco.2015.33.5.436.
39. Yamagishi T., Kikuchi M., Kosugi M. Trust, gullibility and social intelligence // *Asian Journal of Social Psychology*. 1999. Vol. 2(1). P. 145–161. DOI: 10.1111/1467-839X.00030.
40. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan // *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18(2). P. 129–166. DOI: 10.1007/BF02249397.

Получено редакцией: 16.11.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пузанова Жанна Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Российский университет дружбы народов
Филиппов Владимир Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО, президент, Российский университет дружбы народов
Ларина Татьяна Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов
Симонова Мария Александровна, доктор исторических наук, доцент, директор Учебно-научного института сравнительной и образовательной политики, Российский университет дружбы народов

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.8

On the Study of Factors of Fake News Perception by Mass Audience (Case Study of Student Youth)¹

Zhanna V. Puzanova

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: Puzanova-zhv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7405-3303

¹ The material was prepared within the framework of the project FSSF-2023-0027 “Scientific and expert research of the influence of traditional and family values on the development of socio-political systems: Russian experience and world practice”.

Vladimir M. Filippov

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: president@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4389-6981

Tatiana I. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: larina-ti@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1331-1302

Maria A. Simonova

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: simonova-ma@rudn.ru

ORCID: 00000-0001-6370-1873

For citation: Puzanova Zh. V., Filippov V. M., Larina T. I., Simonova M. A. On the study of factors of fake news perception by mass audience (case study of student youth). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 128–146. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.8; EDN: KOLZGV.

Abstract. The article deals with the problem of perception of false (fake) information by mass audience, especially by students. Fake information today is similar to viruses that instantly “infect” the mass of recipients. A separate category of fake information is fake news, the worst consequence of which is real actions of people based on unreliable information that does not correspond to the facts of objective reality. Students are an active social group and the main consumers of information of social networks where fakes are mainly circulated. Fake news is a product of the post-truth era, characterized by the state of society when the truth becomes those facts and situations that the public believes in. The paper analyses the socio-psychological factors that influence the perception of fake information by student youth. Authors highlights the following socio-psychological factors: social attitudes, cognitive distortions, trust issues and emotional intelligence. The structure of social attitudes is considered and the conclusion is made on the basis of cognitive theories that fake news influencing the affective component of social attitudes changes these attitudes. Cognitive distortions such as the Dunning-Kruger effect, affect heuristics, and confirmation bias play a significant role in this process. The authors conclude that the low level of trust actualizes the problem of trust fake news in Russian society. Authors found that students believe false information more than true information, they are unable to distinguish deception. They use the intuition when try to understand if the information is fake. Emotional intelligence does not directly influence competence in recognizing fake news but influences criticality in assessing one’s ability to recognize it. Further study of the issue should consider IQ and EQ indicators for developing scientific and practical recommendations to reduce trust in fake news.

Keywords: fake news; emotional intelligence, cognitive distortions, social attitude, trust, experiment, focus group, student population

References

1. Baranova T. S. Psihosemantiicheskie metody v sociologii [Psychosemantic methods in sociology]. *Sociologija: 4M*, 1994: 3–4: 55–64 (in Russ.).
2. Barinov D. N., Nesina V. V. “Fake News” in Social Networks: Media Practices of Students. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2023: 1(12): 5–23 (in Russ.). DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(1):5-23.
3. Bogoslovskaya V. R., Sharkov F. I. The phenomenon of fake news: a review of recent research. *Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, 2021: 3(6): 111–118 (in Russ.).
4. Golovatskaya O. E. The Meaning and the Origin of “Fake news” Concept. *Kommunikologija*, 2019: 2(7): 139–152 (in Russ.). DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152.
5. Goleman D. Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ. Transl. from Eng. by A. Isayeva, Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2013: 536 (in Russ.).
6. Goleman D. Primal leadership learning to lead with emotional intelligence. Ed. by D. Goleman, R. Boyatzis, A. McKee. Transl. from Eng. By A. Lisitsyna. Moscow, Al’pina Biznes Buks, 2008: 301 (In Russ.).
7. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Transl. from Eng. Moscow, AST, 2014: 331 (in Russ.).

8. Zuikina K. L., Sokolova D. V. Fake News: Can Young People Distinguish Fact from Fiction? *Vestnik TomGU. Filologiya*, 2021: 71: 310–326 (in Russ.). DOI: 10.17223/19986645/71/19.
9. Kazun A. Are Fakes Really Dangerous? Fake News and Their Role in the Modern World. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2020: 4: 162–175 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.791.
10. Lobanova Yu. V. Emotional features of the perception of fake messages. *Obrazovatel'nyj vestnik "Soznanie"*, 2022: 11(24): 59–65. (in Russ.). DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-11-59-65.
11. Lusin D. V. Modern ideas about emotional intelligence. In *Social intelligence. Theory, measurement, research*. Ed. by D. V. Lyusin, D. V. Ushakov. Moscow, IP RAN, 2004: 176 (in Russ.).
12. Montag C. New Gods. How online platforms manipulate our choices and what will bring us back to freedom. Transl. from Germ. Moscow, Individuum. 2023: 353 (in Russ.).
13. Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020: 4(11): 87–104 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2020110407.
14. Coro N., Shimanskaya V. Description of the Emotional Intelligence Model EQ and the Intellectual Emotional Profile of the Personality. Accessed 04.10.2023. URL: https://www.marketologi.ru/upload/information_system_79/4/1/8/item_4188/information_items_property_11581.pdf
15. Puzanova Zh. V., Larina T. I. «Healthy Personality» of a Modern University Student as a Research Concept. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022: 7(31): 151–166 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-151-166.
16. Puzanova Z. V., Larina T. I., Gudkova Y. A. Diagnostics of the students' level of conformity (results of the methodological experiment). *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologija*, 2022: 3(22): 518–530 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-518-530.
17. Smirnov V. A. Civilian Attitudes of Russian Students in the Context of a Special Military Operation. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 8(32): 9–23 (in Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-23.
18. Tartakovskaya I. N. Trust in the face of a pandemic: looking for a foothold. *Sociologicheskij zhurnal*, 2021: 2(27): 68–89 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087.
19. Tuzovskii I. D. Post Truth as a Digital Age Syndrome: ultimate understanding of the phenomenon and scenarios of the future. *Filosofskaja mysl'*, 2020: 12: 42–60 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257.
20. Festinger L. Theory of cognitive dissonance. Transl. from Eng. St. Petersburg, Rech', 2000: 320 (in Russ.).
21. Shesterkina L. P., Lobodenko L. K., Krasavina A. V., Marfitsyna A. R. Fact-Checking and Information Verification in the Context of Journalism Education. *Voprosy teorii i praktiki zhurnal-istiki*, 2021: 1(10): 94–108 (in Russ.). DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).94-108.
22. Shihirev P. N. *Sovremennaja social'naja psihologija SShA* [Modern social psychology of the USA]. Moscow, Nauka, 1979: 344 (in Russ.).
23. Balmas M. When fake news becomes real: Combined exposure to multiple news sources and political attitudes of inefficacy, alienation, and cynicism. *Communication Research*, 2014: 41(3): 430–454. DOI: 10.1177/0093650212453600.
24. Barchard K. A. Seven components potentially related to emotional intelligence. 2021. Accessed: 04.10.2023. URL: <https://ipip.ori.org/newEmotionalIntelligenceKey.htm>
25. Caruso D. R., Salovey P. *The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership*. San Francisco, Jossey-Bass, 2004: 296.
26. Heider F. *The psychology of interpersonal relations*. New York, John Wiley & Sons, 1958: 322.
27. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999: 77(6): 1121–1134. DOI: 10.1037//0022-3514.77.6.1121.
28. LaPiere R. T. Attitudes vs Actions. 1934. *International Journal of Epidemiology*. 2010: 39(1): 7–11. DOI: 10.1093/ije/dyp398.

29. Preston S., Anderson A., Robertson D. J. et al. Correction: Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *PLOS ONE*, 2021: 16(10): e0258719. DOI: 10.1371/journal.pone.0258719.
30. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. New York, Alfred A. Knopf, 1927: 1: 1115.
31. Thorson E. Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. Publicly Accessible PennDissertations. 2013: 170. Accessed 03.04.2023. URL: <http://repository.upenn.edu/edissertations/810>
32. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 1974: 185(4157): 1124–1131.
33. Tversky A., Kahneman D. Rational choice and the framing of decisions. *The Journal of Business*, 1986: 59(4): 251–278.
34. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online. *Science*, 2018: 359(6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
35. Wason P. C. On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1960: 3(12): 129–140. DOI: 10.1080/17470216008416717.
36. Yamagishi T. The provision of a sanctioning system as a public good. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986: 1(51): 110–116. DOI: 10.1037/0022-3514.51.1.110.
37. Yamagishi T. Trust as a form of social intelligence. In Cook K. S. (ed.). *Trust in society*. New York, Russel Sage Foundation Publ., 2021: 121–147.
38. Yamagishi T., Akutsu S., Cho K. et al. Two-component model of general trust: Predicting behavioral trust from attitudinal trust. *Social Cognition*, 2015: 5(33): 436–458. DOI: 10.1521/soco.2015.33.5.436.
39. Yamagishi T., Kikuchi M., Kosugi M. Trust, gullibility and social intelligence. *Asian Journal of Social Psychology*, 1999: 1(2): 145–161. DOI: 10.1111/1467-839X.00030.
40. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*, 1994: 2(8): 129–166. DOI: 10.1007/BF02249397.

The article was submitted on: November 16, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna V. Puzanova, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of Department of Sociology, RUDN University

Vladimir M. Filippov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor,
Academician of RAE, the president RUDN University

Tatiana I. Larina, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, RUDN University

Maria A. Simonova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of Educational-scientific Institute of comparative educational policy,
Director of the Educational and Scientific Institute of Comparative and Educational Policy,
RUDN University

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9

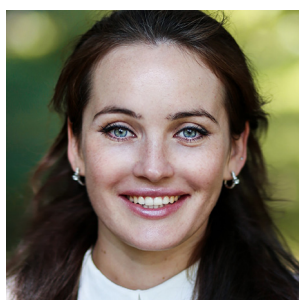
EDN: OEMWVC

Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу»¹

Ссылка для цитирования: Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

For citation: Barash R. E., Petukhov R. V. Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

AuthorID ПИНЦ: 595319

Бараш Раиса Эдуардовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

raisabarash@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 585300

Петухов Роман Владимирович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. Обращаясь к данным многолетних социологических исследований, авторы изучают влияние дискурсивного конструкта «коллективный Запад» на гражданскую идентичность и историческую память современного российского общества и исследуют динамику этих мировоззренческих установок общества общественного под влиянием внешнеполитической ситуации. «Коллективный запад» рассматривается в статье как стереотипная конструкция, имеющая свои основания не в эмпирической реальности, но в российском общественном мнении и политическом дискурсе. Проанализировав отечественную научную

¹ Исследование выполнено за счет средств Фонда Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) «FMUS-2023-0023 Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния коллективному Западу» в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

литературу, авторы выделяют три основных подхода к описанию «коллективного Запада»: социально-экономический и политический подходы, а также стратегию изучения организации частной жизни. Что позволяет соотнести черты, приписываемые дискурсивно сконструированному «Другому», с представлениями о «коллективном Западе», актуализированными в массовом сознании современных россиян. На основании социологических данных авторы резюмируют, что российская коллективная идентичность сочетает в себе как традиционно-самобытные, российские, так и западно-либеральные ценности. А вот в вопросах трактовки исторической памяти россияне настроены однозначно: несовпадение российской и западной трактовок прошлого воспринимается ими очень остро.

На протяжении длительной истории «коллективный Запад» выступал для России не только традиционным социокультурным и цивилизационным «Другим», в соотнесении с которым формировались черты коллективной идентичности граждан, но внешнеполитическим и даже геополитическим конкурентом. Отсюда – своеобразие, вплоть до противопоставления, трактовок событий прошлого и исторической памяти в России и за рубежом. «Перестроечная инерция» попыток примирения различных версий прошлого сменилась в 2000-х гг. резким антикоммунистическим дискурсом ряда восточноевропейских государств, их «разворотом» на Запад и растущей внешнеполитической изоляцией России. Что оживило и конфликт национальных исторических нарративов России и стран Запада, и это сегодня переживается российским обществом очень болезненно. Негативная трактовка событий советской истории, особенно касающаяся памяти о Победе в Великой отечественной войне, для российской исторической памяти абсолютно неприемлема. Реакцией на попытки пересмотра традиционных для российской национальной памяти трактовок отечественной истории является формирующийся в общественном мнении запрос на достоверное историческое знание. Желание многих современников сохранить устоявшуюся трактовку национальной истории связано не столько с опасением центробежных тенденций, как это было в 1990-е гг., сколько с их стремлением защитить историю своей семьи и семейную память.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, прошлое, история, Запад

В российском публичном политическом дискурсе последнего десятилетия для обозначения неизменного конкурента России в любой ее ипостаси – «царской», «социалистической» и «капиталистической» [18, с. 180] часто используется концепт «коллективного Запада» [4], а представители политического руководства страны нередко заявляют, что «так называемый коллективный Запад во главе с США на протяжении десятилетий ведет себя в отношении России исключительно агрессивно»¹ и что «с нами воюет «коллективный Запад» во главе с ядерными Соединенными Штатами Америки»².

В научном сообществе сегодня также развернулась дискуссия о будущем изменении существующего миропорядка [2, с. 38–39], одним из элементов которого станет противостояние России и коллективного

¹ Путин В. В. Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // [Kremlin.ru](http://kremlin.ru). 2022. 07.07. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68836> (дата обращения: 10.11.2023).

² Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале», Москва, 28 декабря 2022 года // [Mid.ru](http://mid.ru). 2022. 28.12. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1845915 (дата обращения: 10.11.2023).

Запада [26; 36, с. 5]. Хотя смысл категории «коллективный Запад» предельно умозрительен, его трактовка зависит от контекста, эта смысловая конструкция¹, противопоставляя российскую цивилизацию западной, выступает основанием довольно востребованной в современной России изоляционистской идеологии (по данным ФНИСЦ РАН, весной 2023 г. 82% россиян полагали, что политика России должна быть ориентирована не на Западные страны, а на развитие собственной российской государственности)².

Исторический контекст

Парадигма размышлений о российской идентичности через противопоставление России Западу, восходя к идеям почвенников и консерваторов XIX в., традиционно входит в базовый набор смыслов российской коллективной идентичности [25, с. 86]. Хотя выбор концептуальных оснований национального развития России исторически осуществлялся в рамках универсальной цивилизационной матрицы, имплицитно предполагая соотнесение с атрибутами не только западного, но и восточного (прежде всего, направленного на страны Восточной и Центральной Азии) вектора развития, в многолетних дискуссиях о путях России ключевым оставался вопрос о необходимости для страны именно западной, прежде всего европейской, модели модернизации [25, с. 9]. Отдельные попытки представить Россию «восточной» по культуре и образу жизни неизбежно сопровождалась ее сравнением с западной традицией, лишь укрепляя символическую связь России с европейским цивилизационным вектором развития [32].

На протяжении едва ли не столетия Запад выступал для России традиционным «Другим», в соотнесении с которым российская коллективная идентичность «воображала» собственные национальные черты «как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, с. 30], а интеллигенция определяла национальную идею [5, с. 90]. В досоветский период коллективным объектом проекции фобий и культурных смыслов для «этнического большинства» чаще других оказывались выходцы из Европы: немцы, поляки и евреи [22, с. 229]. Послереволюционная задача вписать советское государство в национальный исторический нарратив решалась преимущественно в логике западнической и прогрессистской «доминанты», хотя привлекались и «субдоминантные» смыслы из «почвеннического» репертуара [24, с. 32].

¹ Здесь и далее в тексте речь идет о дискурсивных конструкциях «Запада», «Востока», либеральных и традиционных ценностях, об условно понимаемых образах, которые, однако, будучи представлены в массовом сознании россиян оказывает влияние на мировоззрение и идентичность граждан

² Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РНФ по приоритетному направлению деятельности РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведенного в 2023 г. по общероссийской выборке (n = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

С середины XX века национальный политический дискурс был буквально центрирован вокруг образа Запада, рассматриваемого однозначно либо как партнер, либо как враг [41, с. 38]. Образ Запада учреждал сферу политического через разграничение внутренних и внешних атрибутов нации. После околоперестроечного потепления отношения России с Западом к началу 2000-х гг. вновь стали напряженными.

Эскалацию изоляционистского дискурса российской исторической политики в 2000-е гг. А. Миллер связывает с прозвучавшими в то период резкими антикоммунистическими заявлениями лидеров многих восточноевропейских государств, в том числе постсоветских, и их попытками возложить ответственность за «преступления коммунизма» на Россию как преемницу СССР. Обострению отношений с западными странами, по мнению А. Миллера, способствовали и «цветные революции» 2003–2005 гг. в Грузии, Украине, Кыргызстане, а также размещение систем противоракетной обороны США на территории ряда центральноевропейских государств [42, с. 257–258].

Взятый российской властью в начале второго десятилетия XXI в. курс на внешнеполитическую изоляцию получил свое идеологическое оформление в концепции «уверенной демократии». А после «мюнхенской речи» В. В. Путина, где декларировалась необходимость «многополярного мира», риторика о России как «осажденной крепости», противостоящей в том числе врагам: «Находятся еще внутри страны те, кто “шакалит” у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывают на иностранные фонды и правительства, а не на поддержку своего собственного народа»¹, стала все чаще использоваться политическим руководством. В 2008 г. нараставшая внешнеполитическая напряженность достигла своего пика [6, с. 94]. А чуть позже, в 2013 г., в «Концепции внешней политики» в списке региональных приоритетов России США и Европу сменил единый Евро-Атлантический регион, что таким образом официально утвердило «коллективный Запад» в качестве оппонента российской дипломатии.

В 2014–2015 гг. в отношениях между Россией и западными державами наступил настолько резкий перелом, что многие эксперты поспешили заявить о начале «новой прохладной войны» [39]. А в 2022 г. нараставшая напряженность достигла трагического пика в прямой конфронтации России с Западом на Украине. Ответом на заявление президента США в феврале 2022 г., что России отныне будут противостоять США, страны-члены НАТО и их близкие партнеры², и последующее определение России самой серьезной угрозой безопасности союзников по НАТО³ стали уничижительные высказывания российского руководства в адрес «коллективного Запада» [4, с. 39].

¹ Путин В. В. Выступление на форуме сторонников Президента России // Официальный сайт Президента России. 2007. 21 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24713> (дата обращения: 11. 07.2023).

² Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine // Whitehouse.Gov. 2022. 24.02. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine> (дата обращения: 10.11.2023).

³ Vilnius Summit Communiqué // Nato.int. 2023. 11.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?utm_source=multichannel&utm_medium=smc&utm_campaign=230711%26vilnius%26summit%26declaration (дата обращения: 10.11.2023).

Концептуальные рамки исследования

Несмотря на несхожесть западных стран по ряду черт, в публичном пространстве символическая граница между западным и не-западным проводилась четко [29]. О. Ю. Малинова пишет, что в роли «Другого» для России неслучайно выступали не отдельные европейские народы-нации, а обобщенный образ Запада и Европы как некоторого «цивилизационного» целого [25, с. 11]: не только в силу насущных геополитических и социокультурных вызовов, стоящих перед страной, но и ввиду возможности для политического руководства оставить «за скобками» этнический плюрализм империи и представить культурно однородным то сообщество, которое вписывалось в существовавшее российское государство [43, с. 1]. И сегодня образ «коллективного Запада» нередко выступает в качестве ресурса поддержания интегральной общероссийской версии прошлого, «уравновешивающий» региональные и этнос-центристские исторические нарративы [19, с. 63].

Любопытно, что несмотря на драматичные изменения отношений России со странами Запада, российские граждане очень лояльны западным принципам общественного устройства и хотят жить в справедливо устроенном обществе, где признается верховенство закона и соблюдаются права человека [28].

В рамках настоящей статьи категория «коллективный Запад» понимается как дискурсивный концепт, как совокупность высказываний, подчиняющихся единой системе формирования [37, с. 209] описания гетеростереотипа¹ единого образа западных стран, в соотношении с которым конструируется [7, с. 281] коллективная идентичность российского общества. Содержательные атрибуты внутренне не дифференцированного образа «коллективного Запада» определяются ситуативно, исходя из политической конъюнктуры и целей участников политической коммуникации. Обращение к категории «коллективный Запад» сторонников преимущественно изоляционистских или консервативных политических взглядов для обозначения собственной идеологически ангажированной позиции в отношении той или иной ситуации, делает ее идеологемой, инструментом идеологически ангажированного объяснения повестки, частью определенного идейно-политического дискурса [40, с. 93] и в конечном счете борьбы за гегемонию смыслов. Гегемония дискурса, в том числе и изоляционистского, не навязывается как идеология, но артикулируется через систему социально-политических институтов и практик и, в случае своей актуальности, принима-

¹ Под гетеростереотипом мы понимаем сложившийся в некотором сообществе образ других этнокультурных или национальных групп как совокупности конкретных характеристик и оценочных суждений, описывающих эти группы и предъявляемые к ним ожидания. Гетеростереотипы, складываясь в результате позитивного или негативного опыта исторического взаимодействия, воплощают обобщенный и даже упрощенный образ описываемой группы, вплоть до сведения его к ограниченному набору положительных или отрицательных черт национального характера.

В настоящей статье под гетеростереотипом «коллективного Запада» подразумевается сложившийся в общественном мнении современных россиян обобщенный образ западных стран и их граждан.

ется и разделяется гражданами [28]. Под влиянием внешнеполитических обстоятельств и общественно-политической повестки изоляционистские идеи могут то приобретать, то терять популярность. Меняются и представления о значимых атрибутах образа «коллективного Запада». Тем более, что в отличие от проактивной внешнеполитической стратегии западных держав, прежде всего США, российская дипломатия формулирует свою позицию по ключевым вопросам международной повестки буквально на ежедневной основе, исходя из актуальных событий [8, с. 7].

Неслучайно современная активизация использования идеологемы «коллективного Запада» в российском общественно-политическом дискурсе обусловлена потребностью в образе многосоставного, коллективного, и одновременно единого в своих целях противника современной России, которому можно было бы дискурсивно противостоять, не рискуя критически испортить отношения с отдельными странами. Акцент на коллективности Запада в сегодняшних обстоятельствах указывает на неравность противостояния, в котором российское государство практически в одиночку противостоит альянсу множества стран [33, с. 14–15]. С одной стороны, такой способ восприятия противника, который почти всегда является многочисленным и сильным, традиционен для российского национального сознания [35, с. 22]. С другой стороны, положение российского государства на международной арене не было до сегодняшнего дня настолько отчужденным со времен первых лет установления Советской власти и Гражданской войны. Во Второй мировой войне СССР участвовал в антигитлеровской коалиции, а в Холодной войне – выступал лидером военного блока стран Варшавского договора и экономического блока «Совет экономической взаимопомощи» (СЭВ). Сегодня же международные партнеры и союзники Российской Федерации явным образом не заявляют о готовности безоговорочно ее поддержать.

Это позволяет предположить, что именно в сравнении с «коллективным Западом» как «Другим», как *Alter Ego* современной России могут проявиться значимые аспекты современной российской идентичности и исторической памяти. Тем более, что конструкт «коллективный Запад» лишен конкретных этнических и религиозных атрибутов, что сводит его смысловое содержание исключительно к культурным и цивилизационным особенностям.

В частности, данные Международного исследования ценностей (World Values Survey) не предоставляют эмпирических оснований для выделения пакета ценностей, которые могли бы служить основой для такого сложного социального объекта, как «коллективный Запад». Результаты этого исследования позволяют предположить существование четырех кластеров стран со схожим уровнем социально-экономического развития и соотношения традиционных и секулярных ценностей в массовом сознании. Когда-то Р. Инглхарт полагал, что во всех развитых индустриальных странах вследствие беспрецедентно высокого уровня экзистенциальной безопасности ценности выживания сменили ценности свободы самовыражения, толерантности, гендерного равенства и защиты окружающей среды [13, с. 30]. Однако данные многолетних наблюдений фиксируют, что

население западных стран неоднородно прежде всего в вопросе разделяемых ими ценностей и совсем не поддерживает однозначно секулярно-рациональные ценности. Например, в странах Северной Европы преобладают секулярно-рациональные ценности, а в США – традиционные. Экономическая развитость стран «коллективного Запада» объясняет преобладание в них ценностей самовыражения над ценностями выживания [13, с. 69–70].

В. С. Магун и М. Г. Руднев, анализируя данные «Европейского исследования ценностей» (EVS), убедительно доказывают, что между европейцами имеются существенные ценностные отличия, проходящие по оси «индивидуальное – социальное» (person vs social focus) [22, с. 336]. Исследуя данные о распределении респондентов по ценностным классам в европейских странах, авторы приходят к выводу, что «ценности жителей любой европейской страны представляют собой не уникальную и гомогенную «национальную культуру», а комбинацию нескольких групп людей с различными ценностями» [23, с. 339]. Но поскольку в массовом сознании стереотипы всегда формируются с упрощением [21], содержание идеологемы «коллективный Запад» обусловлено не столько социально-политическими реалиями, сколько их отражением в российском политическом дискурсе и общественном мнении.

В современной российской общественно-политической литературе можно выделить три основных направления описания «коллективного Запада»: социально-экономическое, политическое и личностное. В социально-экономическом контексте ключевыми характеристиками являются приверженность рыночному способу ведения хозяйства, а также высокий уровень космополитизма, консьюмеризма, индивидуализма и активизма [26, с. 46–47; 12, с. 12; 31, с. 1184; 29, с. 19; 2, с. 40; 9, с. 123]. Для политической интерпретации характерен выбор в качестве квалифицирующего признака либеральной демократии как способа политического устройства публичной власти, плюрализма мнений и верховенства прав человека, как ценности более важной, чем интересы государства [26, с. 26; 17, с. 114; 37, с. 9–10; 2, с. 41; 22]. Ключевыми особенностями третьего контекста является доминирование секулярных ценностей, ценностей формального этнического, культурного и гендерного равенства и свободы самоопределения [27, с. 65; 12, с. 12; 31, с. 1186; 30, с. 20].

Важнейшую роль в формировании представления о современной российской идентичности в ее сравнении с идентичностью «коллективного Запада» играет восприятие истории и особенности устройства исторической памяти, как концентрированного выражения ценностей общества.

Таким образом, в статье представлены некоторые результаты исследования своеобразия гражданской идентичности и исторической памяти россиян на современном историческом этапе, когда в общественно-политическом пространстве активно представлен дискурс противостояния страны и общества «коллективному Западу» как некоторому Другому, в сопоставлении с которым возможна национальная самоидентификация [10, с. 8]. Исследовательская гипотеза предполагает, что современная российская идентичность и историческая память формируются через противопостав-

ление гетеростереотипу «коллективного Запада». В качестве эмпирической основы исследования использованы данные массовых всероссийских социологических исследований, отражающих коллективные представления россиян о собственной национальной идентичности, цивилизационной принадлежности страны, ключевых социально-экономических и политических ценностях общества и национальной исторической памяти.

Проблематика идентичности относится к числу ключевых тем социальных исследований как непосредственно связанная с поиском ответа на фундаментальный социологический вопрос о том, как возможно общество [11, с 283]. Темы идентичности в своих работах касались З. Фрейд, Э. Гуссерль, К. Леви-Стросс, Ф. Бродель, А. Шюц, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Н. Луман, П. Бергер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, М. Кастельс, Ф. Фукуяма и другие авторы. Проблематика российской идентичности исследовалась в работах Л. М. Дробижевой, В. А. Ядова, В. А. Тишкова, М. К. Горшков и др. Так, М. К. Горшков определил «национальную идентичность» как «предполагающую такую степень субъективного восприятия традиций, обычаев и норм, при которой действующий индивид не отделяет себя от той или иной социальной группы или общности, воспринимая все происходящее как имеющее отношение не только к нему лично, но и к определенному «Мы» [11, с. 286].

Эмпирической базой исследования являются данные многолетних всероссийских опросов граждан, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН и другими исследовательскими центрами.

Индивидуальная самоидентификация

Данные опроса, проведенный Институтом социологии ФНИСЦ РАН весной 2023 г.¹ показывают, что в 2023 г. почти для половины опрошенных россиян основным критерием коллективной идентификации является предельно абстрактный параметр общности взглядов на жизнь (см. рис. 1). Ощущение близости с людьми таких же взглядов на жизнь испытывают в значительной степени 46% респондентов, в некоторой степени – 47%, а ее ощущают такой близости всего 7% опрошенных. Среди более конкретных критериев самоидентификации выделяются общность интересов и увлечений (37% ощущают значительную близость) и профессиональная общность (36% ощущают значительную близость).

¹ Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РФФ по приоритетному направлению деятельности РФФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН.

Общероссийский опрос населения проведен в мае 2023 г. методом личных интервью по выборке 2000 респондентов среди совершеннолетних граждан Российской Федерации. Выборка (N=2000) формировалась согласно данным Росстата в соответствии с половозрастной структурой населения РФ и репрезентировала население страны старше 18 лет по региону проживания, а внутри региона – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Возможная статистическая погрешность при таких принципах построения выборки в 2000 респондентов составляет не более 3%.

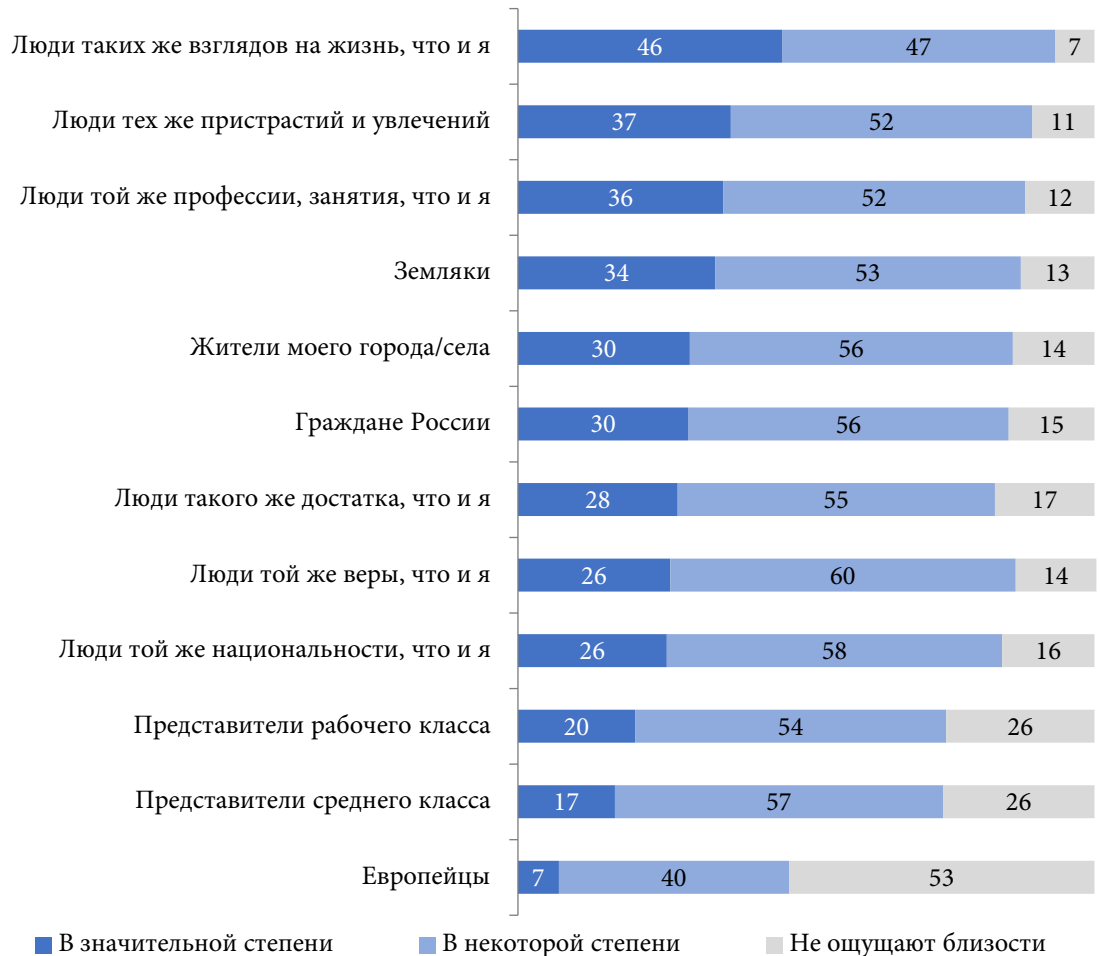

Рис.1. Ощущение близости с разными группами людей, 2023 г.,
 % (результаты ранжированы по варианту ответа «в значительной степени»)
Figure 1. Feelings of closeness with different groups of people, 2023,
 % (results are ranked according to the answer option “to a great extent”)

Самоидентификации на основании общности выполняемого дела немного уступает территориальная самоидентификация. Со своими земляками ощущают близость в значительной степени 34% опрошенных и в некоторой степени 53%, а не ощущают близости – 13% респондентов. Обращает на себя внимание то, что близость с гражданами России и близость на основе общего места жительства (города, села и т. д.) в значительной степени ощущают равные доли респондентов (по 30%). Близость к людям того же достатка, веры или национальности в значительной степени испытывают 28, 27 и 26% опрошенных соответственно, в некоторой степени – 55, 58, 55% соответственно. В свою очередь, ощущение близости к представителям рабочего или среднего классов характерна в значительности степени для 20 и 17% респондентов, а в некоторой степени – для 54 и 57%. Наконец, весной 2023 г. близость к европейцам в значительной степени испытывали лишь 7%, в некоторой степени – 40%, а не испытывали вовсе – 53% опрошенных. Приведенные данные позволяют представить устройство коллективной идентичности современных россиян в виде пирамиды, каждый из уровней которой представляет собой одно из оснований формирования ощущения близости с другими людьми (см рис. 2).

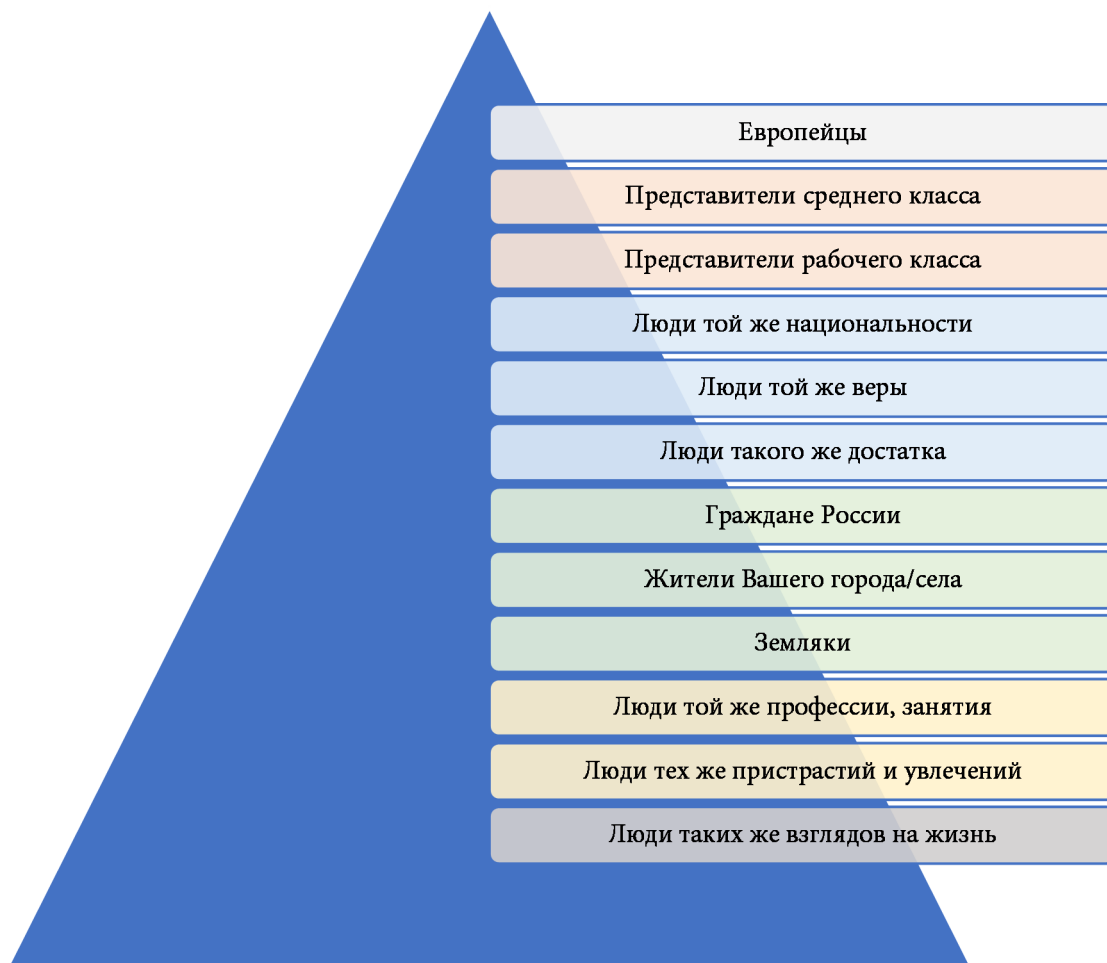

Рис. 2. Уровни коллективной идентичности современных россиян, 2023 г.

Figure 2. Levels of collective identity of modern Russians, 2023

Основанием этой «пирамиды» является самоидентификация с максимально широкими и абстрактными социальными группами, объединяющими людей на основании общих увлечений и профессий. Следующим является уровнем идентификации с сообществами людей, живущих вместе на одной территории, будь то отдельный населенный пункт или вся страна. Далее следуют близость на основании материального достатка, веры и национальности. На предпоследних уровнях находится классовая самоидентификация с пролетариатом или средним классом, которая носит явно вторичный характер. Наконец, на вершине пирамиды, которая в данном случае означает наименьший уровень востребованности находится европейская идентичность, о полном отсутствии которой заявляют 53% опрошенных.

Самоидентификация современной России в представлениях ее жителей

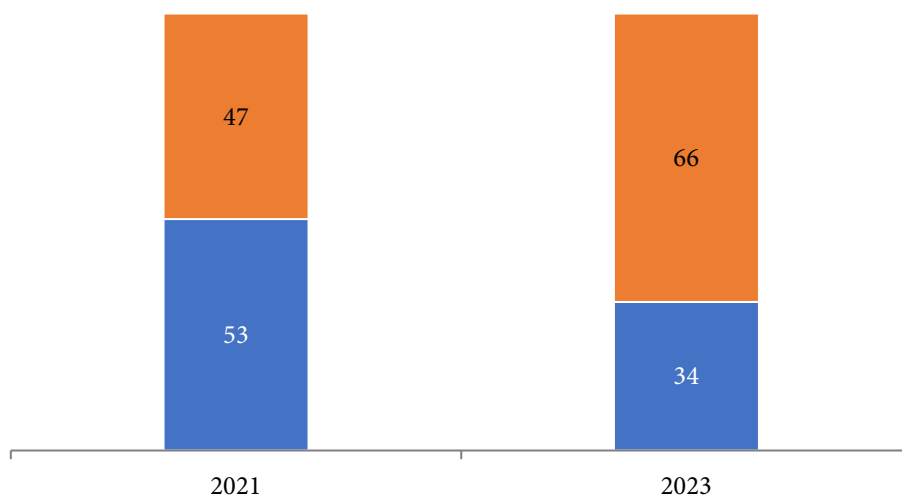
Представления россиян о ключевых составляющих собственной национальной идентичности тесно связаны с их оценкой места России на цивилизационной «карте мира». Социологические данные свидетельствуют, что на протяжении почти десятилетия большинство опрошенных

россиян считали Россию особой цивилизацией, где западный образ жизни никогда не утвердится. В годы наиболее острой конфронтации с западными странами, в 2014 и 2023 гг., так считали 3/4 всех опрошенных. В более спокойное время, в 2019 и 2021 гг., поддержка этой позиции снижалась, но все равно не опускалась ниже 65%. Соответственно, доля респондентов, полагающих, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, колебалась в разные годы от менее чем 1/4 до 1/3 от общего числа опрошенных.

Данные опросов, проведенных в последние 9 лет, показывают, что большинство россиян не рассматривают свою страну как часть западной цивилизации по образу жизни и нормам поведения ее жителей, «отстраняясь» от стран Запада даже на уровне самоопределения. Естественно, сами граждане западных стран не рассматривают себя представителями «коллективного Запада», но они и не сомневаются в своей сопричастности западной цивилизации и культуре, как это делают россияне.

Судя по данным опросов, проведенных в 2021 и 2023 гг., среди россиян нет единодушного согласия в том, к какому «миру» относится их самобытная в цивилизационном смысле страна. Как видно из приведенного ниже рисунка, в «ковидный» 2021 г. соотношение между респондентами, относящими Россию к западному или восточному (евразийскому) миру, было в районе 50 на 50 (см. рис. 3).

В 2023 г., когда конфронтация с западными странами приобрела невиданный со времен Холодной войны накал, соотношение изменилось. Сегодня уже более 2/3 респондентов (66%) полагают, что Россия не является в полной мере европейской страной и постепенно будет усиливаться ее цивилизационное движение на Восток.

- Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток
- Россия – часть Европы. В 20 веке она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в 21 веке будет теснее всего связана именно с этим регионом мира

Рис. 3. Динамика изменения оценок принадлежности России к западному или восточному миру, 2021–2023 гг., %

Figure 3. Dynamics of change in assessments of Russia's belonging to the Western or Eastern world, 2021–2023, %

Совместное исследование ЦСП «Платформа» и Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ, проведенное в августе 2023 г. методами фокус-групповых дискуссий и экспертных интервью, продемонстрировало, что современные россияне полагают Россию самобытной цивилизацией (так заявили 64% респондентов). Втрое реже Россия кажется «смесью» восточной и западной культур без явных акцентов (на это указали 19% опрошенных). Заметно менее популярна идея однозначного отнесения России к западной или восточной культуре (на это указали лишь 5 и 4% участников соответственно и еще 9% затруднились ответить). Вместе с тем участники фокус-групп испытывали сложности с содержательным объяснением особенностей российской цивилизации кроме ее «промежуточного положения» между Западом и Востоком.

Возвращаясь к анализу данных, полученных ФНИСЦ РАН весной 2023 г., следует отметить, что респонденты заметно более единодушны в оценке возможных направлений выстраивания союзнических отношений с иностранными государствами. Подавляющее большинство опрошенных полагают, что союзниками России должны быть не европейские государства, а непосредственные соседи (см. рис. 4). При этом, с 2014 по 2023 гг. доля респондентов, согласных этой позицией, увеличилась на 10 п.п. с 73 до 83% соответственно. В свою очередь, поддержка сотрудничества с западными, прежде всего, европейскими странами сократилась с 27 до 17%.

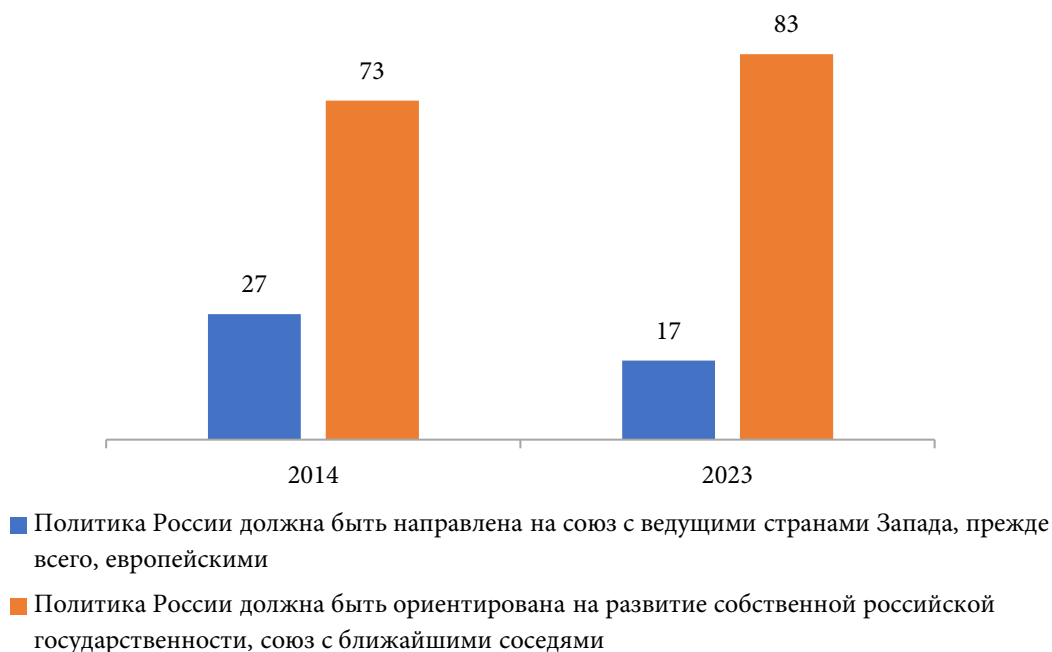

Рис. 4. Динамика изменения оценок направленности политики России в выстраивании союзных отношений, 2014–2023 гг., %

Figure 4. Dynamics of changes in assessments of the direction of Russia's policy in building alliance relations, 2014–2023, %

Из приведенных выше данных следует, что большинство опрошенных россиян не идентифицируют себя с Западным миром и не видит необходимости в выстраивании союзных отношений с ним. Респонденты пола-

гают, что Россия является особой цивилизацией, приоритетным вектором развития которой является восточное направление. «Поворот на Восток» пока слабо отрефлексирован российским обществом. В представлениях о нем доминирующее место занимает отказ от западной модели развития, но окончательного понимания того, чем она может быть заменена у россиян нет. Несмотря на то, что в последние годы много говорят о Китае, как о протагонисте западного мира, российское общественное мнение склонно его рассматривать экономического и военного союзника, но не как образец цивилизационного развития. При этом, на оценки части респондентов (их около 10%), влияет актуальный характер отношений с западными странами. В моменты обострения отношений они занимают условно провосточную позицию, а когда конфликтность снижается – опять склоняются в пользу Запада. Впрочем, субъективные оценки людей не являются достаточным основанием для определения степени близости идентичности современных россиян к западной культуре. Для понимания этого вопроса необходимо определить, насколько ценностные установки россиян совпадают или не совпадают с обозначенными выше ключевыми чертами граждан стран условного «коллективного Запада».

Ценностная идентификация в социально-экономической сфере

Как отмечалось выше, в качестве ключевых характеристик «коллективного Запада» в социально-экономической сфере мы выделили приверженность рыночному способу ведения хозяйства, а также высокий уровень космополитизма, консьюмеризма, индивидуализма и активизма. Посмотрим, насколько корреспондирующие этим характеристикам ценности актуальны для современных россиян. В приведенной ниже таблице (см. табл. 1) отражены ответы респондентов на вопросы, представляющие собой дилеммы, с помощью которых операционализируются приведенные выше характеристики «коллективного Запада» в социально-экономической сфере.

Из приведенных ниже данных видно, что ответы по каждому из «ценностных» вопросов распределились относительно равномерно: более чем половина опрошенных (62%) разделяют либеральные представления о важности формального равенства, хотя сторонников фактического равенства (равенство доходов) также довольно много (38%). В дилемме, предполагающей выбор между участием в жестокой борьбе за свое место под Солнцем и отказом от материального благополучия ради сохранения своих моральных принципов, респонденты разделились на две крупные группы (41 и 59% соответственно), хотя число принципиальных сторонников морали заметно выше. Космополитическую позицию, о том, что человек может жить в той стране, где ему больше нравится, разделяют 47%, а уверенных в том, что покинуть Родину нехорошо – 53%.

Таблица 1 (Table 1)

Ценностные суждения по вопросам социально-экономической сферы, 2023 г., %
Value judgments on socio-economic issues, 2023, %

С каким из нижеприведенных суждений Вы согласны в большей степени?	2023
Рыночная экономика	
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	62
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	38
Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали	41
Вы лучше не достигнете материального благополучия и не сделаете карьеру, но никогда не перешагнете через свою совесть и моральные нормы	59
Космополитизм	
Человек может жить в той стране, где ему больше нравится	47
Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать	53
Консюмеризм	
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	65
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	35
Индивидуализм	
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	45
Личные интересы – это главное для человека	55
Чтобы чего-то важного добиться следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы	50
Чего-либо существенного добиться, отстаивать свои интересы можно только, рассчитывая на свои собственные силы	49
Активизм	
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	53
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	47

Отношение к ценностям индивидуализма и коллективизма также делит опрошенных россиян на две примерно равные группы. С утверждением о том, что люди должны ограничивать свои интересы ради страны и общества согласны 45% респондентов, а противоположный по смыслу тезис о том, что личные интересы являются главными для человека, поддерживают 55% опрошенных. Вместе с тем, 53% опрошенных полагают необходимым активно бороться за свои права и интересы, а 47% – считают лучшей стратегией избегание борьбы и приспособление к реальности.

Наибольший дисбаланс наблюдался при выборе между свободой и материальным благополучием, который мы рассматриваем как индикатор распространенности потребительских (консюмеристских) ценностей. Для большинства опрошенных россиян (65%) свобода, а не материальное благополучие является смыслом жизни. С приоритетом материального достатка над свободой согласны 35% опрошенных, что не так уж и мало.

Таким образом принятие и непринятие ценностей, корреспондирующих с такими характеристикам «коллективного Запада», как приверженность рыночному способу ведения хозяйства, космополитизм, консюмеризм, индивидуализм и активизм, распределяются среди опрошенных примерно одинаково. Так что минимум по социально-экономическим вопросам значительная часть российского общества продолжает идентифицировать себя с теми ценностями, которые в российском научном дискурсе принято ассоциировать с «коллективным Западом».

Ценностная идентификация в политической сфере

Данные исследований ФНИСЦ РАН позволяют понять, насколько созвучны современным россиянам политические ценности, связанные с такими характеристиками «коллективного Запада», как приверженность либеральной демократии, разделению властей и правам человека. Ниже представлены ответы респондентов, отражающие согласие с суждениями, позволяющие выявить их политические ценности (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Ценностные суждения по политическим вопросам, 2023 г., %
Value judgments on political issues, 2023, %

Вы согласны со следующими высказываниями?	Согласны	Не согласны
Либеральная демократия		
Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	86	14
Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	79	21
Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать	73	27
Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничить	66	34
Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать ему помощь в работе	63	37
Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права	55	45
Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	50	50
Готов пойти на значимые жертвы ради интересов своей страны	45	55
Права человека		
Для обеспечения государственных интересов в некоторых случаях возможны ограничения прав отдельных индивидов	68	32
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	63	37
Права человека должны преобладать над интересами государства	55	45
Интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека	54	46

В отличие от социально-экономических ценностей отношение россиян к политическим ценностям менее однозначное, а иногда явно противоречивое. Так, с одной стороны, подавляющее большинство опрошенных (86%) соглашались с тем, что каждый человек должен иметь возможность отстаивать свои права и интересы, в том числе и тогда, когда они противоречат мнению большинства. Это ценностное суждение коррелируется с представлением о современной демократии как политической организации, позволяющей учитывать интересы как большинства, так и меньшинства.

Одновременно, большинство респондентов демонстрируют приверженность идее сильного государства. Так, по мнению 79% опрошенных, государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. Национализацию предприятий, наносящих ущерб государству, считают допустимой 74%, а на ограничение свободы массовой информации, если она нарушает интересы государства, согласны 66% респондентов. По мнению 63% опрошенных, оппозиция должна не критиковать власть, а помогать ей. С тем, что люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права, согласны 55% респондентов, но на значимые жертвы ради нее готовы идти 45% опрошенных. Наконец, 50% респондентов полагают, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства.

Рассуждая о соотношении интересов личности и государства, сегодня большинство россиян (55%) выбирают либерально-демократический подход, предполагающий примат прав человека над любыми другими правами и интересами. Но когда речь заходит не о правах и свободах абстрактного человека, а о правах конкретного, отдельно взятого индивида, то 54% респондентов полагают, что они должны быть подчинены интересам государства. С возможностью ограничения в некоторых случаях прав людей во имя интересов государства согласны 68% опрошенных. В тоже время 63% полагают, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций.

Мнение россиян в отношении политических ценностей, ассоциируемых с «коллективным Западом», менее гомогенно, чем в вопросе его социально-экономических ценностей. Очевидно, что большинство опрошенных отводят государству основное и даже доминирующее место в политической жизни общества и готовы предоставить ему большую свободу действия. Но и отказываться от своих прав и интересов россияне не готовы. Более того, многие респонденты ставят их выше интересов государства и потенциально готовы к их отстаиванию с помощью забастовок и демонстраций. Это позволяет нам сделать вывод о том, что политические ценности, которые обычно приписываются «коллективному Западу», на данный момент сохраняют значимость для значительной части россиян, признающих важность государства, но не готовых отказываться ради него от своих выгод.

Историческая память

Хотя в мировоззрении многих россиян симпатии идеям национальной самобытности сочетаются с либеральными установками, несовпадение России со странами Запада в вопросах трактовки прошлого ощущается очень остро. С середины 2000-х гг. Россия по вопросам интерпретации прошлого находится в состоянии конфронтации со странами Балтии и с Польшей, а с 2014 гг. – и с Украиной. Негативная трактовка советского прошлого властями восточноевропейских государств, в том числе и постсоветских, касающаяся и памяти о Победе в Великой Отечественной войне, базирующаяся на уравнивании коммунизма и нацизма для российской исторической памяти была абсолютно неприемлема [21, с. 189–190]. Восточноевропейская трактовка событий второй половины XX в. не только противоречила образу России как члена антигитлеровской коалиции, но была абсолютно противоестественна для российской национальной памяти и истории многих российских семей.

В России же сохранилось уважительно-ностальгическое отношение ко временам СССР и многие реминисценции советского времени воспринимаются гражданами положительно [7, с. 126]. «Точкой сборки» памяти о советском наследии является память о Победе в Великой Отечественной войне, которая консолидирует российское общество, выступает основанием национальной гордости и коллективной исторической памяти общества. Данные ФНИСЦ РАН 2023 г. свидетельствуют, что Победа в Великой Отечественной войне (ею гордятся 70% респондентов) и послевоенное восстановление страны (56%) на протяжении всего двадцатипятилетнего периода наблюдений (с 1998 г.) находятся в основании матрицы национальной гордости.

На протяжении почти трех десятилетий в число лидеров национальной гордости входят достижения выдающихся отечественных деятелей искусства и культуры, в том числе и советского периода, (46%) и полет в космос Юрия Гагарина (39%). Для еще 27% опрошенных в 2023 г. россиян гордятся достижениями советских и российских спортсменов. Таким образом в авангарде национальной гордости современных россиян – символы советского исторического наследия, что отражает высокую консолидирующую значимость советской мифологемы для российской гражданской идентичности.

Второй по значимости блок событийных символов исторической гордости россиян связан с современной российской армией (27% ею гордятся), ее достижениями, а также с военным авторитетом России и Советского Союза, а также с недавними событиями: присоединением Крыма (31%) и вхождением в состав Российской Федерации ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (13%).

Третий по значимости, «периферийный», блок событий-символов гордости отечественной истории представлен хронологически отдаленными, но содержательно знаменательными вехами российской государственности, которые респонденты не считают первостепенно важными для национального прошлого, но и не спешат предавать забвению. Это царствование российских самодержцев (12%), освобождение в 1861 г. крестьян от крепостного права (7%), Октябрьская революция (6%), православные мученики и святые (5%).

Но эти очень условно значимые вехи прошлого страны кажутся современным россиянам более важными, чем этапы становления «новой России», которыми россияне совсем не спешат гордиться. В 2023 г. буквально единицы участников опроса называли в числе поводов национальной гордости период Перестройки и гласности времен М. С. Горбачева (3%), а также переход России к рыночной экономике при Б. Е. Ельцине (4%). Невысока в 2023 г. была и доля тех, кто гордился ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. (7%). И, если в середине 1990–2000-х гг. национальной историей времен президентства М. С. Горбачева – Б. Н. Ельцина гордились буквально единицы граждан (1–4%), то в тот же период сближение с западными странами конца 1980-х гг. воспринималось гораздо положительнее, чем сегодня: и в 1998 г., и в 2007 г. «разворотом на Запад» гордились 14% россиян, что вдвое выше, чем в 2023 г.

Многие из тех, кто застал время надежд на «перезагрузку» отношений с Западом, с ростом внешнеполитической изоляции России и дипломатической напряженности разуверились в этом. Но это – старшие поколения россиян. А вот российская молодежь, разделяя гордость за славное советское наследие, более космополитична, респонденты в возрасте 18–30 лет чаще других признаются в том, что они гордятся ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. (10%), переходом России к рыночной экономике периода Б. Ельцина (5%).

В целом же ностальгия о советском прошлом – органичная часть коллективной идентичности россиян. Так, в числе самых популярных у россиян праздников находятся прежде всего «унаследованные» от советских времен Новый год (его в 2020 г. в числе самых важных для себя праздников назвали 86% респондентов), День Победы (71%), 8 марта (46%), 23 февраля (36%). А вот новые, постсоветские праздники у россиян пока не слишком популярны. Лишь 6% россиян к числу значимых памятных дат отнесли День России (12 июня), 5% – День семьи (8 июля), 3% – День народного единства (4 ноября). Это меньше популярности даже идеологически окрашенных советских праздников 1 мая (11%) и 7 ноября (4%) [16, с. 71].

Память о советском прошлом, несомненно, поддерживается государством, как ресурс национальной консолидации и источник символической ренты власти [18, с. 206]. Прошлое становится естественным ресурсом изобретения традиции «единой России» [18, с. 335]. Национальная история – всегда проекция политики в прошлое, однако после создания в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории и учреждения в 2020 г. подразделения Следственного Комитета РФ по расследованию преступлений, связанных с фальсификацией истории Отечества, в России память о прошлом предъяснялась не как многообразие фактов, общественных дебатов и исторических образов, но как безоговорочное свидетельство [17, с. 335].

Вместе с тем многолетние наблюдения ФНИСЦ РАН свидетельствуют об особенной значимости семейной памяти как ресурса памяти исторической и гражданской идентичности россиян. В 2020 г. треть опрошенных (32%) получали информацию о российской истории из воспоминаний и рассказов своих родственников, ориентировались при поиске информации о прошлом

страны на историю своей семьи. Изустная семейная память – третий по популярности источник исторического знания после исторических художественных (45%) и документальных (40%) фильмов [16, с. 91]. Более серьезные источники исторической информации: академическая историческая литература, архивные сведения, музейные архивы менее востребованы.

И хотя память большинства российских семей ограничена двумя ближайшими поколениями родителей, бабушек и дедушек (в 2020 г. 60% признавались, что знают об обстоятельствах жизни самых близких родственников), их память об участии членов семьи в военных действиях Великой Отечественной войны всеобъемлюща. В 2023 г. точно знали об участии своей семьи в общем деле Победы 85% опрошенных граждан, еще 8% были информированы о неучастии родственников¹. И лишь 7% ничего не знали о том, воевали ли их родные.

Поэтому для большинства россиян День Победы – в первую очередь семейный праздник, и семейная память о судьбе родных и близких в военное время, их участие в общем деле Победы естественным образом консолидирует и коллективную идентичность, и историческое самосознание российского общества.

В условиях напряженных отношений с Западом многие россияне истолковывают исторические события через семейную память, отсюда – их категорическое неприятие западной антисоветской трактовки истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне. В 2023 г. большинство опрошенных россиян (57%) считали, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, и поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение. Доля тех, кто полагал, что жить нужно настоящим и будущим, а прошлое оставить историкам и архивистам, была меньше – так считали 43% участников опроса. Уверенность россиян в необходимости защищать национальную версию прошлого возрастает по мере их взросления: так полагают 43% молодых людей младше 30 лет и 70% респондентов старше 66 лет (см табл. 3.). Собственная память многих пожилых россиян о событиях советской истории составляет основание их идентичности и пересматривать ценности собственной жизни они не готовы. А молодежь, в свою очередь, знает и помнит рассказы родителей, бабушек и дедушек о советском прошлом, воспринимая попытки их пересмотра негативно, хотя и не так резко, как пожилые очевидцы.

К слову «денацификация», обозначенная руководством страны как важная задача СВО, апеллирует к базовой мировоззренческой и этической парадигме советского общества о недопустимости возрождения нацизма и фашизма, увязывает настоящее с семейной памятью о войне и таким образом мобилизует российское общество в том числе и на борьбу за память о подвиге самых близких людей.

¹ Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РФФ по приоритетному направлению деятельности РФФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведенного в мае 2023 г. по общероссийской выборке (n = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Таблица 3 (Table 3)

**Отношение россиян разных возрастов к прошлому
и трактовке исторических событий, 2023 г., %**
*Attitudes of Russians of different
ages to the past and interpretation of historical events, 2023, %*

	Все опрошенные	18–30	31–40	41–50	51–65	Старше 66
От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение	57	43	52	59	62	71
Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам	43	57	48	41	38	29

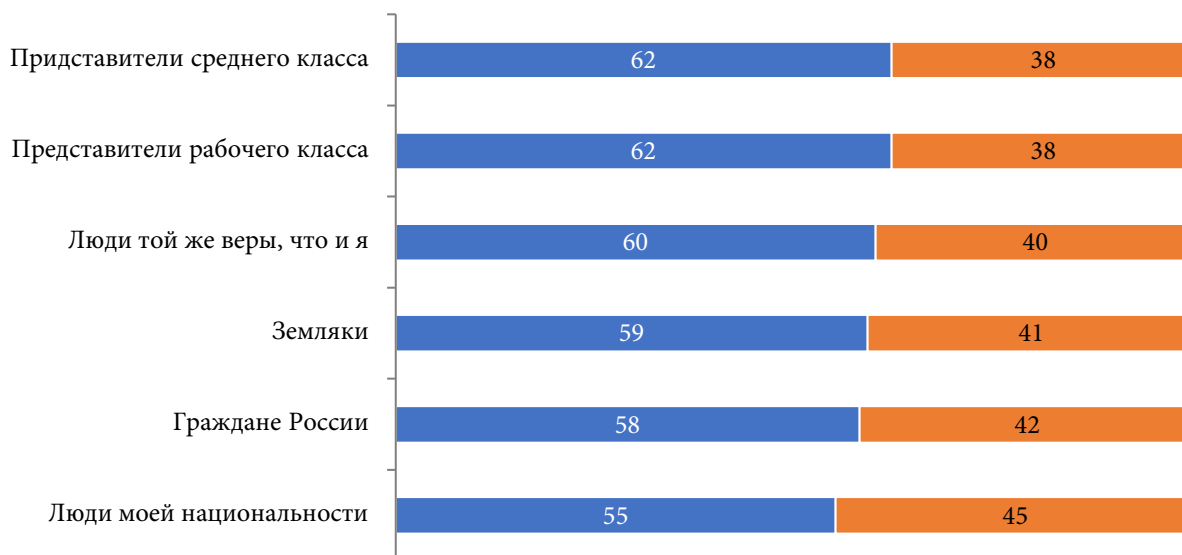
Идея «борьбы за прошлое» более других популярна среди сторонников как консервативной, так и социалистической стратегий развития России: более ее других поддерживают, с одной стороны, респонденты, которые хотели бы сохранения в России сильных национальных традиций, моральных и религиозных ценностей (64%), сильной власти, обеспечивающей в порядок в стране (61%), а также статуса великой державой мира (59%). А с другой – сторонники воплощения в будущей России идей обеспечения социальной справедливости (60%) и ограничения социальных неравенств (60%).

А вот россияне, которые хотели бы для России либеральных преобразований, соблюдения прав человека, принципов демократии и свободы личности в большинстве своем также поддерживали идею «борьбы за прошлое» (56%), но немало среди них было и тех, кто полагал важным сосредоточиться на настоящем и будущем (45%). Возможно, однако, что готовность либерально настроенных россиян побороться за честную трактовку национальной истории отражает формирующуюся среди них реакцию на актуальную консервативную переоценку таковой. Впрочем, доля тех, кто испытывает гордость за страну периода конца 1980-х гг., откровенно невелика (всего 3%) и их запрос на пере-переоценку истории не отражает массовых общественных настроений. Тогда как симпатии к западной модели развития страны, в том числе принципам рыночной экономики и активным партнерским отношениям с Западом, больше характерны для тех, кто избегает пристального внимания к истории и политизации прошлого (52% и 54%).

О «компенсаторно консервативном» характере запроса многих россиян на достоверное историческое знание после его либерального переосмотра в 1990-е гг. говорит и то, что реже всех о необходимости защищать историческое прошлое заявляют сторонники русского национального государства, «России для русских», большинство среди которых (56%) выступает против излишнего внимания к истории. Тогда как обычно правонационалистический дискурс сопряжен с постколониальной интенцией

пересмотра истории, когда имперская логика интерпретации прошлого заменяется его этноцентрической версией, а история рассказывается как история конкретного народа, этнической группы.

Актуальный же консервативный запрос на историческое охранительство далек от националистического и менее популярен среди россиян, ощущающих сильную близость с людьми своей национальности («мы – люди одной национальности»). Но более распространен среди тех, кому близка их социальная или даже профессиональная группа («мы представители рабочего / среднего класса»), хотя и пользуется определенной популярностью среди адептов региональной («мы – земляки», 59%) и конфессиональной солидарности («мы – люди одной веры», 60%). Если среди тех, кто в значительной степени ассоциирует себя с людьми своей национальности, идею значимости для будущего страны актуальных трактовок истории поддерживают 55%, то среди носителей левой идеи и классовой солидарности этот показатель выше (62% (см. рис. 5).

- От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение
- Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам

Рис. 5. Отношение носителей различной идентичности к прошлому и трактовке исторических событий, 2023 г., %

Figure 5. Attitude of bearers of different identities to the past and interpretation of historical events, 2023, %

Попытки переоценить события российской истории советского и даже имперского периода расцениваются многими гражданами современной России как оскорбление не только национальной, но и семейной памяти. Отсюда – ориентация на защиту исторической памяти в первую очередь сторонников национального суверенитета страны, считающих Россию особой цивилизацией (59%), не являющейся в полной мере европейской страной (61%), чьим внешнеполитическим приоритетом должен быть союз с ближайшими соседями, а не ведущими странами Запада (59%) (см. рис. 6).

- От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение
- Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам

Рис. 6. Отношение к прошлому и трактовке исторических событий адептов различных стратегий будущего России, 2023 г., %

Figure 6. Attitude to the past and interpretation of historical events of adherents of different strategies of Russia's future, 2023, %

А вот среди прозападно настроенных россиян, которые, несмотря на прямой конфликт России с Западом, гордятся периодами «потепления» отношений между ними, доминирует мнение, что важнее собственное национальное настоящее и будущее, а не проработка прошлого. Большинство тех, кто гордится переходом к рыночной экономике во времена президентства Б. Н. Ельцина, считают, что нельзя слишком много внимания уделять прошлому (58%). Тех, кто готов защищать «историческую правду» во имя национальных интересов в этой группе заметно меньше (42%).

Интересно распределились мнения в отношении стратегий работы с прошлым среди тех россиян, кто гордится периодом ликвидации «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. Более половины из них (53%) хотели бы оставить прошлое историкам, но немногим меньше среди них тех (47%), кто выступает за отстаивание исторической правды. Что неудивительно: ключевые события российской истории, связанные в первую очередь с советским прошлым исключительно важны как основания национальной идентичности в том числе и для прозападно настроенных граждан, и к их пересмотру в логике современной западной пропаганды они не готовы.

Заключение

Проведенный анализ данных многолетних социологических опросов позволил изучить влияние на идентичность и историческую память современных россиян дискурсивно сконструированного образа «коллективного

Запада» и резюмировать, что в мировоззрении многих современников сочетаются симпатии идеям национальной самобытности и некоему условно понимаемому традиционализму с ориентацией на западный образ жизни и либеральные ценности.

С одной стороны, на протяжении почти десятилетия большинство россиян полагают свою страну особенной цивилизацией, отличной от Запада. Популярность этой точки зрения возростала в годы наиболее острого противостояния с западными странами в 2014 и в 2023 гг. И в массовом сознании россиян пока не сформировалось представление об альтернативе западному вектору для цивилизационного развития России: восточные державы, в первую очередь Китай, воспринимаемый сегодня скорее как экономический и геополитический союзник, но не как «ролевая модель».

С другой стороны, многие россияне имеют вполне западные взгляды на социально-экономические и политические вопросы и не желают жертвовать собственным благополучием ради коллективных или государственных интересов.

Сегодня две эти условные ценностные системы уравновешены в массовом сознании россиян и не имеют доминирующего превосходства друг над другом. Этот баланс придает современной российской идентичности сложный характер. С одной стороны, такой баланс постоянно находится под угрозой разрушения, что может привести к социальным конфликтам между носителями разных ценностей. С другой стороны, ценностная вариативность придает российскому обществу свойство уникальной адаптивности, позволяющее ему использовать сильные стороны как традиционной, так и западной системы ценностей. Более того, именно такое представление о самобытности российской цивилизации находит большую поддержку у большинства российских граждан.

Но если в мировоззренческих основаниях коллективной идентичности сочетаются симпатии идеям национальной самобытности и либеральные установки, то несовпадение России со странами Запада в вопросах трактовки прошлого ощущается очень остро. Длительное внешнеполитическое противостояние со странами Запада времен «Холодной войны» еще в советский период задавало общую «рамку» своеобразия, вплоть до противопоставления трактовок событий прошлого и исторической памяти в России и на Западе. Но тогда борьба за трактовку прошлого воспринималась как часть конкуренции идеологий. Чувствительным «исторический вопрос» в отношениях с Западом стал, когда к перманентным «войнам памяти» России со странами Балтии и Восточной Европы, добавилось противостояние с постсоветскими государствами, перенявшими негативную трактовку советского прошлого. Что оказалось противоестественно не только для российской национальной памяти, сохранившей уважительно-ностальгическое отношение ко временам СССР, но и для исторической памяти многих российских семей. Истолковывая исторические события и прошлое страны в целом через семейную память, многие россияне категорическое не приемлют западную антисоветскую трактовку истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне.

Попытки переоценки события российской истории советского и даже имперского периода воспринимаются многими гражданами современной России как оскорбление не только национальной, но и семейной памяти. Отсюда – формирующийся сегодня общественный запрос на достоверное историческое знание. Желание многих из них сохранить устоявшуюся трактовку национальной истории связано не столько с опасением центробежных тенденций, как это было в 1990-е гг., сколько со стремлением сохранить и защитить от пересмотра свою семейную память.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Бабаев К. В. Глобальный цивилизационный конфликт XXI в. и роль России // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6(75). С. 36–47. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_36; EDN: SZZRPA.
3. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3; EDN: LOGPEF.
4. Балашова Л. В. Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 24–39. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_02; EDN: VQYOIF.
5. Бараш Р. Э. Фигура «Другого» как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1(107). С. 90–99. EDN: OQMGHJ.
6. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 91–105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105; EDN: USFXTB.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум. Academia-Центр. 1995. 323 с.
8. Бобров А. К. Концептуальные основы внешней политики России. М.: Аспект-Пресс, 2021. 221 с.
9. Бродовская Е. В., Склярова Н. Ю., Огнев А. С. Критика концепции футурошока в контексте суверенизации национальной системы образования и воспитания // Человеческий капитал. 2023. № 10(178). С. 118–127. DOI: 10.25629/HC.2023.10.11; EDN: ROUEVV.
10. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16. EDN: MXKAMB.
11. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

12. Журавлева С. М., Иванов А. В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 7–20. EDN: UOFURN.

13. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С. Лопатиной, М.: Мысль, 2018. 347 с.

14. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Ред. М. К. Горшков. М.: Весь Мир. 2022. 248 с.

15. Калинин И. А. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 4(78). С. 330–339. EDN: VPJSVP.

16. Калинин И. А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 2(88). С. 200–214. EDN: VPOSOR.

17. Карабущенко П. Л. «Кроличьи норы» карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2(67). С. 109–116. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116; EDN: IJHXTV.

18. Карпович О. Г., Закаурцева Т. А. Россия и «коллективный Запад» в контуре формирующегося многополярного мира // Вестник Российской нации. 2017. № 5(57). С. 180–191. EDN: YOFPUK.

19. Касьянов Г. В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019. 632 с.

20. Купрюшин А. П. Демократия «коллективного запада», как основа коррупции // Вестник ВИЭСУ. 2022. № 4. С. 50–55. EDN: FUTNAI.

21. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. Барчуковой. М.: Ин-т ФОМ, 2004. 384 с.

22. Литвин А. Немец-Враг: предисловие к публикации документов // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 229–242.

23. Магун В. С., Руднев М. Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Ред. К. Ю. Рогов. М.: НЛО, 2021. С. 325–353. EDN: LIOTPG.

24. Малинова О. Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах: попытки преодоления коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2. С. 32–53. EDN: QYTCDP.

25. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 189 с.

26. Мартынов Б. Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.

27. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник ОренГУ. 2015. № 3(178). С. 65–71. EDN: UFZIBF.

28. Морозов В. Е. Запад без кавычек // Свободная мысль. 2009. № 11(1606). С. 47–60. EDN: TTMGRL.
29. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009. 651 с.
30. Морозов И. Л. Футурологические концепции Фрэнсиса Фукуямы и Элвина Тоффлера как идеологическое обоснование западного цивилизационного экспансионизма // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6(107). С. 18–23. DOI: 10.24158/пер.2022.6.2.
31. Муравых А. И., Никитенко Е. Г. Агония коллективного Запада // Вопросы политологии. 2022. № 4(80). С. 1181–1189. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.022; EDN: GTORIL.
32. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Литвинова, И. Пильщикова. М.: Новое Изд-во, 2004. 336 с.
33. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. / Ред. А. В. Голубев. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
34. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59. EDN: LLSYRD.
35. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
36. Тимофеев И. Н. Россия и коллективный Запад: новая нормальность: рабочая тетр. № 32/2016. М.: НП РСМД, 2016. 36 с.
37. Феофанов К. А. Тенденции международного развития в условиях пандемии // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 7–21. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51474; EDN: JVVXGR.
38. Фуко М. Археология знания / Пер. с франц. М. Раковой, А. Серебрянниковой. СПб.: Гуманит. академия, 2004. 416 с.
39. Худолей К. К. Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 6(106). С. 10–22. EDN: XOTGBL.
40. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2006. 256 с.
41. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35–67.
42. Miller A. I. The Turns of Russian Historical Politics, from Perestroika to 2011 // Miller A. I., Lipman M. A. (eds) The Convolutions of Historical Politics. CEU Press, 2012. P. 7–32.
43. Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. L.-N. Y.: Routledge, 1996. 272 p.

Получено редакцией: 10.09.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бараш Раиса Эдуардовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Петухов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9

Identity and Historical Memory of Russians in the Context of Confrontation with the “Collective West”¹

Raisa E. Barash

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: raisabarash@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5899-973X

Roman V. Petukhov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: petukhovrv@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0940-9315

For citation: Barash R. E., Petukhov R. V. Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

Abstract. Basing on the data of long-term sociological research, the authors study the influence of the construct “collective West” on the civic identity and historical memory of modern Russian society and investigate the dynamics of these attitudes of public society under the influence of the international political situation. “Collective West” is considered as a stereotypical construct founded on Russian public opinion and political discourse. The authors identify three main approaches to the description of the “collective West”: socio-economic and political approaches, as well as the strategy of studying the organisation of private life. This allows us to correlate the features attributed to the discursively constructed “Other” with the ideas about the “collective West” actualized in the mass consciousness of modern Russians. The authors summarize that the Russian collective identity combines both traditional-self, Russian, and Western-liberal values. But Russians are unambiguous when it comes to the interpretation of historical memory: they acutely perceive the discrepancy between Russian and Western interpretations of the past.

The “collective West” has acted for Russia not only as a traditional socio-cultural and civilizational “Other”, but also as geopolitical competitor. Hence this is the peculiarity of interpretations of past events and historical memory in Russia and abroad. The “perestroika inertia” of attempts to reconcile different versions of the past was replaced in the 2000s by a sharp anti-communist discourse of a number of Eastern European states, their “turn” to the West and Russia’s growing external isolation. This revitalized the conflict between the national historical narratives of Russia and Western countries, and this is very painful for Russian society today. Negative interpretation of the events of Soviet history, especially of the memory of the Victory in the Great Patriotic War, is absolutely unacceptable for the Russian historical memory. Russian people react to the attempts to revise the traditional interpretations of Russian history with the demand for reliable historical knowledge. People attitude to preserve the established interpretation of national history is related not to the fear of decentralization tendencies, as it was in the 1990s, but to their desire to protect the history of their families and family memory.

Keywords: identity, historical memory, past, history, West

Reference

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Moscow, Kanon-Press-C: Kuchkovo Pole, 2001: 286 (in Russ.).

¹ The research was carried out at the expense of the Fund of the Expert Institute for Social Research (EISR) “FMUS-2023-0023 Identity and historical memory of Russians in the conditions of confrontation with the collective West” at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

2. Babaev K. V. Global Civilizational Conflict of the 21st Century and the Role of Russia. *Problemy nacionalnoj strategii*, 2022: 6(75): 36–47 (in Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_36.
3. Balatsky E. V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation of Global Contradictions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2022: 15(4): 42–59 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3.
4. Balashova L. V. The Ideologeme of the “Collective West” Through the Prism of Anthropomorphic Metaphor. *Politicheskaya lingvistika*, 2022: 5 (95): 24–39 (in Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_02.
5. Barash R. E. Figura “Drugogo” kak znachimaya sostavlyayushchaya rossijskoj/russkoj identichnosti [The Figure of the “Other” as a Significant Component of Russia’s/Russian identity]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialny`e peremeny*, 2012: 1(107): 90–99 (in Russ.).
6. Barash R. E., Antonovsky A. Y. A Study of Social Movements From the Systemic Communication Standpoint: is a Scientific Theory of Political Protest Possible? *Filosofskiy zhurnal*, 2018: 11 (2): 91–105 (in Russ.). DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
7. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow, Medium. Academia-Centr, 1995: 323 (in Russ.).
8. Bobrov A. K. The Conceptual Foundations of the Foreign Policy of Russia. (in Russ.). Moscow, Aspect-Press, 2021: 221 (in Russ.).
9. Brodovskaya E. V., Sklyarova N. Yu., Ognev A. S. Critics of the Concept of Future-Shock in the Context of the Sovereignization of the National Education and Upbringing System. *Chelovecheskiy kapital*, 2023: 10(178): 118–127 (in Russ.). DOI: 10.25629/HC.2023.10.11.
10. Gadzhiev K. S. Nacional'naya identichnost': konceptual'nyj aspekt [National Identity: Conceptual Aspect]. *Voprosy filosofii*, 2011: 10: 3–16 (in Russ.).
11. Gorshkov M. K. Russian Society as it is: Experience of Sociological Diagnostics. In 2 Vol. Vol. 1. Moscow, Novyj Hronograf, 2016: 416 (in Russ.).
12. Zhuravleva S. M., Ivanov A. V. Eurasian Civilizational Identity as the Ideological Basis of the New Unification of Eurasia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2016: 1: 7–20 (in Russ.).
13. Inghart R. Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Transl. from Eng. S. Lopatina. Moscow, Mysl', 2018: 347 (in Russ.).
14. Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves' Mir, 2022: 248 (in Russ.).
15. Kalinin I. Boi za istoriyu: proshloe kak ogranichennyj resurs [Fights for History: the Past as a Limited Resource]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2011: 4(78): 330–339 (in Russ.).
16. Kalinin I. A. Proshloe kak ogranichennyj resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty [The past as a Limited Resource: Historical Politics and the Economics of Rent]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2013: 2(88): 200–214 (in Russ.).
17. Karabuschenko P. L. «Rabbit holes» of the Carnival Political Culture of the Elites of the Modern Collective West. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2021: 2(67): 109–116 (in Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116.
18. Karpovich O. G., Zakaurtseva T. A. Russia and the “Collective West” in the Contours of the Emerging Multipolar World. *Vestnik Rossijskoj nacii*, 2017: 5(57): 180–191 (in Russ.).
19. Kasyanov G. V. Ukraine and its Neighbors: the Historical Politics. 1987–2018. Moscow, NLO, 2019: 632 (in Russ.).
20. Kupryushin A. P. Democracy of the “Collective West” as the Basis of Corruption. *Vestnik VIESU*, 2022: 4: 50–55 (in Russ.).
21. Lipman U. Public opinion. Transl. from Eng. T. Barchukova. Moscow, In-t FOM, 2004: 384 (in Russ.).
22. Litvin A. Nemets-Vrag: predislovie k publikacii dokumentov [German-Enemy: preface to the publication of documents]. *Ab Imperio*, 2001: 4: 229–242 (in Russ.).
23. Magun V. S., Rudnev M. G. Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology. Dismantling Communism. Thirty years later. Ed. K. Yu. Rogov. Moscow, NLO, 2021: 325–353 (in Russ.).

24. Malinova O. Y. Diskurs o ovayai “Zapade” v 1920–1930-h godah: popytki preodoleniya kollektivnoj identichnosti v novoj sisteme koordinat [Discourse about Russia and the “West” in the 1920–1930s: Attempts to Overcome Collective Identity in a New Coordinate System]. *Cosmopolis*, 2008: 2: 32–53 (in Russ.).
25. Malinova O. Y. Rossiya i “Zapad” v XX veke: transformaciya diskursa o kollektivnoj identichnosti. Moscow [Russia and the “West” in the 20th century: transformation of the discourse on collective identity]. Moscow, ROSSPEN, 2009: 189 (in Russ.).
26. Martynov B. F. “West” and “Non-West”: Past, Present... Future?. Moscow, ILA RAN, 2015: 172 (in Russ.).
27. Mishuchkov A. A. Traditional Values in a Globalizing World. *Vestnik OrenGU*, 2015: 3(178): 65–71 (in Russ.).
28. Morozov V. E. Zapad bez kavyчек [West without quotes]. *Svobodnaya mysl'*, 2009: 11(1606): 47–60 (in Russ.).
29. Morozov V. E. Rossiya i Drugie: Identichnost' i Granicy Politicheskogo Soobshchestva [Russia and Others: Identity and Boundaries of Political Community], Moscow, NLO, 2009: 651 (in Russ.).
30. Morozov I. L. Futurological Concepts of Francis Fukuyama and Alvin Toffler as an Ideological Justification for Western Civilizational Expansionism. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, 2022: 6(107): 18–23 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2022.6.2.
31. Muravykh A. I., Nikitenko E. G. The Agony of the Collective West. *Voprosy politologii*, 2022: 4(80): 1181–1189 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.022.
32. Neumann I. Using the “Other”: Images of the East in the formation of European identities. Transl. from Eng. V. Litvinov, I. Pilschikov. Moscow, Novoe Izd-vo, 2004: 336 (in Russ.).
33. Rossiya i Zapad: Formirovaniye vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny XX v. [Russia and the West: Formation of foreign policy stereotypes in the consciousness of Russian society in the first half of the 20th century]/ Coll. Monograph; ed. Golubev A. V. Moscow, IRI RAN, 1998: 334 (in Russ.).
34. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. Identity in the Coordinate System of World Development [Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010: 3: 40–59 (in Russ.).
35. Senyavskaya E. S. Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the “image of the enemy” in the consciousness of the army and society [Protivniki Rossii v voynah dvadtsatogo veka: Evolyuciya “obraza vruga” v soznanii armii i obshchestva], Moscow, ROSSPEN, 2006: 288 (in Russ.).
36. Timofeev I. N. Russia and the collective West: the new normal: workbook. Moscow, NP RSMD, 2016: 36 (in Russ.).
37. Feofanov K. A. Trends in International Development in a Pandemic. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2020: 6: 7–21 (in Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51474.
38. Foucault M. Archeology of knowledge. Transl. from Fr. M. Rakova, U. Serebryannikova. St. Petersburg, Gumanit. akademiya, 2004: 416 (in Russ.).
39. Khudoley K. K. Russia and the West: the second “cold” or the first “cool”? *Rossiya v global'noj politike*, 2020: 18: 6(106): 10–22 (in Russ.).
40. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], Moscow, Flinta, Nauka, 2006: 256 (in Russ.).
41. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. *Voprosy sociologii*, 1992: 1: 1: 35–67 (in Russ.).
42. Miller A. I. The Turns of Russian Historical Politics, from Perestroika to 2011. In Miller A. I., Lipman M. A. (eds) *The Convolutions of Historical Politics*. CEU Press, 2012: 7–32.
43. Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London-New York: Routledge, 1996: 272.
44. The article was submitted on: September 10, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Raisa E. Barash, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

Roman V. Petukhov, Candidate of Law Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10

EDN: XQEVZG

Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта

Ссылка для цитирования: Седова Н. Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

For citation: Sedova N. N. Features of Transformation of Worldview Attitudes among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

Седова Наталья Николаевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nnsedova@inbox.ru

AuthorID ПИНЦ: 140285

Аннотация. На данных общероссийских опросов 2006–2023 гг. показана специфика трансформации мировоззрения российской молодежи 18–24 лет по сравнению с населением в целом, складывающаяся в условиях глобального противостояния России и коллективного Запада. Анализ строится вокруг противостояния двух мировоззренческих позиций: сторонников западноориентированного пути развития России и сторонников цивилизационного суверенитета, самобытного пути развития страны. Рассматриваются три группы показателей: (1) *представления о пути развития страны и ее места в мире* (индикаторы: представления о необходимости и приоритетах перемен в стране; представления о том, какое место в мире должна занимать Россия; оценка пути, по которому идет Россия), (2) *представления об общественном устройстве* (представления об идеальной модели взаимоотношений человека, государства, общества; о желаемом образе России будущего), (3) *смыслжизненные ценности и установки* (представления о приоритете интересов человека или интересов общества; о том, как нужно и можно действовать для достижения своих целей).

Делается вывод, что новый этап общественных трансформаций в России, стартовавший с началом СВО на Украине в феврале 2022 г., стал серьезнейшим вызовом для российского общества в целом, но особенно чувствительным к нему оказалась молодежь 18–24 лет. Основной вектор событий, связанный с резким усилением конфронтации России и Запада, вошел в противоречие с мировоззренческими представлениями молодежи, значительная часть которой была ориентирована на развитие страны по модели современного

западного общества, либерально-демократические основы государственного устройства, возможность строить жизненные стратегии в трансграничной среде. Однако, по данным 2023 г., точка возможной бифуркации в умонастроениях молодежи пройдена, наметившийся отрыв установок 18–24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом стал сокращаться, запрос на перемены находится в самой низкой своей точке, уровень доверия к ключевым представителям власти на уровне или ниже соответствующих показателей по населению в целом. Скорее, можно говорить о более сложных процессах адаптации молодежи 18–24 лет к сложившейся ситуации, поиска ею компромиссов между ранее воспринятыми установками и меняющейся реальностью.

Ключевые слова: молодежь, мировоззрение, ценности, установки, нормы, интересы, западники, славянофилы, Запад, противостояние, перемены, традиции, запрос, будущее, образ будущего, права человека

Особенности трансформации мировоззренческих установок молодежи в контексте геополитического конфликта России и Запада

Молодежная проблематика традиционно является предметом активного изучения со стороны социальных исследователей, в последние годы этот интерес еще больше усилился. Различные стороны жизни молодежи, специфику умонастроений и поведения отдельных ее групп и слоев анализирует целый ряд научных центров, исследовательских групп, лабораторий. Работы С. Б. Абрамовой, Н. Л. Антоновой, Н. М. Великой, М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, Г. А. Ключарева, Д. Л. Константиновского, В. В. Петухова, В. В. Поляковой, В. В. Радаева, Д. В. Руденкина, В. И. Чупрова, Ф. Э. Шереги, И. С. Шушпановой и многих других исследователей обогатили эту область знаний анализом трансформации ценностей, норм и поведенческих практик молодежи, обширным пулом эмпирических данных, отражающих эти процессы. Однако изменения в социально-политической и экономической ситуации в России и мире в целом, резко усилившиеся с февраля 2022 г. в связи с началом СВО, оказали большое влияние на процесс трансформации мировоззренческих установок молодежи, изучению которого и посвящена данная статья.

Анализ проблематики трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в современных условиях строится вокруг противоречий между сторонниками западноориентированного пути развития России, с одной стороны, и теми, кто выступает за цивилизационный суверенитет страны – с другой. Противостояние сторонников западного или самобытного российского пути развития, то стихая, то усиливаясь в различные периоды жизни страны, остается важнейшей характеристикой мировоззренческой карты российского общественного сознания и дает ключ к изучению многих его явлений и состояний. Характеризуя объяснительный потенциал дихотомии взглядов сторонников западного или

самобытного российского пути развития, Н. Тихонова обращает внимание на работы в сфере анализа социокультурных предпосылок модернизации российских регионов [3], исследования норм и ценностей, регулирующих отношения человека и государства [13; 14], сравнительного анализа ценностей россиян и норм и ценностей представителей стран Западной и Восточной Европы, а также Китая [8], при анализе разных типов нормативно-ценностных систем в России и в других странах [4; 5; 7; 9].

В данной статье рассмотрены три группы показателей, характеризующих особенности мировоззренческих установок россиян, каждая из которых включает индикаторы, фиксирующие склонность респондентов к одной из двух мировоззренческих традиций: (1) *представления о пути развития страны и ее места в мире* (в качестве индикаторов выступают представления о необходимости и приоритетах перемен в стране; представления о том, какое место в мире должна занимать Россия; оценка верности пути, по которому идет Россия), (2) *представления об общественном устройстве* (установки, описывающие нормативное восприятие россиянами идеальной модели взаимоотношений человека, государства, общества; представления о желаемом образе России будущего), (3) *смысложизненные ценности и установки* (представления о том, что важнее, интересы человека или интересы общества; о том, как нужно и можно действовать для достижения своих целей). В анализе мировоззренческих установок молодежи мы опираемся на эмпирическую базу, полученную в ходе многолетних общероссийских исследований¹ Института социологии (ФНИСЦ РАН).

В связи с началом в 2022 г. специальной военной операции на Украине, в условиях геополитического кризиса и резкого обострения отношений между Россией и коллективным Западом, противостояние между сторонниками самобытного или западного векторов развития страны внутри самой России усилилось, получая новое политическое, идеологическое, экономическое, социальное прочтение. Россияне в массе своей всегда отмечали разницу «культурных кодов» в России и странах условного Запада, особенно в последние годы [1; 2; 11; 12]. В связи же с новым витком напряженности в отношениях, рефлексия разницы «культурных кодов» усиливается. Наиболее сложные и противоречивые процессы трансформации мировоззренческих установок идут среди молодежи, которая и выбрана в качестве объекта исследования. Ключевая особенность данной социальной группы, определяющая специфику трансформации мировоззренческих ориентаций ее представителей, связана с тем, что молодежь находится на определенном этапе жизненного цикла, она традиционно характеризуется скачкообразным развитием чувств, воли и интеллекта, амбивалентностью личностных характеристик, живет, по оценке Ш. Бюлер, «сильным психическим бытием» [16]. То есть установки представителей данной группы по сравнению с остальным населением гибки, подвижны, более подвержены влиянию меняющихся обстоятельств.

¹ Общероссийские опросы методом личных (face-to-face) интервью с выборками от 2000 до 4000 респондентов, репрезентирующими население Российской Федерации в возрасте от 18 лет и старше в соответствии с половозрастной структурой населения согласно данным Росстат.

Возрастные границы изучаемой группы определены нами как 18–24 года. Ш. Бюллер определяла возрастную границу юности от 17 до 24 лет. Современные эмпирические данные подтверждают актуальность этого подхода, выявляя специфику установок, норм и ценностей представителей молодежи до 24 лет по сравнению с другими возрастными группами. Нижнюю же возрастную границу группы мы определяем на уровне 18 лет, что обусловлено юридически установленным возрастом совершеннолетия (полной дееспособности), а также тем, что массовые опросы, на данные которых мы опираемся, проводятся преимущественно среди взрослого населения, т. е. среди россиян 18 лет и старше.

Наш анализ, в том числе, развивает подход В. В. Петухова, который при изучении динамики мировоззрений российской молодежи отталкивался от динамики ее запроса на перемены в стране или на стабильность. В своей работе «Российская молодежь и ее роль в трансформации общества» [10], он отмечал растущий запрос общества на перемены, который особенно выражен был именно среди молодежи. Опираясь на данные исследований Института социологии 2014–2019 гг., В. В. Петухов констатировал формирование на рубеже 2016–2017 гг. и дальнейшее развитие в обществе запроса на перемены, по его наблюдениям, доля населения, транслировавшего данный запрос, с минимальных 39% в 2016 г. выросла до пикового значения 57% в 2019 г. За этот же период доля молодежи 18–24 лет с аналогичными установками выросла с 51% до 75% [10, с. 124].

Имея возможность проанализировать динамику запроса на перемены в более длинной ретроспективе (2006–2023 гг., рис. 1), можно дополнить наблюдения В. В. Петухова и сделать вывод о волнообразном характере динамики запроса населения на перемены в стране, когда периоды его повышения сменяются периодами усиления противоположного запроса – на стабильность. Так, отмеченный выше пик запроса на перемены, пришедшийся на 2019 г., ознаменовал очередную смену тренда и дальнейшее снижение доли россиян, высказывающихся за перемены в стране, вплоть до минимального за весь период наблюдений значения (38% в 2023 г.), с одновременным усилением запроса на стабильность (до 62% в 2023 г.).

На протяжении всего периода наблюдений с 2008 г. молодежь действительно отличалась усиленным запросом на перемены по сравнению с населением в целом. Но, что характерно, наиболее велик этот отрыв был не в периоды, когда ситуация в обществе менялась и новая тенденция начинала развиваться, а когда тот или иной тренд (на стабильность или на перемены) уже находился в активной фазе развития, подходил к своему пику, незадолго до слома вектора. То есть пик фиксировался не в начале жизненного цикла тренда, отраженного в данных опросов общественного мнения, а к моменту наиболее активной его фазы или к моменту его угасания.

Рис. 1. Динамика выбора в паре альтернативных суждений, отражающих установки на перемены или стабильность в стране; среди респондентов, представляющих население в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %¹

Figure 1. Dynamics of choice in paired alternative judgments reflecting attitudes toward change or stability in the country among respondents representing the general population, IS FCTAS RAS, 2023, %

Примечание. До 2015 г. включительно использовались формулировки: «Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе», «Все перемены к худшему, пусть лучше жизнь остается такой же, как и прежде»

Причем в моменты, когда в целом в обществе запрос на перемены минимален, установки молодежи становятся приближенными к установкам населения в целом. Так, в 2023 г., на спаде запроса на перемены и при развитии тренда на стабильность, разрыв между установками на перемены среди молодежи 18–24 лет и населением в целом был самым низким за весь период наблюдений (6 п.п.). На те же 6 п.п. отличались и доли респондентов, нацеленных на стабильность, составившие большинство представителей молодежи и населения в целом (56 и 62%, соответственно). Сходная картина минимизации разрыва наблюдалась и с 2016 г., когда запрос на перемены был в очередной «яме» (рис. 2).

Иначе говоря, молодежь скорее встраивается в общий актуальный тренд на перемены или на стабильность, который уже существует, проявлен и развивается в обществе, подхватывает его, нежели является основным его драйвером; скорее следует тренду, нежели задает его.

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, не приводятся данные по доле затруднившихся с ответом респондентов.

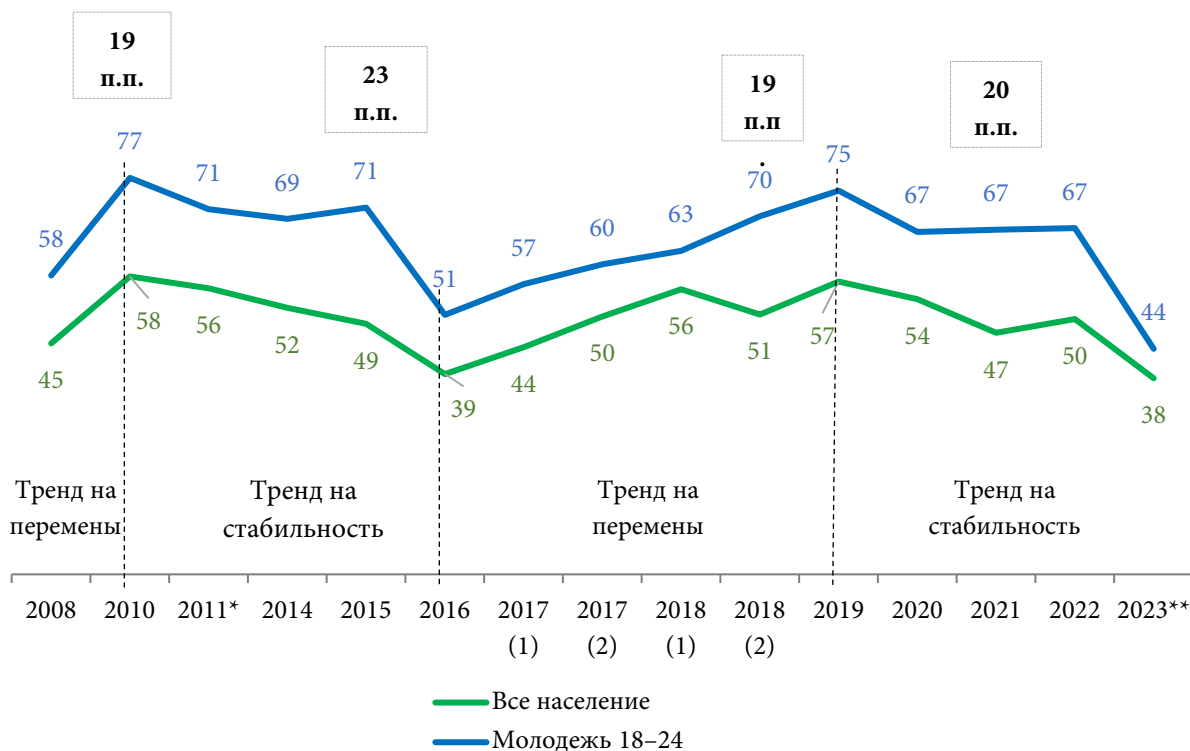

Рис. 2. Динамика запроса на перемены среди молодежи 18–24 лет и населения в целом (суждение «Страна нуждается в существенных переменах»); ИС ФНИСЦ РАН, 2008–2023 гг., %.

Дополнительно приведены величины максимальных разрывов показателей между молодежью и населением в целом, п. п.

Figure 2. Dynamics of demand for changes among youth aged 18–24 and the general population (judgment “The country needs significant changes”); IS FCTAS RAS, 2008–2023, %. Additionally, the magnitudes of maximum gaps between youth and the general population are provided, p. p.

Вопрос о том, можно ли трактовать подобное сближение установок молодежи и населения в целом, отмеченное в 2023 г., как расширение пространства общественной консолидации или же за этим стоят какие-то другие факторы, связан в значительной степени с тем, какие смыслы в понятие «перемены» вкладывают представители тех или иных групп. По данным ранее проведенных исследований (2018 г.) наиболее выраженные отличия в определении главных приоритетов для желательных перемен в стране между молодежью и населением отмечались в отношении к степени вмешательства государства в экономику (молодежь 18–24 лет не в большинстве, но на 13 п.п. чаще, чем население в целом, выступала за отказ от государственного вмешательства в экономику) и по вопросу о противостоянии России с Западом (большинство молодежи выступало за преодоление острой конфронтации с Западом, при этом доля сторонников такой точки зрения было на 12 п.п. выше, чем по населению в целом, табл. 1). Третье направление перемен, в отношении которого взгляды молодежи имели некоторые отличия от позиции населения в целом – отношение к властной вертикали (среди молодежи баланс оценок был с небольшим перевесом в пользу децентрализации власти, тогда как среди населения в целом – в пользу укрепления централизованной власти; отличие на 8–11 п.п.).

Нельзя сказать, что указанные отличия носили радикальный характер, но видение молодежью желаемых для страны перемен сильнее, чем среди населения в целом, тяготело к либерально-демократическим характеристикам.

Таблица 1 (Table 1)

Выбор в парах альтернативных суждений относительно приоритетов для осуществления перемен в стране среди молодежи 18–24 лет и населения в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %¹

Choice in paired alternative judgments regarding priorities for implementing changes in the country among youth aged 18–24 and the general population, IS FCTAS RAS, 2018, %

Какие Вы видите приоритеты для осуществления желательных для страны перемен?	Возраст, лет		Население в целом	Отклонение показателя в группе 18–24 от населения в целом (по модулю)
	18–24	25–29		
Усиление контроля государства над экономикой, развитие государственного планирования	56	59	69	13
Отказ от государственного вмешательства в экономику, развитие свободного рынка	44	41	31	13
Преодоление острой конфронтации с Западом	66	55	54	12
Противостояние Западу, отстаивание независимости России при опоре на собственные силы	34	45	46	12
Укрепление централизованной власти, властной вертикали	49	55	57	8
Децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных органов власти	52	45	44	8
Повышение открытости органов власти, увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений	71	68	68	3
Ограждение органов власти от некомпетентного влияния бизнеса, политических и общественных организаций и отдельных граждан	29	32	32	3
Расширение государством социальных гарантий граждан	71	72	76	5
Стимулирование личной ответственности, защита государством только социально уязвимых слоев населения	29	28	24	5
Обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации	83	84	83	0
Временное ограничение в целях обеспечения стабильности в обществе политических прав и свобод граждан	17	16	17	0

¹ Здесь и далее в таблицах цветом выделены данные, иллюстрирующие наиболее значимые отличия показателей среди молодежи от населения в целом.

Инструментарий исследования 2023 г. не включал прямого вопроса о приоритетах для перемен, однако прояснить установки, связанные с желаемыми векторами перемен, помогают вопросы, связанные с видением респондентами образа будущего страны и идеальной модели общественного устройства.

Так, Россию будущего молодежь чаще, чем население в целом, хотела бы видеть страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности (46% при 35% по населению в целом). Причем для молодежи среди всего набора характеристик образа будущего страны именно эта характеристика является наиболее популярной (среди населения в целом она на 3-ем месте). Также представители молодежи чаще выступают за активное партнерство России с Западом, за свободный рынок, за минимизацию вмешательства государства в экономику (по 19% при 8–11% среди населения в целом). И, напротив, в желаемом будущем России молодежь реже, по сравнению с населением в целом, хотела бы видеть возврат страны к национальным традициям (5-ое место при 1-ом по населению в целом), сильную жесткую власть, способную обеспечить порядок.

Менее выражены отличия между молодежью и остальным населением в восприятии образа будущего России как страны, где реализуется принцип социальной справедливости (это наиболее сильный консенсусный образ будущего страны: отличия в восприятии 5 п.п., 1-е место среди населения и 2-е среди молодежи) и где Россия – это страна в первую очередь для русских (0 п.п., табл. 2).

Важно обратить внимание на динамику в установках по данному вопросу как в обществе в целом, так и среди молодежи, прежде всего, в отношении значимости для России будущего такой составляющей как права человека и демократия (рис. 3). В марте 2022 г., т. е. спустя месяц после начала СВО на Украине, доля россиян, которые хотели бы видеть Россию страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности, составила 39% (по сравнению с 27% в 2014 г.), затем к лету 2023 г. немного сократилась (до 35%). Примерно так же складывалась динамика отношения к перспективе развития свободного рынка и частной собственности, минимизации вмешательства государства в экономику (всплеск до 21%, затем снижение до 11%). Более сглаженная тенденция (сначала небольшого роста, а затем снижения показателя) характерна и для установок на сближение с Западом. Примечательно, что хотя доля россиян, разделяющих данную установку, составляла весной 2023 г. только 8%, внутри себя эта группа обладает наиболее сильным запросом на перемены (56% при 31–44% в группах с другими приоритетами в видении будущего страны).

Динамический «рисунок» либерально-демократических и прозападных установок молодежи 18–24 лет в эти периоды в целом совпадал с «рисунок» по населению в целом, однако величины всплесков показателей здесь еще выше, особенно в отношении видения будущего России как страны, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности (+21 п.п., при +12 п.п. по населению в целом), и как страны, находящейся в партнерских отношениях с Западом (+18 п.п., при +3 п.п. по населению). Очевидно, что в 2022 г. определенная часть молодежи, примеривая к себе либерально-демократические установки и ценности,

реагировала на резкое ухудшение отношений России с Западом столь же резкой актуализацией соответствующего запроса. Год спустя этот запрос стал ослабевать, однако в части прав человека и демократии, а также партнерства с Западом в 2023 г. он был выше, чем в 2014 г. (на 9 и 5 п.п., соответственно).

Таблица 2 (Table 2)

Какой хотели бы видеть Россию будущего представители различных возрастных групп и население в целом (можно было дать не более трех ответов, упорядочено по величине и знаку отклонения показателей среди молодежи 18–24 лет от показателей по населению в целом), ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

How representatives of different age groups and the population in general would like to see the future Russia (up to three answers were possible, ordered by the magnitude and sign of the deviation of indicators among youth aged 18–24 from the indicators for the population as a whole), IS FCTAS RAS, 2023, %

Какой Вы хотели бы видеть Россию будущего?	Возраст, лет							Население в целом	Отклонение показателя в группе 18–24 от населения в целом (по модулю)
	18–24	25–29	30–35	36–44	45–54	55–65	66+		
Страной – активным партнером Запада, современных развитых стран	19	9	6	8	7	7	7	8	11
Страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	46	46	41	30	36	34	30	35	11
Страной, в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	19	13	14	12	9	7	9	11	8
Страной, в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	11	9	8	9	13	14	13	11	0
Страной, где обеспечивается социальная справедливость	40	43	40	39	48	52	49	45	5
Страной, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	8	19	8	14	11	17	18	14	6
Великой державой мира	26	27	34	33	35	33	35	33	7
Страной, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	22	32	31	35	34	31	35	33	10
Страной, сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности	21	40	40	35	38	41	43	38	17

Обратим внимание на еще одну особенность, связанную с реакцией на ситуацию уже другой группы молодежи – в возрасте 25–29 лет. Если в отношении идейно и политически окрашенных характеристик образа будущего России (демократии и партнерства с Западом) динамика показателей в этой группе ближе к реакции населения в целом, то в отношении «экономического измерения» будущего страны (свободного рынка) ее реакция ближе к реакции 18–24-летних. По всей видимости, это связано с жизненным этапом молодежи 25–29 лет, уже вписавшей в контекст свободного рынка свои ключевые жизненные стратегии (профессионального развития, построения карьеры, выхода на финансовую самостоятельность) и заинтересованной в сохранении этого контекста. События 2022 г., вероятно, были поначалу восприняты частью этой группы как риск для собственных жизненных планов, что повысило запрос на свободный рынок (через год актуальность этого запроса снизилась, приблизившись к средним по населению значениям).

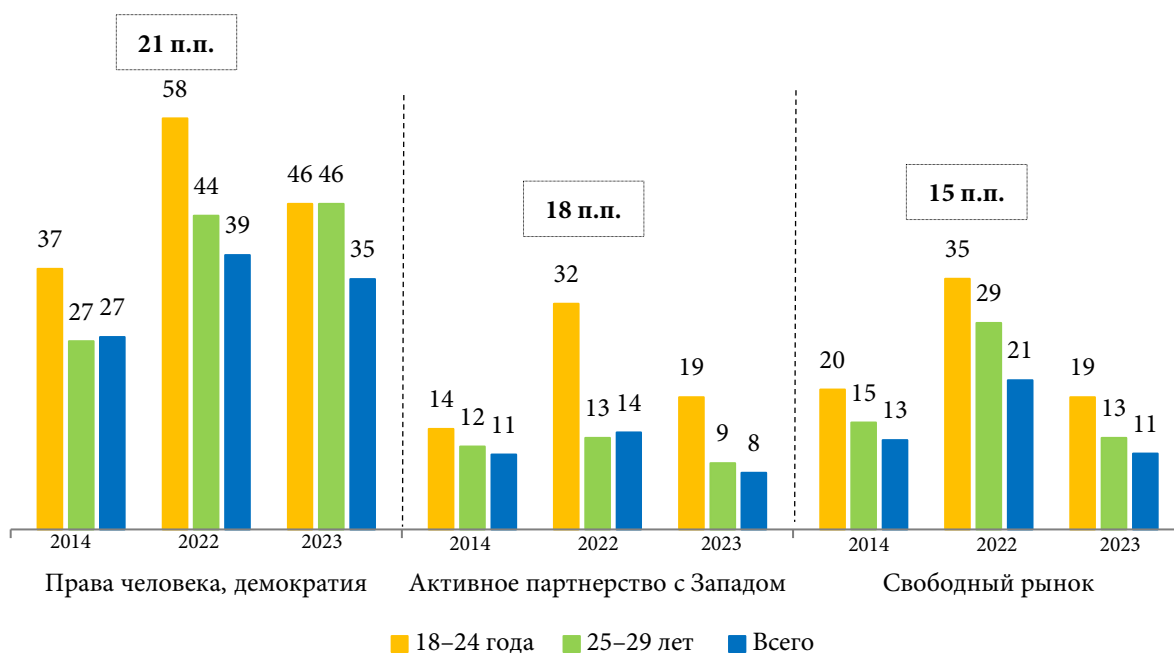

Рис. 3. Динамика восприятия отдельных характеристик образа России будущего среди молодежи 18–24 лет, 25–29 лет и населения в целом; ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %. Дополнительно приведены величины подъема показателей в 2022 г. по сравнению с 2014 г. в группе молодежи 18–24 лет, п.п.

Figure 3. Dynamics of perception of individual characteristics of the image of the future Russia among youth aged 18–24, 25–29, and the population in general; IS FCTAS RAS, 2014–2023, %. Additionally, the increases in indicators in 2022 compared to 2014 in the 18–24 age group are provided, pp.

Рассмотрим теперь другую группу характеристик образа будущего России, в отношении которых вектор и интенсивность динамики установок молодежи носит иной характер: сильная власть и сохранение национальных традиций (рис. 4).

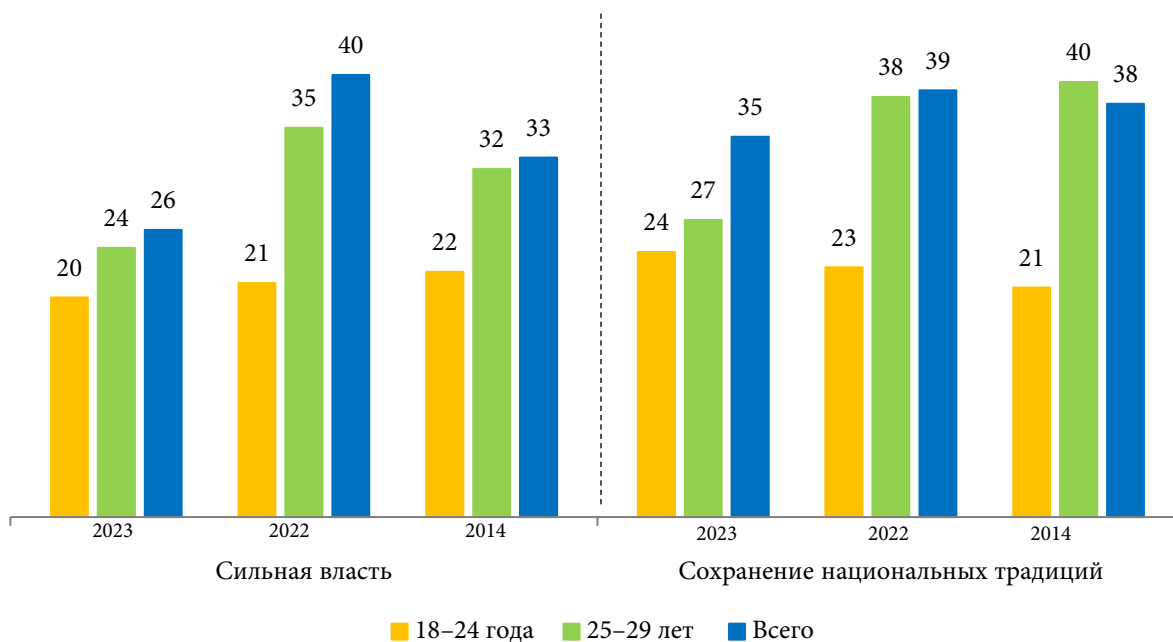

Рис. 4. Динамика восприятия отдельных характеристик образа России будущего среди молодежи 18–24 лет, 25–29 лет и населения в целом; ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 4. Dynamics of perception of individual characteristics of the image of the future Russia among youth aged 18–24, 25–29, and the population in general; IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Если среди населения в целом установки на сильную власть в 2022 г. существенно выросли (с 26% до 40%), то среди молодежи 18–24 лет данный показатель практически не изменился (сохраняясь на уровне 20–22%) – ситуация в стране не воспринималась молодежью в контексте рисков для страны и ее будущего, требующих усиления власти на внутреннем контуре, возможностей по обеспечению внутреннего порядка и развития. В отношении к национальным традициям установки молодежи 18–24 лет и населения в целом менялись незначительно: у первых снижались, у вторых повышались (+3 и -3 п.п. за весь период, соответственно).

Однако в отношении этих же характеристик образа будущего России выраженной спецификой отличается более старшая молодежь, в возрасте 25–29 лет. Если в 2014 г. ее позиция близка к позиции 18–24-летних, то к 2023 картина заметно поменялась: доля тех, кто хотел бы, чтобы в России будущего сохранялись национальные традиции, выросла с 24% до 40%, превысив соответствующий показатель по населению в целом. В итоге разрыв в установках самой младшей и следующей за ней возрастной группой стал в 2023 г. практически двукратным; если в 2014 г. показатели в этих соседних возрастных группах отличались на 3 п.п., то в 2023 г. уже на 19 п.п. Сходная, хотя и несколько менее выраженная тенденция, фиксируется в отношении 25–29-летних к вопросу о сильной власти как характеристике образа России будущего; здесь их позиции в 2022–2023 гг. также сблизились с позицией населения в целом.

Таким образом, молодежь, находящаяся на разных стадиях жизненного цикла, в ситуации общественно-политической турбулентности, демонстрирует различные мировоззренческие треки. 25–29-летние, уже вступившие полноценно во взрослую жизнь, создающие собственные семьи, принимающие на себя ответственность по отношению к работодателям, супругам, детям, в ситуации мощных общественно-политических вызовов ищут опору в национальных традициях, моральных и религиозных ценностях, а также в сильной государственной власти. 18–24-летние же в ситуации вызовов не обнаруживают особой ценности в традициях или в сильной власти. В результате дистанция молодежи 18–24 лет от остального общества углубляется не только за счет ее большей привязанности к либерально-демократическим установкам, но и в результате того, что актуализируемые в остальном обществе установки консервативного толка не находят у многих из них отклика.

Важнейшей частью изучения динамики мировоззренческих установок молодежи и россиян в целом является анализ их нормативных представлений об идеальной модели соотношения интересов отдельного человека (индивида), общества и государства. Инструментарий исследований ФНИСЦ РАН включает систему индикаторов, отражающих такую модель. Это набор из 10 суждений, в отношении которых респонденты могут выразить свое согласие или несогласие (рис. 5). Наиболее консолидированной по данным исследования 2023 г. является позиция россиян по вопросу о праве каждого человека отстаивать свою точку зрения, даже если большинство придерживается иной (86%). Несмотря на то, что период с начала СВО на Украине характеризовался высочайшим уровнем накала политических дискуссий в российском обществе и ужесточением цензуры в отношении публичных высказываний (а отчасти, возможно, и благодаря этому), актуальность такого права осталась на прежнем высоком уровне. С этой, наиболее популярной установкой, перекликается еще одна, раскрывающая ее частный случай – что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций. Ее также поддержало большинство россиян, хотя и не столь масштабное (63%). Довольно высоким консолидационным потенциалом характеризуются еще несколько нормативных установок, которых придерживались в 2023 г. большинство россиян (от 63 до 73% в зависимости от конкретной установки) – согласие с необходимостью национализировать предприятия, наносящие ущерб государству, ограничивать свободу СМИ и блогеров, нарушающих интересы государства; а также видение в оппозиции не критика, а помощника правительства, признание ценностей индивидуализма, либерализма и западной демократии неподходящими для России, которой, напротив, важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство.

Около трети россиян (от 27 до 37%) придерживались тех или иных установок, которые свойственны либерально-демократическому взгляду на отношения человека, общества и государства. Это меньшинство было численно стабильно на протяжении 2022–2023 г., несмотря на высочайшую турбулентность общественных настроений в этот период.

О неконсистентности позиций россиян внутри этих двух нормативных подходов (условно этатистско-державного и либерально-демократического) говорят разделившиеся мнения, связанные с отношением к роли закона в жизни общества: о допустимости прямого влияния правительства на правосудие ради интересов государства, о приоритете закона или соображений справедливости. Не сложилось также единого мнения по вопросу о допустимости насилия, если нарушается справедливость, а также о необходимости поддержки человеком своей страны, даже если она не права.

Рис. 5. Распространенность некоторых установок, описывающих нормативное восприятие россиянами идеальной модели общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 5. The prevalence of certain attitudes describing the normative perception by Russians of an ideal model of societal structure; IS FCTAS RAS, 2023, %

Примечание. *Полная формулировка: «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство».

Для анализа нормативных установок, характеризующих восприятие россиянами отношений «человек – общество – государство», в разрезе возрастных групп, а также для анализа их связи с некоторыми другими

установками, респонденты были распределены в два кластера¹. Первый отражает тяготение к условно этатистско-державной модели идеального общественного устройства, в рамках которой государство воспринимается как главный выразитель общественных интересов и в силу этого имеет преимущественное право и приоритет над интересами индивидов и даже при определенных условиях над законом. Второй кластер характеризует установки на либерально-демократическую модель, в которой приоритет имеют права, свободы и интересы человека, а государство по отношению к ним вторично, где верховенствуют закон и демократические процедуры. Выделение двух указанных кластеров позволяет зафиксировать весьма существенные отличия в позициях молодежи 18–24 лет по сравнению с другими возрастными группами. Если среди населения в целом соотношение двух кластеров составило 70:30 в пользу «этатистов-державников», то среди молодежи 18–24 лет доли тяготеющих к «этатистам-державникам» или «либерал-демократам» оказались практически одинаковыми (51:49).

Среди молодежи 18–24 лет, тяготеющей к либерально-демократической модели, «градус перемен», как свидетельствуют данные, наиболее высок (хотя и характерен для меньшинства): если среди населения в целом за перемены выступают 38%, в кластере «либерал-демократов» по населению в целом 44%, то среди молодежи 18–24 лет в кластере «либерал-демократов» – 48%. Однако эти установки не несут в себе «революционного заряда», более того, тяготеющая к либерально-демократической модели молодежь 18–24 лет заметно более лояльна к действующей власти, нежели сторонники этой модели среди населения в целом. Так, Президенту РФ доверяют 68% молодежи 18–24 лет из либерально-демократического кластера (при 57% в аналогичном кластере по населению в целом и 78% по всей выборке), Правительству – 57% (при 45% и 61%, соответственно).

Россияне, тяготеющие к либерально-демократической нормативной модели отношений «человек – общество – государство», в том числе и прежде всего молодежь 18–24 лет, также чаще, чем этатисты-державники, демонстрируют установки на активную позицию в защите человеком собственных прав и интересов. Данные исследования 2023 г. свидетельствуют, что среди населения в целом сторонники этатистско-державной модели устройства общества делятся практически поровну на тех, кто считает важным активно бороться за свои права и интересы, и тех, кто предпочитает приспособливаться к реальности, тогда как сторонники либерально-демократической модели заметно чаще склоняются к активной защите своих прав и свобод (59%). В молодежном же кластере «либерал-демократов» этот показатель достигает 72% (рис. 6).

Однако, будучи объединены идеей защиты своих прав и свобод, россияне 18–24 лет в своем большинстве далеки от мысли действовать сообща: 54% сторонников либерально-демократической модели и уверенное большинство (63%) молодых сторонников этатистско-державной модели полагают, что для того, чтобы добиться чего-либо существенного, следует рассчитывать только на себя. Обратим внимание, что коллективные действия

¹ Использовался метод двухэтапного кластерного анализа.

слабее всего вписаны в картину мира 18–24-летних россиян, тяготеющих к модели отношений «человек – общество – государство», где именно государству отводится главная роль как выразителю общественных интересов, делегируется преимущественное право и приоритет над интересами индивидов. В отличие от молодежи, каждый второй «этатист-державник» по населению в целом беспрепятственно соединяет в своих представлениях о мире приоритет государства и коллективные действия граждан (рис. 7).

Рис. 6. Выбор в паре альтернативных суждений о важности активной борьбы за свои права или умения приспосабливаться к реальности – в кластерах сторонников либерально-демократической и этатистско-державной моделей общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 6. Choice between a pair of alternative judgments on the importance of actively fighting for one's rights or the ability to adapt to reality – in clusters of supporters of liberal-democratic and statist-state models of societal structure, IS FCTAS RAS, 2023, %

Рис. 7. Выбор в паре альтернативных суждений о коллективных или индивидуальных действиях по достижению целей – в кластерах сторонников либерально-демократической и этатистско-державной моделей общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 7. Choice between a pair of alternative judgments on collective or individual actions to achieve goals – in clusters of supporters of liberal-democratic and statist-state models of societal structure, IS FCTAS RAS, 2023, %

Декларируемые большинством молодежи 18–24 лет установки на индивидуальные стратегии действия вписаны в более широкий тренд, который наблюдается в обществе уже не первое десятилетие – на распространение индивидуалистических ценностей и норм, усиление значимости ценностей личного успеха и снижение значимости ценностей, связанных с ориентацией на взаимопомощь, дрейф от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным [9; 15]. Исследования ФНИСЦ РАН позволяют проследить динамику установок молодежи и населения в целом в отношении к вопросу о том, как соотносятся в их представлении личные интересы и интересы общества. В ходе опросов 2014–2023 г. респондентам предлагалась пара альтернативных суждений: «Людьми следует ограничивать свои личные интересы ради интересов общества» и «Личные интересы – это главное для человека». Наши наблюдения отражают развитие указанного выше тренда опережающими темпами именно среди молодежи в период 2014–2018 гг. и всплеск ее внимания к личным интересам в 2022–2023 г. (рис. 8). Динамика показателей подтверждает усиление приоритета личных интересов в 2014–2018 гг., когда доля считающих главным в жизни человека именно личные интересы выросла с 56% до 68% среди населения в целом и с 58% до 77% среди молодежи 18–24 лет. Начиная с 2018 г. вектор динамики показателей среди населения в целом изменился, доля россиян, отдающих приоритет личным интересам, стала сначала незначительно снижаться (на 5–6 п.п.), а в 2022–2023 г. резко опустилась до самого низкого за весь период наблюдения значения в 55%. Соответственно, доля тех, для кого важнее интересы страны и общества, впервые поднялась до отметки в 45%.

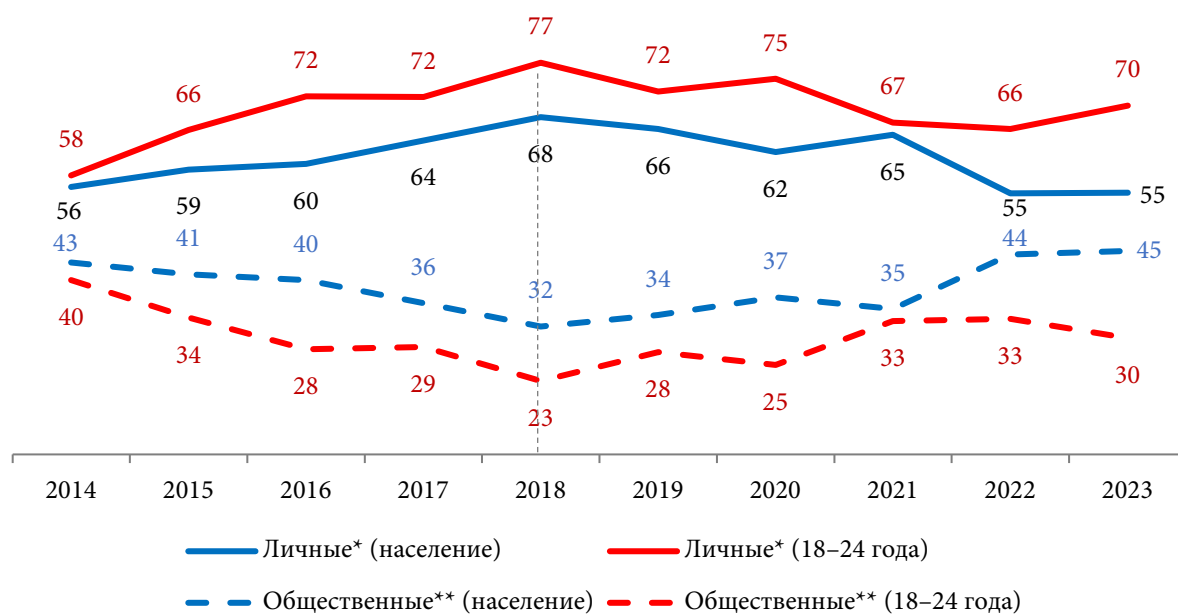

Рис. 8. Динамика установок на приоритет личных или общественных интересов среди молодежи 18–24 лет и населения в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 8. Dynamics of attitudes prioritising personal or public interests among youth aged 18–24 and the population in general, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечания. *Полная формулировка: «Личные интересы – это главное для человека»

**Полная формулировка: «Люди должны ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества».

А вот среди молодежи 18–24 лет доля выступающих за приоритет личных интересов в 2023 г., напротив, выросла до 70%. На фоне длинного ряда данных это далеко не самый высокий показатель, но впервые разница в позициях молодежи столь заметно отличается от позиции населения в целом (15 п.п.). Можно предположить, что происходящие в стране и мире события вызвали у части молодежи защитную реакцию в виде фокусировки на «Я-пространстве», «маленьком мире», ближнем круге.

Также эти данные (вкуче с повышенными по сравнению с населением в целом установками на сближение России с Западом) ставят вопрос о специфике гражданской идентичности и понимания патриотизма среди молодежи 18–24 лет. В этом смысле важнейшей стороной мировоззрения молодежи и россиян в целом является отношение к вопросу о том, должен ли человек жить в той стране, где ему больше нравится, или же важно исходить из принципа, что Родина у человека одна, и покидать ее нехорошо. Особенно этот вопрос актуализируется на фоне «отмены России» со стороны зарубежных стран и контртренда на отмену тех, кто покинул страну – уже со стороны России. Общество сегодня расколото практически пополам – 52% осуждают космополитизм, и 47% не видят ничего плохого в том, чтобы человек жил там, где ему нравится. Для большинства же молодежи 18–24 лет важной является возможность для человека жить в той стране, где ему больше нравится: так думали в 2023 г. 77% представителей группы 18–24-летних россиян, а среди тех из них, кто отдает приоритет личным интересам, этот показатель доходит до 88% (рис. 9). Причем, данная позиция среди молодежи усиливается, с 2014 г. по 2023 г. прирост показателя составил 14 п.п. среди всех 18–24-летних и 21 п.п. среди отдающих приоритет личным интересам человека – при том, что среди населения в целом выраженной динамики показателей не выявлено.

Рис. 9. Динамика выбора в паре альтернативных суждений о том, должен ли человек жить там, где ему нравится, или только на Родине, среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 9. Dynamics of choice in a pair of alternative judgments on whether a person should live where they like or only in their homeland, among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечание. *Полная формулировка: «Личные интересы – это главное для человека».

Важным показателем умонастроений молодежи 18–24 лет является и переосмысление цивилизационной модели, на которую страна должна ориентироваться в своем развитии. Следовать ли России той модели устройства, которая есть сегодня в современных западных странах, или ей необходимо развивать свой собственный цивилизационный концепт, идти особым путем? В этом ключевом мировоззренческом вопросе большинство россиян (78%) выбирают сегодня цивилизационный суверенитет России, считая, что «Россия – это особая цивилизация, и что в ней никогда не привется западный образ жизни» (рис. 10). Однако значительным является и прозападное меньшинство (22%), считающее, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». Идущие сегодня процессы в стране и мире, триггером для которых стала СВО, усилили установки на восприятие России как особой цивилизации, чуждой западному образу жизни и мысли – сегодня в среднем по населению доля тех, кто придерживается этого мнения, по сравнению с 2021 г., выросла с 65% до 77%. Прозападное меньшинство за этот же период потеряло около трети своих сторонников (снижение поддержки с 35% до 23%). При этом нынешний баланс оценок обществом возможного прозападного или суверенного векторов развития страны близок к тому, что наблюдался сразу после присоединения Крыма – тогда доля сторонников самобытного пути развития России составляла 75%, а прозападное меньшинство было на уровне 25%. Важно отметить, что несмотря на динамику показателей, на протяжении всего периода наблюдений уверенное большинство населения в целом поддерживало идею развития России как особой цивилизации, в которой никогда не привется западный образ жизни.

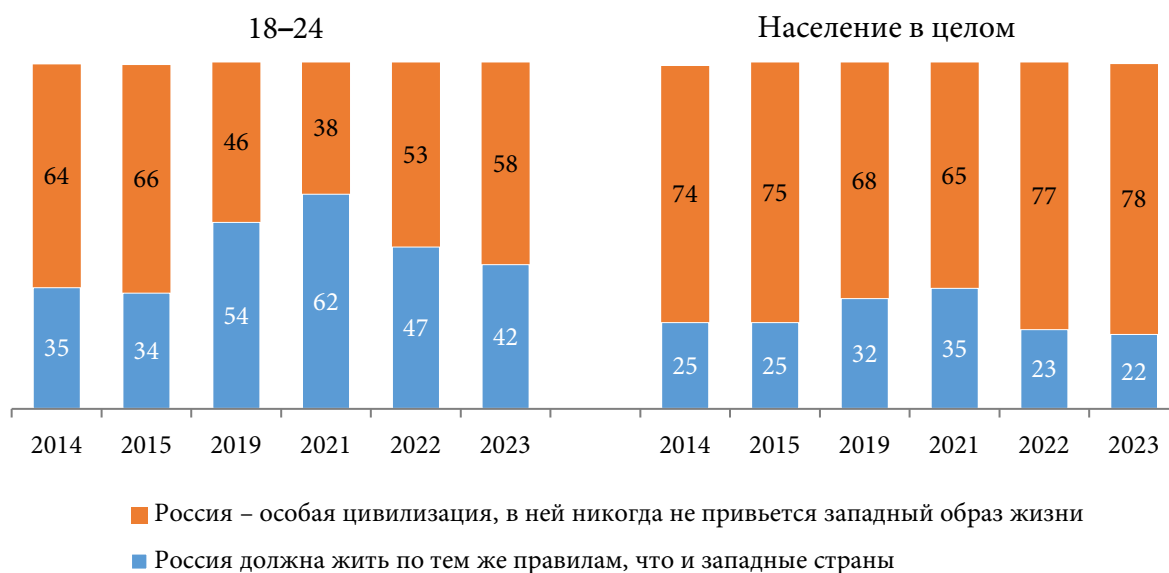

Рис. 10. Динамика установок на западную или особую российскую цивилизационную модель среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 10. Dynamics of attitudes towards a Western or a distinct Russian civilisational model among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Среди молодежи 18–24 лет позиции в отношении обозначенной цивилизационной развилки далеко не столь консолидированы и имеют важные отличия. Во-первых, доля тех, кто выступает за то, чтобы Россия шла прозападным путем, в каждый период не просто была выше соответствующего показателя по населению в целом, но достигала среди молодежи большинства (54–62% в 2019–2021 гг.). Во-вторых, если среди населения в целом доля сторонников прозападного вектора после начала СВО на Украине и обострения отношений с Западом стала минимальной за все время наблюдений, то среди молодежи 18–24 лет, несмотря на спад прозападного вектора, доля его сторонников по-прежнему весьма существенна (42%).

И хотя уверенное большинство (58%) 18–24-летних пришли к убеждению, что Россия является особой цивилизацией, где не приветствуется западный образ жизни, тем не менее прозападные настроения значительной части молодежи 18–24 лет остаются важным маркером общественных настроений.

Своеобразной «точкой сборки» специфики в динамике умонастроений молодежи 18–24 лет является вопрос о том, насколько перспективен путь, по которому сегодня идет Россия. В настоящее время уверенное большинство россиян (74%) считают, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительные результаты, и только 26% полагают, что он ведет в тупик (рис. 11). Такое распределение мнений характеризует второе в истории наблюдений пиковое значение поддержки выбранного вектора развития страны. Первый пик пришелся на 2014 г. – опрос проводился в октябре, через полгода после присоединения Крыма к России. Тогда мнение о том, что Россия идет правильным путем, разделяло подавляющее большинство россиян (75%). Критичность же в отношении вектора развития страны достигала высоких значений в период с 2018 по 2021 гг. Пиковое значение доли россиян, заявлявших, что путь, по которому идет Россия, ведет в тупик (47%), было зафиксировано в 2020 г. – в разгар пандемийного кризиса.

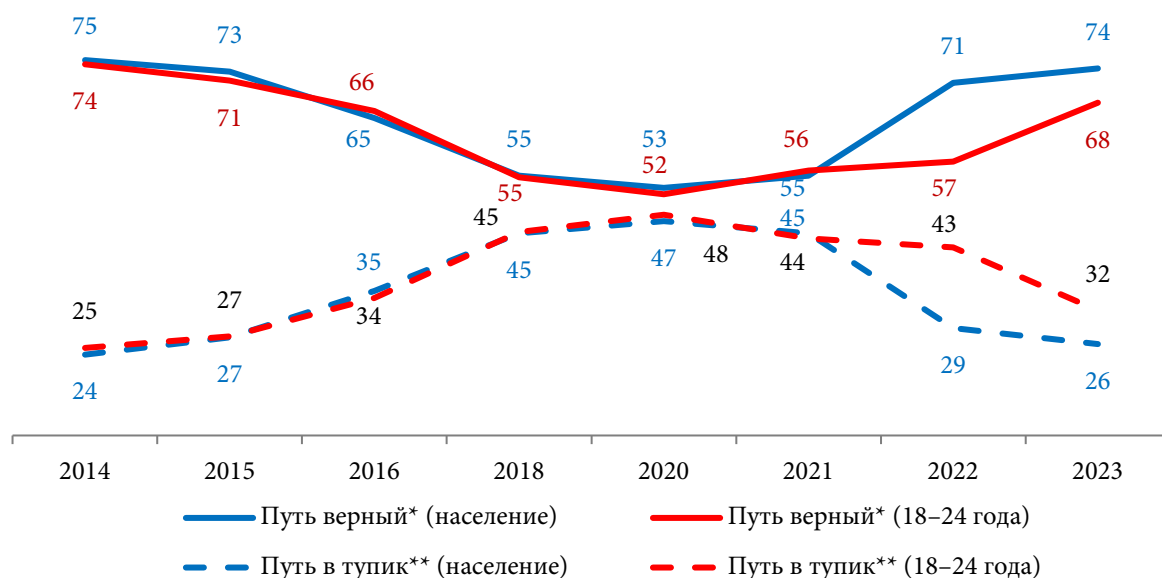

Рис. 11. Динамика оценок пути, которым следует сегодня Россия, среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %
Figure 11. Dynamics of assessments of the path that Russia takes today among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечания. *Полная формулировка: «Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты».

**Полная формулировка: «Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик».

На протяжении наблюдений с 2014 г. до 2021 г. позиции молодежи 18–24 лет в отношении вопроса о верности того пути, которым развивается Россия, полностью совпадали с мнением населения в целом – это единственный, уникальный в своем роде показатель, демонстрирующий столь полное и длительное совпадение оценок молодежи и других групп населения. Идентичность динамики трансформации установок по этому ключевому вопросу нарушилась в 2022 г., когда оценки ситуации со стороны молодежи впервые не просто отклонились от оценок населения в целом, но отклонились весьма существенно (на 14 п.п.) – молодежь поначалу совсем не подхватила общий тренд позитивного восприятия вектора развития страны. К 2023 г. этот разрыв был в значительной степени преодолен (он сократился с 14 до 6 п.п.).

Подводя итоги анализа, можно констатировать, что новый этап общественных трансформаций в России, стартовавший в феврале 2022 г. с началом СВО на Украине, стал серьезнейшим вызовом для российского общества в целом, но особенно чувствительным к нему оказалась молодежь 18–24 лет. Основной вектор событий, связанный с резким усилением конфронтации России и Запада, вошел в противоречие с мировоззренческими представлениями молодежи, значительная часть которой ориентирована на сближение России с Западом, либерально-демократические основы государственного устройства, возможность строить жизненные стратегии в трансграничной среде. События 2022 г., очевидно, были восприняты как угроза этим установкам и вызвали ответную реакцию молодежи в виде фокусировки, с одной стороны, на приоритетной ценности личных интересов человека по отношению к ценностям страны и общества, а с другой стороны – в виде роста критики того пути, которому сегодня следует Россия. Однако, судя по данным исследования 2023 г., точка возможной бифуркации в умонастроениях молодежи скорее пройдена, наметившийся отрыв установок 18–24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом понемногу стал сокращаться (хотя и не вернулся пока к условной норме предыдущих лет), о радикализации настроений молодежи речи не идет, установки на перемены находятся в самой низкой своей точке, уровень доверия к ключевым представителям власти на уровне или ниже соответствующих показателей по населению в целом. Скорее, можно говорить о более сложных процессах адаптации молодежи 18–24 лет к сложившейся ситуации, поиска ею компромиссов между ранее воспринятыми установками и меняющейся реальностью. Кроме того, характер динамики различных показателей «мировоззренческого барометра» молодежи в 2022–2023 гг. подтверждает наблюдение, сделанное в самом начале нашего анализа, что в отличие от других сфер жизни, где молодежь по праву можно считать «законодателем моды», в отношении фундаментальных социальных изменений она скорее следует трендам, заданным другими социальными группами, нежели сама их задает.

Библиографический список

1. Андреев А. Л., Петухов В. В. Россия и окружающий мир. Как меняется отношение россиян к парадигме «Европа – Азия» // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 107–118. EDN: UJZENX.
2. Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 203–232. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.12; EDN: YFOSSP.
3. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с. EDN RYGBAA.
4. Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 3. С. 53–64. EDN: HTNEPV.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
6. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36. EDN: LSRIZP.
7. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Мир России, 2017. Т. 26. № 3. С. 36–63. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63; EDN: YZIDDV.
8. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009. 408 с.
9. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22. EDN: LMBRBH.
10. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.
11. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.
12. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 2022. 276 с.
13. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5–20. EDN: IPVFXH.
14. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995–2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5–19. EDN: NXPUCV.

15. Тихонова Н. Е. Особенности российских модернистов и перспективы культурной динамики России. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 38–52. EDN: OXMERT.

16. Bühler Ch. *Das Seelenleben des Jugendlichen*. 2. erweiterte und völlig veränderte Aufl. Jena: G. Fischer, 1923. 210 s.

Получено редакцией: 16.09.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Седова Наталья Николаевна, старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10

Features of Transformation of Worldview Attitudes Among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict

Natalia N. Sedova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nnsedova@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-8492-7847

For citation: Sedova N. N. Features of Transformation of Worldview Attitudes among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

Abstract. Drawing from nationwide surveys conducted between 2006 and 2023, this study illustrates the specific transformation of worldview attitudes among Russian youth aged 18–24 compared to the general population. This transformation occurs within the context of the global confrontation between Russia and the collective West. The analysis focuses on the clash between two ideological positions: advocates for a Western-oriented path of development for Russia and proponents of civilisational sovereignty, advocating for a unique developmental path for the country. The examination revolves around three groups of indicators:

1. Perceptions of the country's development path and its position in the world (indicators: perceptions of the necessity and priorities of changes within the country; ideas about Russia's place in the world; assessment of the path Russia is following).
2. Views on societal structure (ideas about an ideal model for human-state-society relations; desired image of the future Russia).
3. Life values and attitudes (prioritisation of individual interests versus societal interests; perspectives on actions required to achieve personal goals).

The conclusion drawn is that the new phase of societal transformations in Russia, beginning with the onset of special military operations in Ukraine in February 2022, presented a significant challenge to Russian society as a whole, particularly impacting the youth aged 18–24. The primary vector of events, marked by heightened confrontation between Russia and the West, conflicted with the worldview perceptions of the youth. A considerable part of the youth was oriented toward a model of country development resembling contemporary Western societies, embracing liberal-democratic principles in state governance, and seeking opportunities to shape life strategies within a transnational environment. However, based on the data from 2023, the potential bifurcation point in the mindsets of the youth has been passed. The emerging divergence in attitudes among 18–24-year-old Russians from the overall trend in societal mood is diminishing. There is a reduced demand for change, reaching its lowest point, and the level of trust in key government representatives is at or below the corresponding indicators for the general population. Instead, there appears to be a shift toward more intricate processes of adaptation among the youth aged 18–24 to the current situation. They seem to be searching for compromises between their previously held attitudes and the changing reality they face.

Keywords: youth, worldview, values, attitudes, norms, interests, Westernisers, Slavophiles, West, confrontation, changes, traditions, demand, future, image of the future, human rights

References

1. Andreev A. L., Petukhov V. V. Russia and the world around. How changes the attitude of Russians towards the Europe – Asia paradigm. *Svobodnaya mysl*, 2015: 3: 107–118 (in Russ.). EDN: UJZENX.
2. Anikin V. A. The crisis and national self-consciousness of Russians. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2016: 5: 203–232 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.12; EDN: YFOSSP.
3. Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and issues. Comp. and ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves' mir, 2016: 360 (in Russ.). EDN: RYGBAA.
4. Danilova E., Tararukhina M. Rossijskaya proizvodstvennaya kul'tura v parametrah G. Hofstede [Russian production culture in the parameters of G. Hofstede]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2003: 3: 53–64 (in Russ.). EDN: HTNEPV.
5. Inglehart R., Wenzel C. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy. The sequence of human development]. Moscow, Novoe iz-vo, 2011: 464 (in Russ.).
6. Lapin N. I. Funkcional'no-orientiruyushchie klasteri bazovykh cennostej naseleniya Rossii i ee regionov [Functional-orienting clusters of the basic values of the population of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 1: 28–36 (in Russ.). EDN: LSRIZP.
7. Latova N. V. The production culture of workers of modern Russia as an element of their human capital (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Mir Rossii, Sociologiya. Etnologiya*, 2017: 26: 3: 36–63 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63; EDN: YZIDDV.
8. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa [Culture as a factor in social progress]. *YUsticinform*, 2009: 408 (in Russ.).
9. Magun V. S., Rudnev M. G. Bazovye cennosti rossiyan v evropejskom kontekste [The basic values of Russians in the European context]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2010: 3: 5–22 (in Russ.). EDN: LMBRBH.
10. Petukhov V. V. Rossijskaya molodezh' i ee rol' v transformacii obshchestva [Russian youth and its role in the transformation of society]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3: 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.
11. Rossijskaya identichnost' v usloviyah transformacii: opyt sociologicheskogo analiza [Russian identity in transformation conditions: experience of sociological analysis]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2005: 396 (in Russ.).
12. Russian society and time challenges. 6th book. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2022: 276 (in Russ.).
13. Tikhonova N. E. Sociokul'turnaya modernizaciya v Rossii (opyt empiricheskogo analiza) Article 2 [Sociocultural modernization in Russia (empirical analysis experience) Stat'ya 2]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2008: 3: 5–20 (in Russ.). EDN: IPVFXH.
14. Tikhonova N. E. Dinamika normativno-cennostnoj sistemy rossijskogo obshchestva: 1995–2010 gody [The dynamics of the regulatory-value system of Russian society: 1995–2010]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2011: 4: 5–19 (in Russ.). EDN: NXPUCV.
15. Tikhonova N. E. Osobennosti rossijskih modernistov i perspektivy kul'turnoj dinamiki Rossii. Stat'ya 1 [Features of Russian modernists and prospects for the cultural dynamics of Russia. Article 1]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2012: 2: 38–52 (in Russ.). EDN: OXMERT.
16. Bühler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. 2. erweiterte und völlig veränderte Aufl. Jena, G. Fischer, 1923: 210.

The article was submitted on: September 16, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia N. Sedova, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11

EDN: YJHWDA

О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области)

Ссылка для цитирования: Косыгина К. Е. О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11; EDN: YJHWDA.

For citation: Kosygina K. E. On the Consolidation of Society in the Context of Geopolitical Tensions (Based on Research in the Vologda Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11; EDN: YJHWDA.

Косыгина Ксения Евгеньевна¹

¹Вологодский научный центр РАН,
Вологда, Россия

sene4ka.87@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 895817

Аннотация. Статья посвящена проблеме общественной консолидации, рассмотренной через призму общественного мнения регионального сообщества в условиях новой реальности, которая обусловлена проведением специальной военной операцией на Украине, усилением антироссийских экономических санкций, ухудшением отношений России с западными странами. Автор рассматривает особенности изучения общественно-политического согласия в работах зарубежных классиков социально-гуманитарных наук, а также в современных исследованиях отечественных ученых. Основываясь на обобщении подходов, в исследовании общественно-политическое согласие (консолидация) трактуется как состояние единства мнений и солидарных действий политических и социальных субъектов относительно базовых ценностей, подходов к решению социально-политических проблем и целей развития государства. Эмпирической основой исследования являются данные социологических опросов населения регионального и всероссийского уровней. Также автор анализирует стратегических документы, принятые руководящими органами страны в 2021–2022 гг. Отдельно рассматриваются результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (n = 1500) и данные опросов ВЦИОМ. Анализ полученных данных показывает положительные изменения в оценках деятельности институтов региональной и федеральной власти, подтвердил консолидацию российского общества вокруг Президента, понимание и поддержку населением целей СВО и принимаемых внешне- и внутривластных решений, что является отражением общественно-политического согласия в условиях новой реальности. Результаты

проведенного исследования позволили выявить некоторые особенности в оценках регионального сообщества изучаемого субъекта РФ (Вологодской области). Полученные данные продемонстрировали более высокий уровень одобрения деятельности федеральных органов власти, чем региональных. Отмечено расширение общественно-государственного диалога в стране с ориентиром на включение институтов гражданского общества в решение задач по защите национальных интересов и преодолению важнейших социально-экономических проблем на фоне роста геополитической конфликтности. Выявлено, что важным показателем понимания обществом выбранного руководством страны политического курса является стабильно низкий уровень протестного потенциала и большой запас терпения, растущие оценки сплоченности российского социума, повышение конструктивной социальной активности, проявление деятельностной консолидации граждан.

Ключевые слова: общественно-политическое согласие, консенсус, консолидация, одобрение, социальная реальность, региональное сообщество, общественное мнение, специальная военная операция

Введение

С начала специальной военной операции на Украине запущен масштабный процесс глобальных перемен для всего мира и для каждой страны в отдельности, что приводит к необратимым изменениям и внутри российского общества [1; 8]. Как отмечают ученые ИСПИ ФНИСЦ РАН, сегодня возникает новая реальность, которая требует выработки траекторий устойчивого развития государства [12]. В то же время процесс перехода в иное фундаментальное состояние сопровождается усилением экономических и политических санкций со стороны западных стран, которые оказывают влияние и на широкие слои населения [2]. Санкционное давление усиливается целенаправленной информационной антироссийской кампанией, в том числе в сфере спорта, культуры и исторической идентичности [4; 21].

В этих непростых условиях особое значение и актуальность приобретает проблема достижения общественно-политического согласия внутри социума, в отношениях населения с органами власти и с проводимой ими политикой, в том числе и на региональном уровне. Прежде всего согласие — это фактор обеспечения социальной стабильности, минимизации политических конфликтов и условие сохранения целостности страны в состоянии рисков и неопределенности, в котором сейчас пребывает Россия на новом этапе своего исторического развития. В профильных исследованиях по тематике общественно-политического согласия подчеркивается, что консолидация (согласие) «служит как укреплению системы отношений власти, так и интеграции всего общества, а тем самым и повышению способности страны отразить внешние и внутренние угрозы, сохранить и укрепить российскую государственность и устои общественного организма» [17, с. 87].

Вместе с тем интерес к рассматриваемой проблематике вызван не только решением прикладной или политико-управленческой проблемы достижения согласия власти и общества, но имеет и научную составляющую

щую. С одной стороны, сформирован весомый теоретический и методологический задел знаний в области изучения общественно-политического согласия. С другой стороны, в современных условиях неопределенности и неординарности ситуации, как отмечают Е. Б. Шестопал и Н. Н. Рогач «события 2022 года вряд ли можно считать обыденным явлением постсоветской политики» [30, с. 46], возникает необходимость теоретического понимания и социологических измерений текущего состояния общества в рамках концепта общественно-политического согласия, что будет способствовать приращению нового знания для объяснения происходящих изменений, в том числе и для учета их в системе государственного управления.

Таким образом, исследование направлено на осмысление и диагностику формирования общественно-политического согласия в условиях новой реальности обусловленной проведением специальной военной операцией, усилением антироссийских экономических санкций, ухудшением отношений России с западными странами. Исследование проводится в регионе Российской Федерации – Вологодской области.

Теоретические и методологические основания исследования

В зависимости от предмета исследования выполнен анализ трудов зарубежных классиков социальных наук и выделены несколько основных теорий в изучении общественно-политического согласия: общественного договора (Т. Гоббс [14]); коммуникативного действия (Ю. Хабермас [15]); школы консенсуса и конфликтной парадигмы (С. М. Липсет [24; 32]), которые находят отражение в интерпретации результатов настоящей работы и оказали значимое влияние на развитие исследований в отечественном научном дискурсе.

В современной российской науке следует отметить ряд трудов, посвященных проблемам достижения общественно-политического согласия в России, которые выполняются учеными ИС ФНИСЦ РАН. В период с 2011 по 2019 гг. вышла серия коллективных монографий под редакцией О. М. Михайленка, общая тематика которых «Согласие как условие развития России» [5; 11; 18; 19; 26; 27; 28]. Авторы рассматривают теоретико-методологические аспекты формирования общественно-политического согласия, анализируют современные тренды в социально-политических отношениях, выявляют факторы положительного действия и дисфакторы устойчивой консолидации политических сил и общества. Исследовательский коллектив приходит к выводу, что в гуманитарных науках категории политическое согласие, а также гражданское, социальное, национальное, общественно-политическое рассматриваются как синонимичные. При этом общественное согласие или отождествляется с консолидацией, либо рассматривается как ее неперемное условие «общественная консолидация (или демократическая консолидация) понимается как про-

цесс достижения ментального согласия граждан в отношении понимания стратегических проблем развития страны, направления и целей этого развития» [17, с. 75].

Научным сообществом среди ключевых составляющих, маркеров консолидации и общественно-политического согласия выделяются: уровень одобрения основных институтов власти [10], эффективность проводимой политики, выраженная в оценках населением выполнения социальных функций государства (в данном случае представленного как федеральной, так и региональной властью), а также доверия граждан правовой системе и структурам гражданского общества [13], социально-экономическое положение страны и благосостояние населения [16], влияние информационно-коммуникационных технологий и СМИ [23], гражданская идентичность [20]. Часть перечисленных индикаторов затронута в настоящей работе.

Таким образом, основываясь на изучении научной литературы по проблеме, предлагается понимать под общественно-политическим согласием – состояние единства мнений и солидарных действий политических и социальных субъектов (в том числе гражданского общества) относительно базовых ценностей, подходов к решению социально-политических проблем и целей развития государства. При этом базовые ценности рассматриваются с традиционалистско-консервативной точки зрения, и подразумевают «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития российского народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся неперенным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [22, с. 123]. Перечень этих ценностей зафиксирован в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Основные из них согласно документу: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, нравственность, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость и др.

Методическая стратегия исследования базируется на первичном и вторичном анализе данных социологических опросов населения регионального и всероссийского уровня, а также анализе принимаемых стратегических документов в условиях формирования новой реальности, сопряженной с антироссийскими санкциями и проведением специальной военной операцией на Украине.

Во-первых, в статье анализируются результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, который позволяет получать значительный объем информации для всесторонней оценки процессов, происходящих в различных сферах общественной жизни региона. Мониторинг проводится ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» с 1996 г. по настоящее время под руководством члена-корреспондента РАН В. А. Ильина. Применяется

метод опросов. Население опрашивается 6 раз в год (февраль, апрель, июнь, август, октябрь, декабрь) в двух крупных городских округах, трех районах и пяти муниципальных округах Вологодской области¹. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов, половозрастной структуры взрослого населения области.

Во-вторых, для сопоставления оценок населения в регионе с общероссийскими данными проводился вторичный анализ данных социологических опросов ВЦИОМ.

В исследовании представлено сравнение итогов мониторинга общественного мнения, проведенного на территории Вологодской области в декабре в сравнении с февралем 2022 г. (с момента начала СВО) и среднегодовыми данными за 2021–2022 гг.

Социологическое измерение эффективности государственного управления: согласие общества и власти

2022 г. можно охарактеризовать как сложный для страны во внешнеполитических отношениях и тревожный для российского общества. Проведение российской спецоперации на Украине, введение новых экономических санкций сказываются на общественных настроениях и ожиданиях населения по поводу дальнейшего развития ситуации в стране и своего личного будущего. Однако непростые события 2022 г. выступили своеобразным импульсом консолидации общества вокруг Президента и общественного согласия с реализуемым им политическим курсом. Так, с момента начала СВО (с февраля по декабрь 2022 г.) уровень одобрения деятельности Президента РФ среди населения Вологодской области возрос с 48 до 60%. Согласно результатам опроса, фиксируется высокий уровень поддержки решений относительно укрепления международных позиций России и наведения порядка в стране. С февраля по декабрь 2022 г. наблюдается увеличение удельного веса положительных мнений об успешности деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан. Особо стоит отметить положительные изменения по индикатору «защита демократии и укреплению свобод граждан». Вероятнее всего, такое распределение мнений связано с поддержкой большей частью населения главной цели СВО «освобождение Донбасса, защита этих людей и создание

¹ В состав Вологодской области входят 75 муниципалитетов: два городских округа (Вологда и Череповец), 20 округов, шесть районов (Вашкинский, Вытегорский, Кирилловский, Никольский, Череповецкий и Шекснинский), четыре городских поселения и 43 сельских поселения.

условий, которые гарантировали бы безопасность самой России»¹. Кроме того, на протяжении 2022 г. продолжает постепенно увеличиваться доля положительно настроенных жителей области к деятельности федеральных институтов власти – Председателя Правительства РФ, кабинета министров, Государственной Думы, Совета Федерации, однако наибольшей поддержкой «по-прежнему» обладает Президент РФ (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Отношение населения к деятельности Президента РФ и федеральным органам государственной власти (по совокупности положительных оценок)*, %

Population's attitude toward the activities of the President of the Russian Federation and federal government bodies (based on the aggregate of positive assessments), %*

Вариант ответа/ показатель	2021	2022	Фев. 2022	Дек. 2022	Изм. 2021 / 2022	Изм. фев. / дек. 2022
Уровень одобрения деятельности Президента РФ и федеральных органов власти*						
Президента РФ	51,4	57,0	48,0	59,5	+6	+12
Председателя Правительства РФ	39,9	45,4	37,6	50,1	+6	+13
Правительства РФ	39,9	45,4	33,3	42,3	+6	+9
Государственной Думы	29,1	33,0	27,4	36,9	+4	+10
Совета Федерации	29,8	34,1	28,7	37,9	+4	+9
Оценка успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны**						
Укрепление международных позиций России	46,6	47,7	42,3	47,9	+1	+6
Наведение порядка в стране	40,7	46,6	41,1	46,4	+6	+5
Защита демократии и укрепление свобод граждан	33,3	36,8	32,3	38,6	+4	+7
Подъем экономики, рост благополучия граждан	26,0	34,9	28,2	34,2	+9	+7

Примечания. *Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Варианты ответа: «Полностью и в основном одобряю».

**Распределение ответов на вопрос «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами?».

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, n = 1500.

Как свидетельствует исследование с февраля по декабрь 2022 г., наибольшее согласие с решениями президента выражают жители Вологодской области в возрастных группах от 30 до 55 лет (рост поддержки с 44 до 57%)

¹ Путин: Конечная цель спецоперации – защита Донбасса и безопасность России // Российская газета. 30.06.2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/06/30/putin-konechnaia-cel-specoperacii-zashchita-donbassa-i-bezopasnost-rossii.html> (дата обращения: 01.02.2023)

и 55 лет и старше (с 51 до 64%). Уровень поддержки и солидарности в молодежной среде (до 30 лет) составляет 55%, что незначительно ниже оценок остальных поколений. В этой связи необходимо обратить пристальное внимание на эту социальную группу, от которой зависит будущее России.

Региональные данные мониторинга, демонстрирующие согласие жителей области с политикой Президента РФ, сопоставимы с общероссийскими. Опросы ВЦИОМ показывают, что доля одобряющих работу Президента РФ с февраля по декабрь 2022 г. среди россиян увеличилась с 64 до 74%. Вместе с тем 81% респондентов заявляют, о том, что сейчас необходимо объединиться вокруг Президента, даже если не совсем согласны с его действиями и решениями (ВЦИОМ, апрель 2022 г.). Скорее поддерживают решение о проведении СВО в среднем 70% россиян (ВЦИОМ, сентябрь 2022 г.). Положительно отнеслись к вхождению ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в состав России 75% граждан (ВЦИОМ, октябрь 2022 г.), доля тех, кто считает, что В. Путин действует в интересах большинства, выросла за 2022 г. до 73% (ВЦИОМ, февраль 2023 г.)¹.

Региональные власти и органы местного самоуправления играют значимую роль в осуществлении политики федерального центра, а также наиболее приближены к проблемам населения. В тоже время при проведении СВО федеральным центром была повышена ответственность органов управления в регионах за проведение частичной мобилизации, обеспечение мер социальной поддержки военнослужащих и их семей, и граждан, в целом. По этим причинам рассмотрение отношения регионального сообщества к их работе является одним из ключевых аспектов в изучении особенностей общественно-политического согласия в российском обществе в условиях новых вызовов, ставших непосредственной угрозой национальной безопасности.

Обращаясь к региональному уровню, необходимо отметить, что за период с февраля по декабрь наблюдается увеличение положительных отзывов о деятельности Губернатора области с 34 до 46%. На муниципальном уровне фиксируются аналогичные тенденции. За десять месяцев проведения СВО доля жителей области, одобряющих деятельность глав местных администраций выросла с 32 до 43%. По сравнению с 2018 г. по среднегодовым данным в 2022 г. общественное мнение не претерпело существенных изменений (см. табл. 2).

Анализ распределений суждений свидетельствует о сильном институте исполнительной власти в России, которая берет на себя управление в кризисные периоды. При этом важную роль играет ментальная особенность восприятия власти в российском обществе, заключающаяся в том, что она всегда персонифицирована. Данная особенность отражается в поддержке В. Путина как личности, определяющего политический курс и являющегося единственной публичной фигурой российской поли-

¹ По данным материалов ВЦИОМ «Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий»; «Жизнь по своим правилам»; «Референдумы в ДНР и ЛНР: итоги»; «Специальная военная операция: полгода спустя»; «Специальная военная операция: год спустя» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).

тики, представляющей в ней субъектность [7]. В тоже время результаты исследования свидетельствуют и об увеличивающейся поддержке со стороны населения органов парламентаризма как на уровне федерации, так и в регионе. Следует обратить внимание, что уровень одобрения ведущей партии «Единой России» достигает 37%, а за последний год наблюдается рост показателя с 33 до 37%.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение населения к деятельности органов власти регионального и местного уровня (по совокупности положительных ответов)*, %
Population's attitude toward the activities of regional and local government bodies (based on the aggregate of positive responses), %*

Вариант ответа / показатель	2021	2022	Фев. 2022	Дек. 2022	Изм. 2021 / 2022	Изм. фев. / дек. 2022
Региональный уровень						
Одобрение деятельности Губернатора области	36,7	40,9	33,9	45,5	+4	+12
Одобрение деятельности Законодательного собрания области	27,4	30,7	26,2	33,7	+3	+8
Местный уровень						
Одобрение деятельности Глав местных администраций	36,2	37,8	32,1	42,7	+2	+11
Одобрение деятельности Представительного органа местного самоуправления	27,4	28,9	25,3	32,7	+2	+7

Примечание. *Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, n = 1500.

Результаты исследования позволили выявить некоторые особенности в оценках регионального сообщества. В частности, данные продемонстрировали более высокий уровень одобрения деятельности федеральных органов власти, чем региональных политических структур, а также в Вологодской области более низкий уровень согласия с решениями главы государства, чем по итогам среднероссийских социологических измерений.

Представляется важным при проведении политики органам власти учитывать восприятие обществом политической и экономической ситуации в стране и перспектив развития, что также выступает маркерами общественно-политического согласия и консолидации, а при неблагоприятных проявлениях выливаются в рискогенные факторы [31].

По первому индикатору, в части восприятия политической ситуации, преобладают отрицательные оценки. Доля позитивных мнений о политической обстановке составила 22–23%, удельный вес противоположных отзывов в несколько раз выше. Считают, что ситуация «критическая, напряженная, опасная» 62–63% респондентов. В течение 2022 г. произошли существенные изменения в оценках политической ситуации в сторону критических суждений: по сравнению с февралем доля позитивных отзывов снизилась с 34 до 23%; с декабрем 2021 г. с 37 до 23%. С одной стороны, полученные в ходе опроса оценки политической ситуации вызывают некоторую настороженность в вероятности нарастания социальной напряженности. С другой стороны, они вполне закономерны и являются естественной реакцией общества на события 2022 г., в ходе которых «Россия оказалась в эпицентре геополитической турбулентности», что во многом вызывает у населения ощущение тревожности и состояние неопределенности не только за собственное будущее, но и за перспективы развития страны.

По второму индикатору, в отношении экономической ситуации результаты опроса не зафиксировали значимых негативных изменений. В целом оценки 2022 г. остались на уровне 2021 г. доля отрицательных оценок составляет 35%, положительных – 12%, весомая часть придерживается мнения, что экономическое положение России находится на среднем уровне (42%). Это при том, что многие экономисты и аналитики утверждали, что в 2022 г. «российская экономика оказалась на краю пропасти, столкнувшись с невиданными санкционными шоками»¹.

Устойчивость российской экономики подтверждают данные опроса в части материального положения населения, которое можно охарактеризовать как стабильное с незначительным улучшением. За 2022 г. в регионе по субъективному восприятию сократилась доля «бедных и нищих» с 48 до 43%, однако число малообеспеченных слоев населения остается стабильно высоким. С февраля 2022 по декабрь 2022 г. по самооценкам во всех доходных группах наблюдалось небольшое увеличение размера фактического дохода, так же, как и в годовой динамике. Положительное изменение в доходах нивелируется возрастающей инфляцией, выражающейся в росте цен на товары и услуги. Согласно данным официальной статистики по Вологодской области индекс потребительских цен в 2022 г. вырос на 14,9% по сравнению с 2021 г. При этом цены на основные цели потребления существенно увеличились. Стоимость продуктов питания выросла на 17,7%, предметы домашнего обихода, бытовую технику и повседневный уход за домом – 23%, услуги ЖКХ – 5,3%, здравоохранение – 10,2%. Номинальная заработная плата в 3 квартале 2022 г. выросла на 12%².

Несмотря на незначительное улучшение ситуации с материальным благосостоянием граждан (по самооценкам), в целом отмечается отсутствие ощутимых позитивных изменений в динамике уровня бедности, что требует

¹ Появились два сценария для экономики России: плохой и очень плохой // Московский комсомолец. 20.02.2022. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/12/20/poyavilis-dva-scenariya-dlya-ekonomiki-rossii-plokhoy-i-ochen-plokhoy.html> (дата обращения: 20.02.2023)

² Социально-экономическое положение Вологодской области в 2022 году: доклад / Вологдастат. Вологда, 2023. – 100 с.

повышенного внимания со стороны лиц, принимающих управленческие решения в целях предотвращения углубления социальной поляризации и конфликта в обществе [16].

Характеризуя происходящие в современном обществе процессы формирования общественно-политического согласия необходимо обратить внимание на протестный потенциал и социальное самочувствие людей. Данные опроса показали, что с начала СВО не фиксируется существенной динамики потенциала протеста. Уровень протестных настроений в регионе составляет не более 23%. При этом стабильные оценки и низкий протестный потенциал характерны для большинства социально-демографических групп. В самочувствии регионального сообщества преобладают умеренно-положительные оценки. За 10 месяцев проведения СВО доля позитивных оценок социального настроения снизилась незначительно с 69 до 66%. Удельный вес положительных оценок социального настроения по-прежнему существенно превышает долю отрицательных суждений: 66% характеризуют свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное». Индикатором понимания обществом выбранной руководством страны стратегии защиты национальных интересов является также стабильно высокий уровень запаса терпения (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Динамика показателя запаса терпения*, %
Dynamics of the patience reserve indicator*, %

Вариант ответа	2021	2022	Фев. 2022	Дек. 2022	Изм. 2021 / 2022	Изм. фев. / дек. 2022
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	75,8	76,9	76,5	75,6	1	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	17,7	16,1	17,7	14,7	-2	+3

Примечание. *Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?».

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, n = 1500.

Таким образом, общероссийские и региональные социологические опросы, демонстрируют положительные изменения в оценках деятельности власти, наблюдается консолидация социума вокруг Президента РФ. Общественная поддержка демонстрирует понимание российскими гражданами целей специальной военной операции на Украине и осознание правильности выбранной стратегии защиты национальных интересов, что с определенной долей условности свидетельствует о расширении общественно-государственного диалога в стране на фоне глобальных угроз и волны патриотизма. Однако, как отмечают исследователи, доминирующий темпоральный срез может быть неустойчивым и зависящим от изменчивого ситуативного контекста, связанного с остротой текущей ситуации [30]. В этих условиях необходимо решать проблему фундаментальных институциональных преобразований всех сторон общественной жизни на будущее [6].

Вопросы институциональных преобразований и консенсус гражданского общества

Руководство страны, осознавая ответственность перед лицом кризисов, нависших над страной и миром, констатирует невозможность решения проблем человечества исключительно военными, политическими и экономическими средствами. Факторы глобальной нестабильности сегодняшнего дня указывают на слабость государства без формирования духовно-нравственного единства людей. Обеспечение такого единения является безусловным приоритетом, что показывает мониторинг ключевых документов и решений российских властей с учетом национальной специфики, традиционных норм и ценностей (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Ключевые принимаемые документы (2021–2022 годы) Key adopted documents (2021–2022)

Документ	Основные тезисы
Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	Национальная безопасность состояние защищенности национальных интересов России от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране , охрана суверенитета, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. В Стратегии усиливается тренд на укрепление государственного суверенитета России на базе поддержания традиционных духовно-нравственных ценностей , предотвращения негативных последствий вестернизации.
Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России»	Укрепление и расширение межконфессионального и межнационального диалога .
Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»	Дается определение традиционных ценностей – нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство .
Новые образовательные стандарты для начальной, средней, высшей школы. Проведение занятий «Разговоры о важном» в школах и церемония поднятия флага с 1 сентября 2022 года; включение в школьные учебники по истории раздела про СВО; увеличении времени изучения истории России в вузах вне зависимости от специализации	Обеспечение гражданского единства и патриотического воспитания подрастающего поколения, консолидации педагогического, родительского, профессионального и научного сообществ, всех уровней государственной власти .

Продолжение таблицы 4

Документ	Основные тезисы
Федеральный закон «О российском движении детей и молодежи» от 14.07.2022 г. № 261–ФЗ	Подготовка детей и молодежи к полноценной жизни в обществе, включая формирование их мировоззрения <i>на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей.</i>
Учреждение Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» 18 декабря 2022 г.	Объединение крупнейших российских общественных организаций, работающих с молодым поколением. Сочетает в своей работе лучшие практики в сфере гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания, способствующие <i>формированию созидательной силы патриотизма у молодого поколения.</i>
Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»	Целями гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом являются формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, <i>расширение контактов между людьми.</i>

Таким образом, текстуальный анализ принимаемых документов, показал, что в каждом из них определяющие понятия это – «единство», «согласие», «диалог», «созидание», «консенсус», «консолидация» российского общества. Усилия государства направляются на достижение гражданского согласия по базовым национальным ценностям и особое внимание уделяется воспитанию детей и молодежи. Представляется, что при формировании традиционных духовно-нравственных российских ценностей целесообразно учитывать современные социокультурные установки молодежи и поведенческие практики. Приобщение к традиционным нормам необходимо проводить при использовании новых форм их представления и интерактивных цифровых технологий.

В свою очередь в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г., впервые в такого рода документах признается роль гражданского общества «обеспечение и защита национальных интересов России осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества»¹.

Специальная военная операция на Украине продемонстрировала не только высокий уровень пассивного одобрения основных политических институтов и благоприятную картину оценки населением политики властей, но и проявление деятельностной консолидации общества. Расширяются массовые неформальные практики гражданского участия в социуме, целью

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.03.2023).

которых выступает помощь беженцам, сбор гуманитарных грузов, поддержка российских военнослужащих и их семей, при этом процесс роста общественной активности носит характер стихийной организации и низовой координации с помощью социальных сетей, специально созданных сайтов¹.

В тоже время вовлеченность населения в практики взаимопомощи осуществляется на показавших свою эффективность организованных площадках. Так, например, в 85 субъекте Российской Федерации открыто свыше 3,5 тыс. центров сбора гуманитарной помощи на базе региональных штабов #МыВместе, школ, общественных организаций. В Вологодской области во всех муниципальных образованиях сформированы 28 волонтерских штабов #МыВместе. Общественной палатой Вологодской области организована акция взаимопомощи «Помогаем нашим» по сбору средств для жителей Донбасса и российской армии. На декабрь 2022 г. собрано 18 млн руб.²

Государство признает значимость общественных инициатив, направленных на оказание поддержки участникам СВО, населению в зоне конфликта, беженцам. В 2022 г. состоялся Специальный конкурс Фонда президентских грантов для некоммерческих организаций, основной целью которого стало предоставление субсидий на конкурсной основе на реализацию социальных проектов, связанных с оказанием помощи жителям Донбасса и уязвимым группам, на жизни которых наиболее сильно повлияли введенные санкции. 493 проекта получили поддержку по итогам конкурса на общую сумму 2 млрд руб. В рамках работы Президентского фонда культурных инициатив выделено 1 млрд руб. для поддержки культурных проектов по интеграции присоединенных территорий³.

Перечисленные примеры консолидации находят отражение в полученных данных регионального мониторинга общественного мнения. В 2022 г. отмечается незначительный рост доли людей, отмечающих в обществе согласие и сплоченность. Наиболее высокий уровень согласия и сплоченности 70% респондентов отмечают в своем окружении, 48% – в месте своего проживания, 33% – в области, 31% – в стране (см. табл. 5).

По данным ВЦИОМ, в сравнении с 2021 г. в 2022 г. существенно выросла доля тех, кто чувствует единство российского общества с 31 до 56%. Сплоченность в социуме ощущают примерно одинаково во всех социально-демографических группах. Источником консолидации российского общества граждане в первую очередь считают специальную военную операцию⁴.

¹ «Мобилизация. Вчера и сегодня». Социодиггер. Том 4. Выпуск 1-2 (24) // ВЦИОМ. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2023vol4-24/> (дата обращения: 01.03.2023).

² Акция «Помогаем Нашим» // Официальный сайт Общественной палаты Вологодской области. URL: <https://op35.ru/aktsiya-pomogaem-nashim> (дата обращения: 15.02.2023).

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. М: Общ. палата РФ, 2022 // Официальный сайт Общественной палаты РФ. URL: <https://report2022.oprf.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Народное единство на фоне специальной военной операции // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 01.03.2023).

Таблица 5 (Table 5)

Уровень согласия, сплоченности населения*
(по совокупности положительных ответов), %
*Level of Agreement and Cohesion Among the Population**
(based on the aggregate of positive responses), %

Согласие, сплоченность	2021	2022	Изменение (+/-)
В стране	26,8	30,5	+4
В области	29,7	32,5	+3
В месте проживания	44,5	47,5	+3
В окружении	65,9	69,9	+4

Примечание. *Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?», задается один раз в год в апреле.

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, n = 1500.

Таким образом, в критических обстоятельствах, к которым относится внешняя угроза для собственной жизни и национальной безопасности, в социуме на первый план выходят нематериальные факторы, в том числе и мобилизационный потенциал гражданского общества. В основе принимаемых в трудной ситуации решений лежат, прежде всего, внутренние убеждения и принципы [6]. В России проявляются новые черты гражданского общества, основанные на изменении внутреннего осознания людьми масштабов угроз национальной безопасности [9]. В тоже время сложные события, будь то пандемия или обострение внешнеполитической конфликтности показали зрелость гражданского общества, которая выражается в готовности к консолидации в целях обеспечения эффективного сотрудничества с органами государственной власти во благо национальных интересов.

Заключение

Сегодня сложились уникальные условия формирования общественно-политического согласия в российском обществе. Вектор движения к гражданскому согласию, консенсусу общества и власти основан на духовно-нравственном единстве, традиционных ценностях, чувстве патриотизма, что отражено в принимаемых документах и решениях руководства страны. Избранный курс поддерживается широким кругом общественности, что показывает динамика оценок общественного мнения. Большинство населения, как показывают исследования, одобряет решения главы государства и проводимую органами федеральной власти политику по обеспечению государственного суверенитета, стабилизации политической и экономической обстановки на фоне СВО, санкций, внешнего давления. Фиксируется расширение общественно-государственного диалога в стране с участием гражданского общества, инициативных групп взаимопомощи.

Тем не менее, следует особое внимание сосредоточить на региональном и локальном уровне. На территории Вологодской области сохраняется стабильная, устойчивая и прогнозируемая общественно-политическая ситуация. Однако особенностью регионального среза общественного мнения является то, что данные продемонстрировали более высокий уровень одобрения деятельности федеральных органов власти, чем региональных управленческих структур. Поэтому крайне важным для повышения эффективности деятельности региональной власти представляется разработка и внедрение механизмов взаимодействия между органами управления и населением по решению ключевых проблем на регулярной основе, внедрение системы подотчетности и общественного контроля.

Уровень общественно-политического согласия и консолидации общества является важным социальным ресурсом, благодаря которому возможно устойчивое, поступательное развитие страны. Удержание этого ресурса в дальнейшем во многом будет зависеть от принимаемых управленческих решений, в том числе за счет разъяснения и продвижения выбранной стратегии, последовательного вовлечения различных социально-демографических групп населения, бизнеса, политической элиты в солидарное действие по преодолению проблем в области экономики и социальной сферы, защиты национальных интересов от внешних и внутренних угроз. Насколько удастся удержать этот солидарный капитал российского общества можно будет судить по следующим измерениям общественного мнения.

Библиографический список

1. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3; EDN: LOGPEF.
2. Бубнова Н. И. Тотальные санкции в военно-политическом ракурсе: санкционная реакция США и других западных стран в контексте «интегрированного сдерживания» // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049922060016; EDN: FBNEO.
3. Гаджиев Х. А. Цифровое пространство и политическая стабильность России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 22–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-6-22-28; EDN: KFZPDA.
4. Губанов С. С. Н. Малдер: цель санкций – смена политического режима в России // Экономист. 2022. № 4. С. 20–39.
5. Динамика социально политических отношений и феномен согласия в современном обществе. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 197 с. EDN: GBVLVX.
6. Дискин И. Е. «Колея» и гражданское общество // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 113–127. DOI: 10.31857/S086904992205001X; EDN: EYUTPC.

7. Зверев А. Л., Ахматнурова С. Ф. Оптика восприятия современной российской политики // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11(154). С. 42–51. EDN: TYJHLLT.

8. Ильин В. А., Морев М. В. Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1; EDN: ZZAXEY.

9. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1; EDN: IJGJHO.

10. Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 3. С. 50–67. DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.4; EDN: UZXUSM.

11. Контурсы социально-политического согласия по вопросам развития России / Отв. ред. О. М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2012. 370 с.

12. Левашов В. К. Потенциал развития гражданского общества в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3(100). С. 64–80. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-64-80; EDN: DXBUFB.

13. Левашов В. К., Новоженина О. П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149. DOI: 10.31857/S013216250022369-8; EDN: CJXXAJ.

14. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

15. Линде А. Н. Подход Ю. Хабермаса к теоретическому изучению политической коммуникации // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С. 91–104. EDN: VNUJIX.

16. Михайленок О. М. Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор) // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 74–91. EDN: UJEWEP.

17. Михайленок О. М. Общественно-политическое согласие и проблема преодоления социального неравенства // Власть. 2015. № 1. С. 12–17. EDN: WAVRVD.

18. Неравенство в современном обществе (Политические и социальные аспекты). Политическое согласие: от теории к практике. М.: Русайнс, 2016. 276 с. DOI: 10.15216/978-5-4365-1428-4; EDN: XGNDJZ.

19. Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 4. Неравенство в современном обществе. Политические и социальные аспекты / Отв. ред. О. М. Михайленок, В. В. Люблинский. М.: ИС РАН, 2015. 293 с. EDN: TULSNX.

20. Никовская Л. И. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Вестник Воронежского ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 62–67. EDN: XAJTGA.

21. Озеров В. В., Никовская Л. И. Информационная война в зеркале теории конфликта // Социально-политические исследования. 2022. № 4(17). С. 34–47. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-34-47; EDN: KYZJJR.

22. Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2021. № 27(4). С. 113–133. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133; EDN: DEAYZJ.

23. Рогачев С. В., Горлов К. Н. Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 75–84. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.6; EDN: QJTZJA.

24. Рубан Л. С. Развитие теории демократии и вклад Сеймура Мартина Липсета в политическую социологию // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 3. С. 310–319. DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-310-319; EDN: VTZRXX.

25. Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.

26. Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 5 / Под ред. О. М. Михайленка, В. В. Люблинского. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 268 с. EDN: VUKIJV.

27. Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие: Стратегии и реальность / Отв. ред. О. М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2013. 293 с. EDN: SCFSLF.

28. Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Отв. ред. О. М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2011. 335 с. EDN: RBGVYF.

29. Трофимова И. Н. Взаимоотношения общества и власти: общественная консолидация или кризис доверия? // Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. С. 176–194.

30. Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 45–61. DOI: 10.31857/S0869049922060041; EDN: FCHBHW.

31. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4; EDN: KARUHB.

32. Lipset S. M. *Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology*. New Brunswick, Transaction Books, 2005. 375 p.

Получено редакцией: 12.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Косыгина Ксения Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11

On the Consolidation of Society in the Context of Geopolitical Tensions (Based on Research in the Vologda Region)

Ksenia E. Kosygina

Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia

E-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5875-8912

For citation: Kosygina K. E. On the Consolidation of Society in the Context of Geopolitical Tensions (Based on Research in the Vologda Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11; EDN: YJHWDA.

Abstract. The article addresses the issue of societal consolidation viewed through the lens of public opinion within a regional community amidst a new reality shaped by a special military operation in Ukraine (SMO), intensified anti-Russian economic sanctions, and deteriorating relations between Russia and Western countries. The author examines the nuances of studying socio-political consensus in the works of foreign classics of social sciences and humanities, as well as in contemporary research by domestic scholars. Based on a synthesis of approaches, the study interprets socio-political consensus (consolidation) as a state of unity in opinions and concerted actions of political and social entities regarding fundamental values, approaches to addressing socio-political issues, and goals for state development. The empirical foundation of the study consists of data from sociological surveys conducted at both regional and all-Russian levels. Additionally, the author analyses strategic documents adopted by the country's governing bodies in 2021–2022. The article separately examines the results of monitoring the economic situation and social well-being of the population in the Vologda region (N=1500) and data from surveys conducted by VCIOM. The analysis of the data obtained demonstrates positive shifts in the assessment of the activities of both regional and federal government institutions. It reaffirms the consolidation of Russian society around the President, indicating the population's comprehension and support of the objectives of the SMO and country's strategic goals and the decisions made in both foreign and domestic policies. These reflections mirror the socio-political consensus within the context of the new reality. The findings of the conducted research have unveiled specific characteristics in the evaluations of the regional community within the studied subject of the Russian Federation (Vologda region). The data revealed a higher level of approval for the activities of federal authorities compared to regional ones. There's a noted expansion of public-state dialogue in the country, focusing on involving civil society institutions in addressing tasks related to safeguarding national interests and overcoming crucial socio-economic problems amid increasing geopolitical tensions. It was identified that a significant indicator of societal understanding of the country's leadership's chosen political course is the consistently low level of protest potential and a substantial reserve of patience, alongside growing assessments of cohesion within Russian society, an increase in constructive social activity, and the demonstration of active citizen consolidation.

Keywords: socio-political consensus, consensus, consolidation, approval, social reality, regional community, public opinion, special military operation

References

1. Balatsky E. V. Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: accumulation of global contradictions. *Ekonomicheskie i socialny`e peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022: 4: 42–59 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3; EDN: LOGPEF.
2. Bubnova N. I. Total sanctions in the military-political perspective: the sanctions reaction of the United States and other Western countries in the context of «integrated deterrence». *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost*, 2022: 6: 7–22 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869049922060016; EDN: FBNEDO.
3. Hajiyev H. A. Digital space and political stability of Russia. *Socialno-politicheskie nauki*, 2022: 12: 6: 22–28 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-6-22-28; EDN: KFZPDA.
4. Gubanov S. S. N. Mulder: the purpose of sanctions is to change the political regime in Russia. *Ekonomist*, 2022: 4: 20–39 (in Russ.).
5. Dynamics of socio-political relations and the phenomenon of consent in modern society. Moscow, FNISC RAN, 2019: 197 (in Russ.). EDN: GBVLVX.
6. Diskin I. E. «Track» and civil society. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost*, 2022: 5: 113–127 (in Russ.). DOI: 10.31857/S086904992205001X; EDN: EYYTPC.
7. Zverev A. L., Akhmatnurova S. F. Optics of perception of modern Russian politics. *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015: 11(154): 42–51 (in Russ.). EDN: TYJHLT.
8. Ilyin V. A., Morev M. V. The rubicon has been passed: on February 24, 2022, a new stage of Russia's development in the XXI century has come. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022: 15: 2: 9–30 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1; EDN: ZZAXEY.
9. Ilyin V. A., Morev M. V. Special military operation reveals new features of civil society. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022: 15: 5: 9–32 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1; EDN: IJGJHO.
10. Ilyicheva L. E., Lapin A. V. Trust in power and socio-political consolidation of society. *Nauka. Kultura. Obshhestvo*, 2022: 28: 3: 50–67 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.4; EDN: UZXUSM.
11. Kontury socialno-politicheskogo soglasiya po voprosam razvitiya Rossii [Contours of socio-political agreement on the development of Russia]. Ed. by O. M. Mikhaylyonok. Moscow, IS RAN, 2012: 370 (in Russ.).
12. Levashov V. K., Novozhenina O. P. Hybrid socio-political reality: essence, opinions of citizens and trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 12: 139–149 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250022369-8; EDN: DXBUFB.
13. Levashov V. K. The potential of civil society development in Russia. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennyye nauki*, 2020: 3(100): 64–80 (in Russ.). DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-64-80; EDN: CJXXAJ.
14. Hobbes T. Leviathan, or Matter, Form and Power of the church and Civil state. Accessed 15.02.2023. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (in Russ.).
15. Linde A. N. Approach Yu. Habermas to the theoretical study of political communication. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 7. Filosofiya*, 2015: 5: 91–104 (in Russ.). EDN: VNUJIX.
16. Mikhaylenok O. M. Socio-political consent in the context of democratic consolidation (analytical review). *Vestnik instituta sotziologii*, 2015: 6: 3: 74–91 (in Russ.). EDN: WAVRVD.
17. Mikhaylyonok O. M. Socio-political consent and the problem of overcoming social inequality. *Vlast*, 2015: 1: 12–17 (in Russ.). EDN: UJEWEP.
18. Inequality in modern society. (Political and social aspects). Political consent: from theory to practice. Moscow, Rusains, 2016: 276 (in Russ.). DOI: 10.15216/978-5-4365-1428-4; EDN: XGNDJZ.
19. Harmony in society as a condition for the development of Russia. Iss. 4. Inequality in modern society. Political and social aspects. Ed. by O. M. Mikhaylyonok, V. V. Lyublinsky. Moscow, IS RAN, 2015: 293 (in Russ.). EDN: TULSNX.
20. Nikovskaya L. I. The role of civil society in the formation of civic identity and consolidation of Russian society: political and managerial aspect. *Vestnik Voronezhskogo un-ta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*, 2017: 3: 62–67 (in Russ.). EDN: XAJTGA.

21. Ozerov V. V., Nikovskaya L. I. Information war in the mirror of conflict theory. *Socialno-politicheskie issledovaniya*, 2022: 4: 34–47 (in Russ.). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-34-47; EDN: KYZJJP.
22. Perevezentsev S. V., Puchnina O. E., Strakhov A. B., Shakirova A. A. On the issue of methodological principles for studying Russian basic traditional values. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2021: 27(4): 113–133 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133; EDN: DEAYZJ.
23. Rogachev S. V., Gorlov K. N. Social consolidation in a modern city in the context of the development of digital communications. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2022: 28: 4: 75–84 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.6; EDN: QJTZJA.
24. Ruban L. S. The development of the theory of democracy and the contribution of Seymour Martin Lipset to political sociology. *Socialnye i gumanitarnye znaniya*, 2022: 8: 3: 310–319 (in Russ.). DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-310-319; EDN: VTZRXX.
25. Ryzhova S. V. Russian identity in regional diversity: the role of trust. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 3: 13–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
26. Consent in society as a condition for the development of Russia. Ed. by O. M. Mikhaylyonok, V. V. Lyublinsky. Iss. 5. Moscow, FNISC RAN, 2017: 268 (in Russ.). EDN: VUKIJV.
27. Soglasie v obshchestve kak uslovie razvitiya Rossii [Consent in society as a condition for the development of Russia]. Iss. 3. Moscow, IS RAN, 2013: 293 (in Russ.). EDN: SCFSLF.
28. Soglasie v obshchestve kak uslovie razvitiya sovremennoj Rossii: politicheskie i social`ny`e aspekty` [Consent in society as a condition for the development of modern Russia: political and social aspects]. Ed. by O. M. Mikhaylyonok. Moscow, IS RAN, 2011: 335 (in Russ.). EDN: RBGVYF.
29. Trofimova I. N. [Relationship between society and government: public consolidation or crisis of trust? In Russian Society and Challenges of the Time. 4th book. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow, Ves Mir, 2016: 176–194 (in Russ.).
30. Shestopal E. B., Rogach N. N. Images of the present and future of Russia in the political consciousness of its citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2022: 6: 45–61 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869049922060041. EDN: FCHBHW.
31. Shushpanova I. S. Features of socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2022: 28: 4: 97–108 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.4; EDN: KARUHB.
32. Lipset S. M. Consensus and conflict: Essays in political sociology. New Brunswick, Transaction Books, 2005: 375.

The article was submitted on: April 12, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia E. Kosygina, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS

РЕГИОНЫ РФ: ТОЧКИ РОСТА И ДИСПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12

EDN: RUAFWS

Основные факторы неравномерного развития российских регионов

Ссылка для цитирования: Пантин В. И. Основные факторы неравномерного развития российских регионов // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 219–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFWS.

For citation: Pantin V. I. Main Factors of Uneven Development among Russian Regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 219–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFWS.

AuthorID РИНЦ: 74145

Пантин Владимир Игоревич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

v.pantin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы неравномерного социального развития регионов России, дается общая их классификация. Особое внимание уделено воздействию исторических, культурно-цивилизационных и геополитических факторов на развитие и модернизацию российских регионов, включая региональные традиции, этносоциальную и культурную специфику, проанализирована влияние всех этих факторов на региональную динамику. Показано, что неравномерность, значительные различия и неравенство в социально-экономическом развитии регионов России обусловлены сочетанием и взаимодействием множества факторов, которые необходимо учитывать при разработке и реализации региональной политики. Подобное взаимодействие разных факторов в каждом конкретном случае создает ключевые, наиболее острые для данного региона социальные проблемы и риски. Поэтому внимание региональных властей, а также активных групп местных сообществ должно быть сосредоточено на том, чтобы своевременно реагировать на эти проблемы и не допускать их радикализации и политизации, перерастания в социально-политические конфликты. К числу таких проблем и связанных с ними рисков относятся, например, те проблемы социального неравенства, которые осознаются местными жителями как сугубо несправедливые, прежде всего проблемы недоступности для многих жителей качественного здравоохранения и образования, экологические проблемы. Также вызывают опасение межэтнические отношения, особенно между местным населением и недавно прибывшими мигрантами из других государств, демографические проблемы. В то же время усилиями одних региональных властей и заинтересованных групп граждан на местах ключевые проблемы региона в полной мере решены быть не могут, для этого требуются тесное взаимодействие и объединение усилий местных сообществ,

региональных и центральных властей. В настоящее время в России такое взаимодействие и объединение усилий на разных уровнях реализуется лишь фрагментарно и далеко в недостаточной мере. В связи с этим сделан вывод, что для обеспечения социальной стабильности в российских регионах региональным и местным органам власти необходимо учитывать интересы местных сообществ и местные инициативы развития, в том числе в области культуры, сохранения и развития местных традиций, образования, краеведения, местной и региональной идентичности, исторической памяти, экологии. Кроме того, важно не допускать грубого разрушения природной и социальной среды, хищнического использования природных и человеческих ресурсов в российских регионах крупными корпорациями, холдингами, финансовыми структурами. Автор приходит к заключению, что при разработке и реализации любых проектов социально-политического и экономического развития необходимо учитывать как общую цивилизационную специфику России, так и особенности развития региональных и местных сообществ, поскольку их игнорирование может привести к необратимому разрушению социальной среды, к деградации опорных социальных, культурных и ценностных структур российского общества.

Ключевые слова: Россия, социология, регионы, социально-экономическое развитие, неравномерность, исторические факторы, культурно-цивилизационные факторы, геополитические факторы, государство, локальные сообщества

Регионы России: основные факторы социально-экономических различий

Рассматриваемая в статье научная задача заключается в том, чтобы выявить наиболее важные факторы, оказывающие влияние на неравномерное социально-политическое развитие российских регионов, определить, как эти факторы воздействуют на межрегиональное неравенство, а также на некоторые социальные механизмы и практики регионального управления.

Одной из важных особенностей и характеристик развития России является неравенство в развитии ее регионов [4; 6]: между ними существуют значительные социально-экономические различия, заметная неравномерность в динамике их модернизации [8; 9]. Очевидно, что эти различия связаны прежде всего с огромной территорией России, разнообразием природных условий, полиэтничностью и поликонфессиональностью. Однако, помимо этих причин, важную роль в неравномерном развитии российских регионов играют и другие факторы, которые нуждаются в конкретизации и более глубоком анализе. Такой анализ необходим не только для теоретического понимания и учета многочисленных факторов, которые определяют различия в социально-экономическом развитии регионов РФ и социальном самочувствии их жителей, но и для выработки более эффективной региональной политики, способной отвечать на многочисленные внутренние и внешние вызовы, встающие перед страной.

Следует подчеркнуть, что неравномерность социально-экономического развития регионов и связанное с этим региональное неравенство присущи многим, в том числе самым развитым странам. Достаточно упо-

мянуть так называемый «ржавый пояс» в США, состоящий из депрессивных или полудепрессивных городов и прилегающих территорий, деградирующие центры угольной промышленности и черной металлургии в Великобритании или же традиционно отсталые регионы Юга Италии. Более того, как показывает социально-экономический анализ, процессы глобализации в современном мире, связанные с переносом многих отраслей производства в развивающиеся страны, во многих случаях усиливают региональное неравенство [14]. Разумеется, это не является поводом к сохранению существующего значительного социально-экономического неравенства регионов России и не отменяет связанные с таким неравенством серьезные вызовы и риски для развития страны; речь идет о том, что региональное неравенство является глобальной проблемой, присущей многим странам и цивилизациям. Поэтому, в частности, решать проблемы регионального неравенства в России необходимо с учетом опыта других стран.

В то же время процессы социальной и культурно-цивилизационной унификации регионов, связанные с процессами глобализации, информатизации и с технократической политикой, также создают серьезные риски и угрозы. Эти риски и угрозы вызваны тем, что в случае уничтожения культурного и социально-политического разнообразия, являющегося необходимым условием развития, происходит деградация опорных социальных структур, сообществ и институтов и, как следствие, наступает общая стагнация [15]. Более того, слишком далеко зашедшая унификация развития регионов без учета их специфики в условиях России грозит внедрением спущенной сверху технократической модели развития, нацеленной главным образом на создание единой инфраструктуры [2] и подменой полноценной социальной модернизации очередными формальными показателями и процедурами, шаблонными действиями центральных и местных властей. Такого рода формальные, совершаемые для общей отчетности технократические или бюрократические действия и процедуры оказываются особенно опасными в ситуации сильного внешнего давления, оказываемого на российское общество и государство, различных кризисных явлений и стихийных бедствий. Об этом, в частности, свидетельствуют социальные последствия техногенных аварий и стихийных бедствий в различных российских регионах [1; 2], которые часто не удается предотвратить, несмотря на присутствующее во многих отчетах региональных и местных администраций «благополучие» и «готовность к кризисным ситуациям».

В связи с этим одна из основных проблем регионального управления, по-видимому, состоит не в том, чтобы полностью устранить региональное социально-экономическое неравенство и унифицировать развитие всех российских регионов, а в том, чтобы не допустить критических перекосов и диспропорций между регионами, следствием которых может стать либо рост социальной деградации и социальной напряженности, либо усиление сепаратизма. При этом, как показывает опыт целого ряда стран, сепаратизм может проявляться в двух формах. В относительно бедных и отстающих регионах сепаратистские движения нередко используют лозунг «Мы плохо

живем, потому что центр нас грабит, отделившись, мы станем жить лучше». В относительно богатых регионах сепаратистские силы делают акцент на том, что эти регионы «кормят» всех остальных, а отделившись, они будут еще больше процветать, так как «ни с кем делиться будет не нужно». Обе разновидности сепаратизма чаще всего игнорируют сложившуюся межрегиональную систему социальных и экономических связей, разрушение которой, как правило, чревато огромными издержками и потрясениями для всех.

Учитывая сложную ситуацию и вызовы, связанные с межрегиональным неравенством, важно выявить основные факторы неравномерного развития российских регионов и понять, какие из них поддаются регулированию на уровне регионального управления в ближайшие годы и десятилетия, а какие – нет.

В первом приближении основные факторы неравномерного развития регионов России и разной динамики их социальной модернизации можно классифицировать следующим образом: 1) природно-ресурсные факторы; 2) социально-демографические факторы; 3) инфраструктурные факторы; 4) экономические факторы; 5) исторические факторы; 6) культурно-цивилизационные факторы; 7) этносоциальные и этноконфессиональные факторы; 8) миграционные факторы; 9) геополитические факторы. Разумеется, такая классификация не является полной и окончательной, она выделяет лишь наиболее существенные факторы, определяющие различную динамику и различные тенденции развития российских регионов в современных условиях. При этом можно предположить, что природно-ресурсные и исторические факторы поддаются регулированию в минимальной степени (но их учет крайне важен для управления региональным развитием), культурно-цивилизационные, этносоциальные и геополитические факторы можно регулировать лишь в ограниченных пределах и с учетом сложившихся тенденций, а остальные факторы поддаются регулированию в большей степени. В данной статье основное внимание уделено историческим, культурно-цивилизационным и геополитическим факторам, поскольку они нередко остаются на периферии социологического и социально-политического анализа или же освещаются в недостаточной мере.

Целью данной статьи является оценка роли исторических, культурно-цивилизационных и геополитических факторов в социально-экономическом развитии российских регионов, а также общее определение рисков, связанных с неравномерностью регионального развития, межрегиональными социальными размежеваниями и межрегиональным неравенством. В качестве методологии исследования использованы сравнительный социально-политический анализ и подход к исследованию социальных размежеваний, предложенный С. Рокканом и С. Липсетом [16]. Этот последний подход, в частности, предполагает анализ социальных размежеваний между центром и периферией, а также между городом и селом, причем эти размежевания непосредственно связаны с межрегиональными различиями и межрегиональным неравенством.

Роль исторических факторов

Говоря о роли исторических факторов в социальной динамике и модернизации российских регионов, следует отметить, что несмотря на неоднократную перекройку границ регионов России в советский и постсоветский периоды, несмотря на процессы массовой миграции и урбанизации, другие социальные и экономические процессы, основные социально-экономические и культурные особенности каждого из регионов в той или иной мере воспроизводились вновь и вновь, хотя и в измененном, иногда значительно модифицированном виде. Если проанализировать различия в уровне модернизации российских макрорегионов, которые приводил в своих работах Н. И. Лапин [9], то окажется, что сходные или во многих отношениях подобные различия существовали также и в дореволюционный, и в советский периоды. В частности, Петербург, Москва и связанные с ними регионы Северо-Запада и Центра, на протяжении последних полутора веков по уровню социально-экономического развития и степени модернизации во многом превосходили регионы Сибири, Дальнего Востока, Севера, Северного Кавказа. В значительной мере это связано с тем, что в каждый последующий период российской истории экономическое и социальное развитие регионов, несмотря на все перевороты, пертурбации и политические катаклизмы, проводившуюся государством политику жесткой централизации, основывалось на результатах и достижениях предшествующих периодов. Кроме того, значительную роль в неравномерном развитии регионов России играли и продолжают играть природные условия, а также исторически сформировавшиеся социальные установки, ценности и традиции, которые не поддаются быстрым изменениям. Иными словами, наряду с прерывистостью социально-экономической динамики регионов России, существовала и существует также преемственность в их развитии.

Так, специфика регионов Юга, Центра, Севера России, сибирских и дальневосточных регионов, существовавшая в дореволюционный и советский периоды истории, во многом сохраняется и в настоящее время, причем каждый из регионов воспроизводит в новых условиях свои региональные исторически сложившиеся традиции, свою ментальность, свое отношение (нередко критическое) к Центру. В значительной мере воспроизводится исторически сложившееся социальное и культурное размежевание между Центром и периферией, на которое указывали С. Роккан и С. Липсет [16] и которое по-прежнему играет значительную роль в неравномерном развитии российских регионов.

Более того, история и связанная с ней историческая память часто оказывают немалое влияние на региональное развитие, хотя это влияние может быть весьма опосредованным. Так, в больших и малых городах, других поселениях во многих регионах России (например, в Вологодской, Архангельской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской областях, в Пермском крае, в Татарстане и Башкортостане) местные энтузиасты, как правило, работающие бесплатно, нередко обращаются к своей истории, к своим историческим корням, создают различные музеи, этнографиче-

ские, фольклорные и краеведческие экспозиции. Эти музеи и экспозиции гораздо позже включаются в официальную культурную инфраструктуру и используются для привлечения туристов, для сохранения и развития местных промыслов, а также для формирования «имиджа» региона. Во многих малых городах России существуют музеи народного быта, ремесел, фольклорно-этнографические музеи по типу крестьянской избы, музеи фольклорной направленности, например, музей Царевны-лягушки в г. Ростов Ярославской обл. или музей ложки в г. Нытва Пермского края [11]. Эти музеи и экспозиции призваны подчеркнуть историческое и культурное своеобразие данного малого города или региона.

При этом ключевая для российского государства и общества проблема сохранения исторических корней и преемственности исторической памяти во многих регионах, особенно в небольших поселениях и малых городах стоит весьма остро. Дело в том, что историческая память человека, которая во многом определяет региональную, национальную и цивилизационную российскую идентичность, начинается с истории своего места проживания, истории своей деревни, своего села, поселка, города. Жители многих деревень, сел, малых городов в России испытали на себе разрушительные последствия исторических и социально-политических пертурбаций и катаклизмов по крайней мере трижды. Первый раз во время коллективизации 1930-х гг., второй раз во время Великой Отечественной войны и третий раз в постсоветский период в результате сначала «шоковой терапии» и социальных последствий форсированной приватизации, а затем вследствие непродуманной политики «укрупнения» деревень, сел и малых городов, «оптимизации» здравоохранения и образования, а также в результате разрушения экологии и вмещающих ландшафтов. Отсюда вытекает необходимость при формировании региональной, государственной и цивилизационной идентичности вытекает необходимость не унифицировать социальную и культурную сферу, а сохранять и развивать местные и региональные особенности, исторические традиции, культурные памятники. Иными словами, вопреки технократическим и глобалистским представлениям, многообразие исторических, этносоциальных и культурно-цивилизационных особенностей российских регионов при правильной и взвешенной социальной политике является не слабостью, а силой России, позволяющей ей черпать ресурсы развития в региональных традициях, сохранять историческую преемственность и усиливать созидательную мотивацию людей.

Культурно-цивилизационные факторы и разнообразие регионов

Среди культурно-цивилизационных факторов, оказывающих значительное влияние на развитие и модернизацию российских регионов, следует особо выделять ценности, доминирующие представления граждан о месте своего региона в России и в мире, а также различные проявления региональной идентичности и регионального самосознания.

Культурно-цивилизационные факторы, о которых идет речь, тесно связаны с рассмотренными выше историческими факторами, но при этом доминирующие в данном регионе ценности, культурные нормы и проявления идентичности представляют собой особый феномен, который заслуживает специального анализа.

Практически в каждом российском регионе существуют свои культурно-цивилизационные особенности, своя местная и региональная идентичность, свои представления о месте и роли своего региона в жизни страны. Очевидно, что эти особенности по-разному влияют на развитие и модернизацию российских регионов, формируя неравномерность их развития, включая региональное культурное неравенство.

Кроме того, в связи с процессами информатизации и цифровизации возникают новые культурно-цивилизационные факторы, формирующие социальное, культурное и информационное неравенство между регионами, в том числе так называемые цифровое неравенство, цифровые разрывы (*digital divides*) и связанные с ними социальные размежевания. Цифровые разрывы представляют собой новый вид социальной дифференциации, связанный с различием возможностей граждан, организаций, социальных групп или целых регионов в доступе к современным информационно-коммуникационным (цифровым) технологиям и различным формам их использования. Цифровое неравенство базируется на социальном и экономическом неравенстве и, в свою очередь, усиливает их, что отмечается исследователями цифровой трансформации общества [12; 17]. Взаимосвязь цифрового неравенства и культурно-цивилизационных факторов, включая ценностные предпочтения и идентичность, проявляется в том, что жители разных регионов России имеют разные возможности доступа в интернет и в разной степени черпают информацию из социальных сетей и других интернет-ресурсов. Тем самым культурные, ценностные и другие представления о происходящем в России и в мире в разных регионах, в больших и малых городах, в сельской местности формируются и выражаются по-разному.

Культурно-цивилизационные факторы оказывают многоплановое воздействие на социально-экономическое развитие российских регионов. При этом культурно-цивилизационные факторы могут как ускорять, так и замедлять внедрение новых технологий и инноваций, повышать или, напротив, уменьшать эффективность функционирования новых технологий, социальных институтов и практик. Особо следует выделить крайне актуальную в современном мире проблему соединения традиций и инноваций, а также связанную с этим проблему сохранения культурного и социального разнообразия.

Дело в том, что *социальное и культурное разнообразие регионов, а также их самостоятельность – это необходимое условие социального и экономического развития*. Доведенные до определенного уровня унификация, стандартизация и нивелирование различий, игнорирование и слом региональных традиций, особенностей и инициатив ведут в итоге к серьезным провалам, к социальной аномии и апатии, а в итоге – к стагнации,

к социальным и политическим кризисам. Это происходит потому, что чрезмерная унификация приводит к деградации «точек роста», которые опираются на свои социальные и культурные особенности, на свои материальные и нематериальные ресурсы развития, в том числе на инициативы местных и региональных сообществ. В частности, чрезмерная стандартизация в жизненно важных для жителей российских регионов сферах (образовании, здравоохранении, экологии, социально-экономической деятельности) ведет к оттоку населения и депопуляции [3]. В случае сегодняшней России с ее исторически укоренившимися тенденциями «сверхцентрализации», формализации и бюрократизации существуют серьезные риски подавления сначала развития локальностей (малых городов, поселков, деревень), затем разнообразия и развития российских регионов, и, наконец, стагнации развития страны в целом. Эти тенденции и связанные с ними риски нельзя преуменьшать, их нужно внимательно отслеживать и анализировать.

В России, как и во многих других странах, весьма остро стоит вопрос об обуздании хищнических и разрушительных форм хозяйствования крупных корпораций и бизнес-структур, нацеленных на быстрое извлечение прибылей, не считаясь с последствиями для общества и государства. Более того, налицо довольно частое нарушение «пришлыми» предпринимателями и корпорациями федерального и регионального экологического законодательства, незаконная вырубка лесов, незаконное строительство разных объектов вблизи рек и других водоемов и их загрязнение, различные техногенные катастрофы, выбросы вредных веществ и т. п. Все это свидетельствует о крупных пробелах в управлении и законодательстве на местном, региональном и федеральном уровнях.

В этом плане крайне важной и во многих отношениях первостепенной представляется упомянутая выше проблема органичного сочетания культурно-цивилизационных традиций и инноваций. Эта проблема стоит на всех уровнях – от местного и регионального до общегосударственного и глобального. Существует целый ряд стран, где традиции и инновации успешно сочетаются на региональном и на общегосударственном уровне, обеспечивая тем самым успешное экономическое и социальное развитие: такими странами являются, например, весьма разные по культуре и традициям Швейцария, Ирландия, Китай, Япония, Республика Корея. В современной России примерами более или менее успешного и относительно эффективного сочетания традиций и инноваций могут служить Краснодарский край и Республика Татарстан. Так, в Краснодарском крае довольно активно развивается «казачья экономика», производящая значительное количество сельскохозяйственной продукции и при этом успешно сочетающая традиции казачьего общества с социальными и технологическими инновациями [13]. В Татарстане ускорение экономического и социального развития во многом происходит за счет развития агломераций, сочетающих традиционные ценности, ведущую роль региональных органов власти и инновационный «креативный капитал» [7]. В то же время и в этих регионах существуют социальные размежевания и противоречия, связанные с неравномерным развитием локальностей внутри регионов.

Таким образом, культурно-цивилизационное разнообразие российских регионов в случае успешного сочетания традиций и инноваций является важным и необходимым ресурсом развития страны в целом. Для этого необходимо обеспечить условия для неконфронтационного, согласованного взаимодействия региональных традиций, ценностей и предпочтений с необходимыми новшествами, технологиями, элементами социальной и экономической модернизации. Эта задача является весьма сложной, требующей постоянного внимания не только региональных, но и центральных органов власти; однако только в случае ее решения развитие и модернизация российских регионов могут быть долговременными, устойчивыми и по-настоящему эффективными.

Роль геополитических факторов в региональном развитии

Говоря о геополитических факторах неравномерного развития российских регионов, следует обратить внимание, во-первых, на существенные и вполне очевидные особенности развития приграничных регионов, и, во-вторых, что еще более важно, на влияние общей геополитической ситуации в мире на региональную динамику внутри России. Обе эти составляющие геополитического воздействия на развитие регионов могут переплетаться и давать кумулятивный эффект.

Особенности неравномерного развития приграничных регионов по сравнению с другими регионами России состоят в том, что приграничные регионы испытывают значительное влияние соседних стран, в том числе постсоветских. Это влияние осуществляется через значительные миграционные потоки, приграничную торговлю и другие формы экономического сотрудничества, туризм, культурные связи и так далее, что создает в приграничных российских регионах особую социальную, экономическую и культурную ситуацию, определяет те или иные формы и темпы их развития [5]. Такое влияние геополитических факторов создает определенную, иногда серьезную неустойчивость и неравномерность во времени (наличие подъемов и спадов) социального и экономического развития приграничных регионов, его зависимость от изменения отношений России с соседними странами. Примером изменения отношений с соседними странами может служить обострение отношений РФ с Литвой, Латвией, Эстонией, Украиной, Финляндией, которое повлияло на приграничную торговлю и транзит, на туризм и на безопасность населения российских приграничных регионов. Так, из-за различных запретов и затруднений транзита через территорию Литвы в Калининградскую область России пришлось ввести в действие морской паром. После начала СВО Белгородская, Брянская, Курская, (в некоторой мере и Ростовская) области по существу стали прифронтовыми регионами, что в заметной мере сказалось на их социальном и экономическом развитии. Еще в большей мере это относится к новым российским регионам – Донецкой и Луганской Народным Республикам, Запорожской и Херсонской областям.

Что касается влияния общей геополитической обстановки на развитие российских регионов, то, помимо конфликтной ситуации на территории Украины и общего обострения отношений России с западными государствами, происходящее изменение геополитической и связанной с ней геоэкономической ситуации весьма значительно воздействует как на развитие России в целом, так и на региональную динамику. Россия, которая географически расположена и в Европе, и в Азии, граничит со множеством стран, испытывает постоянное воздействие со стороны дружественных и недружественных государств, а общая геополитическая ситуация в мире заметно влияет на ситуацию в регионах, на перспективы и возможности их развития. В настоящее время в мире происходят глобальные геополитические и экономические сдвиги, состоящие в постепенном перемещении центра мирового экономического и политического развития с Запада на Восток, из Северной Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Усиливаются экономические и культурные связи России с Китаем, Индией, другими азиатскими странами, а также с целым рядом государств Африки и Латинской Америки. Кроме того, в связи с постепенно происходящим усилением роли Северного морского пути и освоением ресурсов Арктики возрастает значение Крайнего Севера. Эти глобальные геополитические и геоэкономические сдвиги уже оказывают и будут оказывать в дальнейшем значительное воздействие на развитие российских регионов. Так, регионы Крайнего Севера и Дальнего Востока получают дополнительные стимулы и ресурсы для своего развития, постепенно произойдет определенный перенос центра тяжести экономического и социального развития из европейских регионов России в регионы Крайнего Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. В известной мере это может уменьшить существующие значительные социальные и демографические диспропорции в развитии европейских и азиатских регионов России. Однако для преодоления этих диспропорций потребуются значительные финансовые вложения и весьма грамотная, тщательно продуманная социальная и экономическая политика и со стороны Центра, и со стороны регионов.

К выводам

Обобщая, можно констатировать, что на неравномерное развитие российских регионов оказывает влияние множество различных факторов, среди которых весьма значительную роль играют природно-ресурсные, социально-демографические, исторические, инфраструктурные, экономические, культурно-цивилизационные и геополитические. Неравномерность, значительные различия и неравенство в социально-экономическом развитии регионов России обусловлены сочетанием и взаимодействием целого ряда факторов, которые необходимо учитывать при разработке и практической реализации региональной политики. Подобное взаимодействие разных факторов в случае каждого конкретного региона создает свои особые ключевые, наиболее острые социальные проблемы и риски. В частности,

для республик Северного Кавказа крайне острой и критически важной является проблема молодежной безработицы, которая, в свою очередь, тесно связана с воздействием социально-демографических, экономических и культурно-цивилизационных факторов. Для многих других российских регионов весьма острыми являются проблемы качественного образования и здравоохранения, экологии, а также миграционные и этносоциальные проблемы.

В связи с этим внимание региональных властей, а также активных групп местных сообществ должно быть сосредоточено на том, чтобы своевременно реагировать на ключевые, наиболее острые проблемы и не допускать их радикализации и политизации, перерастания в социально-политические конфликты. К числу таких проблем и связанных с ними рисков относятся, например, те проблемы социального неравенства, которые осознаются местными жителями как сугубо несправедливые, прежде всего упомянутые проблемы недоступности для многих жителей региона качественного здравоохранения и образования, экологические проблемы. Отдельной проблемой является преступность, также резонансные ситуации, связанные с межэтническими отношениями, с отношениями между местным населением и недавно прибывшими мигрантами, демографические проблемы.

В то же время насильственная унификация и нивелирование исторических, культурно-цивилизационных, геополитических различий между регионами России весьма опасны. Есть основания полагать, что они ведут к стагнации, поскольку именно социальное и культурное разнообразие является необходимым условием устойчивого социального, экономического и политического развития регионов нашей страны. Чрезмерная унификация, стандартизация и сверхцентрализация неизбежно приводят к деградации потенциальных «точек роста», которые формируются на основе местных и региональных традиций и ценностей, в том числе в сфере образования, культуры, сохранения исторической памяти.

В итоге можно констатировать, что региональная политика в современной России должна быть направлена на сочетание процессов необходимой, но ограниченной и регулируемой унификации, с одной стороны, и социального, экономического, культурно-цивилизационного разнообразия, с другой, а также на обеспечение необходимого баланса интересов федерального Центра и регионов, на эффективное взаимодействие существующих традиций и необходимых инноваций. Эти задачи в ситуации противостояния России с западными государствами на фоне происходящих глобальных процессов изменения миропорядка являются весьма сложными и многоплановыми. Тем не менее, только их решение может обеспечить устойчивое развитие страны на региональном и федеральном уровнях, создать возможности для более полноценной и органичной модернизации России. Как ни парадоксально, некоторые условия для этого возникают в результате жесткой санкционной политики стран Запада, поскольку в этой ситуации возникает острая потребность в развитии реальной экономики (промышленности и сельского хозяйства) на существующих и вновь строящихся предприятиях, в том числе в малых и средних городах

России, а также в сельской местности. В сложившихся геополитических условиях развитие реального сектора экономики, в свою очередь, создает возможности для более сбалансированного регионального развития, для преодоления диспропорций в развитии европейских и азиатских регионов России, для более эффективного использования человеческих и природных ресурсов российских регионов. Использовать эти возможности – одна из насущных потребностей развития России.

Научные перспективы работы в этом направлении состоят в исследовании конкретных изменений социального поведения жителей различных российских регионов под влиянием происходящих технологических, социальных, экономических и культурных сдвигов, а также в разработке научно обоснованной методики прогнозирования кризисных ситуаций и вероятных социальных конфликтов на региональном уровне.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Магистральный газопровод в приграничном районе. (Местная политика добывающей корпорации и согласование интересов социальных групп) // История и современность. 2009. № 1. С. 73–92. EDN: KCKWAZ.
2. Аксенова О. В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 9–17. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6192; EDN: YZPVDV.
3. Аксенова О. В. Парадоксы территориально-пространственного развития России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 48–58. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.2; EDN: CJRKWA.
4. Белькина А. С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 246–248. EDN: UYFQRH.
5. Бийжанова Э. К. Малый город в приграничном регионе России: социокультурные и социально-экономические проблемы // Журнал БелГУ. Социология. 2022. № 3. С. 103–108. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-103-108; EDN: OWKEGJ.
6. Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 5. С. 56–68. EDN: VCVDKJ.
7. Бусыгина И. М., Сагитова Л. В. Агломерации, кластерная политика и экономический рост в России (случай Республики Татарстан) // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 5–14. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-5-14; EDN: BETKNM.
8. Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10. EDN: TLPTBT.

9. Лапин Н. И. Дистанции между состояниями модернизированной макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 5. С. 61–71. EDN: UTEWXB.
10. Лапин Н. И. Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016. 360 с. EDN: YRJCSX.
11. Мазур Л., Граматчикова Н., Прямикова Е., Веселкова Н. Музеи малых городов России и культуры памяти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1852–1867. DOI: 10.15826/qr.2022.5.765; EDN: QVKXPK.
12. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: h10.14515/monitoring.2021.1.1807; EDN: ZMNKKY.
13. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Традиции и инновации в политике развития сельских территорий России: потенциал казачества // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 5. С. 66–87. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05; EDN: KYSTFW.
14. Растворцева С. Н., Усманов Д. И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. 260 с. EDN: TYQWJJ.
15. Ferguson N. *The Great Degeneration: How Institutes Decay and Economies Die*. L.: Penguin Books, 2014. 174 p.
16. Lipset S. M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction* // Lipset S. M., Rokkan S. (eds) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. N. Y.: Free Press, 1967. P. 1–64.
17. Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge, Medford: Polity Press, 2020. 208 p.

Получено редакцией: 7.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12

Main Factors of Uneven Development Among Russian Regions

Vladimir I. Pantin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: v.pantin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4218-4579

For citation: Pantin V. I. Main Factors of Uneven Development among Russian Regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 219–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFWS.

Abstract. The article explores the primary factors contributing to the uneven social development of regions in Russia, providing a general classification. It pays particular attention to the influence of historical, cultural-civilisational, and geopolitical factors on the development and modernisation of Russian regions. This includes regional traditions, ethno-social and cultural specificities, and an analysis of how all these factors impact regional dynamics.

The study illustrates that disparities, significant differences, and inequalities in the socio-economic development of Russia's regions are a result of the combination and interaction of multiple factors that require consideration when formulating and implementing regional policies. The interaction of different factors in each specific case creates key and acute social problems and risks for that region. Therefore, regional authorities and active local community groups must focus on timely responses to prevent the radicalisation and politicisation of these problems, preventing them from escalating into social-political conflicts.

Among such problems and associated risks are issues of social inequality perceived by local residents as fundamentally unjust. These include challenges related to the lack of access for many inhabitants to quality health-care and education, as well as ecological problems. Additionally, concerns arise regarding interethnic relations, particularly between local populations and migrants arriving from other states, along with demographic challenges.

However, the concerted efforts of regional authorities and concerned citizen groups at the grassroots level alone cannot entirely solve the key problems of a region. This demands close cooperation and the pooling of efforts from local communities, regional, and central authorities. Presently, in Russia, such collaboration and concerted efforts across different levels are implemented only fragmentarily and far from being adequate. Consequently, it is concluded that to ensure social stability in Russian regions, regional and local authorities need to consider the interests of local communities and their initiatives for development. This includes areas such as culture, preserving and developing local traditions, education, regional studies, local and regional identity, historical memory, and ecology.

Moreover, it is crucial to prevent the gross destruction of natural and social environments and the predatory use of natural and human resources in Russian regions by large corporations, holdings, and financial structures. The author concludes that while devising and implementing any projects for socio-political and economic development, it's essential to consider both the general civilisational specifics of Russia and the peculiarities of development within regional and local communities. Ignoring these aspects could lead to irreversible damage to the social environment and the degradation of fundamental social, cultural, and value structures within Russian society.

Keywords: Russia, sociology, regions, socio-economic development, unevenness, historical factors, cultural-civilisational factors, geopolitical factors, state, local communities

References

1. Aksenova O. V. Magistral'nyi gazoprovod v prigranichnom rayone. (Mestnaya politika dobyvayushchei korporatsii i soglasovanie interesov sotsial'nykh grupp) [Gas main in the frontier region (Local policy of the extractive corporation and agreement of social groups' interests)]. *Istoriya i sovremennost'*, 2009: 1: 73–92 (in Russ.). EDN: KCKWAZ.
2. Aksenova O. V. Strategy of Russian regional development. *Vlast'*, 2019: 27: 1: 9–17 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6192; EDN: YZPVDV.
3. Aksenova O. V. Paradoxes of territorial and spatial development of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2022: 6: 48–58 (in Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.2; EDN: CJRKWA.
4. Belkina A. S. Social and economic inequality of Russian regions: the ways of solving the problem. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2015: 3: 246–248 (in Russ.). EDN: UYFQRH.
5. Biyzhanova E. K. Small town in the border areas of Russia: socio-cultural and social and economic problems. *Zhurnal BelGU*, 2022: 3: 103–108 (in Russ.). DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-103-108; EDN: OWKEGJ.
6. Bondarenko N. E., Gubarev R. V. The problem of regional inequality in social and economic development of the Russian Federation. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova*, 2020: 17: 5: 56–68 (in Russ.). EDN: VCVDKJ.
7. Busygina I. M., Sagitova L. V. Agglomerations, cluster policy and economic growth in Russia (case of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Permskogo un-ta. Politologiya*, 2020: 14: 2: 5–14 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-5-14; EDN: BETKNM.
8. Lapin N. I. Actual theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 1: 5–10 (in Russ.). EDN: TLPTBT.

9. Lapin N. I. Distances between modernization states in Russian macroregions and their civilizational meaning. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015: 5: 61–71 (in Russ.). EDN: UTEWXB.
10. Lapin N. I. Atlas of Russian modernization and its regions: social and economic and socio-cultural tendencies and problems. Moscow, Ves' Mir, 2016: 360 (in Russ.). EDN: YRJJCJX.
11. Mazur L., Gramatchikova N., Pryamikova E., Veselkova N. Russian town museums and cultures of memory. *Quaestio Rossica*, 2022: 5: 1852–1867 (in Russ.). DOI: 10.15826/qr.2022.5.765; EDN: QVKXPK.
12. Martynenko T. S., Dobrinskaya D. E. Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic divide. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021: 1: 171–192 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807; EDN: ZMNKKY.
13. Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Traditions and innovations in development policy of rural territories in Russia: the potential of Cossacks. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023: 5: 66–87 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05; EDN: KYSTFW.
14. Rastvortseva S. N., Usmanov D. I. Estimation of globalization factors' influence on social and economic inequality of regions in Russia. Belgorod, KONSTANTA, 2015: 260 (in Russ.). EDN: TYQWJJ.
15. Ferguson N. *The Great Degeneration: How Institutes Decay and Economies Die*. London, Penguin Books, 2014: 174.
16. Lipset S. M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. Ed. by S. M. Lipset, S. Rokkan. New York, Free Press, 1967: 1–64.
17. Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge, Medford, Polity Press, 2020: 208.

The article was submitted on: July 7, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Pantin, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

РЕГИОНЫ РФ: ТОЧКИ РОСТА И ДИСПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.13

EDN: SQIEYG

Малые города: итоги борьбы двух позиций¹

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С. Малые города: итоги борьбы двух позиций // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 234–250. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.13; EDN: SQIEYG.

For citation: Shirokalova G. S. Small Cities: Results of The Struggle Between Two Positions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 234–250. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.13; EDN: SQIEYG.

AuthorID ПИНЦ: 497528

Широкалова Галина Сергеевна^{1,2}

¹Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

²Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

Аннотация. В статье анализируются причины миграции жителей российской провинции в мегаполисы. Среди них – сокращение/изменение рынка труда в малых городах и в сельской местности. Разрушение СССР привело к деиндустриализации. Выросли масштабы отходничества в территории газо- и нефтедобычи и столичные города. Дополнительным фактором стали значимые региональные отличия в зарплатах, что проявляется даже в размере минимальной оплаты труда (МРОТ), от которого рассчитываются многие начисления и пособия. Например, в Москве в 2023 г. он составляет 24801 руб., а в Ярославской области 16242 руб.² Формирование «экономики услуг» в форме «экономики слуг» (охрана, клининг, купля-перепродажа, общепит, доставка еды, репетиторство и др.), часто дающей хороший заработок, но не требующей специальных знаний, еще один фактор роста миграционных потоков жителей периферии. Обезлюживание Центральной России, Сибири, Северов, Дальнего Востока, утрата продовольственной безопасности потребовало от государства разработки планов территориального развития страны.

Рассматриваются две концепции развития, характеризующие дискурсивное поле пространственной инфраструктуры страны. Первая опирается на экономическую эффективность вложений в агломерации и убыточность поддержки малых поселений. Аргументация его сторонников наиболее четко изложена Э. С. Набиуллиной в 2011 году, когда она зани-

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

² Справочная информация: «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) \ КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291114/ (дата обращения 06.08.2023)

мала должность Министра экономического развития РФ. Данная концепция продолжает традиции, заложенные «младореформаторами» в 1990-х годах: перспективно то, что дает быстрый доход и уменьшает затраты.

Вторая концепция основывается на анализе функций малых городов, как элементов не только экономической, но и геополитической, внутривнутриполитической, географической, социальной инфраструктуры. Особое внимание в статье уделяется работам ученых из смежных наук: географам, экономистам, что позволяет получить более системное представление о роли/месте малых городов в социально-экономическом пространстве страны.

Ключевые слова: малые города, пространственная инфраструктура России, урбанизация, экономика, социальные процессы.

Процесс урбанизации изучался вначале за рубежом, позднее в России с момента формирования промышленных центров. Методология и содержание основных современных исследований, посвященных этой теме, проанализированы в монографии «Малые города в социальном пространстве России», подготовленной ФНИСЦ РАН в 2019 [9], что позволяет нам не останавливаться на обзоре работ социологов. Проблемы территориальных особенностей населенных пунктов регулярно поднимаются в научных публикациях, что свидетельствует о востребованности исследований в Федеральных округах России [7, с. 330–335; 8, с. 144–167].

Урбанизация – объективный процесс социально-экономического развития любой страны, вызванный новыми технологическими укладами, требующими изменения структуры занятости. В России он шел особенно интенсивно в XX веке. В 1914 г. доля городского населения составляла в границах Российской Империи 18%, в современных границах РФ – 17%. В 1939 г., 33% горожан и 67% селян, в 1958 г. 51% и 49%, в 2023 г. 75% и 25%. соответственно¹. Увеличение доли горожан происходило, в том числе, за счет миграции сельских жителей в развивающиеся города, что изменяло структуру занятости, отношение к труду, уровень образования, бытовую культуру, менталитет как потомственных, первопоколенных горожан, так и новых мигрантов. На первых этапах переселение чаще шло в близлежащие более крупные населенные пункты, позднее приоритетными стали столичные города.

Согласно переписи 2021 г. в 1117 городах России проживает 74,8% населения страны (в 2010 году – 73,5%)². Большинство из них – малые города (799), среди которых 458 имеют менее 20 тысяч жителей, а 50 – менее 5 тысяч³. В 2022 г. в РФ насчитывалось 145 муниципальных образо-

¹ Общая численность населения России по годам с 1897 по 2023 (Таблица). URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/782-obshchaya-chislennost-naseleniya-rossii> (дата обращения: 03.08.2023).

² Росстат представил предварительные цифры о численности населения в регионах страны по данным Всероссийской переписи населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784> (дата обращения: 26.10.2023).

³ Малые города в России. URL: <https://города-россия.рф/reytin-cities.php?name=малые> (дата обращения: 26.10.2023).

ваний с рисками ухудшения социально-экономического положения; в списке был 21 средний город и ни одного крупного города¹. То есть доля малых муниципальных образований, центром которых является малый город, находящихся в критическом положении составляет 15,5%.

Внутренняя миграция из села во время пандемии несколько уменьшилась, но не поменяла главного направления (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Внутренняя миграция населения России, чел.²
Internal migration of the Russian population, persons

Миграция/год	2019	2020	2021	2022
Из села в город	907 974	770 923	811 027	753 181
Из города в село	844 369	730 213	754 902	702 794
Из села в село	362 670	316 598	334 972	316 799

Превращение страны в «территорию риска» заставляет жителей искать анклав, где в большей или меньше степени, но можно удовлетворить потребности, соответствующие их представлению о достойном/приемлемом образе жизни.

В монографии «Малые города в социальном пространстве России» проанализировано нарастание основных проблем, обуславливающих миграцию социально активных жителей из малых городов: износ основных инженерно-бытовых коммуникаций, разрушение инфраструктуры образования, здравоохранения, культуры спорта, жилищные условия жизни населения, качество городской среды, определяющих условия развития человеческого капитала [9, с. 21, 22]. Поэтому естественно стремление власти в условиях «оптимизации» ресурсов обосновать такую модель пространственного развития Российской Федерации, которая бы сократила расходы на содержание неперспективных населенных пунктов. С сельской местностью это было сделать проще: малочисленность населения, его демографический состав и наличие огородов снижало/снижает политическую/социальную остроту проблемы.

В результате из-за разрушения отечественного АПК по данным переписи 2022 г. в РФ 24751 сельский населенный пункт без населения и еще 23501 поселений, где проживает 5 и менее человек, чаще пожилого возраста³. На первый взгляд, жизненный цикл малых городов не связан с сель-

¹ Муниципальные образования, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>. на 1 января 2022 г. (дата обращения: 26.10.2023).

² Внутророссийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам) 112.67 Кб, 22.09.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#:~:text=%D0%92%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE,112.67%20%D0%9A%D0%B1%2C%2022.09.2023> (дата обращения 26.10.2023).

³ Росстат – Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения 26.10.2023).

скими поселениями, но это ошибочная позиция: не стало сырья – закрылись предприятия в городах. Не случайно эксперты называют условием возрождения малых городов восстановление молокозаводов, хлебозаводов, кожевенного производства, льнопереработки... [9, с. 60]. Эта взаимосвязь позволяет диверсифицировать, увеличивать занятость в сельской местности, в малых городах не только в АПК, но и в социальных сферах в связи с увеличением числа жителей в муниципальных округах, поскольку все нормативы инженерной и социальной инфраструктуры опираются на количественные показатели.

Критическое положение пространственной инфраструктуры страны результат не только серии объективных внешних и внутренних часто непредсказуемых факторов, но и выбора стратегической концепции развития, предлагаемой разными акторами, среди которых политики и ученые. В данном случае это две концепции пространственного развития России.

Позиция первая: приоритет городам-миллионникам

8 декабря 2011 г. министр экономического развития РФ Э. С. Набиуллина (с 2007 по 2012 г.) на пленарном заседании Московского Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов», посвященном обсуждению новых решений в области градостроительства, экономического хозяйства и социальной политики, предложила концепцию приоритетного развития мегаполисов России.

Вывод о том, было ли это выступление научным прорывом экономической мысли, задающим новую эффективную парадигму развития российских территорий, или «вбросом» в рамках «идеологического противостояния, информационной войны» экономического мифа, цель которых, согласно оценке д.э.н. С. Г. Ковалева, «завуалирование действительности в интересах определенных социальных страт» [4, с.237], предложим сделать познакомившись с результатом реализации постулатов, прозвучавших в докладе. Аргументы Э. С. Набиуллиной были ожидаемы, поскольку основывались на либеральной доктрине, господствующей в России с конца 1980-х гг. Перечислим их.

- Рост уровня урбанизации в развитых странах. Например, в США доля городского населения составляет 80%.
- Согласно исследованию McKinsey, 600 крупнейших городов мира создают более половины ВВП мира, а в 2025 г. их доля в экономике планеты приблизится к 60%.
- В России 20 крупнейших городов страны формируют 50% ВВП, и тенденция к росту их удельного веса сохранится.
- Миграционный переток из малых городов в большие – основной миграционный тренд, который надо учитывать в экономической, демографической, инфраструктурной и социальной политике.

- За три волны индустриализации сформировалась избыточная сеть малых и средних городов, прежде всего – моногородов, которых насчитывается около 400.
- Сохранение экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить 2–3% экономического роста.
- Качество городской среды формирует человеческий капитал, определяющий успешность инновационного развития страны и привлечение квалифицированной иностранной силы.
- Крупные города более экономически эффективны и устойчивы, поэтому приоритетным должно быть их развитие. В частности, для того, чтобы в ближайшие 20 лет они были готовы принять 15–20 млн человек из малых городов.

Исходя из озвученных тенденций, Э. С. Набиуллина предложила развивать 12 мегаполисов-миллионников и гиперцентрализованную Москву по примеру зарубежных стран. И хотя в конце доклада отмечалось, что «чистой модели не будет» и «Правительство сейчас работает над поручением Президента об определенной децентрализации региональной политики страны, о перераспределении полномочий в пользу регионов»¹, специалисты восприняли заявление как приговор малым поселениям России.

Поддержал позицию Э. С. Набиуллиной мэр Москвы С. С. Собянин, заявив, что крупные города – это не обуза для экономики, поглощающая «массу бюджетных ресурсов», а драйверы «развития национальных экономик»². При этом он не упомянул об особенностях налоговой базы в России, сосредотачивающей доходы в Москве и С.-Петербурге, а не на территориях, осуществляющих реальное производство. Совпадение взглядов министра и мэра столицы означало, что участникам Форума представлено не частное мнение двух участников, а концепция урбанистической политики государства. Выступление соответствовало принятой 17.11.2008 г. «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», которая готовилась в процессе разработки «Стратегии 2020» – социально-экономической стратегии России на период до 2020 года, разработанной группой ученых под руководством Я. И. Кузьмина, В. А. Мау.

Напомним, с конца 1980-х гг. разработка программ будущего политического, социально-экономического развития страны зачастую основывалась на противопоставлении советского и зарубежного опыта. Критикуя территориальное расселение в России, директор Института про-

¹ Министр Э. С. Набиуллина выступила на пленарном заседании Московского Урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов». URL: https://web.archive.org/web/20160312122200/http://economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004 (дата обращения 03.08.2023).

² Башкатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета, 09.12. 2011 г. URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html (дата обращения 03.08.2023).

движения инноваций Общественной палаты РФ, доктор искусствоведения В. Л. Глазычев писал: «Войны, революции, коллективизация, индустриализация и ГУЛАГ, перемещение промышленности на восток в годы войны, освоение целины и послевоенные стройки – казалось бы, от модусов сознания полуторавековой давности не должно остаться и следа. Но этот след есть, и он ощутим, в чем, к собственному изумлению, убедились коллеги, работавшие по проекту Всемирного банка» [3, с. 11].

Ссылка на Всемирный банк не случайна: под его руководством разрабатывались стратегии для всех отраслей России. К тому же, европоцентристская ориентация российской науки имеет объективные исторические причины. В. Л. Глазычев много лет изучал пространственное расселение в странах Запада и пришел к выводу: «... объективный процесс всеобщей урбанизации неумолим», а переезжающие в малые поселения – маргиналы. «Городской является расширяющаяся в габаритах среда формально загородных поселков. Интенсивное животноводство и огородничество делят с пригородными жилыми массивами территории с радиусом до сотни километров, они стали уже частью городской цивилизации. Благодаря Интернету и глобальным системам навигации любая точка земного пространства уже ввязана в единую информационную сеть, в пределах которой географическое положение этой точки играет существенно меньшую роль, чем когда-либо ранее» [3, с. 7–8].

В эти годы получает развитие идея сельхозпроизводства в самих мегаполисах. Сады и огороды промышленного масштаба, а затем и животноводческие фермы, предлагается размещать не только на окраинах, но и в центрах городов [2]. Этот модный тренд вообще ставил под сомнение необходимость развития сельских территорий. К месту заметим, что в 1970-х гг. пробные вертикальные башни-теплицы в качестве эксперимента для учебных хозяйств были построены в СССР¹, но, в конечном счете, оказались неэффективны

Однако и среди сторонников курса на расширение мегаполисов были сомнения в том, что он будет реализован в соответствии с достижениями современной науки и практики проектирования территории: любая политическая стратегия в большей или меньшей степени должна опираться на знание реальных процессов, отраженных в статистических данных и их научном осмыслении. Будучи со-руководителем Экспертной группы «Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика» по обновлению Стратегии–2020, В. Л. Глазычев дал обстоятельную критику проектатерриториального развития и назвал «барьеры», которые стали причиной подготовки некачественного документа–интеллектуальные, технологические и профессиональные: логическая противоречивость текста; неадекватность и скудость статистических данных, необходимых для аналитической работы; отсутствие компетентных специалистов в стране и в министерстве; отключение от ее разработки практиков из регионов и др. [3, с. 200–207]. К вопросу о формальном подходе к разработке планов

¹ Муравьева М. В. Городское вертикальное фермерство. URL: http://agroforsait.ru/wp-content/uploads/2020/08/1_2018-весь-75-100.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

развития территорий из-за желания инвесторов удешевить строительство, низком профессионализме чиновников и их формальной заинтересованности в преодолении противоречия между «двумя Россиями в одной стране» Глазычев возвращается неоднократно [3, с. 396]. Он, кстати, признавал, что «одиноким» небольшие города России все же нужны в силу геополитики, например на арктических территориях, а так же для сохранения уникального культурного пространства, как малый город Мышкин.

Научные труды оставались за пределами общественного внимания, а выступление Э. С. Набиуллиной не прошло незамеченным. В аналитической статье по итогам упомянутого Форума А. Башкатова констатировала: «За красивыми формулировками скрывается крайне неприглядная суть: государство решило снять с себя ответственность за поддержание на должном уровне жизни в малых городах. И это будет сродни социальной катастрофе, ведь уход государства предполагает, что может быть прекращено финансирование школ, больниц, полиции, коммунальных структур, транспортных объектов»¹.

Статья А. Башкатовой была перепечатана Российским союзом промышленников и предпринимателей, Союзом малых городов РФ, получила резонанс в социальных сетях, в научных публикациях, в оценках руководителей регионов. Министра обвиняли в политической ангажированности, профессиональной некомпетентности, неадекватности оценки ситуации, отсутствии всестороннего анализа общественных процессов.

Позиция вторая: малые города – каркас России

Пожалуй, первым всесторонне оценил позицию Э. С. Набиуллиной доктор географических наук, заместитель директора Института географии РАН А. А. Тишков. Опыт практической работы и участие в разработках многих законопроектов, связанных с физической географией, экологией и др. позволяли ему давать панорамные оценки последствий принимаемых решений. Обращение к мнению профессионалов в областях, на первый взгляд, не имеющих прямого соприкосновения с социологией, выявляет новые ракурсы и аргументы. Поэтому воспользуемся возможностью оценить проблему, представив мнение специалистов из смежной сферы.

А. А. Тишков назвал ряд «точек риска» при реализации доктрины, предложенной Минэкономразвития. Прежде всего, он высказал обеспокоенность тем, что «в стране появилась порочная тенденция тяготения своим пространством»². Действительно, корни ее глубоки. Вспоминается выступление по ТВ популярного в конце 1980-х гг. журналиста В. Н. Листьева после его многочасового полета на восток: «Зачем нам такая большая

¹ Башкатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета, 09.12. 2011 г. URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html (дата обращения: 03.08.2023).

² Что думают по этому поводу руководители малых городов и районов России. URL: <http://magbvt.ru/files/mneniya.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

страна?». Но поскольку после разрушения СССР добровольный отказ от территорий, входивших в РСФСР, был политически неприемлем, появились иные проекты – поощрение миграции в РФ, прежде всего китайцев¹. Несмотря на критику², такая установка была популярна и в научных кругах как современное решение проблемы развития территорий с позиций «граждан мира». Например, предложения поселить в Сибири на неосвоенных землях миллионы китайцев высказывал д.филос.н., проф. А. К. Зайцев. На вопрос: какими средствами он планирует удерживать 100 млн на жестко очерченной им территории, я не получила от него ответа. Естественно, ведь таких рычагов нет. Позднее он разрабатывал концепцию «Россия – Ноев ковчег», смысл которой в то время сводился к соединению «мозгов цивилизованных народов с руками аборигенов» [17]. Иллюзии по поводу мигрантов как чудо-средства решения российских проблем и мало контролируемая миграция привели к тому, что в 2023 г. секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев был вынужден признать, что «Масштабный приток трудовых мигрантов из других государств также несет серьезные риски роста преступности, возникновения конфликтов на этнической и религиозной почве, массовых беспорядков, способствует повышению напряженности среди коренного населения», в связи с чем нужно ужесточение законодательства³. Но у граждан стран СНГ есть хотя бы остатки памяти о совместной жизни в большой стране, а чем грозит утверждение проекта создания 30 поселений для африканцев в Тверской области – обезлюженном центре исторической России – никто не просчитывал. Оценки же данной новации противоположны⁴.

Во-вторых, А. А. Тишков напомнил, что «Есть реальный сектор экономики, а есть финансовый. В больших городах часто нет развития материального сектора экономики. В основном это кручение денег вокруг некоторой оси. В малых городах как раз и сосредоточено материальное производство. Там нет бирж и банков»⁵. На наш взгляд, здесь верно обозначена латентная мотивация лоббистов первой концепции: бизнесу проще осваивать проекты там, где есть готовая инфраструктура для финансовых операций, в «мелких поселениях» их нет.

¹ Жанна Зайончковская: Перед лицом иммиграции | VIPERSON. 12 марта 2007. URL: <https://viperson.ru/articles/zhan-na-zayonchkovskaya-pered-litsom-immigratsii> (дата обращения: 2.08.2023).

² Проповедь «ползучей оккупации». Завлаб Зайончковская предлагает заселить в Россию миллионы китайцев (2002) ~ Проза (Статья). URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1163674/> (дата обращения: 03.08.2023); Россия не должна быть проходным двором – Пятый – 8 августа – 43739389371 – Медиаплатформа МирТесен//<https://s30623888749.mirtesen.ru/blog/43739389371/Rossiya-ne-dolzha-byit-prohodnyim-dvorom> (дата обращения: 03.08.2023).

³ Патрушев заявил, что масштабный приток трудовых мигрантов несет риски роста преступности – ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/12779111> (дата обращения: 26.10.2023).

⁴ Утвержден проект заселения российских деревень африканцами – МК. URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/08/10/utverzhden-proekt-zaseleniya-rossiyskikh-dereven-afrikancami.html> (дата обращения 26.10.2023).

⁵ Что думают по этому поводу руководители малых городов и районов России. URL: <http://magbvt.ru/files/mneniya.pdf> (дата обращения 2.08.2023).

Стремление поддержать дотационные территории не дало ожидаемого эффекта. Обобщая итоги налоговой политики, Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронов пишут: «Измерение бюджетной дифференциации регионов за 2006–2022 гг. выявило сложную и неоднородную картину. Произошел сдвиг распределения налогов между уровнями бюджетной системы в пользу федерального бюджета. Дифференциация регионов максимальна по налогам, поступающим в федеральный бюджет, значительно меньше подходам бюджетов регионов и относительно невелика по расходам бюджетов на образование и социальную политику. ... Неравенство регионов по душевым расходам бюджетов регионов остается очень высоким, несмотря на некоторое смягчение за 15 последних лет за счет сокращения отставания менее развитых регионов [5, с. 31].

Стоит согласиться с А. А. Тишковым и в том, что сохранение Россией территорий требует не сокращения, а увеличения числа поселений. «Малые города – это каркас России». «Если взять закономерности создания узловых точек для малых городов, то получается, что у нас в десятки раз должно быть их больше». Нужно заселить «так называемые экономические пустыни между столицами и крупными городами»¹.

Обеспокоенность пространственными противоречиями сохраняется в работах географов последних лет. Так, Т. Г. Нефедова и В. Н. Стрелецкий фиксируют опасность «экономико-географического расслоения регионов, поляризации расселения и социального пространства, городов и сельской местности, этнокультурных территориальных сдвигов», которые «усиливают крайности по вертикали общества и по пространственной горизонтали»... По их мнению, «резкая пространственная поляризация ограничивает потенциал России и несовместима с унификацией подходов к развитию территорий» [11, с. 551].

На первый взгляд, жизненный цикл малых городов не связан с сельскими поселениями, но это ошибочная позиция: не стало сырья – закрылись предприятия в городах, выросла безработица, сократилась социальная инфраструктура... Все эти последствия были предсказуемы еще в начале 1990-х гг. Сегодня многие и малые города, и сельские поселения, не связанные производственными цепочками, живут в атмосфере 4D: Дорабатывают, Доедают, Донашивают, Доживают [19].

Не случайно эксперты называли условием возрождения малых городов восстановление молокозаводов, хлебозаводов, кожевенного производства, льнопереработки... [9, с. 60]. Эта взаимосвязь позволяет диверсифицировать и увеличивать занятость в сельской местности, в малых городах не только в АПК, но и в социальной сфере в связи с увеличением числа жителей в муниципальных округах, поскольку все нормативы инженерной и социальной инфраструктуры опираются на количественные показатели.

Аналогична позиция экономистов: «Малые города для окружающей сельской местности – незаменимые локальные центры. Их функция – обслуживать прилегающие населенные пункты. В малых городах

¹ Что думают по этому поводу руководители малых городов и районов России. URL: <http://magbvt.ru/files/mneniya.pdf> (дата обращения 2.08.2023).

концентрируется та бюджетная сфера, которая позволяет хоть на каком-то уровне поддерживать для сельского населения и для жителей самих малых городов доступность здравоохранения и профессионального образования. Подавление же малых городов – это фактически синоним подавления человеческого капитала в стране. ...проблему неэффективных малых городов решит децентрализация финансовых потоков, но не половинчатая, а полноценная. Федеральный Центр стягивает на себя все те средства, которые получают регионы в качестве налогов и иных отчислений, и потом распределяет эти деньги. Нужен иной подход: бюджетные средства должны с самого начала оседать именно в регионах»¹.

Малые города и села традиционно дополняют друг друга в сфере занятости. То, что реформирование сельхозпредприятий ведет к массовому банкротству, безработице и миграциификсировалосьуже в первое десятилетие реформ [16]. Затем началось свертывание предприятий переработки, этот процесс продолжается до сих пор. В результате – закрытие предприятий/организаций, связанных производственной цепочкой с сельхозпроизводителями в малых городах. Ликвидация производства ведет к сокращению инфраструктурных социальных объектов, потребность в которых рассчитывается по количественным нормативам. Изменение структуры занятости, ярко выраженный демографический «русский крест» из-за миграции в крупные города наиболее активного молодого населения увеличивает финансовую нагрузку на поддержку депрессивных территорий. Районные администрации, как правило, дотационны и вынуждены были, когда возможно, сокращать статданные о количестве населенных пунктов без жителей, поскольку этот показатель уменьшал трансферты из региональных центров.

Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» регулярно недофинансируется, да и предлагаемые решения нельзя назвать комплексными. Есть основания согласиться с С. А. Огарковым, что «связь между нереализованными планами и программно-целевым управлением системой жизнеустройства на сельских территориях отсутствует, поэтому проблема воспроизводства народонаселения из демографической переросла в социальную, отягощенную хроническим неудовлетворением обещанных благ в назначенное целевыми индикаторами время, объясняя границы ослабления влияния связи управления и рынка в источниках естественного воспроизводства сельского населения, из которых необратимо вырастают трудовые ресурсы городов» [13, с. 123].

Рабочие руки требуются для разработки природных ресурсов, обеспечения продовольственной безопасности на данных территориях, контроля за территорией во всех смыслах этого слова. Но по данным Росавтодора в 2021 г. не соединено дорогами 36 259 поселений или 85,8% общей численности поселений с числом жителей до 50 человек, 2532 поселений с числом жителей 50–100 человек, а всего не имеют регулярного сообщения 28% поселений,

¹ Башкатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета, 09.12. 2011 г. URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html (дата обращения: 03.08.2023).

которые не вызывали не способны создать спрос на предоставление регулярной услуги, остаются отрезанными отобщения и производственной деятельности без самоподдержки личным автотранспортом. Две трети жилого фонда в сельской местности непригодно для всесезонного проживания. А статистические данные об улучшении показателей сельской инфраструктуры объясняются ликвидацией населенных пунктов [13, с. 127].

Закрепление и возвращение кадров в сельскую местность не может ограничиваться «подъемными за переезд», но требует учета всего спектра потребностей/притязаний молодежи, прежде всего получающей сельскохозяйственное образование [18].

«Капельно-точечные вливания» в виде 20 млрд рублей, обещанных Распоряжением правительства от 1 февраля 2023 года №208-р¹ на реализацию конкурсных проектов комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, не способны изменить тренда. Благоустройство территорий слабо связано с мотивацией на миграцию, поскольку не создает перспективные рабочие места. Ценность места проживания зависит в большей степени от наличия рабочих мест, обеспечивающих достойный уровень жизни. Кроме того, грантовая поддержка не предусматривает содержания этих объектов в будущем.

Подведем итоги. Аргументы противников приоритетности развития агломераций за счет разрушения пространственной инфраструктуры страны сохраняют актуальность. Каково же положение дел на практике? Сошлемся на результаты исследования В. В. Маркина и В. В. Воронова, проведенного среди экспертов, представляющих органы власти и активистов из 16 малых городов (из них – 6 моногородов) в 8 краях и областях. «Высокую оценку абсолютного большинства экспертов (93% ответов) получило мнение о необходимости сохранения малых городов, аргументированное утверждением, что «сохранение и развитие малых городов способствует социально-экономической и национальной безопасности». Также большинство экспертов (87% ответов) разделяют мнение, что «сохранение и развитие малых городов способствует воспроизводству общероссийских ценностей и норм жизни». «Более половины экспертов категорически выступили против возможного укрупнения их городских поселений за счет расселения малых городов или включения их в состав больших городов, даже при социально-экономическом обосновании таких действий». Ими отрицается «ограниченность узкоэкономического подхода к будущему малых городов, необходимость увеличения их роли в производстве и воспроизводстве общероссийских ценностей, укреплении суверенной национальной безопасности и стабильности страны» [10, с.104, 107,103].

«Важным фактором сохранения и развития малых городов может стать создание условий для минимизации, а в перспективе исключения негативных черт, характерных как для крупного города, так и для сельского поселения» [7, с. 335]. Иначе говоря, малый город сохранится, если будет иметь весомые преимущества перед другими поселениями.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.02.2023 № 208-р Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202302060025?index=5> (дата обращения: 03.08.2023).

К выводам

Вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи: концепция, озвученная Э. С. Набиуллиной, это прорыв в экономической науке или верность либеральной парадигме, маскирующейся под эффективность без уточнения ее природы? На наш взгляд, верен второй вариант.

Мы разделяем мнение А. С. Новосёлова, Ф. В. Фалеева, Т. В. Волянской, что «главный тормоз экономического развития России и ее регионов состоит в противоречии между высокой централизацией финансовых ресурсов в руках государства (средства федерального бюджета, Центрального банка, государственных корпораций) и децентрализацией принятия решений по вопросам экономического развития. При этом нельзя не отметить, что сама централизация финансовых ресурсов носит не поддающийся научному объяснению характер. В дискуссиях о роли Центрального банка в экономике высказываются мнения о том, что этот банк является юридическим лицом с огромными полномочиями, нет такого государственного органа, в подчинении которого он находится, и, поэтому, он может проводить собственную политику, независимую от государства» [12, с. 1043].

Под влиянием геополитических обстоятельств после 2011 г. произошли определенные изменения в позиции Правительства РФ. Например, в «Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации с 2017 г.» есть раздел «Направления пространственного развития региона». Разрабатываются три типа моделей: функциональные, каркасные, кластерные – и их различные сочетания, зависящие от особенностей региона [20, с. 1135]. Но наличие госпрограмм и методических разработок не гарантирует их реализации. «Несмотря на ряд принятых государством нормативно-правовых документов, позволивших на федеральном уровне сформировать определенный набор инструментов политики территориального развития, следует отметить, что они задействованы не в равной мере и ориентированы, прежде всего, на обеспечение макроуправляемости на федеральном уровне, особенно в отношении городских агломераций, усиление социального расслоения по территориальному принципу, существенное снижение интереса у органов государственного управления к формированию эффективной политики развития территорий с низкой плотностью населения, а значит – ко всему отечественному селу!» [14, с. 7].

Есть нарекания и к разработчикам правительственных документов. Нами отмечалась большая взаимозависимость малых городов, аграрно-промышленного сектора (АПК) и развития сельских территорий. В 2015 г. принята Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года¹. В ней дан критический анализ состояния сельских территорий из-за разрушения аграрно-промышленного комплекса (АПК) страны, но не анализируется значение/роль малых городов в развитии сельских территорий и АПК, хотя целостность и взаимоо-

¹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf>

бусловленность элементов этой системы доказана историей. В итоге несоответствие уровня социально-экономического развития сельских территорий требованиям обеспечения «независимости России в современных геополитических условиях и долгосрочной перспективе», которое преодолевается «не теми средствами и темпами, которые необходимы» [1, с.175, 195].

Среди причин невыполнения целевых программ то, что «управление сложностью» происходит в условиях «распределенной или «фрагментарной реальности», в которой каждый выделяет и берет существенное и значимое для себя, игнорируя или вовсе отвергая многие другие ее характеристики, аспекты, факторы и т. п.» [6, с. 197]. То есть, роль субъективизма (в том числе коллективного) при принятии решений высока на каждом иерархическом и территориальном уровне. Объективные трудности корректируются субъективными обстоятельствами, и наоборот.

Некоторый оптимизм внушает поиск/изменение смыслов у руководства страны. Цитируем А. Р. Белоусова, первого заместителя Председателя Правительства РФ: «Нам надо, чтобы люди почувствовали, что они являются носителем этого (*модернизированный консерватизм – Г. Ш.*) культурного кода. Через механизмы, через патриотизм, через воспитание людей, через опыт отцов и дедов. ... Если мы эту задачу решим, то задачи экономики вторичны. Они очень сложные, но я уверен, что мы их сможем решить, потому что в принципе у нас для этого все есть. Мы порушили в 1990-е годы очень много, но что за десять лет порушено, то за два-три года можно восстановить на новом уровне и в новом качестве»¹. Среди традиционных смыслов, возможно, найдется место и смыслам малых городов. Но найдется ли для них финансирование, без которого смыслы остаются, как говорили И. А. Ильф и Е. П. Петров «бриллиантовым дымом под потолком»?

В 2021 г. в журнале «Проект Байкал» была опубликована статья философа, архитектора, искусствоведа, автора книг по теории архитектуры и искусствоведению А. Раппапорта «Город и центр: парадоксы, вопросы, проблемы», в которой он пишет: «Кризис мегаполисов в современном мире очевиден» и требует осмысления «в условиях невиданного развития СМИ, возможности дистанционной работы, военных и эпидемиологических угроз и пр. ... Архитектура современных центров становится рекламой Утопии» [15]. Но пока это редкая позиция .

Добавим к этому, что малые города являются «центрами сборки» региональных пространств России, без которых утрачивается контроль над территориями. А этот вопрос не решается с позиций тактической экономической выгоды. В силу многонациональности и поликонфессиональности России притягательность малым городам может обеспечить философия локальности: идеи, знания, уникальные повседневные практики как формы сохранения народных традиций.

¹ Белоусов А. Р. Ядро устроено не из экономики, оно устроено из смыслов. URL: <https://www.rbc.ru/business/13/06/2023/6482d3389a79473805ee8978>. 13.06.2023 (дата обращения 2.08.2023).

Библиографический список

1. Бондаренко Л. В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 5 (99). С. 175–195. DOI: 10.33938/235-175; EDN: XDDNBD.
2. Брескина Е. А., Верещагина Э. И Современные тенденции в проектировании городских агроферм // ИнтерАгро. URL: <https://interagro.donstu.com/wp-content/uploads/2022/12/29-32.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Территория будущего, 2011. 400 с.
4. Зотова Е. С. О смыслологии, цифрологии и мифология от экономики: дискуссия на Ломоносовских чтениях – 2023 // Философия хозяйства. 2023. № 4. С. 234–245. DOI: 10.5281/zenodo.8065770.
5. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 31–41. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3; EDN: TOLXAV.
6. Кузин Д. В. Парадигма сложности в современном менеджменте // Философия хозяйства. 2023. № 3. С. 191–217. DOI: 10.5281/zenodo.7929827; EDN: AJDJBW.
7. Куконков П. И. Малые города Нижегородской области: неопределенность перспектив // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2023. 369 с.
8. Макарова Г. И. Актеры развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 144–167. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854; EDN: BJWBQM.
9. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
10. Маркин В. В., Воронов В. В. Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. № 6. С. 103–108. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6835.
11. Нефедова Т. Г., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 6. С. 551–563. DOI: 10.31857/S0869587322060093; EDN: CDTMTR.
12. Новосёлов А. С., Фалеев Ф. В., Волянская Т. В. Научные основы стратегического планирования и управления региональным развитием // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. М.: ИНИОН РАН, 2021. Ч. 1. 1143 с. EDN: POWYHR.

13. Огарков С. А. Благоустройство деревень не приводит к увеличению естественного воспроизводства народонаселения // Аграрная политика России: устойчивость и конкурентоспособность. М.: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 2022. 259 с.

14. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий: региональный аспект. М.: Изд. Гос. Думы, 2021. 320 с.

15. Раппапорт А. Город и центр: проблемы и вопросы // Проект Байкал. № 67 (2021): Генетика города. URL: <https://projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/108> (дата обращения: 2.10.2023). DOI: 10.51461/projectbaikal.67.1752.

16. Ромашин А. Ф., Черкасов Г. И., Широкалова Г. С. Аграрные отношения и аграрная политика в современной России. Уч. пос. Н. Новгород: ВВАГС, 2002. 192 с.

17. Широкалова Г. С. Земельный кодекс и будущее России // Политическое просвещение. 2001. №. 3 (4).

18. Широкалова Г. С. Дефицит кадров как фактор риска для обеспечения продовольственной безопасности // Продовольственная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности России. М.: ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ. 2023. 251 с.

19. Широкалова Г. С. Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. 711 с.

20. Яковлева С. И. Модели пространственного развития регионов России: методическое обеспечение процесса стратегического планирования // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. М.: ИНИОН РАН, 2021. Ч. 1. С. 1135–1138. EDN: DWLTKQ.

Получено редакцией: 30.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики, Московский городской педагогический университет; старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.13

Small Cities: Results of the Struggle Between Two Positions¹

Galina S. Shirokalova

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Privolzhsky branch of FCTAS RAS, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

ORCID: 0000-0003-4089-5446

¹ The research was supported by RSF, grant No. 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

For citation: Shirokalova G. S. Small Cities: Results of the Struggle Between Two Positions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 234–250. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.13; EDN: SQIEYG.

Abstract. The destruction of the USSR led to the deindustrialization of Russia, particularly in small cities, including the closure of agro-industrial enterprises closely connected with the disrupted agricultural sector. The reduction/alteration of the labour market in small towns and rural areas caused population outflow, fundamentally distinguishing contemporary mass migration. The scale of moving to gas and oil production areas and capital cities has increased. Significant regional disparities in salaries also became a factor, even seen in the minimum wage (MROT), upon which many calculations and allowances rely. For instance, in Moscow in 2023, it stands at 24,801 rubles, while in the Yaroslavl region, it's 16,242 rubles. The formation of a “service economy” in the guise of a “servant economy” (security, cleaning, resale, catering, food delivery, tutoring, etc.), often yielding good income but not demanding specialised knowledge, is another factor propelling migration from peripheral areas.

The depopulation of Central Russia, Siberia, the North, and the Far East, coupled with the loss of food security, demanded that the government formulate plans for the country's territorial development. This article analyses two development concepts characterising the discourse within the spatial infrastructure of the country. The first relies on the economic efficiency of investments in agglomerations and the unprofitability of supporting small settlements. Its proponents' arguments were most clearly articulated by E. S. Nabiullina in 2011 when she held the position of Minister of Economic Development of the Russian Federation. This concept continues the traditions initiated by the “young reformers” in the 1990s: what brings quick revenue and reduces costs is considered promising.

The second concept is based on analysing the functions of small cities as elements not only of the economic infrastructure but also of the geopolitical, domestic political, geographic, and social infrastructure. The article particularly emphasises the works of scholars from related disciplines such as geography and economics, enabling a more comprehensive understanding of the role and position of small cities within the socio-economic space of the country.

Keywords: small cities, spatial infrastructure of Russia, urbanisation, economy, social processes

References

1. Bondarenko L. V. The state of rural territories and legislative support for their development. *Ekonomika, trud, upravlenie v selskom hozyajstve*, 2023: 5 (99): 175–195 (in Russ.). DOI: 10.33938/235-175; EDN: XDDNBD.
2. Breskina E. A., Vereshchagina E. I. Modern trends in the design of urban agricultural farms. InterAgro. Accessed 02.10.2023. URL: <https://interagro.donstu.com/wp-content/uploads/2022/12/29-32.pdf> (in Russ.).
3. Glazychev V. L. Gorod bez granicz [City without borders]. Moscow, Territoriya budushhego, 2011: 400 (in Russ.).
4. Zotova E. S. On meaning, digital science and mythology from economics: discussion at the Lomonosov Readings – 2023. *Filosofiya hozyajstva*, 2023: 4: 234–245 (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.8065770.
5. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Fiscal differentiation of Russian regions: scale and dynamics. *Regionalnye issledovaniya*, 2023: 1: 31–41 (in Russ.). DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3
6. Kuzin D. V. The paradigm of complexity in modern management. *Filosofiya hozyajstva*, 2023: 3: 191–217 (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.7929827.
7. Kukonkov P. I. Small towns of the Nizhny Novgorod region: uncertainty of prospects. In Greater Eurasia: development, security, cooperation. Yearbook. Iss. 6. P. 2. Moscow, INION RAN, 2023: 369 (in Russ.).
8. Makarova G. I. Actors of the development of non-capital industrial cities of Tatarstan in the vision and assessments of their residents. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 4: 144–167 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.854; EDN: BJWBQM.
9. Small towns in the social space of Russia. Resp. ed. V. V. Markin, M. F. Chernysh; preface ak. M. K. Gorshkov. Moscow, FNISC RAS, 2019: 545 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
10. Markin V. V., Voronov V. V. Small cities of Russia: expert measurement of state policy. *Vlast*, 2019: 6: 103–108 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6835.
11. Nefedova T. G., Streletsky V. N., Treivish A. I. Polarization of the socio-economic space of modern Russia: reasons. directions and consequences. *Vestnik RAN*, 2022: 92: 6: 551–563 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587322060093; EDN: CDTMTR.

12. Novoselov A. S., Faleev F. V., Volyanskaya T. V. Scientific foundations of strategic planning and management of regional development. In Russia: Trends and development prospects. Yearbook. Vol. 16. Moscow, INION RAN, 2021: 1: 1143 (in Russ.). EDN: POWYHR.
13. Ogarkov S. A. Improvement of villages does not lead to an increase in natural reproduction of the population. In Agrarian policy of Russia: sustainability and competitiveness. Moscow, FGBNU FNTs VNIIESKH, 2022: 259 (in Russ.).
14. Problems and prospects for socio-economic development of rural areas: regional aspect. Moscow, Gos. Duma, 2021: 320 (in Russ.).
15. Rappaport A. City and center: problems and questions. *Project Baikal*, 2021: 67. Accessed 10.02.2023. URL: <https://projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/108> (in Russ.). DOI: 10.51461/projectbaikal.67.1752.
16. Romashin A. F., Cherkasov G. I., Shirokalova G. S. Agrarnye otnosheniya i agrarnaya politika v sovremennoj Rossii. Uc. pos. [Agrarian relations and agricultural policy in modern Russia. Tutorial]. Nizny Novgorod, VVAGS, 2002: 192 (in Russ.).
17. Shirokalova G. S. Zemel'ny`j kodeks i budushhee Rossii [Land Code and the Future of Russia]. *Politicheskoe prosveshchenie*, 2001: 3(4) (in Russ.).
18. Shirokalova G. S. Staff shortage as a risk factor for ensuring food security. In Food security is the most important component of Russia's national security. Moscow, FGBNU FNTs VNIIESKH, 2023: 251 (in Russ.).
19. Shirokalova G. S. Nizhny Novgorod village in 4D coordinates. In Russian peasantry and agriculture in the context of regional history. Yoshkar-Ola, MarGU, 2018: 711 (in Russ.).
20. Yakovleva S. I. Models of spatial development of Russian regions: methodological support for the strategic planning process. Russia: Trends and development prospects. Yearbook. Vol. 16. Moscow, INION RAS, 2021: 1. 1135–1138 (in Russ.). EDN: DWLTKQ.

The article was submitted on: July 30, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociological Sciences,
project office expert of humanitarian analytics, Moscow State Pedagogical University;
Senior Researcher, Privolzhsky branch of FCTAS RAS

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.14
EDN: SOTZQAQ

Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей¹

Ссылка для цитирования: Журавлёв А. Л., Китова Д. А. Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 251–270. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.14; EDN: SOTZQAQ.

For citation: Zhuravlev A. L., Kitova Dz. A. Education as a Resource for Socio-Economic Development of Russia: Perceptions of Social Network Users. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 251–270. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.14; EDN: SOTZQAQ.

AuthorID ПИНЦ: 104754

Журавлёв Анатолий Лактионович¹

¹Институт психологии РАН,
Москва, Россия

alzhuravlev2018@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 665618

Китова Джультетта Альбертовна¹

¹Институт психологии РАН,
Москва, Россия

j-kitova@yandex.ru

Аннотация. К традиционным размышлениям о явных функциях образования (воспроизводство социально-профессиональной структуры общества) и его латентных формах (репродукция распределительных отношений) добавляются задачи развития государства, которые обретают высокую актуальность с точки зрения экономических достижений и с позиции удовлетворения потребностей человека и общества, что определяет *актуальность* проблемы исследования. *Целью* исследования стало выявление обыденных представлений населения о функциональных возможностях образования, способных оказать воздействие на развитие государства в целом. *Методологический подход* основан на том, что восприя-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках научного проекта № 21-18-00541.

тие макроэкономических процессов, обуславливаемых развитием образования, будет находить свое отражение в обыденных представлениях населения, что возможно изучать путем структурно-содержательного анализа текстов сообщений в социальных сетях. В работе использованы *методы* обоснованной теории, нейросетевой анализ, анализ частоты встречаемости и эмоционального фона слов, контент- и экспертный анализ.

В результате исследования сформулированы следующие основные *выводы*. По мнению пользователей социальных сетей, ведущие функции образования связаны с его возможностью оказывать воздействие на социальное, экономическое и политическое развитие общества и государства, в том числе, как геополитического субъекта. Пользователи связывают образование с различными уровнями развития социально-экономических процессов – от личностного до общегосударственного. Функциональная сущность образования как ресурса макроэкономического развития государства доминирует над другими аспектами (микро- и мезо уровнями) представлений и демонстрирует четко выраженное иерархическое соотношение приоритетов, выстраиваясь в следующем порядке: общегосударственный, исторический, системный, глобальный, институциональный, региональный и мезо-экономический. В рамках обсуждения образовательных процессов неизменно возникают расхождения между сторонниками государство-ориентированного и социально-центрированного путей развития общества. Историческая обусловленность российского образования у пользователей соотносится с особенностями его развития в СССР – привязки к более ранним периодам истории не происходит. Образование с функциональных позиций, оценивается пользователями как благо для человека и общества, достижение которого требует значительных временных и социально-экономических затрат со стороны всех его участников (государства, преподавателей и обучающихся). Недостаточная удовлетворенность высшим образованием проявляется у большинства пользователей и обусловлена оценкой современного его состояния. Выявленные результаты требуют дальнейшей конкретизации, например изучения предлагаемых для преодоления сложившейся ситуации алгоритмов.

Ключевые слова: макропсихология, функции образования, обыденные представления, частотный анализ слов, нейросетевая модель, эмоциональный фон, социальные контексты

Постановка проблемы

Рассмотрение функциональной *сущности* образования связано с широким спектром его значений, среди которых наиболее признанными являются такие, как *профессионально-экономическое*, реализуемое и на персональном, и на государственном уровнях, *культурное*, направленная на сохранение и передачу национально-исторических особенностей общества, *гуманистическое*, отвечающая за выявление и развитие человеческого потенциала, в частности, талантов, *социальное*, связанное, на низовом (первичном) уровне, с приобретением индивидами различных социальных навыков и статусов, а на высшем – с обеспечением социального развития общества, формированием имиджа государства и др.

Для изучения проблемы в обозначенном, сущностно-функциональном контексте, систему российского образования, как и других стран мира, можно условно разделить на три образующих ее совокупных элемента. Это *формальное образование* (общее и профессиональное), *неформаль-*

ное – реализуемое через систему учреждений культуры, спорта и досуга, и *информальное*, которое рассматривается как инициативная познавательная активность личности или обыденный процесс интеграции молодых людей в социальную среду (приобщение к традициям народа, социальным нормам и правилам общественно приемлемого поведения и т. д.). В рамках формального образования эксплуатируются, в принципе непротиворечивые, но достаточно размытые дефиниции, определяющие его функциональные особенности и смыслы¹. Так, основные функции образования могут рассматриваться в рамках *деятельности* по удовлетворению потребностей личности и общества, *системы учреждений* с определенной инфраструктурой и материальными ресурсами, установками и коммуникациями, а также множественными внутренними (локальными) и внешними (социальными) *задачами*. В свою очередь, образование, с *социальной* позиции, будет служить сохранению и передаче интеллектуального опыта социума, приобщению населения к общей национальной культуре, включению человека в профессиональную среду, детерминации социально-экономических, политических и культурных изменений общества, обеспечению устойчивого развития конкретного государства.

В современной научной литературе выделяются и более *локальные* функции образования, которые отражают специфику подготовки личности к *жизнедеятельности* в современном мире, формирования *морально-нравственных* качеств, приобщения к новым *технологиям*, культивирования *социальной стратификации* – последняя часто анализируется через призму дифференцирующих и интегрирующих позиций одновременно. Можно говорить и о *контролирующей* функции образования, если, к примеру, рассматривать деятельность соответствующих учреждений через призму контроля за *правовыми нормами* поведения молодежи.

Следует подчеркнуть и не прямые (опосредованные) функции образования – функции *второго порядка*, среди которых наиболее часто выделяются такие, как приобщение человека к *здоровому образу жизни*, укрепление ценностей *семьи* и семейных отношений, устремленность на взаимную *гармонизацию* индивидуальных и общественных потребностей. Представленные позиции можно еще более детализировать и заострить внимание на более *узких* прикладных возможностях. В частности, это может быть приобщение к *экономической страте*, когда получаемая специальность может выступать гарантом ожидаемых в будущем высоких доходов в рамках профессиональной деятельности. В качестве таких примеров среди рабочих специальностей можно упомянуть некоторые традиционно высокооплачиваемые профессии – сварщик или электрик, а среди специалистов с высшим образованием это могут быть программисты. В предложенном направлении можно говорить и о функции приобретения

¹ Если исключить прямые функции образования, которые можно определить как образовательные (информационно-знаниевые), которые, в принципе, легко проверить, и образовательные учреждения во всем мире давно и успешно справляются с их формальной оценкой (в отличие от социальных функций, которые легли в основу анализа предложенной работы и во всем мире вызывают многочисленные трудности в их понимании).

личных знакомств и контактов, которые, зачастую, формируются в границах топовых вузов и способны оказывать положительное воздействие на социальное благополучие человека на протяжении всей его жизни.

Куда более сложными (не очевидными и даже запутанными) являются *социально-экономические* функции образования, реализующиеся на уровне государства, – ситуации, когда качество системы образования оказывает непосредственное воздействие на характер макросоциальных (правовых, политических или экономических) процессов, релевантных обществу в целом. К такого рода экономическим результатам обычно относят эффективное развитие экономики государства, разработку инновационных технологий для модернизации промышленного производства, повышение уровня жизни населения и т. д. Соответствующие полезные научные данные в сфере гуманитарных и общественных наук уже получены. Так, в современной науке наиболее известным социально-детерминированным макроэкономическим ресурсом признан «человеческий капитал», который способен не только обеспечить устойчивое и стабильное развитие конкретного государства [2; 4; 19], но и оказывать прямое влияние на уровень его «конкурентоспособности среди ведущих мировых держав» [8, с. 63], а также способствовать повышению субъективного экономического (и не только)¹ благополучия населения [14].

На современном этапе развития науки уже выделены структурные элементы «человеческого капитала», продолжается его изучение по различным основаниям, например, как капитала знаний (1), социального капитала (2) или эмоционального капитала/интеллекта (3). Таким образом, образование обеспечивает социализацию личности и ее интеграцию в общество, которое происходит не только посредством локальной передачи знаний, трансляции социального опыта, формирования мировоззрения, но и увязана с формированием социальной структуры общества, развитием общественных отношений, созданием условий для экономической активности населения, а также воспроизводства и сохранения «общенациональных скреп» общества.

Трудности в понимании, оценке и управлении социально-экономическими эффектами образования обусловлены многими причинами. Среди таких сложностей можно указать на пролонгированность (отсроченность) эффектов от развития образования, отсутствие четких критериев для их измерения, разнонаправленность экспертных мнений и оценок. Такого рода затруднения порождаются и социальной вариативностью эволюционного/революционного развития общества. Например, к современным тенденциям развития образования можно отнести: его доступность *широким слоям* населения; явный рост *продолжительности образовательного периода* (особенно в сфере профессионального сегмента), что обусловлено интенсивным развитием технологий и ужесточением требований к квали-

¹ Известно негативное влияние низкого уровня жизни на показатели субъективной удовлетворенности населения [14], выявлено, что неуверенность населения в разумности существующих экономических отношений проявляется сокращением темпов промышленного роста [11] и т. д.

фикации специалистов; усиливающиеся *условия многофункциональности*, требующие способности специалистов оперативно переключаться на новые задачи или нести ответственность за исполнение нескольких видов работ одновременно; повышенное внимание образовательных учреждений к *индивидуальным задаткам и способностям* учащегося; *интернационализацию* производственных процессов и их протекание в нескольких странах одновременно (или разработки международных проектов в границах согласованно ограниченного круга государств – Большой адронный коллайдер); *компьютеризацию* образовательных процессов. Эти тенденции можно перечислять и дальше, но важнее осознание того, что с позиций сегодняшнего опыта трудно предсказать, каким будет образовательное пространство даже через 10–15 лет, а тем более, какие результаты должны быть получены через 30–50 лет, хотя думать об этом необходимо.

Таким образом к традиционным размышлениям о явных функциях образования (воспроизводство *социально-профессиональной* структуры общества) и его латентных формах (репродукция *распределительных отношений*), о которых принято говорить в современной научной литературе, добавляются новые задачи *макросоциального* характера¹. В контексте поставленной проблемы *социально-психологические* основания развития образования обретают высокую актуальность [1; 9] с точки зрения экономических достижений и с позиций социальных наук, прямо призванных обеспечить высокое качество удовлетворения потребностей человека и общества, в том числе и экономических.

Теоретико-методологические основания и методы исследования

В основу *экономического концепта* настоящего исследования легли представления о том, что «макроэкономика» включает в себя многообразные, сложноорганизованные и пролонгированные во времени условия, элементы и процессы – они детализовано представлены в тексте (подробнее см.: [7]). С психологической точки зрения, восприятие макроэкономических процессов, обуславливаемых развитием образования, будет находить свое отражение в характерных обыденных *представлениях* (высказываниях и цитатах) пользователей об образовании. Анализ *цитатности*², т. е. характерных особенностей, посредством которых представления пользователей «опосредуется в единстве всех противоречий» [5, с. 97], произведен с помощью частотного, эмоционального и экспертного (контент-анализа) изучения смысловых единиц текстов (подробнее см.: [6]), с последующим выделением из общего объема информации сообщений, отражающих особенности протекания макроэкономических процессов в обществе.

¹ Изучение этих процессов требует не только их признания, но и разработки соответствующих этим целям методов научного анализа.

² «Цитатность» рассматривается как способ выражения авторской позиции в его (автора) высказываниях.

Содержательно-смысловой анализ и последующее группирование сообщений осуществлялось путем экспертной оценки. Экспертами выступили участники проекта – два доктора и три кандидата наук, работающих в сфере анализа макропсихологических¹ проблем общества. Всего собрано и обработано 48658 уникальных сообщений из социальной сети Вконтакте, которые остались после удаления из первичного объема данных повторяющихся (боты) и рекламных (имеющих ссылки на конкретные сторонние ресурсы) сообщений.

С методической позиции анализ был осуществлен в два этапа:

- путем автоматизированного анализа частоты встречаемости слов в общем объеме всех сообщений (см. таблицу 1: в таблице приведено морфологическое основание слова и частота его встречаемости в текстах (1а));
- посредством изучения эмоционального фона сообщений (1б): эмоциональная коннотация каждого слова также представлялась в числовых значениях, что позволяло выявлять наиболее частотные (наиболее часто повторяющиеся) переживания пользователей (см. Таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

**Примеры визуализации результатов автоматизированного анализа слов
в сообщениях пользователей об образовании**

*Examples of visualisation of the results of automated word analysis
in messages about education*

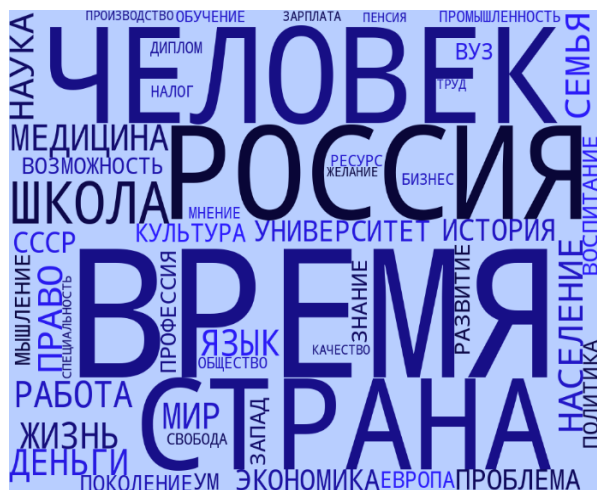
а) Примеры частотного анализа слов	б) Примеры эмоционального анализа слов
1104 → хотеть	ненавидеть → -0,45879
195 → знать	потерять → -0,34524
179 → иметь	запретить → -0,32699
179 → говорить	заработать → -0,30348
159 → получать	создать → -0,28652
155 → понимать	построить → -0,25571
151 → работать	платить → -0,25366
150 → думать	уехать → -0,25352
141 → жить	украсть → -0,1899
113 → расти	зарабатывать → -0,18527
113 → смотреть	сделать → -0,17334
112 → оказаться	понимать → -0,16431
112 → написать	думать → -0,16357
112 → закончить	надеяться → -0,1009
112 → заниматься	планировать → -0,04537
112 → спросить	гордиться → -0,02348
111 → начинать	вспоминать → -0,00247
111 → нести	нравиться → 0,01251
111 → вести	поступить → 0,02249
111 → забыть	переживать → 0,03522
110 → уничтожить	ждать → 0,06546

¹ Новое направление в психологической науке, предполагающее проведение качественно-количественных исследований по выявлению психологических характеристик общества.

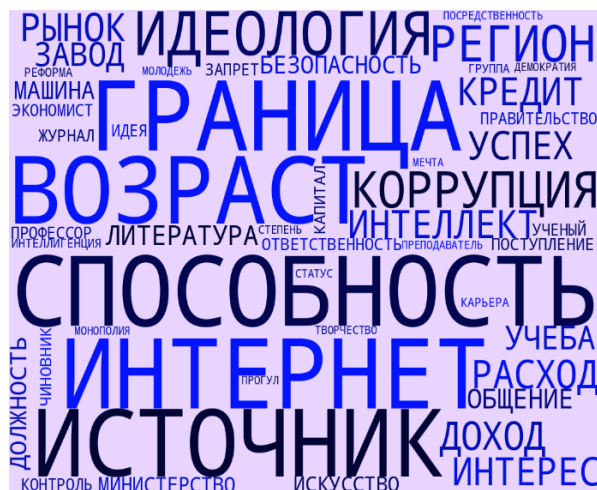
Частотный анализ слов произведен с использованием программы PyMorphy2 [15]. Выявление эмоционального фона сообщений и/или слов произведено с использованием нейросетевой модели Dostoevsky, основанной на русскоязычном словаре – датасет RuSentiment (подробнее о тональности см.: [3; 16; 17]). Точность идентификации модели выше 98% (подробнее о методах см.: [10; 12; 13; 18]). Эмоциональный фон коротких неформализованных сообщений оценивался по трем позициям – позитивный, нейтральный, негативный, по шкале от -1 (негативный) до +1 (позитивный). Результаты анализа эмоционального фона сообщений указаны с разбивкой на 20 равномерных числовых значений (длина шага 0,1)

Результаты исследования

На рисунках 1а и 1б представлен *частотный анализ* существительных из текстов сообщений об образовании, которые использовались пользователями (чем чаще употребляется слово, тем больше размер шрифта на рисунке). Слова сгруппированы в *смысловые подгруппы* по различным основаниям, которые ниже представляются в процессе обсуждения. Такие слова из текстов, как «промышленность», «производство», «культура», «история», «наука», «экономика», «общество», «поколение», «политика» и т. д. указывают на понимание пользователями общегосударственного характера образования. Роль и значение образования на микроуровне отражают следующие слова: «специальность», «диплом», «семья», «работа», «зарплата», «мнение», «налог», «профессия», «пенсия», «ум», «мышление» и др. Можно найти указания и на глобальные аспекты образования, это такие слова, как: «мир», «Европа», «Запад», «язык». Очень важно обратить внимание на слово «возможности», характеризующее общий потенциал образования, который (потенциал) пронизывает все уровни жизнедеятельности человека и общества. К такого рода связующим словам, отражающим функциональные возможности образования, можно также отнести «ресурс» и «развитие». Заслуживающими внимания выступают и существительные, указывающие на характерные особенности более раннего периода развития российского общества, такие как «история» и «СССР». Таким образом, через призму обыденных представлений пользователей, образование можно рассматривать как важный ресурс развития человека и общества, который имеет исторически обусловленные детерминанты, т. е. складывается на протяжении длительного периода времени и, как следствие, может иметь отличительные особенности при переходе от одной культуры к другой. Такое существительное как «время» указывает на ресурсо-затратный или ресурсо-потребительский характер образования: на индивидуальном уровне время может интерпретироваться в контексте неизбежности значительных временных затрат на его получение (значительными будут издержки и при формировании/воспитании личности), а на уровне государства – как «история», которая тоже не складывается мгновенно или однозначно (по заранее заданному сценарию).

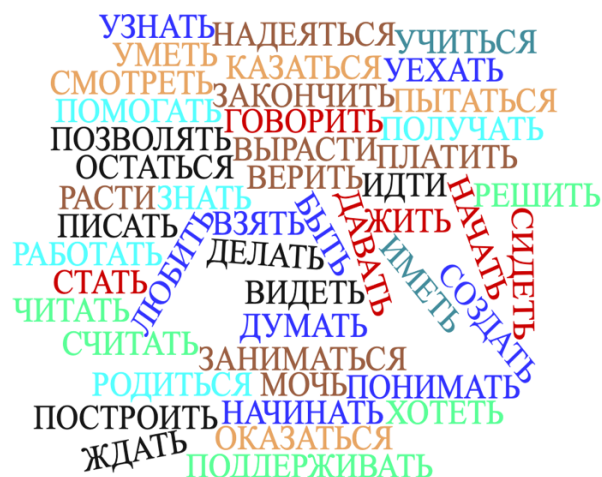
а). Наиболее часто повторяющиеся слова в сообщениях об образовании

б). Наиболее редко повторяющиеся слова в сообщениях об образовании

в). Существительные с негативным эмоциональным фоном в сообщениях

г). Перечень наиболее часто повторяющихся глаголов в сообщениях об образовании

Рис. 1. Распределение частоты употребления слов в сообщениях пользователей социальной сети ВКонтакте об образовании

Figure 1. Distribution of frequency of words used in messages from users of the social network VKontakte about education

Если обратиться к анализу *наименее* часто встречающихся слов, то можно выявить иные тенденции. Как не удивительно, но в «аутсайдерах» образования оказались такие слова, как «способность» (хотя оно и занимает ведущую позицию в списке непопулярных слов – все последующие слова употребляются еще реже), «интеллект», «идея» и «интерес», что непременно будет снижать уровень мотивации обучающихся¹. Во втором ряду обращает на себя внимание такой свод редко употребляемых слов, как «профессор», «интеллигенция», «ученый», «преподаватель», что можно связать, скорее, с недостаточно высоким престижем науки,

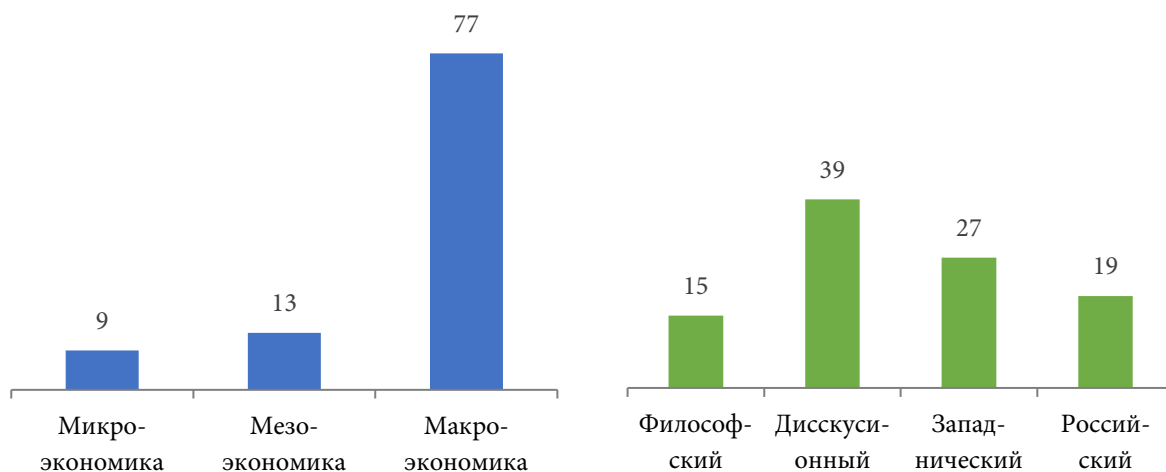
¹ Опосредованно скажется и на экономике, т. к. будет угнетаться человеческий капитал, один из главных ресурсов ведущих экономик мира.

хотя для более точной интерпретации этого факта требуется дополнительный анализ. Третью подгруппу, которую можно определить как надситуативный или интегрирующий свод слов, – «мечта» и «ответственность» – также не часто связывают с образованием или образовательным процессом. Не радует и низкая частота подгруппы слов из важного политического ряда – «правительство», «реформа», «Министерство» – эта подгруппа слов также не выступает флагманом при обсуждении особенностей российского образования. Пользователи социальной сети слабо связывают российское образование и с такими позициями, как «статус», «должность» и «доход». Малая частота употребления последних слов указывает на отсутствие, по мнению пользователей, явной взаимосвязи между качеством образования и реальным/ожидаемым социальным или экономическим статусами человека.

Далее представлен спектр существительных, наиболее часто употребляемых в контексте *негативной* оценки образования – слова транслируются с негативным эмоциональным фоном (рис. 1в). Такой анализ позволяет увидеть проблемы современного образования глазами пользователей. Так, среди негативно окрашенных позиций можно выделить: низкий «уровень» и «качество» образования; отсутствие достаточного количества «заводов», куда можно пойти работать по завершению учебы; низкий уровень развития «экономики», «науки» и преподавания («преподаватель») – эти существительные часто употребляются в связке со словом «средневековье»; на макро-уровне недовольство пользователей вызывают «реформы», «коррупция» и «министерство», а также отсутствие/наличие идеологии (кому, как) и приверженность (или отсутствие приверженности) к образовательной системе СССР. Раздражены пользователи и привилегированным положением, а также большим количеством «айтишников», недовольны недостаточной ориентацией государства и образовательных учреждений на развитие «творчества», реализацию замыслов и ожиданий учащихся («мечта»). Негативные оценки вызывает пренебрежение со стороны чиновников, по мнению пользователей, «ресурсными» возможностями образования для развития государства, их также огорчает невозможность рассчитывать на высокие заработки («деньги») при даже высоком уровне образования и т. д. Обобщая детерминанты негативного фона высказываний можно заключить, что пользователи в целом недовольны *современным состоянием* российского образования, хотя основания для неудовлетворенности при этом самые разнообразные, иногда даже противоречивые (см. пункты «СССР» или «идеология»).

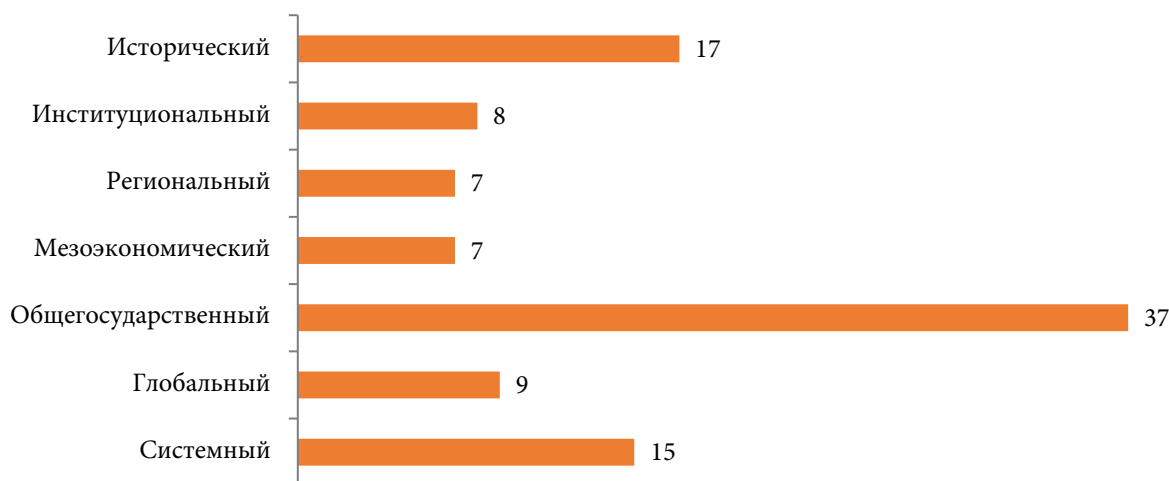
Качественные особенности *глаголов*, исходя из полученных результатов, полезнее объяснять через их направленность, нежели частоту употребления. Так, если исходить из функционально-сущностного контекста употребления, то образование часто связано с такими выражаемыми глаголами состояниями и действиями, как «расти», «делать», «видеть», «думать», «читать», «считать», «учиться», что указывает на активную познавательно-развивающую и формирующую роль образования. В буду-

щем ожидается, что образование позволит – «построить», «начать», «закончить», «стать», «создать», «вырасти» – что также подтверждает предыдущую идею о созидательной роли образования. С образованием связаны позитивные концепты социального плана – «помогать», например, а также из экономической сферы – «платить». Исходя из этих результатов, можно констатировать, что образование, как социальное явление, оценивается пользователями позитивно, как по существу и его функциональности, так и в перспективном и социальном аспектах, учитывается его непосредственная взаимосвязь с экономическими процессами.

а). Уровень социально-экономических процессов, обсуждаемый в сообщениях

б). Характер обсуждений в сообщениях пользователей об образовании

в). Характер макроэкономических высказываний в сообщениях пользователей об образовании

Рис. 2. Частотный анализ сообщений пользователей социальной сети ВКонтакте по различным социально-экономическим ситуациям, связанным с образованием, %
Figure 2. Frequency analysis of messages from users of the social network VKontakte on various socio-economic situations related to education, %

Группирование сообщений и их содержательно-смысловой анализ, который произведен в соответствии с принципами организации *контент-анализа*, показал, что наиболее часто обсуждение возможностей образования концентрируется на макроуровневых социально-экономических проблемах, затем последовательно сужается к мезо- и микроуровневым явлениям (рис. 2а). Для конкретизации социально-экономических проблем макроуровневого содержания тексты сообщений были разделены на дополнительные *подгруппы* в соответствии с одним из классических экономических подходов [7]. Как оказалось, обсуждение этих ситуаций происходит по направлениям развития общественных процессов разного характера (рис. 2): *системный* (образование как система, его цели, задачи, типы и состояние), *общегосударственный* (экономические показатели и тенденции государственного развития), *мезоэкономический* (система отраслей экономики, их состояние, межотраслевые балансы), *региональный* (сравнительный анализ регионов, их преимущества и ограничения в сфере производства/добычи ресурсов, состояние производительных сил), *институциональный* (интересы и поведение экономических агентов – предприятий, организаций, учреждений, их современное развитие по принципам «де-юре» и «де-факто») и *исторический*, отражающий специфику предшествующих этапов социально-экономического развития России, как национальной общности (современное состояние, ограничения и ожидаемые перспективы). Проанализированные обсуждения чаще всего носят сугубо *дискуссионный* характер. В основе дискуссий, иногда очень жестких, лежат чаще всего ориентации одних пользователей на западные ценности – благополучие человека (доход, уровень жизни, социальная защищенность и т. д.), а других – на традиционно принятые в России ориентации на сохранение и развитие общегосударственных интересов, обычно задающихся «сверху». Есть и общепhilosophические высказывания о всевозможных путях развития образования и общества, оценке сущностных и оперативных признаков происходящих процессов. Эти высказывания не самые частые, но имеют стабильный удельный вес и определенный круг сторонников – около 10%.

Для наглядности все описанные выше позиции подкреплены примерами высказываний пользователей, которые могут помочь в осознании и общего накала, и характера обсуждаемых ситуаций (табл. 2).

Наибольшее огорчение у пользователей социальной сети вызывает то, как было выявлено выше и показано ниже современное состояние образования. По их мнению, современное образование недостаточно реализует ведущие макросоциальные функции, связанные с уровнем жизни населения и обеспечением конкурентоспособности страны, да и само качество образования вызывает немало нареканий (табл. 2.).

Таблица 2 (Table 2)

**Примеры сообщений пользователей социальной сети ВКонтакте
о различных социально-экономических ситуациях, связанных с образованием**

*Examples of messages from users of the social network VKontakte
about various socio-economic situations related to education*

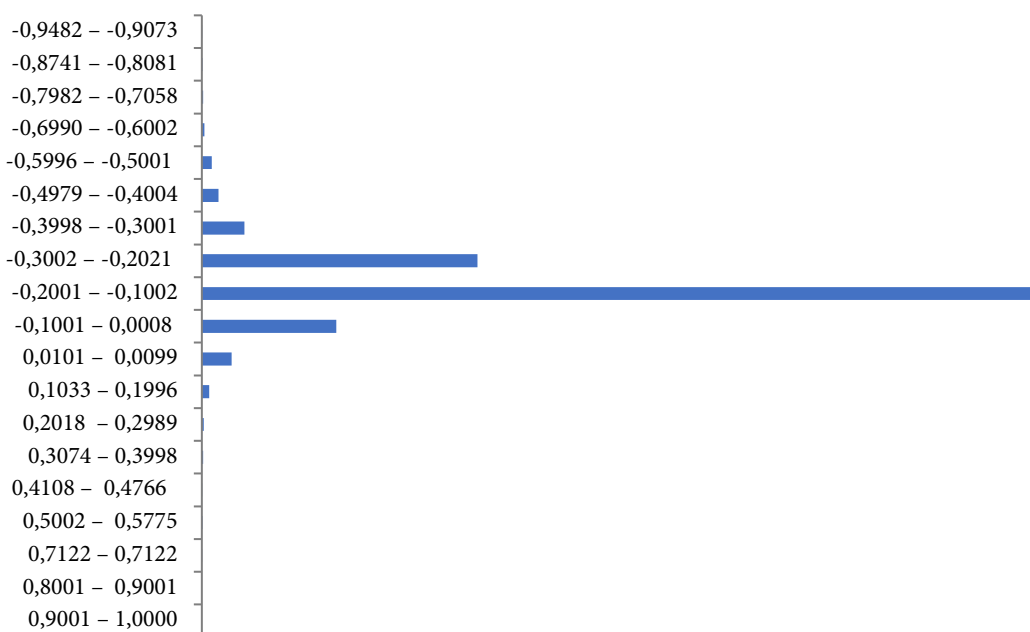
п\п	Смысл (характер)	Примеры
1.	Системный	<ul style="list-style-type: none"> - ... у меня иррациональный страх, что пока я тут с учебой ношусь, все свободное время ей уделяю, экономика окончательно рухнет, и образование в принципе никому не будет нужно. - Да и не может такая огромная система (образование) слишком долго оставаться целым, слишком много дезинтеграционных факторов – интересы региональных элит, межэтнические конфликты, экономические последствия санкций и многое другое, пока еще скрытое и подавленное. - Не знал, что высокий процент среднего класса – это одна из причин высокой эмиграции, всегда думал, что эмиграция связана с социалкой и экономикой: уровнем жизни, наличием рабочих мест, качеством образования...
2.	Макро-экономический	<ul style="list-style-type: none"> ... Если бы ты изучал экономику, государственное управление и вообще имел хорошее образование, то знал бы о разделении труда и функциях государства. А твои мемы потеряли актуальность лет 15 назад. Где ты живешь, в какой деревне??? - ... любой народ хочет жить хорошо, чтобы была уверенность в завтрашнем дне и гарантированная государством работа по профилю обучения. - ... недостаточное образование по экономике СССР. Они не понимают причин развала СССР, верят, что кто-то его намеренно развалил.
3.	Региональный	<ul style="list-style-type: none"> - ... возможность получать образование, при прочих равных условиях, зависит от региона проживания... - ... а возможностей для обеспеченной жизни скорее всего и нет, особенно, если ты в регионе – зарплаты нищенские... - Высокие налоги – это нормально, если они идут на пенсии, обустройство регионов и городов, инфраструктуру, образование и т. д.
4.	Институциональный	<ul style="list-style-type: none"> - ... Важно поднять качество образования, медицины и экологии, повысить уровень жизни, развивать внутреннюю и внешнюю экономику... можно было бы попробовать борьбу с коррупцией, но я не представляю (от слова совсем), как это сделать ... - С экономикой должно образование работать! Процесс, увы, небыстрый... - Необходима переориентация политики на решение внутренних экономических проблем – инфраструктуру, медицину, образование.
5.	Исторический	<ul style="list-style-type: none"> - ... у нас всегда были плохая экономика, вялая социалка, слабый бизнес, неприемлемое образование ... - Как «Великая советская экономика» так успешно развалилась? И что это за экономика такая, когда у людей не было возможности свободно купить даже базовые вещи. - Просто лично мне не так легко избавиться от социальной установки, навязанной с детства: образование = профессия на всю жизнь = работа.
6.	Глобальный	<ul style="list-style-type: none"> - ... очень интересная тема, кстати говоря, но безумно противоречивая... с одной стороны, и экономический подъем и подъем образования..., а с другой стороны, диктатура... - США – первая экономика мира в основном за счет технологий, каждый разъемчик в китайском смартфоне произведен по американскому патенту, плюс развитое образование. - ... Экономика стала глобальной. Хватит свято верить, что «сейчас мы сделаем что-то сами», пора понять, что сотрудничать тупо выгоднее, чем не сотрудничать. - Поняла, что для планирования семьи и детей важен не только возраст, образование, доход, но и геополитическая ситуация в мире.

Продолжение таблицы 2

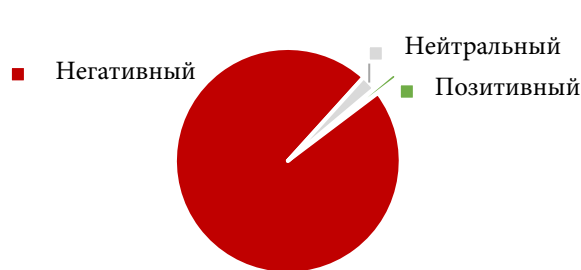
п\п	Смысл (характер)	Примеры
7.	Мезо-экономический	- ... чем лучше образован человек (народ), тем сложнее им манипулировать, в том числе, и в экономических вопросах. - ... Мне кажется, все экономисты, потратившие годы на образование, при измененных условиях могут просто выйти в окно... - ... и это будущее России? Тик-токеры, блогеры, летсплейщики, вебкамщики. А финансовое образование, а экономика?
8.	Личностно направленный	- Жаль, что на всякую ерунду у родителей хватило денег, а на университетское образование для меня – нет, но как уж есть... - Однажды приходит время задуматься о своей личной экономике, и ты осознаешь, что все накопленное в раз уходит в ноль при оплате за семестр своего, пока неоконченного образования... и ВСЕ ЖЕ жаль, что безденежье становится нормой, начиная уже с восемнадцати лет. - Сейчас встал вопрос о том, какое образование получать. Экономика, которую я так люблю, мне не светит. И все более-менее серьезные варианты, связанные с бизнес-аналитикой, тоже. В обоих случаях в предреквизитах значится матанализ.
9.	Дискуссионный	- Ты прямо экономист... Где учился? Хотя не говори, вижу кастрюльное образование. - Предъявите успехи, пожалуйста, макроэкономические, – вот здесь и сейчас! - Пропаганда хорошо работает, а Ваша голова и образование видимо отдыхают. Экономика – не для Вас!
10.	Западнический	- Россияне знают только российский язык, откуда им взять образование? - Образование советское – так себе: оно научило людей читать, а не думать. Хорошее образование учит думать. Меня думать научили в английских и американских ВУЗах. - Все умные уже уехали.
11.	Российский	- Зачем нам вражеское образование. - Бесплатное образование в лучшем вузе страны и множество возможностей для прекрасной жизни. Да, мне здесь очень хорошо! - Не буду повторять, что успешный бизнес и на Западе – не для всех, как и крутое образование, и миллион долларов. Сожаление о «десятиках миллионов людей в России» выглядит, как перенос своей модели успешной жизни на людей, которые могут видеть счастье в другом.
12.	Философская	- Спроси двух россиян, что такое хорошее образование – получишь три несовместимых ответа, то же самое с экономикой. - Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и сотрудничеству между всеми народами, расовыми, религиозными и экономическими группами. - Если у человека нет базовых представлений, как устроен мир, то можно любую «...» посеять в неокрепший мозг: хоть религию, хоть заговор, хоть веру во вставание с колен, хоть в чипирование. Корень всего – никчемное образование.

Количественный анализ эмоционального фона сообщений (рис. 3а) позволил убедиться в том, что большинство сообщений носит негативный характер (диапазон от -0,9482 до -0,1002), при этом весь диапазон шкалы негативных позиций, представленный девятью различными по уровню выраженности числовыми промежутками заполнен целиком. Это означает, что высказывания демонстрируют как умеренно негативный фон, так и резко выраженный – максимально возможный уровень негативизма, зачастую транслируемый в экспрессивной форме. *Нейтральный* (от 0,1001 до – до 0,0099) и *положительный* (диапазон от 0,1001 до 0,1) эмоциональные фоны высказываний пользователей тоже присутствуют,

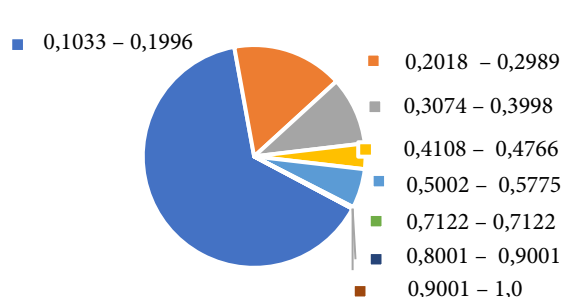
хотя уровень их выраженности несопоставим с интенсивностью негативных оценок (рис. 3б). Так, по количественным параметрам, нейтральный фон оценок составляет 2,2%, а позитивный – 0,8%¹. При этом важно отметить, что позитивные высказывания все-таки представлены и так же отражают широкий спектр ситуаций (рис. 3в). Пользователи рады тому, что образование существует, служит реализации многих своих общественных функций (социальных, экономических, политических, психологических – формирование личности и т. д.), а часть из них верит, что в будущем ситуация будет улучшаться. Позитивные оценки распределены в семи диапазонах из девяти возможных на шкале – уровни выраженности. Таким образом, пользователей, удовлетворенных образованием, в абсолютных значениях немало, и они также подробно описывают свою точку зрения, хотя и представляют значительное меньшинство (см. например: табл. 2, п. 11, высказывание 2).

3а. Распределение эмоционального фона сообщений по числовым диапазонам

3б. Распределение общего эмоционального фона

3в. Распределение позитивного эмоционального фона (от умеренного к ярко выраженному)

Рис. 3. Распределение эмоционального фона сообщений об образовании пользователей социальной сети ВКонтакте
Figure 3. Distribution of the emotional background of messages about the education of users of the social network VKontakte

¹ В абсолютных значениях нейтральные высказывания составляют 1060 сообщений, а позитивные – 404.

Заключение

Функциональная сущность образования как ресурса макроэкономического развития государства, по мнению пользователей социальной сети ВКонтакте, связана с его возможностью оказывать воздействие на социальное, экономическое и политическое развитие общества и государства, в том числе, как геополитического субъекта. При этом макрофункциональные возможности образования оцениваются ими значительно выше, чем возможности влияния на индивидуальное развитие и профессиональное становление личности. Пользователи также указывают на высокую взаимосвязь образования и уровня культуры населения. По их мнению, функциональная направленность образования во многом определяется предшествующей историей развития государства, в частности, российское образование неизменно соотносится с советским периодом и это обстоятельство до сих пор служит основанием для дискуссий, особенно при выборе социально-экономических ориентиров развития общества.

Структурно-содержательный анализ функциональной направленности образования, представленной в текстах пользователей, охватывает все уровни развития социально-экономических процессов – от личностного до общегосударственного. Макроуровневый контекст образования включает в себя все его функциональные паттерны и демонстрирует четко выраженное иерархическое соотношение, выстраиваясь в следующем порядке (порядок представлен по мере снижения значимости): общегосударственный, исторический, системный, глобальный, институциональный, региональный и мезо-экономический. Последние два уровня (региональный и мезоэкономический) продемонстрировали пропорционально соотносимые (близкие по значениям) количественные характеристики.

В рамках обсуждения проблем образования разворачивается серьезная полемика между сторонниками государственно ориентированного (этатистского) и социально-центрированного путей развития общества, сторонники этих двух «течений» многочисленны, и дискуссия вовлекает в полемику до 70% участвующих пользователей. Расхождения во мнениях о функциональной сущности образования свойственны пользователям и на обобщенно философском уровне. Например, споры вызывает вопрос об ответственности образовательного учреждения за формирование мировоззренческих убеждений учащихся. Выявлено много приверженцев такого подхода, но иные категорически против вмешательства системы образования в частную жизнь учащихся, немало сторонников и разумного сочетания обоих подходов при формировании политических и социальных воззрений подрастающего поколения.

Историческую обусловленность российского образования пользователи соотносят с особенностями развития образовательных процессов в СССР, привязки же современного образования к более ранним периодам истории (имперскому или еще более ранним этапам) не производится. Возможно, причиной этого является неудовлетворительное знание большинством участников дискуссий отечественной истории до 1917 г. К неоспоримым преимуществам советского периода развития образова-

ния пользователи относят высокий уровень развития науки, образования и культуры, а к отрицательным его характеристикам причисляют протекание образовательного процесса в рамках общих, обусловленных «свыше», негибких образовательных стандартов, которые подавляют способность человека свободно и творчески мыслить, вырабатывать собственное мнение, самостоятельно выбирать стили поведения и направленность жизненного пути (особенно жестко инакомыслие преследовалось, по мнению пользователей, в отношении возможных сценариев развития государства).

Образование как с сущностных, так и функциональных позиций, оценивается пользователями как благо для человека и общества, достижение которого требует значительных временных и социально-экономических затрат со стороны всех его участников (государства, преподавателей и обучающихся). Каких-либо отрицательных коннотаций, связанных с образованием как социальным феноменом, в текстах сообщений не обнаружено.

Недостаточная удовлетворенность образованием, проявляющаяся негативным фоном высказываний, связана у пользователей с нынешним состоянием образования. Среди ведущих причин негативных оценок можно отметить недостаточную ориентированность образования на решение внутренних социальных проблем и повышение уровня жизни населения. Высокую неудовлетворенность вызывают и некоторые иные факторы: остаточный принцип финансирования, малая интегрированность в международное образовательное пространство, низкое качество преподавания, отсутствие гарантий трудоустройства при получении диплома, дефицит престижных и/или высокооплачиваемых рабочих мест и т. д. В целом, негативных оценок, обусловленных различными причинами, придерживаются более 90% пользователей.

Можно также отметить то, что в контексте сообщений нет проговаривания или осознания, и тем более принятия, пользователями (т. е. населением/ гражданами) на себя ответственности за современное состояние образовательных процессов. Ответственность за развитие образования целиком возлагается ими на органы государственной власти, которые, по их мнению, обязаны задавать продуманную функциональную направленность образовательной системе, обеспечивать высокий уровень научных и культурных достижений, стимулировать интерес населения к получению образования, предоставлять значимые привилегии наиболее высокообразованным членам общества.

Общим выводом исследования может стать утверждение о том, что несмотря на чрезвычайно высокую функциональную оценку образования на различных уровнях (макро-, мезо- и микро-), основная масса высказываний пользователей социальной сети сосредоточена в диапазоне негативных оценок, что объясняется их неудовлетворенностью современным состоянием российского образования. Такая *неудовлетворенность* обусловлена негативной оценкой государственной образовательной политики, которую связывают с недооценкой роли образования в глобальном, общегосударственном, региональном и личностном аспектах. Выявленные результаты требуют дальнейшей конкретизации, например, изучения предлагаемых для преодоления сложившейся ситуации алгоритмов, что можно рассматривать как *перспективную* тему дальнейших исследований. Также целесообразно отметить высокую значимость обращения социо-гуманитарных наук

к «цифровым» технологиям анализа, что обеспечивает как обогащение научной базы [7], так и дополнительные возможности получения социально значимой информации, релевантной обществу в целом [12].

Библиографический список

1. Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 4. № 2(14). С. 110–133. EDN: XSMSPZ.
2. Горшков М. К. Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы // Гуманитарные науки. Вестник Финун-та. 2013. № 2(10). С. 33–43. EDN: QZQEET.
3. Двойникова А. А., Карпов А. А. Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных // Информационно-управляющие системы. 2020. № 4(107). С. 20–30. DOI: 10.31799/1684-8853-2020-4-20-30.
4. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологические ресурсы развития общества в условиях цифровых технологий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2(30). С. 24–40. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7301; EDN: VPJGAN.
5. Иванова И. А. Роль феномена «образ мира» в отечественной психологии // Вестник УРАО. 2011. № 1. С. 95–98. EDN: NUFMVD.
6. Китова Д. А., Журавлев А. Л. Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 105–115. DOI: 10.31857/S020595920019417-4; EDN: DRRBOX.
7. Кураков Л. П., Игнатьев М. В., Тимирясова А. В и др. Макроэкономика: уч. для вузов. М.: ИАЭП, 2017. 336 с. EDN: YTYUEI.
8. Кузьмичев С. М. Актуальные вопросы понимания человеческого капитала и его роль в современных экономических процессах // Молодой ученый. 2017. № 28 (162). С. 63–64. EDN: ZBFYXV.
9. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан / Отчет по итогам массового социологического исследования. М.: ИС РАН, 2019. Т. 1. с. 82.
10. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные баз / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: ИП РАН, 2020. 503 с. DOI 10.38098/soc.2020.89.1.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
12. Farooqui N., Ritika M., Saini A. Sentiment Analysis of Twitter Accounts using Natural Language Processing // International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT). 2019. Vol. 8. No. 3. P. 473–479.

13. Hu Q. Twitter data in public administration: a review of recent scholarship // *International Journal of Organization Theory & Behavior*. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 209–222. DOI: 10.1108/IJOTB-07-2018-0085.
14. Inglehart R., Welzel C. *Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005. 334 p.
15. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // *Communications in Computer and Information Science*. 2015. Vol. 542. P. 330–342.
16. Marechal C., Mikołajewski D., Tyburek K. et al. Survey on AI-Based Multimodal Methods for Emotion Detection // Kołodziej J., González-Vélez H. (eds). *High-Performance Modelling and Simulation for Big Data Applications*. Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer, 2019. Vol. 11400. P. 307–324. DOI: 10.1007/978-3-030-16272-6_11.
17. Robila M., Robila S. A. Applications of Artificial Intelligence Methodologies to Behavioral and Social Sciences // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. No. 29. P. 2954–2966. DOI: 10.1007/s10826-019-01689-x.
18. Xu H., Zhang N., Zhou L. Validity Concerns in Research Using Organic Data // *Journal of Management*. 2020. Vol. 46. No. 7. P. 1257–1274. DOI: 10.1177/0149206319862027.
19. Zhuravlev A. L., Zinchenko Y. P., Kitova D. A. Trends in the Study of Cultural-Historical Phenomena on the Internet (based on a study of Russians' attitudes towards money) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. No. 15(1). P. 103–119. DOI: 10.11621/pir.2022.0107.

Получено редакцией: 4.09.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель, Институт психологии РАН

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.14

Education as a Resource for Socio-Economic Development of Russia: Perceptions of Social Network Users

Anatoly L. Zhuravlev

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2555-7599

Dzhul'etta A. Kitova

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

E-mail: j-kitova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8185-3974

For citation: Zhuravlev A. L., Kitova Dz. A. Education as a Resource for Socio-Economic Development of Russia: Perceptions of Social Network Users. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 251–270. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.14; EDN: SOTZQAQ.

Abstract. In addition to the traditional reflections on the explicit functions of education (reproduction of the socio-professional structure of society) and its latent forms (reproduction of distribution relations), the tasks of state development are added, which become highly relevant from the point of view of economic achievements and from the point of view of meeting the needs of man and society, that determine the relevance of the researched problem. The purpose of the study was to identify the population's trivial ideas about the functional capabilities of education that can have an impact on the development of the state as a whole. The methodological approach is based on the fact that the perception of macroeconomic processes determined by the development of education will be reflected in the trivial ideas of the population, that can be studied through structural and content analysis of the texts of messages on social networks. The study used methods of grounded theory, neural network analysis, analysis of the frequency of occurrence and emotional background of words, content and expert analysis.

As a result of the study, the following main conclusions were formulated. According to users of social networks, the leading functions of education are related to its ability to influence the social, economic and political development of society and the state, including as a geopolitical subject. Users associate education with various levels of development of socio-economic processes – from personal to national. The functional essence of education as a resource for the macroeconomic development of the state dominates over other aspects (micro- and meso-levels) of ideas and demonstrates a clearly defined hierarchical relationship of priorities, arranged in the following order: national, historical, systemic, global, institutional, regional and meso-economic. As part of the discussion of educational processes, differences invariably arise between supporters of state-oriented and socially-centered ways of developing society. The historical conditionality of Russian education among users correlates with the peculiarities of its development in the USSR – there is no connection to earlier periods of history. Education from a functional perspective is assessed by users as a benefit for individuals and society, the achievement of which requires significant time and socio-economic costs on the part of all its participants (the state, teachers and students). Insufficient satisfaction with higher education is evident among the majority of users and is due to an assessment of its current state. The identified results require further specification, for example, the study of algorithms proposed to overcome the current situation.

Keywords: macro-psychology, functions of education, trivial perceptions, frequency analysis of words, neural network model, emotional background, social contexts

References

1. Aprelikova N. R., Kitova D. A. Structure of student youth needs in knowledge of psychology. *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2018: 4: 2(14): 110–133 (in Russ.). EDN: XSMSPZ.
2. Gorshkov M. K. Oneconomic factors of economic growth: untapped reserves. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finun-ta*, 2013: 2(10): 33–43 (in Russ.). EDN: QZQEET.
3. Dvoynikova A. A., Karpov A. A. Analytical review of approaches to Russian text sentiment recognition. *Informatsionno-upravlyayushchiye sistemy*, 2020: 4 (107): 20–30 (in Russ.). DOI: 10.31799/1684-8853-2020-4-20-30.
4. Zhuravlev A. L., Kitova D. A. Socio-Psychological Resources of the Development of Society in Digital Technology. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2020: 8: 2(30): 24–40 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7301; EDN: VPJGAN.
5. Ivanova I. A. Rol fenomena «obraz mira» v otechestvennoy psikhologii [The role of the “image of the world” phenomenon in Russian psychology]. *Vestnik URAO*, 2011: 1: 95–98 (in Russ.). EDN: NUFMVD.
6. Kitova D. A., Zhuravlev A. L. Automated text analysis in psychology: State and prospects of world research. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022: 43: 2: 105–115 (in Russ.). DOI: 10.31857/S020595920019417-4; EDN: DRRBOX.
7. Krakov L. P., Ignat'yev M. V, Timiryasova A. V and others. *Macroeconomics: textbook for universities*. Moscow, IAEF, 2017: 336 (in Russ.). EDN: YTYYEI.
8. Kuz'michyov S. M. Topical issues of understanding human capital and its role in modern economic processes. *Molodoy uchenyy*, 2017: 28(162): 63–64 (in Russ.). EDN: ZBFYXV.
9. About the pressing problems of our lives and the interaction of regulators, business and citizens. A report on the results of a mass sociological study. Moscow, 2019. Accessed 16.10.19. URL: <https://www.bankdelo.ru/news/100in1/pub/2570> (in Russ.).

10. Psychological research in the Internet space: search engines, social networks, electronic databases. Moscow, IP RAN, 2020: 503 (in Russ.). DOI: 10.38098/soc.2020.89.1.
11. Fukuyama F. *Doveriye: sotsial'nyye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity] Transl. from Eng by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotina Moscow, ACT: Yermak, 2004: 730 (in Russ.).
12. Farooqui N., Ritika M., Saini A. Sentiment Analysis of Twitter Accounts using Natural Language Processing. *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*, 2019: 8: 3: 473–479.
13. Hu Q. Twitter data in public administration: a review of recent scholarship. *International Journal of Organization Theory & Behavior*, 2019: 22: 2: 209–222. DOI: 10.1108/IJOTB-07-2018-0085.
14. Inglehart R., Welzel S. *Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005: 334.
15. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. *Communications in Computer and Information Science*, 2015: 542: 330–342.
16. Marechal C., Mikołajewski D., Tyburek K. et al. Survey on AI-Based Multimodal Methods for Emotion Detection. In Kołodziej J., González-Vélez H. (eds) *High-Performance Modelling and Simulation for Big Data Applications*. Lecture Notes in Computer Science. Cham, Springer, 2019: 11400: 307–324. DOI: 10.1007/978-3-030-16272-6_11.
17. Robila M., Robila S. A. Applications of Artificial Intelligence Methodologies to Behavioral and Social Sciences. *Journal of Child and Family Studies*, 2019: 29: 2954–2966. DOI: 10.1007/s10826-019-01689-x.
18. Xu H., Zhang N., Zhou L. Validity Concerns in Research Using Organic Data. *Journal of Management*, 2020: 46: 7: 1257–1274. DOI: 10.1177/0149206319862027.
19. Zhuravlev A. L., Zinchenko Y. P., Kitova D. A. Trends in the Study of Cultural-Historical Phenomena on the Internet (based on a study of Russians' attitudes towards money). *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022: 15(1): 103–119. DOI: 10.11621/pir.2022.0107.

The article was submitted on: September 4, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly L. Zhuravlev, Academician of RAS, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Scientific Director, Institute of Psychology RAS

Dzhuletta A. Kitova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher, Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology RAS

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15
EDN: TGHMYX

Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности¹

Ссылка для цитирования: Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 271–287. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15; EDN: TGHMYX.

For citation: Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and Pedagogical Community of Russia Universities as an Object of Resource Mobilisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 271–287. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15; EDN: TGHMYX.

AuthorID РИНЦ: 137655

Зборовский Гарольд Ефимович¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

garoldzborovsky@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 259120

Амбарова Полина Анатольевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

borges75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена мобилизационного управления ресурсностью научно-педагогического сообщества (НПС) российских университетов. В фокусе внимания оказались понятия ресурсности НПС и ее мобилизации как одной из моделей университетского управления. Цель статьи – раскрыть потенциал теорий мобилизации ресурсов, социальной общности, ресурсных концепций в концептуализации понятия мобилизации ресурсности НПС. Авторы рассматривают основные идеи и тезисы теорий, сложившихся в отраслях социологического знания, отличных от социологии высшего образования, и адаптируют их к контексту университетского управления НПС.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

Актуализирована авторская интерпретация понятия НПС как социальной общности и социально-профессионального сообщества в свете ресурсных концепций. Обсуждается содержание понятия ресурсности НПС как совокупности возможностей, в которые данное вузовское сообщество конвертирует средства и способы своей профессиональной деятельности, а также сопряженные с ней свойства, присущие научно-педагогическим работникам как социально-профессиональной общности. Один из основных результатов статьи связан с обоснованием подхода к классификации ресурсов НПС. Предлагается выделять и учитывать в практиках университетского управления пять блоков ресурсов – социально-демографический (количественный, возрастной, гендерный ресурсы); научно-исследовательский (исследовательский, публикационный, темпоральный ресурсы); педагогический (ресурсы образовательно-педагогический, повышения научно-педагогической квалификации, наставничества); ресурсы взаимодействия научно-педагогических работников (НПР) и научных коллективов (коммуникативный, ресурс научных школ и коллективов); морально-символический (символический и морально-идеологический ресурсы). Рассматривается мобилизационный университетский менеджмент как стратегия управления НПС, предполагающая концентрацию ресурсов и усилий НПР на стратегических направлениях и задачах развития университетов. В качестве предпосылок такого управленческого подхода обосновывается учет и актуализация процессов самоорганизации НПС как сложного и высокопрофессионального сообщества, восстановление понимания, доверия, солидарности между ним и административно-управленческим корпусом университетов. Ставится вопрос об акторах мобилизации ресурсности НПС, которые должны обладать глубоким знанием источников, особенностей и закономерностей функционирования ресурсов академического сообщества. В заключении обсуждается вопрос о востребованности в университетском управлении научно обоснованного подхода мобилизационного управления ресурсностью НПС и готовности административно-управленческого аппарата к его использованию.

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество, ресурсность научно-педагогического сообщества, мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества, университеты

Введение

Одной из значимых социально-профессиональных общностей, от состояния которой зависит во многом развитие отечественной науки и высшего образования, является научно-педагогическое сообщество (НПС). В литературе существует и иное ее название – научно-педагогические работники (НПР). Различие в названиях обусловлено, прежде всего, ракурсом рассмотрения отношений между представителями данной социальной общности. В первом случае акцент сделан на тесных связях и взаимодействиях между ними. Во втором внимание сфокусировано на общей функциональной сфере – научно-педагогической работе. Далее в статье будут использованы оба термина-понятия, в зависимости от контекста рассмотрения характеризуемой социально-профессиональной общности.

Актуальность изучения мобилизации ресурсного потенциала НПС определяется необходимостью поиска источников развития высшего образования в условиях кризисной международной ситуации, очередных рефор-

маторских инициатив в сфере высшего образования, запущенных на фоне неразрешенных старых его проблем. Очевидно, что в такой ситуации российские университеты испытывают потребность не столько в экспансивном развитии и количественном росте показателей образовательной и научной активности, сколько в качественной трансформации, связанной с адекватной оценкой ресурсного потенциала НПС и возможностей его мобилизации для решения новых сложных задач высшей школы.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей и содержания мобилизационного подхода к управлению ресурсностью НПС. Исследовательскими вопросами, конкретизирующими цель статьи, являются: 1) характеристика НПС как социально-профессиональной общности и трактовка ее ресурсности; 2) анализ понятия мобилизации ресурсности НПС. Этой задаче мы придаем особое значение – с учетом слабой ее разработанности в социологии управления и социологии высшего образования.

Новизна авторского подхода связана с развитием теоретико-методологических основ исследования управления ресурсным потенциалом НПС вузов России, позволяющих актуализировать имеющееся и получить новое знание о ключевой социально-профессиональной общности академического мира.

Теоретические ракурсы изучения ресурсности НПС как социально-профессиональной общности

Содержание понятия социальной общности и производных от него понятий образовательной общности и социально-профессионального сообщества было обосновано нами раньше [9]. Они продуктивно использовались в качестве ключевых концептов в наших исследованиях российского образования последних лет. В то же время изучение проблемы мобилизации ресурсности НПС потребовало их социологической «ревизии» и развития с использованием положений ресурсных концепций.

В теоретическом плане мы предложили рассматривать НПС как разновидность, с одной стороны, социальной общности, с другой – общности профессиональной. НПС обладает родовыми характеристиками социальной общности – реальными, органическими, тесными, устойчивыми связями, на которые указывал Я. Щепаньский [25]. Впрочем, сам классик социологии в свое время мир ученых относил к механистическим образованиям – социальным группам, наподобие попутчиков или деловых людей.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу соотношения социальной общности и социальной группы, результаты которой представлены в научной литературе [4; 5], мы опираемся в трактовке НПС на определение социальной общности как объединения людей на базе имеющихся между ними органических и устойчивых социальных связей и выполнения определенных функций самостоятельного субъекта социального действия. Вслед за В. А. Ядовым мы признаем главными условиями возникновения

и существования социальной общности единство их интересов, схожесть условий их жизнедеятельности, материальной, производственной и иной деятельности, близость взглядов, верований, субъективных представлений о целях и средствах деятельности [26, с. 17–18]. Представители НПС как социальной общности, таким образом, характеризуются «солидарными ожиданиями, т. е. ожиданиями того, что совместно им удастся эффективнее решать те или иные задачи» [15, с. 277], осознанием своей принадлежности к данной общности [9, с. 109–110].

НПС мы рассматриваем также как социально-профессиональную общность, поскольку оно выполняет профессиональные функции – образовательную, научно-исследовательскую, воспитательную, имеющие не только внутривузовское, но и широкое социальное значение. Реализация названных функций приводит к появлению у НПС характеристик научно-образовательной общности. Главными среди этих характеристик являются: доминанта научно-образовательных функций в профессиональной деятельности; взаимодействие в этой деятельности с другими вузовскими общностями, прежде всего образовательными и научно-исследовательскими (научными работниками) [33]; идентификация себя с основным субъектом высшего образования и науки [38].

Особый аспект пересмотра понятия образовательной общности представляет размышление о соотношении понятий научно-образовательной общности и сообщества. Социальное (социально-профессиональное) сообщество выступает разновидностью социальной общности. По мнению О. С. Коноваловой, понятие сообщества «далеко не нейтрально: оно касается определенного идеала общественных связей и общественной организации» [13, с. 125], изучение которого актуализировано кризисом существования в современном обществе локальных органически спаянных социальных образований. Приставка «со-» задает смысловой акцент на особом качестве соединенности, единстве, спаянности индивидов, входящих в сообщество.

Так, S. Cherrington, A. Macaskill и J. Flutey особо выделяют в сфере высшего образования профессиональные сообщества, обеспечивающие взаимное обучение, профессиональную поддержку, сотрудничество ради общих профессиональных целей [29]. S. Linqvist и S. Wilkins подчеркивают особенности идентичности и ролевой модели университетских ученых и педагогов [33; 38], полагая, что именно в них кроется источник развития и трансформации университетского профессионального сообщества. Отличительными характеристиками профессионального сообщества являются также специфический стиль жизни, наличие неформального сильного этического кодекса, регулирующего внутриобщностные отношения [28].

Для исследования мобилизации ресурсности НПС важен тезис теории социальной общности о том, что она может выступать самостоятельным субъектом социального действия на основе обладания различными ресурсами и их использования.

Авторская трактовка понятия и классификации ресурсности НПС сложилась на основе классических социологических концепций социальных ресурсов (У. Бек, Г. Беккер, П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Кастельс). В самом общем виде ресурсность НПС – это системное понятие, обозначающее взаимосвязанную совокупность ресурсов, используемых научно-педагогическими работниками в процессе образовательной, научной, воспитательной деятельности для эффективной реализации их основных целей и задач. Еще один вариант определения ресурсности НПС был предложен нами ранее и состоял в ее трактовке как «совокупности возможностей, в которые данное вузовское сообщество конвертирует средства и способы своей профессиональной деятельности, а также сопряженные с ней свойства, присущие НПС как социально-профессиональной общности» [10, с. 884]. Сама конвертация при этом преследует цель трансформации той социальной среды, в которую вовлечено НПС.

Использование понятия ресурсности позволяет уйти от перечисления отдельных ресурсов и соответственно характеристики каждого из них порознь и ориентирует на их классификацию (группировку), осуществляемую по определенным критериям, а также на выявление связей и зависимостей между отдельными видами ресурсов в ее структуре. Эти связи и зависимости существуют не только вследствие объективных признаков имеющихся ресурсов, но и благодаря их субъективному восприятию самими НПС.

В результате возможно выделение пяти блоков (групп) ресурсов: социально-демографического (количественный, возрастной, гендерный ресурсы); научно-исследовательского (исследовательский, публикационный, темпоральный ресурсы); педагогического (ресурсы образовательно-педагогический, повышения научно-педагогической квалификации, наставничества); ресурсов взаимодействия НПС и научных коллективов (коммуникативный, ресурса научных школ и коллективов); морально-символического (символический и морально-идеологический ресурсы) [11].

Нам представляется, что вполне обоснованной может быть и иная классификация ресурсов НПС на основе трех основных сфер их профессиональной деятельности – образовательно-педагогической, научно-исследовательской, коммуникативно-воспитательной. Тогда объединение ресурсов могло бы демонстрировать не только теоретический смысл, но и практико-ориентированный характер, вписываясь в модель управленческой деятельности по мобилизации этих ресурсов в интересах вуза. В этом случае структура ресурсности воспроизвела бы традиционную трехэлементную структуру деятельности НПС (преподавание – научные исследования – воспитательная работа), но благодаря целенаправленному объединению ресурсов, а затем и их мобилизации возникли бы новые возможности интеграции и оптимизации этих ресурсов.

Предложим с этой целью возможный вариант классификации отдельных ресурсов: образовательного, научно-педагогической квалификации, наставничества, социально-демографического (в рамках образовательно-педагогического блока деятельности); исследовательского, публика-

ционного, символического, ресурса научных коллективов и научных школ (в рамках блока научной деятельности); коммуникативного, морально-идеологического, темпорального (в рамках коммуникативно-воспитательного блока деятельности).

Для понимания самой ресурсности НПС может быть достаточно тех классических теоретических подходов, которые предлагают: 1) различные трактовки ресурсов через понятие потенциальных возможностей, значимых качеств и благ, которыми обладает социальная общность; 2) основания для классификации многообразных ресурсов. Между тем в контексте исследования ресурсности НПС вузов требуется сформировать представления о динамике ее развития, трансформации, функциях во взаимодействии НПС с другими образовательными общностями и сообществами.

Ответы на данные вопросы предлагает теория социальных изменений П. Штомпки, в которой ресурсы социальных субъектов должны быть мобилизованы или изменены ими для того, чтобы войти во взаимодействие с изменяющимися социальными структурами. Конечно, П. Штомпка предлагает этот тезис в масштабах макросоциологического анализа, говоря, что предпосылка успешных (героических) социальных изменений состоит в «наличии богатых человеческих ресурсов, поддающихся мобилизации» [24, с. 11]. Однако это положение вполне «работает» и на мезо- и макроуровнях.

Понятие ресурсности социально-профессионального сообщества также приобретает определенную оценочную окраску в кризисном дискурсе. Наличие и конфигурация ресурсов, способность и возможности их воспроизводства или получения становятся основанием для конструирования в условиях кризиса стратегии поведения, деятельности и взаимодействия сообщества [6]. Следовательно, активность/пассивность/имитационность стратегий НПС, рассмотренные с позиций ресурсного подхода, могут быть объяснены наличием или дефицитом у данного социально-профессионального сообщества тех или иных ресурсов, востребуемых в его профессиональной деятельности.

Способность ресурсов НПС конвертироваться (либо в процессе самоорганизации общности, либо в процессе ее мобилизации) объясняется ресурсно-потенциальной концепцией, получившей признание в отечественной социологии [7; 8; 20]. Такая способность функционально изменяет социальный статус, а также роль НПС как в академическом пространстве, так и в обществе в целом, поскольку этот процесс сопряжен с освоением новых ценностей, норм, моделей поведения, соответствующим новым позициям.

Ресурсозависимость или ресурсодостаточность – две ключевые характеристики ресурсного потенциала сообщества, важные в методологическом плане для замера способности НПС отвечать стратегическим целям развития университетов. И в таком случае задача мобилизационного управления кроется в том, чтобы «включить» механизмы конвертации, благодаря которым имеющиеся, пусть и слаборазвитые ресурсы, могли обеспечить саморазвитие и самоактуализацию профессионального сообщества.

Теоретические предпосылки мобилизации ресурсов НПС как задачи университетского управления

Мы рассматриваем мобилизацию ресурсности НПС как управленческую стратегию, направленную на поиск, конвертацию и фокусирование дефицитных ресурсов НПС в интересах национальной и университетской программ развития высшего образования. Речь идет о формировании мобилизационного университетского менеджмента, предполагающего концентрацию ресурсов и усилий НПС на стратегических направлениях и задачах развития университетов. Такой подход рассматривается в качестве альтернативы традиционному административному управлению и трактуется как необходимый инструмент преодоления рисков университетского развития в новых сложных условиях функционирования России.

Ключевое понятие – мобилизация ресурсности сообщества – неоднозначно, его содержание требует интерпретации в контексте проблемы университетского управления. В течение нескольких десятилетий оно использовалось в политологии, политической социологии и социологии общественных движений [34; 36]. Теория мобилизации ресурсов формировалась в рамках социологии общественных движений и объясняла целесообразность и организованность коллективных действий социальных групп, направленных на защиту их интересов, с учетом рациональной оценки складывающейся социальной ситуации.

Таким образом, в своем классическом варианте теория мобилизации ресурсности имеет отношение не к управлению, а к самоорганизации социальных групп и общностей. И в этом смысле она, казалось бы, в своих содержательных тезисах и смысловых акцентах не может служить теоретико-методологической основой современного кризисного университетского управления. Между тем, именно ключевой концепт – мобилизация ресурсов – позволяет адаптировать рассматриваемую теорию к задачам университетского менеджмента по управлению НПС.

В. В. Костюшев отмечает: «Ни уровень недовольства, ни структурная напряженность, ни революционные идеологии не могут быть причиной возникновения общественных движений. Они возникают при определенных состояниях и возможностях, которые становятся ресурсами движения, которые в свою очередь *следует обнаружить и научиться использовать, то есть мобилизовать* [курсив – авт.]» [14]. Развивая эту идею, можно говорить о способности университетского управления *обнаружить и научиться пользоваться* ресурсами НПС, природа которых зачастую обусловлена процессами самоорганизации и саморегуляции данной общности. Собственно, речь идет о парадигме «мягкого» управления сложным и высокопрофессиональным академическим сообществом. За последние годы оно, несмотря на существенные потери, все же сумело сохранить свою относительную автономию от «нового университетского менеджмента», а значит, и внутренние источники саморазвития и наращивания своей ресурсности.

В современной социологии высшего образования не раз артикулировалась проблема межобщественного конфликта между НПС и университетскими администраторами и поиска способов его урегулирования [1; 17; 32]. Результаты этих теоретических и эмпирических исследований могут быть использованы как социологические «подсказки» в разработке модели мобилизационного подхода к управлению ресурсностью НПС, поскольку они указывают на его первое непреложное условие – снятие межобщественного конфликта, преодоление фрагментированности университетского сообщества, восстановление в нем солидарности, консенсуса, доверия.

Предметом теории мобилизации ресурсов стали не только институциональные механизмы, но и социальные акторы, способные приобретать ресурсы (из внутренней и внешней среды) и мобилизовывать их для достижения значимых целей [27; 31]. Продуктивными для понимания (в теоретическом анализе) и выбора (в практическом смысле) акторов ресурсной мобилизации в академическом сообществе являются тезисы рассматриваемой теории по поводу природы активности и креативности акторов. Теория мобилизации ресурсов предлагает обращать внимание как на внешние, так и внутренние детерминанты поведения акторов мобилизации, а также процессы изменений, которые происходят в них самих и которые производятся ими в институциональных и организационных структурах.

Соответственно, в контексте университетской проблематики концептуальным является вопрос о том, можно ли административно-управленческий аппарат, функционирующий в сложившихся бюрократических структурах университета, автоматически причислять к акторам мобилизации ресурсности НПС. Очевидно, нет, поскольку актуализация ресурсов НПС базируется на неявном и неформализованном знании о них, источниках их роста, взаимосвязях. Забюрократизированный университетский аппарат управления зачастую не владеет этим знанием, а если и владеет, не обладает институциональными возможностями использовать его. Следовательно, акторами мобилизационного управления ресурсами НПС могут быть те представители академического сообщества (как университетского менеджмента, так и НПС), которые не только владеют знанием о ресурсности НПС, но и имеют право и возможности изменять институциональные правила, нормы, структуры.

Вообще объяснительный потенциал теории мобилизации ресурсов намечает оптимистичную перспективу развития российских университетов, потому что показывает конструктивный путь слома конфликтных и неконвенциональных траекторий их развития. В этом смысле тезис о роли внеинституциональных практик¹ легко транспонируется на университетскую реальность. Основываясь на нем, мы можем заимствовать из теории мобилизации ресурсности идею о том, что представители университетского менеджмента, обладающие акторностью, в периоды кризиса вполне успешно могут прибегать к внеинституциональным формам

¹ В случае общественных движений – бунты, стихийные коллективные выступления.

для реализации институциональной образовательной политики. Репертуар таких форм может быть настолько широким, насколько широкой является линейка ресурсов НПС.

Ряд таких мобилизационных практик может опираться на неявное знание о конвертируемости и взаимозависимости ресурсов. Выше мы показали эти особенности ресурсности НПС. В то же время теория мобилизации ресурсов предлагает использовать и общие закономерности их функционирования. Так, по мнению В. В. Костюшева, недостаток одного ресурса может быть компенсирован бóльшим значением других ресурсов, например, дефицит финансирования – активностью лидеров социального движения (сообщества), идеологическая неопределенность – материальным стимулированием участников, недостатки в организации – солидарностью [14]. Эта схема вполне «работает» и в отношении мобилизации ресурсности НПС.

Теория мобилизации ресурсов нашла свое широкое применение в организационных практиках, поскольку именно эти структуры, в отличие от университетов, оказались наиболее уязвимыми к кризисным состояниям (экономики, политики) и одновременно – наиболее способными к быстрому поиску подходов к их преодолению. В связи с этим парадигма мобилизационного менеджмента активно стала развиваться в коммерческом секторе и нашла свое отражение в социологии организаций и управления.

Поскольку в рамках рассматриваемой проблемы нас интересует управление организациями высшего образования, постольку обратимся к обобщению разработки мобилизационного управления в коммерческих организациях. Тем более, что университетский сектор почти не представлен ни в научной литературе, ни в практико-ориентированных материалах. Исключение составляют лишь некоторые публикации [37].

Дж. Зельтцер предложила рассматривать мобилизацию ресурсов как совокупность всех действий, направленных на обеспечение новых и дополнительных ресурсов для организации, а также более эффективное использование и максимальное увеличение существующих ресурсов [35]. При этом цель мобилизации она связала с развитием новых направлений бизнеса, полагая, что государственные организации в конкурентной среде могут действовать вполне как бизнес-организации.

Менеджерский опыт коммерческих организаций подсказывает, что при мобилизационном управлении ресурсами резко возрастают временные затраты управления. Соответственно, в ситуации университетского управления особое значение приобретает темпоральный фактор: не только умение планировать, но в целом – понимать природу времени академического труда, временных параметров процессов академического развития, выстраивания временной перспективы реализации стратегических планов университетов в соответствии с особенностями темпоральных структур НПС. В работах Дж. Зельтцер была также обоснована необходимость планирования ресурсов, то есть прогнозирования их нехватки в будущем

и источников их продуцирования¹. Эта идея приобретает актуальное звучание при разработке специфической модели мобилизационного управления ресурсностью НПС в российских вузах.

Исследователи традиционно обращают внимание на социокультурные основания мобилизационного управления нематериальными активами организации. Так, П. Штомпка отводил особую роль культурной среде, благодаря которой обеспечивается вовлеченность и мобилизованность социальных субъектов [23, с. 6–7]. Вслед за П. Штомпкой В. Л. Василенок и Д. С. Бразевич полагают, что центральным элементом мобилизационного типа управления, которое носит принципиально человеко-ориентированный характер, является ценностное и мотивационное ядро [3]. Они имеют большее значение по сравнению с инвестициями и материальными активами.

В модели мобилизационного управления особое место занимает такая характеристика, как респонсивность (или отзывчивость) [18]. В социологической науке сложились теоретические подходы к объяснению названного свойства социальных субъектов, проявляющегося в их взаимодействии. Содержательно тезис о респонсивности связан с идеей А. Этциони об активном обществе как респонсивной системе, в которой общественные объединения и отдельные граждане имеют постоянно обновляемый опыт социальной мобилизации и коллективного действия, а государственные учреждения и институты обладают организованной способностью воспринимать воздействие и отзываться на него [30, р. 504].

Если говорить о респонсивности в контексте университетского управления, то заметим, что она присуща как субъектам (акторам) мобилизационного университетского управления, так и самому НПС, которое должно обладать готовностью к социальной мобилизации [22].

Не можем не согласиться с точкой зрения А. А. Аузана, стоящего на позициях социокультурной экономики, согласно которой «одна из характеристик России – способность к краткосрочной мобилизации, к авральности» [2, с. 89]. Основывая свое видение мобилизационного подхода как универсального для разных сфер российского общества, А. А. Аузан, с одной стороны, прогнозирует успешность внедрения такой модели в силу ее конгруэнтности российской ментальности (вне принадлежности к тому или иному социальному слою или профессиональной группе), с другой – краткосрочности ее эффективного применения (3–5 лет).

Социологические исследования НПС, проведенные в последние годы, показали, что авральность и хаотичность функционирования и трансформации высшей школы привели к возникновению чрезвычайно высокого уровня социальной усталости и социального пессимизма в академической среде. Это обстоятельство снижает респонсивность НПС и исключает из структуры мобилизационной модели управления ресурсностью НПС механизмы давления, принуждения, устрашения. Вместо них исследователи теоретически и практически обосновывают продуктивность механизма поддержки инициативности сообществ, конструируемого с помощью различного рода коммуникаций.

¹ Resource mobilization: a primer for SBCC organizations. URL: <https://sbccimplementationkits.org/resource-mobilization/>

Заключение

Кризисное развитие представляет собой постоянно воспроизводимый в последние годы сценарий развития отечественного высшего образования. Такой контекст поневоле актуализирует внедрение новой управленческой терминологии, отражающей основные характеристики новой реальности высшей школы. На наш взгляд, понятие мобилизационного управления и мобилизации ресурсности НПС – элементы нового тезауруса академической управленческой практики и социологии высшего образования [16], который постепенно обретает конкретное содержание и обоснование.

Если в университетской практике элементы мобилизационного подхода к управлению ресурсностью НПС только складываются, продолжая традицию переноса управленческих подходов из бизнес-среды в академическую, то социальная теория позволяет опередить этот процесс, в определенном смысле спрогнозировать и скорректировать его. В связи с этим представленные в настоящей статье результаты теоретического анализа мобилизации ресурсности НПС вносят вклад в решение данной практической задачи. Тем более что профессиональная культура «нового университетского менеджмента» нуждается в научных источниках развития не меньше, чем в адаптации практического опыта, привнесенного из государственного и муниципального управления и коммерческого сектора.

Главную роль в процессе мобилизации, т. е. актуализации и капитализации, ресурсности НПС выполняют два актора – университетские руководители, чей профессионализм базируется на глубоком знании и понимании академического мира, и само НПС. Восстановление их органичного и эффективного взаимодействия, основанного на понимании общих задач современных российских университетов и друг друга, является предпосылкой успешного внедрения и реализации модели мобилизации ресурсности НПС.

Проблема состоит в первую очередь в том, что многие представители университетского менеджмента не интегрированы в академическое сообщество и имеют фрагментарное представление о ресурсном потенциале НПС и закономерностях его функционирования и развития. Во вторую очередь, быстрый численный и статусный рост административно-управленческого персонала происходит одновременно с сокращением границ академической свободы и традиций академического самоуправления, что приводит к подавлению источников саморазвития и самовоспроизводства ресурсов НПС. Все эти обстоятельства на фоне уже отмеченной перманентности кризиса высшей школы и ведут к необходимости разработки специального мобилизационного подхода к управлению НПС.

Для чего нужен в современных условиях мобилизационный управленческий подход к реализации ресурсности НПС в российских вузах? Во-первых, чтобы определить невостребованные ресурсы и пути их конвертации в эффективно работающие. Во-вторых, чтобы выявить мотивационную структуру мобилизационной активности НПС и его готовность к уча-

стию в стратегии развития университетов. В-третьих, чтобы создать для этого стимулы, соответствующие интересам и запросам НПС. В-четвертых, чтобы обеспечить сотрудничество НПС, мотивированных на создание коллаборативных связей с другими университетами, в том числе с зарубежными.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. Т. 138. № 2. С. 16–32. EDN: WHBOCD.
2. Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 158 с.
3. Василенок В. Л., Бразевич Д. С. Формы и социальные технологии мобилизующего менеджмента в предпринимательской системе // Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 4. С. 190–200. EDN: UYWOXV.
4. Горохов В. Ф., Васнева Н. Н. О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4(132). С. 12–21. EDN: VMFALF.
5. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т. 1: А-О. М.: Вече, АСТ, 1999. 543 с.
6. Дятлов А. В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. н. Ростов-н/Д., 2005. 268 с. EDN: NNHYHZ.
7. Замараева З. П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения. Пермь: ПермГУ, 2009. 181 с. EDN: XMYOLR.
8. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13–25. EDN: OOUYRP.
9. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гум. ун-т, 2009. 304 с. EDN: QOKBWV.
10. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // Вестник РУДН. Социология. 2022. № 4. С. 881–894. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894; EDN: PGOKYR.
11. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С., Кеммет Е. В. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования // Высшее образование в России. 2023. № 5. С. 71–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88.
12. Климов И. А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23. EDN: QAOBCV.

13. Коновалова О. С. История и логика понятия сообщества в научном общественном знании // Социальная философия и опыт современного общественно-научного знания: к 40-летию философского факультета. Екатеринбург: УрФУ, 2005. С. 125–138.

14. Костюшев В. В. Социология общественных движений. СПб.: НИУ ВШЭ, 2009. URL: <http://geum.ru/next/art-132180.leaf-2.php> (дата обращения: 15.05.2023).

15. Общая социология / Под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. 654 с.

16. Плюснин Ю. М. Мобилизационное управление в науке // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 85–104. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.7.

17. Резник С. Д., Сазыкина О. А. Система организации научной работы на университетской кафедре: механизмы управления «неуправляемыми» учеными // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 21–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36; EDN: ZCRJXF.

18. Скопин А. Ю., Климов А. И., Зайцев Д. Г. Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии. URL: <https://bit.ly/3aiQWPK> (дата обращения: 10.05.2023).

19. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ. Кемерово: КеМГУ, 2015. 369 с. EDN: WJOSFL.

20. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: Олма Медиа Групп, 2009. 555 с.

21. Суханова Е. А., Ковалева Т. М., Зоткин А. О. Инициативная среда университета как механизм управления персоналом в условиях трансформации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 90–97. EDN: VQWPIH.

22. Шпак Л. Л., Токмашева Ю. В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник ТомГУ. 2015. № 399. С. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/399/6; EDN: VCOXYZ.

23. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

24. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414 с.

25. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 237 с.

26. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995. 328 с. С. 17–18.

27. Barker-Plummer B. Producing Public Voice: Resource Mobilization and Media Access in the National Organization for Women // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2002. Vol. 76(1). P. 188–205.

28. Bieliauskaite J. Solidarity in Academia and its Relationship to Academic Integrity // *Journal of Academic Ethics*. 2021. Vol. 19(3). P. 309–322. DOI: 10.1007/s10805-021-09420-6.
29. Cherrington S., Macaskill A., Flutey J. Developing a pan-university professional learning community // *International Journal for Academic Development*. 2018. Vol. 23(4). P. 298–311. DOI: 10.1080/1360144X.2017.1399271.
30. Etzioni A. *The active society*. L.: Collier-Macmillan; N.Y.: Free Press, 1968. 729 p.
31. Jenkins C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 9(1). P. 527–553.
32. Jones D. R., Visser M., Stokes P. et al. The Performative University: ‘Targets’, ‘Terror’ and ‘Taking Back Freedom’ in Academia // *Management Learning*. 2020. Vol. 51(4). P. 363–377. DOI: 10.1177/1350507620927554.
33. Linqvist S. Academic Development: A Space, But Is It an Identity? // *Professional and Support Staff in Higher Education* / Ed. by C. Bossu, N. Brown. Singapore: Springer, 2018. P. 23–37. DOI: 10.1007/978-981-10-1607-3_18-2.
34. Rogers T., Goldstein N. J., Fox C. R. Social Mobilization // *Annual Review of Psychology*. 2018. Vol. 69. P. 357–381.
35. Seltzer J. B. What is Resource Mobilization and Why is it so Important? // *Management Sciences for Health*. 2014. URL: <https://clck.ru/hcMEi> (Accessed 12.05.2023).
36. Staniland P. Cities on Fire: Social Mobilization, State Policy, and Urban Insurgency // *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43(12). P. 1623–1649.
37. Wangenge-Ouma G., Langa P. V. Universities and the mobilization of claims of excellence for competitive advantage // *Higher Education*. 2010. P. 59: 749–764.
38. Wilkins S., Butt M. M., Annabi C. A. The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviors in multinational higher education institutions // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018. Vol. 40(1). P. 48–66. DOI:10.1080/1360080X.2017.1411060.

Получено редакцией: 19.05.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15

Scientific and Pedagogical Community of Russia Universities as an Object of Resource Mobilisation¹

Garold E. Zborovsky

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8153-0561

Polina A. Ambarova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: borges75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3613-4003

For citation: Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and Pedagogical Community of Russia Universities as an Object of Resource Mobilisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 271–287. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15; EDN: TGHMYX.

Abstract. The article is devoted to a theoretical understanding of the phenomenon of mobilisational management of the resources of the scientific and pedagogical community (SPC) of Russian universities. The focus was placed on the concepts of NPS resource capacity and its mobilisation as one of the models of university management. The purpose of the article is to reveal the potential of theories of resource mobilisation, social community, resource concepts in the conceptualisation of the notion of mobilisation of NPS resource capacity. The authors consider the main ideas and theses of theories developed in branches of sociological knowledge other than the sociology of higher education, and adapt them to the context of university management of the NPS. The authors' interpretation of the concept of NPS as a social community and socio-professional community has been updated in the light of resource concepts. The content of the concept of NPS resource capacity is discussed as a set of opportunities into which a given university community converts the means and methods of its professional activities, as well as the associated properties inherent in scientific and pedagogical workers as a socio-professional community. One of the main results of the article is related to the substantiation of the approach to the classification of NPS resources.

It is proposed to identify and take into account in university management practices the following five blocks of resources – socio-demographic (quantitative, age, gender resources); scientific research (research, publication, temporal resources); pedagogical (educational and pedagogical resources, advanced scientific and pedagogical qualifications, mentoring); resources for interaction between scientific and pedagogical workers (RPWs) and scientific teams (communication, resource of scientific schools and teams); moral-symbolic (symbolic and moral-ideological resources). Mobilisational university management is considered as a strategy for managing research and development staff, which involves concentrating the resources and efforts of academic staff on strategic directions and tasks of university development. As prerequisites for such a management approach, it is substantiated to take into account and update the processes of self-organisation of the NPS as a complex and highly professional community, to restore understanding, trust, and solidarity between it and the administrative and managerial corps of universities. The question is raised about the actors in the mobilisation of NPS resources, who must have a deep knowledge of the sources, features and patterns of functioning of the resources of the academic community. In conclusion, the article discusses the issue of demand in university management for a scientifically based approach to mobilisation management of NPS resources and the readiness of the administrative and managerial apparatus to use it.

Keywords: scientific and pedagogical community, resource capacity of the scientific and pedagogical community, mobilisation of the resource capacity of the scientific and pedagogical community, universities

References

1. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentyev E. A. Anxiety and enthusiasm in discourses about the academic world: international and Russian contexts. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016: 138(2): 16–32 (in Russ.).
2. Auzan A. A. Cultural codes of the economy: How values affect competition, democracy and the well-being of the people. Moscow, AST, 2022: 158 (in Russ.).

¹ The study was supported by RSF, grant No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

3. Vasilenok V. L., Brazevich D. S. Forms and social technologies of mobilizing management in the entrepreneurial system. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*, 2015: 4: 190–200 (in Russ.).
4. Gorohov V. F., Vasneva N. N. On the relationship of the categories “social community” and “social group”. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2014: 4(132): 12–21 (in Russ.).
5. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar': v 2 t. T. 1: A-O [Dyatlov A. V. Social'nye resursy razvitiya rossijskogo obshchestva: dis. ... d-ra sociol. Nauk [Zamaraeva Z. P. Resursno-potencial'nyj podhod v sisteme social'noj zashchity nasele-niya [Zaslavskaya T. I. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe [Zborovsky G. E. Teoriya social'noj obshchnosti [Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Resource capacity of the research and pedagogical community: administrative and mobilization approaches to analysis. *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 2022: 4: 881–894 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894; EDN: PGOKYR.
6. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Katashinskih V. S., Kemmet E. V. Resource capacity of the scientific and pedagogical community of the universities of the Ural Federal District: the experience of qualitative research. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 5: 71–88(in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88.
7. Klimov I. A. Social'naya mobilizaciya: k istorii ponyatiya [Konovalova O. S. Istoriya i logika ponyatiya soobshchestva v nauchnom obshchestvoznanii [Kostyushev V. V. Sociologiya obshchestvennyh dvizhenij [Obshchaya sociologiya [Plyusnin Yu. M. Mobilization management in science. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*, 2022: 4: 3: 85–104 (in Russ.). DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.7.
8. Reznik S. D., Sazykina O. A. Organization of Research Activities at University Department: Management Mechanisms for “Uncontrollable” Scientists. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019: 28: 4: 21–36 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36; EDN: ZCRJXF.
9. Skopin A. Yu., Klimov A. I., Zajcev D. G. Factor approach in Modern Social Sciences: Economics, Sociology and Political Science. Accessed 10.05.2023. URL: <https://bit.ly/3aiQWPK> (in Russ.).
10. Social and political mobilization: a microsociological analysis. Kemerovo, KemGU, 2015: 369 (in Russ.).
11. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii [Suhanova E. A., Kovaleva T. M., Zotkin A. O. The initiative environment of the University as a mechanism of personnel management in the conditions of transformation. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2016: 1: 90–97 (in Russ.).
12. Shpak L. L., Tokmasheva Yu. V. Mobilization-management mechanism of interaction of municipal authorities with local communities. *Vestnik TomGU*, 2015: 399: 28–33 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/399/6; EDN: VCOXYZ.
13. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma (stat'ya pervaya) [Shtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij [Shchepan'skij Ya. Elementarnye ponyatiya sociologii [Yadov V. A. Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programmy, metody [Barker-Plummer B. Producing Public Voice: Resource Mobilization and Media Access in the National Organization for Women. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2002: 76 (1): 188–205.
14. Bieliauskaite J. Solidarity in Academia and its Relationship to Academic Integrity. *Journal of Academic Ethics*, 2021: 19 (3): 309–322. DOI: 10.1007/s10805-021-09420-6.
15. Cherrington S., Macaskill A., Flutey J. Developing a pan-university professional learning community. *International Journal for Academic Development*, 2018: 23 (4): 298–311. DOI: 10.1080/1360144X.2017.1399271.
16. Etzioni A. The active society. L., Collier-Macmillan; N.Y, Free Press, 1968: 729.
17. Jenkins C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. *Annual Review of Sociology*, 2003: 9 (1): 527–553.
18. Jones D. R., Visser M., Stokes P., Örtenblad A., Deem R., Rodgers P., Tarba S. Y. The Performative University: ‘Targets’, ‘Terror’ and ‘Taking Back Freedom’ in Academia. *Management Learning*, 2020: 51(4): 363–377. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350507620927554>
19. Linquist S. Academic Development: A Space, But Is It an Identity? In Professional and Support Staff in Higher Education. Ed. by C. Bossu, N. Brown. Singapore, Springer, 2018: 23–37. DOI: 10.1007/978-981-10-1607-3_18-2.

20. Rogers T., Goldstein N. J., Fox C. R. Social Mobilization. *Annual Review of Psychology*, 2018: 69: 357–381.
21. Seltzer J. B. What is Resource Mobilization and Why is it so Important? *Management Sciences for Health*, 2014. Accessed 12.05.2023. URL: <https://clck.ru/hcMEi>
22. Staniland P. Cities on Fire: Social Mobilization, State Policy, and Urban Insurgency. *Comparative Political Studies*, 2010: 43 (12): 1623–1649.
23. Wangenge-Ouma G., Langa P. V. Universities and the mobilization of claims of excellence for competitive advantage. *Higher Education*, 2010: 59: 749–764.
24. Wilkins S., Butt M. M., Annabi C. A. The influence of organizational identification on employee attitudes and behaviors in multinational higher education institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2018: 40 (1): 48–66. DOI: 10.1080/1360080X.2017.1411060.

The article was submitted on: May 19, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophy, Professor,
Research Professor at the Department of Sociology and Technology of Public
and Municipal Administration, Ural Federal University

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of
Sociology and Technology of Public and Municipal Administration Ural Federal University

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.16

EDN: SYECNK

Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы¹

Ссылка для цитирования: *Матвеева Н. А., Замятина О. Н., Машкевич А. С.* Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 288–305. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.16; EDN: SYECNK.

For citation: *Matveeva N. A., Zamyatina O. N., Mashkevich A. S.* Innovations in the Russian School: Categorical Analysis, Social Realities and Barriers, Prospects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 288–305. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.16; EDN: SYECNK.

AuthorID РИНЦ: 379807

Матвеева Наталья Александровна¹

¹Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

matveeva_n_a@mail.ru

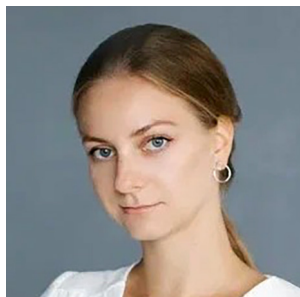

AuthorID РИНЦ: 704665

Замятина Ольга Николаевна¹

¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

olga_zamjtina@mail.ru

Машкевич Анастасия Сергеевна¹

¹Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

troninastya@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10010 на базе РГПУ им. А. И. Герцена.

Аннотация. Цель настоящей статьи – на основе анализа эмпирического социологического материала выявить социальные барьеры инновационной деятельности в современной российской школе, интерпретировать их в контексте рисков и последствий для инновационного развития системы общего образования. Предваряя анализ эмпирических данных, авторы проводят категориальный анализ образовательной инновации. Подчеркиваются необходимость существенного улучшения и целесообразность как ключевые характеристики инновации. Инновационность образования рассматривается в сопряжении с социальными функциями образования и профессиональной деятельностью учителя. Обоснованно указывается на фетишизацию инноваций и бюрократические практики управления ими как источник социальных барьеров развития инновационной деятельности в современной школе. Определяется относительно новое в социологии образования противоречие между необходимостью инновационного развития системы общего образования и наличием социальных барьеров инновационной деятельности всех участников образовательных отношений. На основе анализа результатов социологического исследования, проведенного методом онлайн анкетирования, выявляются и называются следующие барьеры: понятийный, концептуальный, организационный, содержательно-управленческий, размытое восприятия препятствий, профессиональные перегрузки, компетентностный и информационный. Выявлено, что социальными источниками и носителями барьеров инновационной деятельности в школе являются все ее субъекты: учителя, администрация образовательной организации, специалисты органов управления образованием. Определено, что воздействие данных факторов на инновационное развитие системы общего образования носит комплексный и системный характер. С учетом высокой степени риска их негативного воздействия на инновационное развитие системы общего образования формулируются конкретные направления деятельности исследователей и менеджеров в локальном, региональном и федеральном масштабе. Они касаются проработки проблемы инноваций в междисциплинарном синтезе научных дисциплин, изучающих образование; разработки целевых ориентиров, технологии планирования, определения содержания и показателей результативности инновационного развития системы общего образования в России; повышения профессиональной готовности педагогов и менеджеров образования к инновационной деятельности; изменения принципов управления инновациями в сфере образования. Планомерные действия в этих направлениях могут минимизировать негативные проявления барьеров инновационной деятельности и обеспечить устойчивую перспективу инновационного развития системы образования.

Ключевые слова: социальный институт образования, общеобразовательная школа, образовательная инновация, инновационная деятельность в образовании, социальные барьеры инновационной деятельности учителя

К категориальному определению образовательных инноваций

Проблема инноваций в образовании входит в центральную область современной социологии образования, затрагивая проблемы его институциональных функций, соответствия общественным потребностям, управляемости и социальной эффективности. Данная проблема не получила пока достаточного внимания в исследованиях образования, проводимых социологами, однако именно в ней накопились вопросы, требующие пред-

варительного теоретического решения. В числе таковых, по нашему мнению, категориальное определение понятия «образовательная инновация» и вытекающие из такого определения социально-практические требования к разработке и внедрению инноваций.

Давно возник теоретический вопрос о соотношении инноваций и институциональных функций образования в связи с необоснованным введением в научный оборот понятия «новые функции», утратой целостного научного взгляда на функционирование общественной системы образования. А именно целостный, системный анализ образования дает объективные основания определения границ традиционного и инновационного развития системы, оценки эффективности ее функционирования, концептуализации образовательной политики государства и целенаправленной инновационной деятельности социальных субъектов и партнеров образования. В современной социологии образования это особенно подчеркивается в теории социальной инерции образования, социологическом витализме, теории жизненных сил социального субъекта [2].

К категориальной определенности понятия «инновация» как элемента научной терминологии необходимо принять то его качественное отличие от понятия «изменение», которое выражается в достижении существенного *улучшения* в свойствах процесса, продукта или услуг [14, с. 317–318], а не просто в достижении (создании) чего угодно *нового*. Такое улучшенное свойство, при экономической или социокультурной и иной целесообразности, служит обоснованием замены старого новым. *Существенное улучшение* требует строгого научного доказательства, то есть дополнительного квалифицированного исследования и построения обоснованных выводов.

Необходимость категориального анализа образовательной инновации актуализируется рядом обстоятельств практики функционирования современной системы образования, и прежде всего профессиональной деятельности учителя. Сегодня она сопряжена с повседневным решением социальных задач, часто не поддающихся бюрократической формализации и выходящих за границы привычной роли «преподавание предмета» (учителя-предметника). Эти задачи наиболее полно выражены в корпусе институциональных функций образования [12]. Кроме того, труд учителя, с точки зрения современной социологии, насыщен объективными социальными противоречиями, незримыми не только для обыденного сознания большинства людей, но нередко и для самих учителей, персонала и менеджеров образования, деятелей образовательной политики и разработчиков национальных и федеральных проектов (например, проекта «Учитель будущего» в составе действующего нацпроекта «Образование»¹) [10].

¹ См.: URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 03.05.2023). В указанном федеральном проекте предусмотрены две группы мероприятий, удобных для формального контроля – разработка новых систем аттестации учителей и последипломного повышения их квалификации, но ничего – для повышения их благосостояния и социального престижа, сбережения здоровья, участия в соуправлении образованием, удовлетворенности работой, надежного воспроизводства педагогических трудовых коллективов, создания стимулов и повседневных условий научного и методического творчества, оптимизации профессиональных нагрузок, бумажной работы, условий труда российского учительства.

При многообразии профессиональных задач современного учителя все более ощутимым фактором стали почти постоянные изменения требований, предъявляемых государственными органами управления к качеству содержания, формальным (бумажным) характеристикам профессиональной деятельности педагога, организации и результатам образовательного процесса в школе. Эти требования неоднозначно воспринимаются и транслируются администрациями образовательных организаций, часто наталкиваются на сопротивление рядового персонала образования.

Необходимость категориального анализа образовательной инновации актуализируется рядом обстоятельств практики функционирования современной системы образования, и прежде всего профессиональной деятельности учителя. Сегодня она сопряжена с повседневным решением социальных задач, часто не поддающихся бюрократической формализации и выходящих за границы привычной роли «преподавание предмета» (учителя-предметника). Эти задачи наиболее полно выражены в корпусе институциональных функций образования [12]. Кроме того, труд учителя, с точки зрения современной социологии, насыщен объективными социальными противоречиями, незримыми не только для обыденного сознания большинства людей, но нередко и для самих учителей, персонала и менеджеров образования, деятелей образовательной политики и разработчиков национальных и федеральных проектов (например, проекта «Учитель будущего» в составе действующего нацпроекта «Образование»¹) [10].

При многообразии профессиональных задач современного учителя все более ощутимым фактором стали почти постоянные изменения требований, предъявляемых государственными органами управления к качеству содержания, формальным (бумажным) характеристикам профессиональной деятельности педагога, организации и результатам образовательного процесса в школе. Эти требования неоднозначно воспринимаются и транслируются администрациями образовательных организаций, часто наталкиваются на сопротивление рядового персонала образования.

Ситуацию осложняют противоречивые и глубоко дифференцированные представления образовательных общностей (обучающихся и их родителей, менеджеров, социальных партнеров) о должном взаимодействии с учителем, его роли в процессе образования и социализации молодого поколения. Со всей очевидностью в системе образования проявилось социальное противоречие: с одной стороны, учительство может и должно являться основным субъектом профессиональной инновационной деятельности, с другой, – оно во многом сегодня ориентировано на реализацию социальных изменений, которые образовательными инновациями по критерию «существенного улучшения» не являются.

¹ См.: URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 03.05.2023). В указанном федеральном проекте предусмотрены две группы мероприятий, удобных для формального контроля – разработка новых систем аттестации учителей и последипломного повышения их квалификации, но ничего – для повышения их благосостояния и социального престижа, сбережения здоровья, участия в соуправлении образованием, удовлетворенности работой, надежного воспроизводства педагогических трудовых коллективов, создания стимулов и повседневных условий научного и методического творчества, оптимизации профессиональных нагрузок, бумажной работы, условий труда российского учительства.

Попытки маркетинга российского образования, в том числе школьного, в начале XXI в. наряду с крайне низким уровнем оплаты персонала¹, а также повсеместное внедрение «превращенных форм» и массовых имитаций снизили общественный авторитет, социальный престиж учителя. Инновационность в бюрократическом толковании может стать еще одним губительным, десруктивным трэком для российского образования наряду с уже навязанными ему компетентностным и вариативным подходами, бумажным прессингом и формализацией всех сторон деятельности, рейтингованием и конкуренцией [7, с. 270–273].

Под длительным воздействием такого рода инноваций система образования вошла в зону турбулентности, обусловленную частой сменой ведущих социальных заказов, дефицитом научно обоснованной стратегии развития системы образования и ориентации на проектный менеджмент (как правило, короткие и сменяющие друг друга проекты, контролируемые бюрократами). В этой зоне отдельные иницилируемые «сверху вниз» инновации могут коренным образом изменить направление движения как всей системы, так и отдельных ее сегментов и процессов. Следует при этом отметить, что часть работников школьного образования и ученых пытается противодействовать негативным трендам в отрасли своим практическим и творческим включением в инновации, обеспечивая их адекватное методологическое сопровождение в школе [5].

В связи с ориентацией влиятельных сетевых академических сообществ, поддержавших неолиберальные и радикально-рыночные трансформации в России, на зарубежные образовательные стандарты, компетентностный, вариативный и проектный подходы и, по сути, отказ от отечественного опыта, возникла *фетишизация инноваций* как якобы в любом случае творческих сторон профессиональной самореализации, значит, продуктивных усилий по активному искоренению недостатков «тоталитарного прошлого», которое априорно (и вне всякой основательной критики) признано ими отсталым и противоречащим целям прогресса². За инновации, согласно действующим положениям об оплате труда, премируют, а также облегчают аттестацию и должностной рост. Так инновации отчасти превратились в сфере образования в массовую и опасную форму имитаций, в особое направление работы «для галочки», сродни «тараканьим бегам» [16, с. 48]. Фетишизация инноваций и бюрократические практики управления ими вызывают своеобразную усталость и выгорание персонала образования.

¹ Во многих регионах РФ оплата труда учителя за ставку близка к прожиточному минимуму, вынуждая персонал школ «добровольно» соглашаться на трудовые перегрузки и неоплачиваемые работы. В Москве при сходных объемах и сложности труда его оплата на порядок выше, чем в российской провинции.

² Фетишизация инноваций имеет глобалистское происхождение, выражена в понятии «глобальное инновационное общество» и навязана в начале XXI в. топ-менеджментом управляемым уровням системы образования. См. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3717/print> (дата обращения: 05.05.2023).

Инноваций стало так много¹, что отследить их даже при доступности оцифрованных образовательных документов и их релевантности профессиональным задачам учительства стало невозможно, особенно на индивидуальном уровне в условиях его трудовых перегрузок [13]. В связи с этим все более актуализируется проблема определения образовательной инновации, оценки инновационности социальных изменений в сфере образования [4].

Инновационность трактуется более двух десятилетий обычно с позиций педагогической психологии и академической педагогики, не изучающих предметно социальные проблемы общества и его структуру, как общее требование к государственной образовательной политике в контексте геополитической концепции «модернизации» России. Она декларируется как якобы присущая образованию непрерывная изменчивость, вызванная объективно ускоряющимся созданием нового знания и динамикой всего мира: «Система образования может помочь человеку угнаться за потоком перемен и не потерять самого себя, если кредо системы образования в информационном обществе станут слова «Mobile in mobiles» (подвижный в подвижной среде)», ради «создания национальной инновационной системы России» [1]. Цитированный автор обходит вопрос, что значит «не потерять самого себя» и за счет чего это возможно в гонке за потоком перемен. Но предлагается включиться в эту «гонку» в призрачном и якобы едином «глобальном информационном обществе», лукаво признаваемом как реальность здесь и сейчас. Обосновывается постоянное обновление всех сторон образования безотносительно предмета и результатов, без разбора того, что же должно оставаться неизменным, по осужденному социологами принципу «движение – все, конечная цель – ничто» [12, с. 118; 16, с. 94–110].

Всеохватывающая инновационность, идущая рука об руку с безапелляционной интеграцией в европейское или мировое рыночное и образовательное пространство по пути компетентностного подхода [6], как и умозрительные педагогические классификации инноваций, не соотнесенные с его научной картиной (в частности, с концепциями стабильности институциональных функций и социальной инерционности образования) [15], столкнули российскую систему образования к перманентному реформированию [3]. И хотя фетиш безоглядой инновационности ныне прерван заявлениями политических лидеров России, его последствия для системы образования будут проявляться еще длительное время.

¹ В школьных программах по истории России фигурируют около 40 «инновационных» учебников и пособий с рекомендательными грифами, существенно различающиеся, по мнению историка Е. Ю. Спицына, концептуальными трактовками ключевых тем. См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oyhlwmyMOJk> (дата обращения: 02.05.2023). В вузах, как известно, бюрократические нормативы рабочих программ образовательных дисциплин «рекомендуют» не включать в основные списки литературы издания старше 5 лет, что препятствует использованию фундаментальных, проверенных временем научных трудов и увеличивает вал новых. Учебно-методические службы вузов обычно возвращают рабочие программы, нарушающие эту рекомендацию, «на доработку».

Научная социологическая оценка этих последствий связана с необходимостью ответить на ряд вопросов:

- в какой мере и по каким критериям инновационное развитие школы должно сохранять традиции образовательной и воспитательной деятельности?
- удастся ли сохранить потенцию социально-инерционного, устойчивого развития при разнонаправленных инновациях, внедряемых сегодня в школу?
- насколько внешние инновации и механизмы их внедрения отвечают социальным функциям образования, задачам администрации школы и педагогов?
- победит ли здравый смысл, научный подход и открытость, требующие: до начала конкретной инновации публично доказать, в чем непригодно *старое*?
- в какой степени само учительство готово к восприятию новшеств и к самостоятельной инновационной профессиональной деятельности?

Обобщая эти вопросы, можно выделить относительно новое для исследований образования социальное противоречие. С одной стороны, система общего образования должна развиваться инновационным путем, в ней постоянно должны протекать планомерные управляемые инновационные процессы, затрагивающие все аспекты взаимодействия участников образовательных отношений и ориентированные на качественное улучшение состояния и функционирования системы. С другой стороны, очевидно существуют социальные барьеры развития инновационной деятельности в современной российской школе. Можно предположить, что основными явными и неявными их создателями являются образовательная бюрократия на разных этапах управления системой общего образования, администрация школ и сами педагоги.

В связи с описанными выше проблемами осмысления сути образовательных инноваций и практикой их внедрения возникает необходимость эмпирического изучения восприятия профессиональным сообществом современных инноваций и их барьеров, перспектив внедрения образовательных инноваций с позиции их целесообразности, эффективности с позиции объективного улучшения функционирования системы образования в целом, качественного улучшения условий социального взаимодействия всех участников образовательных отношений.

Социальные реалии и барьеры инноваций

Социологическое исследование «Распространенность инноваций в региональной системе общего образования» проведено в 2022 г. Алтайским государственным педагогическим университетом в рамках проекта «Анализ инновационных процессов развития системы общего образо-

вания, научная и методологическая поддержка»¹. Сбор первичной информации осуществлен в восьми регионах России². В качестве респондентов в нем приняли участие 235 экспертов, пропорционально представляющих эти регионы³.

Совместимое в научно-методическом плане исследование охватило систему образования мегаполиса (г. Санкт-Петербург), в центре внимания оказались информационные потоки и возможность их оптимизации для снижения общественных потерь⁴. Отмеченный выше массовый и слабо упорядоченный характер образовательных инноваций в российской школьной системе сопряжен, по мнению ее персонала, с действием ряда социальных барьеров, существенно их затрудняющих на практике и охватывающих как основные области социальной и профессиональной жизни школьной системы, так и теоретическую базу (концептуализацию) этих инноваций. Рассмотрим эти барьеры.

1. *Понятийный* барьер развития инновационной деятельности связан с самим пониманием того, что есть образовательная инновация. 51% респондентов считают, что образовательная инновация – это результат осмысления новой идеи, направленной на решение педагогической или управленческой проблемы, и ее внедрение в повседневную практику функционирования образовательной организации, системы образования в целом. То есть, только половина экспертов имеют развернутое представление об образовательной инновации как новой проблемно ориентированной идее, требующей внедрения в практику и соответствующего управленческого сопровождения. Среди опрошенных 18% придерживаются мнения о том, что – это профессиональная деятельность, которая обеспечивает превращение инновационной идеи, новшества в инновацию, а также обеспечивает систему управления этим процессом. Эта группа респондентов, отмечая необходимость управления инновациями в образовании, не акцентирует своего внимания на одном из основных критериев образовательной инновации: ориентированность на решение конкретной педагогической или управленческой проблемы в сфере образования. 14% респондентов считают, что образовательная инновация – это любое новшество, полезное для работы педагога и функционирования образования.

¹ Научный руководитель исследования, выполненного при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ (госзадание № 073-00087-22-02 от 26.04.2022), д-р педагогических наук, проф., ректор АлтГПУ И. Р. Лазаренко. Сбор данных проведен методом on-line опроса по авторской методике и анкете, разработанной О. Н. Замятиной, Н. А. Матвеевой и И. Р. Лазаренко на основе глубинных интервью на разведывательном этапе исследования, а также контент-анализа документов, сопровождающих образовательные инновации.

² Алтайский край, Кемеровская, Липецкая, Омская, Оренбургская, Пермская и Ульяновская области, Удмуртская Республика.

³ В панели экспертов 46% – администраторы средних школ, 54% – преподаватели, научные сотрудники педагогических вузов. Выборка дифференцировалась по стажу педагогической работы: до 10 лет – 18%, 11–20 лет – 24%, 21–30 лет – 31%, более 31 года – 13%, без стажа работы в школе 14% экспертов.

⁴ Исследование «Перспективы оптимизации управления информационными потоками в системе образования Санкт-Петербурга» (грант РНФ № 23-28-10010, выполнен на базе РГПУ им. А. И. Герцена).

Следует отметить, что в отличие от наличия конкретной проблемы в основе восприятия инновационной деятельности лежит ее «полезность» или, как вариант, «удобство». Таким образом, в массовом сознании профессионалов инновация носит субъективный характер, опирается на заметно размытые представления об инновации в системе образования, поскольку у каждого из участников образовательных отношений такая «полезность» может быть своя.

Говоря об инновациях, 12% экспертов указали, что – это процесс создания педагогических новшеств, их оценка и освоение педагогами и использование в практике. Тем самым они существенно сузили контингент инновационной деятельности в школе до педагогического корпуса. В силу того, что инновационные процессы могут оказаться полезными и целесообразно распространяться, они должны поддерживаться управлением, значит, к субъектам инновационной деятельности должны относиться также администраторы школ и специалисты органов управления образованием.

Лишь 5% экспертов, наоборот, утверждают, что образовательная инновация – это результат управленческой деятельности, направленной на развитие системы образования, то есть образовательная инноватика – область профессиональной деятельности менеджеров образования.

2. *Концептуальный (когнитивный) барьер* развития инновационной деятельности в современной российской школе проявляется в ряде характерных черт, ранее не отмеченных учеными, в том числе в специальных исследованиях школьной системы и управления. Мы утверждаем, что признаком бюрократологии в организации образовательных инноваций, на руководство которой претендует менеджмент органов управления образованием, является отсутствие четкой цели зарождения и внедрения новых идей и технологий в практику общего образования. Эта цель должна быть не просто спонтанно (*ad-hoc*) декларирована как некое априорное благо или ценность, но сформулирована в современном научном, теоретическом контексте так, чтобы соответствовать определенным институциональным функциям образования.

Однозначность формулировки цели инновации снизила бы нежелательные риски разночтений ее толкования, восприятия, формализации, ожиданий и внедрения разными участниками инноваций. Трудности целеполагания инновационного развития образованием, создания и продвижения инноваций, отсутствие системы оценки эффективности внедряемых инноваций отмечены каждым четвертым экспертом. Данные подтверждают результаты ранее проведенного контент-анализа направленности инновационной деятельности в школе [8]. Неясность или многозначность направленности существенно снижает качество инновационной деятельности.

Признаком концептуального барьера также является размытость представлений о том, кто является субъектом образовательной инновации и кто отвечает за ее результаты. Даже в оценках экспертов, исходя из понимания образовательной инновации, наблюдается перекладывание ответственности за создание и внедрение инноваций, отнесение этих процессов либо только в область управленческой деятельности менеджмента,

либо в сферу профессиональной педагогической деятельности учителей. Таким образом проявляющийся концептуальный (когнитивный) барьер развития инновационной деятельности тормозит систему общего образования в целом на пути целенаправленного, управляемого устойчивого инновационного развития.

3. *Слабая социальная организация* (неупорядоченность) практик инновационной деятельности в современной школе проявляется в неоднородном характере участия персонала в них и, как следствие, дефиците профессиональных взаимодействий в инновациях (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Ответы экспертов на вопрос о преобладающей форме их участия в образовательных инновациях

Experts answers to the question about the predominant form of their participation in educational innovations

Варианты ответов	%
Способствуют распространению инноваций в практику школы	23
Преподают курсы, связанные с образовательными инновациями	20
Ведут научно–исследовательскую работу в проблематике инноваций	13
Планируют инновационную деятельность педагогов, будущих учителей	12
Осуществляют мониторинг инноваций	9
Осуществляют методическую поддержку педагогов–новаторов	9
Управляют инновационными процессами в школьном образовании	8
Разрабатывают образовательные инновации	4
Другое	2
Всего	100

С одной стороны, результаты исследования показывают, что в отношении инновационных процессов ведется разнообразная профессиональная деятельность учителей, представителей администрации школ, специалистов управления образованием, преподавателями педагогических университетов, осуществляющих связь со школой. С другой стороны, наблюдается явный дисбаланс функций производства инноваций и формального управления ими.

Реальными разработчиками образовательных инноваций являются только 4% респондентов, а управленческим сопровождением инноваций занимаются на разных, как правило, административных уровнях, более 60% опрошенных сотрудников органов управления. Ситуация, когда численность персонала и объем полномочий управляющей системы в ключевой для развития всей отрасли деятельности кратно превосходят полномочия управляемой, является бюрократической. В ней отсутствует потребность менеджеров в развитии инновационной деятельности, если это только не потребность в расширении бюрократических полномочий и, как следствие, новый виток роста персонала и масштабов управления. Так же невелика и потребность самих создателей инноваций – педагогов и ученых,

поскольку она обязательно сопровождается неоплачиваемым ростом их отчетности за инновационную деятельность, снижением стимулов и мотивации к инновациям.

Навязывание новшеств извне, без учета специфики и традиций образовательной организации вызывает попытки школ «закрыться» от внешних инноваций. Не случайно мнение критически мыслящих респондентов об отсутствии принципиальных различий между традиционным и инновационным образованием, свойственное каждому пятому участнику исследования. С учетом того, что нормальное развитие инноваций в системе образования должно осуществляться по принципу преемственности традиций и базироваться на их основе, такое искажение, игнорирование закономерности устойчивого функционирования системы не позволит ей развиваться инновационным путем.

4. Имитационный характер многих инноваций, связанный с бюрократологиями в образовании под воздействием ориентации на формализацию и превращенные формы в отрасли, создает *содержательно-управленческий* барьер, подменяя реальные, содержательные инновации имитационными, которые устраивают бюрократическую управляющую систему. При сохранении количественного и качественного дисбаланса функций производства и управления инновациями перспектива школьного образования искажается и стремится к стагнации или регрессу.

Этот же барьер порождает локальную ограниченность многих востребованных инноваций, связанный с *дефицитом целостности системы* (подобного эффекту бабочки), когда развитие инновационной деятельности зависит от отдельного случайного фактора. На вопрос анкеты «Насколько распространены инновации в системе общего образования региона, в котором Вы проживаете?» каждый четвертый эксперт (26%) ответил, что они повсеместно распространены и характеризуют эту систему в целом как инновационную. Большинство экспертов (около 70%) отметило преобладающую фрагментарность и локальность инноваций, что лишний раз подтверждает наличие серьезных барьеров и актуальность их изучения (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Мнения экспертов о распространенности образовательные инноваций

Experts opinions on the prevalence of educational innovations

Варианты ответов	%
Они присутствуют в деятельности отдельных работников	18
Они характерны для некоторых школ	38
Они распространены в определенных типах школ	10
Они проявляются в определенных типах поселений	1
Они распространены на отдельных ступенях образования	7
Они повсеместно распространены и характеризуют систему общего образования в целом как инновационную	26
Всего	100

«Точки роста» инноваций, представленные отдельными работниками, школами или сегментами системы общего образования, совершенно необходимы для ее инновационного развития, но их ландшафт должен реалистично учитываться и анализироваться, в том числе с применением специальных глубинных и мониторинговых методов. Очевидно, что формализованная статистика органов управления образованием не в состоянии полно и достоверно выразить этот ландшафт и служить долговременным задачам развития инноваций. На этой основе, при наличии целостной концепции образовательных инноваций, возможна выработка региональных и локальных программ поддержки образовательных инноваций школьного образования.

5. Исследование выявило *размытое восприятие препятствий* для инновационной деятельности. Содержание этого барьера состоит в поляризации понимания разными группами экспертов наличия и характера таких препятствий. На вопрос о том, есть ли в настоящее время препятствия для создания и внедрения инноваций в сфере общего образования, ответы экспертов рисуют половинчатую картину, в которой признание таких препятствий уравновешено их отрицанием (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Мнения экспертов о наличии препятствий для инноваций в школьном образовании
Experts opinions on the presence of barriers to innovation in school education

Варианты ответов	%
Да	14
Скорее да, чем нет	36
Скорее нет, чем да	41
Нет	9
Всего	100

Наиболее вероятным объяснением столь противоречивой картины, на наш взгляд, является недостаточная погруженность в инновационную деятельность, и, как следствие, отсутствие четких представлений об условиях ее осуществления, характеристиках образовательной и социально-экономической среды, объективно влияющих на ее развитие. Полагаться преимущественно на индивидуальное субъективное восприятие условий создания и внедрения инноваций заведомо означает искажение процесса и результата развития инновационной деятельности в современной школе.

Ответы респондентов на вопрос о барьерах, тормозящих инновации в общем образовании, выводят на понимание комплекса социальных препятствий. По степени распространенности эти барьеры выглядят так¹:

¹ В список не включены варианты с долями ответов в зоне величины вероятной ошибки выборки: закрытость школ инновациям – 4%; бессмысленность внедрения образовательных инноваций в нынешних условиях – 1%.

- трудовые перегрузки учителей, часто избыточной бумажной работой – 29%;
- надуманность различий между инновационным и традиционным образованием – 20%;
- навязывание новшеств извне, без учета специфики и традиций школ – 12%;
- неготовность педагогов вести инновационную деятельность – 11%;
- неготовность менеджеров управлять инновационными процессами – 9%;
- отсутствие системы оценки эффективности инноваций – 9%;
- трудности создания, продвижения инноваций в сфере образования – 8%;
- отсутствие четкого понимания цели инновационных процессов – 8%;
- отсутствие систематизированной информации об инновациях – 5%.

6. Почти каждый третий респондент указал на такой барьер, как *перегрузки* учителей (занятость более 1,0 ставки) и доминирование бумажной работы в ущерб непосредственной педагогической деятельностью учителей.

7. Существует и *компетентностный* барьер развития инновационной деятельности в современной российской школе. Каждый пятый эксперт считает, что педагоги и менеджеры образования не готовы эффективно заниматься и управлять инновационной деятельностью. Возможно, что в этом отнюдь не преобладающем мнении выражена более откровенная, не скованная репутационными интересами оценка инновационных ситуаций в образовании.

8. *Информационный* барьер действует на фоне бумажного прессинга и слабой упорядоченности управленческой, научной и учебно-методической информации для учителей¹. Он не только требует увеличенных затрат времени и неоплачиваемого труда на поиск релевантной служебной информации, но и ослабляет мотивацию и интеграцию участников инновационной деятельности.

¹ На отсутствие систематизированной информации об инновациях указывает лишь каждый двадцатый из числа опрошенных работников образования, однако реальный избыток разноплановой информации (бумажный вал [11; 9]), спускаемой «сверху», наряду с общими трудовыми перегрузками учителей, делает невозможным ее регулярное индивидуальное освоение даже в практических учебно-методических целях. Подавляющее большинство учителей при углубленном интервью основательно затрудняется в профессиональном анализе конкретных инноваций и их комментариях.

Перспективы образовательных инноваций в школьной системе

Результаты исследования «Распространенность инноваций в региональной системе общего образования» и их интерпретация позволили эмпирически выявить социальные барьеры развития инновационной деятельности в современной российской школе. Содержательно определены основные барьеры, проявляющиеся в сочетании друг с другом. В рабочем порядке они названы: понятийный, концептуальный, организационный, содержательно-управленческий, размытое восприятия препятствий, профессиональные перегрузки, компетентностный и информационный барьеры.

Социальными источниками и носителями барьеров инновационной деятельности в школе являются все ее субъекты: учителя, администрация образовательной организации, специалисты органов управления образованием. Но особая ответственность лежит на менеджерах образования, поскольку значительная часть социальных барьеров связана с деформациями содержания и технологий управления системой общего образования.

Риски устойчивого инновационного развития общего образования в России усугубляются тем, что социальные барьеры носят комплексный характер. Их комплексность проявляется в наличии группы негативных факторов, которые содержательно сочетаются и осложняют или вообще пресекают процессы и этапы инновационной деятельности в современной российской школе.

Все выявленные барьеры носят системный характер, поскольку проявляются в масштабе национальной системы образования и обуславливают ее кризисные тренды: рождая спонтанные (турбулентные) волны инноваций, усиливают необходимость сохранения целостности и поддержания инерционности системы, преемственности инноваций традициям, соблюдения баланса функционирования и взаимодействия управляемой и управляющей систем, педагогических коллективов школ и менеджмента, социальных партнеров.

В этих условиях становится очевидным, что подвергается риску не только развитие индивидуальной и коллективной инновационной деятельности учителей и школ, но и устойчивое развитие всей системы общего образования. Дополнительная трудность заключается в том, что движение системы образования не остановить, «обнулить» проявившиеся нежелательные для ее функционирования инновации невозможно. Необходимо на уровне государственной образовательной политики выработать и принимать корректирующие меры по минимизации воздействия названных выше социальных барьеров, избегая новых ошибок в данной области.

Изученные ведомственные документы федерального и регионального уровней (законодательные акты, программы, рекомендации, учебные материалы по проблеме образовательных инноваций для педагогических специальностей вузов и последипломной подготовки учителей) не содержат развернутых трактовок проблемы, не формируют в профессиональных практиках учительства и менеджеров образования необходимые теорети-

ческие схемы и организационно-методические препятствия против неэффективных и начетнических инноваций и их фетишизации, особенно ввиду сложившихся трендов в отрасли и описанного выше «научного» фона в академической педагогике и образовательном менеджменте.

Учитывая содержание социальных барьеров развития инновационной деятельности в образовательных организациях, их комплексный и системный характер, высокую степень риска для инновационного развития системы общего образования, следует предпринять усилия в следующих направлениях:

- теоретический междисциплинарный анализ категории *образовательная инновация* в контексте базовых концепций социологии образования (классической и неклассической – институциональных функций и эффективности образования, образования как процесса и результата становления социального субъекта), выработка методологии определения целесообразности инноваций;
- проработка проблемы инноваций в междисциплинарном синтезе научных дисциплин, изучающих образование;
- разработка единых федеральных целевых ориентиров инновационного развития системы общего образования в России;
- уточнение содержания инновационной деятельности и показателей ее результативности для общеобразовательных организаций и их систем;
- разработка и внедрение технологии планирования инновационной деятельности в школе, муниципалитете, регионе с учетом их типов и стадии развития педагогического коллектива, социальных характеристик обучающихся, социально-экономической и социокультурной ситуации;
- повышение профессиональной готовности педагогов и менеджеров образования к инновационной деятельности и управлению инновациями;
- коррекция принципов взаимодействия управляемой и управляющей систем в части инновационного развития общего образования;
- повышение общественного авторитета педагогов-новаторов.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. О приоритетах государственной образовательной политики России // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 2. С. 72–83. EDN: NXRTMZ.
2. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул: АРНЦ РАО, 2000. 158 с. EDN: WZSQOJ.
3. Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 4. С. 59–86. EDN: WTIEXN.

4. Лазаренко И. Р., Колесова С. В., Куликова Л. Г. Инновационные процессы в образовании: классификации, оценки и их критерии // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73. Ч. 1. С. 184–188. EDN: FUOFXQ.

5. Лазаренко И. Р., Колесова С. В., Куликова Л. Г., Логинов А. Н. Методологическое сопровождение инновационной деятельности в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 236–240. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-236-240; EDN: IQUXNY.

6. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12. EDN: SKEDIV.

7. Матвеева Н. А. Критерии безопасности инноваций в системе общего образования // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы (секьюритология) / Отв. ред. Э. И. Забнева. Кемерово: КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева, 2021. С. 270–273. EDN: WPJNOZ.

8. Матвеева Н. А. Направленность инновационной деятельности в системе общего образования (по результатам контент-анализа тематики федеральных инновационных площадок) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11(91). С. 27–35. DOI: 10.24158/spp.2021.11.3; EDN: OJRQYP.

9. Осипов А. М. «Бумажная работа» и новые термины в исследованиях системы образования // Вестник АлГПУ. 2019. Вып. 1(38). С. 12–16. EDN: YZLYRF.

10. Осипов А. М. Учителство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 45–52. DOI: 10.7868/S0132162518030042; EDN: YVQXRM.

11. Осипов А. М., Бояджијева П. А., Матвеева Н. А. Дефицит информации и «бумажный геноцид» // E & M Smart Education. 2018. № 3. С. 126–140.

12. Осипов А. М., Иванова В. А. Институциональные функции – пороговая проблема современной социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 118–125. EDN: VSLWYN.

13. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджијева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0; EDN: PJKRKN.

14. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. 672 с.

15. Социология образования: учеб. и практ. для вузов / Под ред. А. М. Осипова. 2–е изд., пер. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2023. 424 с. EDN: BZMRDY.

16. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А. М. Осипова. РНФ; Великий Новгород: Виконт, 2020. 351 с. EDN: MSNLLC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвеева Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности, Алтайский государственный педагогический университет

Замятина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук,

доцент кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет

Машкевич Анастасия Сергеевна, магистр социологии, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.16

Innovations in the Russian School: Categorical Analysis, Social Realities and Barriers, Prospects¹

Natalia A. Matveeva

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

E-mail: matveeva_n_a@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4545-1679

Olga N. Zamyatina

Altai State University, Barnaul, Russia

E-mail: olga_zamjtina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3240-0098

Anastasia S. Mashkevich

The Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

E-mail: troninastya@gmail.com

For citation: Matveeva N. A., Zamyatina O. N., Mashkevich A. S. Innovations in the Russian School: Categorical Analysis, Social Realities and Barriers, Prospects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 288–305. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.16; EDN: SYECHK.

Abstract. The purpose of the article is to identify social barriers to innovation in modern Russian schools based on the analysis of empirical sociological material, to interpret them in the context of risks and consequences for the innovative development of the general education system. Preliminary to the analysis of empirical data, the authors conduct a categorical analysis of educational innovation. The need for significant improvement and expediency are emphasised as key characteristics of innovation. The innovativeness of education is considered in conjunction with the social functions of education and the professional activities of the teacher. The fetishisation of innovation and bureaucratic practices of managing it are justifiably pointed out as a source of social barriers to the development of innovative activity in a modern school. A relatively new contradiction in the sociology of education is identified between the need for innovative development of the general education system and the presence of social barriers to the innovative activity of all participants in educational relations. Based on the analysis of the results of a sociological study conducted by online questioning, the following barriers are identified: notional, conceptual, organisational, content-managerial, blurred perception of obstacles, professional overload, competence and information. It has been revealed that all the subjects of innovation activities at school act as social sources and carriers of barriers to innovation: teachers, the administration of an educational organisation, specialists from educational authorities. It has been determined that the impact of these factors on the innovative development of the general education system is complex and systemic.

Taking into account the high risk of their negative impact on the innovative development of the general education system, specific areas of activity for researchers and managers are formulated on a local, regional and federal scale. They concern the elaboration of the problem of innovation in the interdisciplinary synthesis of scientific disciplines studying education; development of targets, planning technology, determination of content and performance indicators of innovative development of the general education system in Russia; increasing the professional level of teachers and education managers for innovative activities; changes in the principles of innovation management in education. Systematic actions in these directions can minimise the negative manifestations of barriers to innovation and ensure a sustainable perspective for the innovative development of the education system.

Keywords: social institute of education, secondary school, educational innovation, innovative activity in education, social barriers to innovative activity of a teacher

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation, grant No. 23-28-10010, based at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

References

1. Asmolov A. G. O prioritetah gosudarstvennoj obrazovatel'noj politiki Rossii [On the priorities of the state educational policy of Russia]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 2005: 2: 2: 72–83 (in Russ). EDN: NXRTMZ
2. Grigoryev S. I., Matveeva N. A. Neklassicheskaya sociologiya obrazovaniya nachala XXI veka [Non-classical sociology of education at the beginning of the XXI century]. Barnaul, ARNC RAO, 2000: 158 (in Russ). EDN: WZSQOJ
3. Kurbatova M. V. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2016: 25: 4: 59–86 (in Russ). EDN: WTIEXN.
4. Lazarenko I. R., Kolesova S. V., Kulikova L. G. Innovative processes in education: classifications, assessments and their criteria. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2021: 73: 1: 184–188 (in Russ). EDN: FUOFXQ.
5. Lazarenko I. R., Kolesova S. V., Kulikova L. G., Loginov A. N. Methodological support of innovative activities in education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021: (91): 236–240 (in Russ). DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-236-240; EDN: IQUXNY.
6. Lebedev O. E. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii [Competence-based approach in education]. *Shkol'nye tekhnologii*, 2004: 5: 3–12 (in Russ) EDN: SKEDIV.
7. Matveeva N. A. Criteria for the safety of innovations in the general education system. In *Issues of modern science: problems, trends and prospects (securitology)*. Ed. by E. I. Zabneva. Kemerovo, KuzGTU im. T. F. Gorbacheva, 2021: 473: 270–273 (in Russ). EDN: WPJNOZ.
8. Matveeva N. A. The focus of innovation activity in the general education system (based on the results of a content analysis of the topics of federal innovation platforms). *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2021: 11 (91): 27–35 (in Russ). DOI: 10.24158/spp.2021.11.3; EDN: OJRQYP.
9. Osipov A. M. «Paperwork» and new terms in education system research. *Vestnik AIGPU*, 2019: 1 (38): 12–16 (in Russ). EDN: YZLYRF.
10. Osipov A. M. Teaching in the context of the Sociology of education: theoretical approaches and research priorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 45–52 (in Russ). DOI: 10.7868/S0132162518030042; EDN: YVQXRM.
11. Osipov A. M., Boyadzhieva P. A., Matveeva N. A. Lack of information and “paper genocide”. *E & M Smart Education*, 2018: 3: 126–140 (in Russ).
12. Osipov A. M., Ivanova V. A. Institutional functions – a threshold problem of modern sociology of education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 1:118–125 (in Russ). EDN: VSLWYN.
13. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadzhieva P. A., Voroncov YA. A. Russian education in the paper abyss: the experience of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 60–70 (in Russ). DOI: 10.31857/S013216250008798-0; EDN: PJKRKN.
14. Rossijskaya sociologicheskaya enciklopediya [The Russian Sociological Encyclopedia]. General ed. By G. V. Osipov. Moscow, NORMA – INFRA-M, 1998: 672 (in Russ).
15. *Sociology of Education: textbook and workshop for universities*. Ed. by A. M. Osipov. 2nd ed. Moscow, YURAJT, 2023: 424 (in Russ). EDN: BZMRDY.
16. *School in the abyss of paper: the crisis of information flows in education*. Ed. by A. M. Osipov. RNF; Velikij Novgorod, Vikont, 2020: 351 (in Russ). EDN: MSNLLC.

The article was submitted on: May 18, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Matveeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Vice-Rector for Research and Innovation of the Altai State Pedagogical University

Olga N. Zamyatina, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology and Conflictology,
Altai State University

Anastasia S. Mashkevich, Master of Sociology, Researcher,
The Herzen Russian State Pedagogical University

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.17
EDN: UFRCLU

Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики)

Ссылка для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 306–330. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.17; EDN: UFRCLU.

For citation: Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Deviant Behaviour of the Population as a Reflection of Maladaptive Processes in Russian Society (Based on State Statistics). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 306–330. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.17; EDN: UFRCLU.

Позднякова Маргарита Ефимовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

margo417@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 140027

Брюно Виктория Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

victoria.bruno@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 181955

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в деструктивном поведении различных групп населения России за период более чем 40 лет (1980–2022 гг.). В фокусе статьи рассматривается роль государственной социальной статистики в исследованиях тех или иных форм девиантности, ее возможности, функции и ограничения. На основе анализа статистических данных (Росстат, Минздрав, МВД и др.) рассмотрена динамика криминологических показателей преступности, продажи алкогольных напитков и алкопотребления, заболеваемости населения алкоголизмом, алкогольными психозами, наркоманией, инфекциями, передающимися половым путем (включая ВИЧ) и др. Особое внимание уделено анализу деструктивных проявлений в подростково-молодежной среде, как наиболее уязвимой категории лиц, остро реагирующей на процессы социальной трансформации и модернизации.

Обзор научных источников и анализ статистических данных позволил выделить этапы развития деструктивных процессов в России: 1) ранний послевоенный период увеличения девиантологических проблем – 1945–1947 гг.; 2) период относительной стабилизации – 1959–1965 гг.; 3) латентный период нарастания девиантологических проблем – конец 1960-х – 1980-е гг.; 4) резкий всплеск всех форм девиаций во всех группах населения – 1990-е гг. – середина 2000-х; 5) период относительной стабилизации с умеренной тенденцией к плавному, но волнообразному снижению некоторых видов девиаций – 2006–2019 гг.; 6) формирование условий для нового всплеска некоторых видов деструктивного поведения – с 2020 г.

Выявлено, что период резкого всплеска девиантологических и криминологических проблем в 1990 гг. предварялся достаточно длительным «латентным» периодом нарастания деструктивных процессов, скрывавшихся под относительно благополучными цифрами статистики.

В работе продемонстрировано, что исследование и анализ различных показателей государственной статистики, отражающих деструктивные процессы в обществе, является важным этапом социологического анализа всего причинно-следственного комплекса девиантного поведения населения, который необходим как для оценки состояния системы профилактики негативных социальных явлений, так и для разработки адекватных мер воздействия на девиантную личность.

В то же время в процессе анализа выявлен ряд ограничений использования официального статистического учета, связанных с: 1) высокой динамичностью социальной ситуации в стране, и, как следствие, «отставанием» статистических данных от реальных социальных условий; 2) высоким уровнем латентности большинства деструктивных явлений; 3) отсутствием единой системы учета девиантных проявлений; 4) отсутствием данных по многим проявлениям девиантности.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, преступность, алкоголизм, наркомания, инфекции, передаваемые половым путем, ВИЧ/СПИД, государственная социальная статистика

Введение

Начиная с 1990-х гг., которые характеризовались окончательным исчезновением социалистического лагеря и распадом СССР, последующие тридцать лет российских трансформаций прошли в череде социально-экономических, политических и культурных реформ и кризисов. Эти процессы на разных этапах сопровождались актуализацией деструктивных тенденций, проявляющихся в массовом распространении в обществе различных форм девиаций. Ретроспективный взгляд позволяет обозначить следующие периоды: 1) ранний послевоенный период увеличения девиантологических проблем – 1945–1947 гг.; 2) период относительной стабилизации 1959–1965 гг.; 3) латентный период нарастания девиантологических проблем – конец 1960-х – 1980-е гг.; 4) резкий всплеск всех форм девиаций во всех группах населения – 1990-е гг. – середина 2000-х; 5) период стабилизации с умеренной тенденцией к плавному, но волнообразному снижению некоторых видов девиаций – 2006–2019 гг.; 6) формирование условий для нового всплеска некоторых видов деструктивного поведения – с 2020 г.

Практически все виды девиантного поведения в России за последние 40 лет приобрели качественно новые формы – алкоголизация и наркотицизация населения; подростковая делинквентность; агрессивное поведение, принявшее такие формы как буллинг и моббинг (травля в интернете); драки, записываемые на видео и выкладываемые в Интернет; получившее все более широкое распространение явление скулшуттинга; новые формы молодежных субкультур («офники», «редан»)¹, в том числе деструктивных (запрещенные «АУЕ», «колумбайнеры»)²; увеличение суицидальных наклонностей среди подростков и молодежи, рискованное и девиантное сексуальное поведение. Отмечается нормализация многих видов девиантного поведения: некоторые виды девиаций стали трактоваться населением как социально приемлемый риск, что является следствием существующих в обществе противоречий между требованием к выполнению социально одобряемых норм поведения и фактическим отсутствием четких границ нормативности в системе морали и культуры. Значительно вырос уровень латентности многих деструктивных явлений.

Статья посвящена изучению изменений в деструктивном поведении различных групп населения России за период более чем 40 лет (1980–2022 гг.). В фокусе статьи – рассмотрение роли государственной социальной статистики в исследованиях тех или иных форм девиантности, ее возможности, функции и ограничения.

Уязвимой категорией, остро реагирующей на процессы социальной трансформации и модернизации, является молодежь. Поскольку именно эта социально-демографическая группа находится в зоне риска возникновения деструктивного поведения, авторы в своем анализе в большей степени фокусировали внимание на подростково-молодежных проявлениях девиантности.

Результаты

Одними из каналов информации, к которым обращается социолог при исследовании распространенности тех или иных проявлений девиантности, являются *данные государственной статистики* (медицинской, полицейской, судебной и др.). Использование в социологических исследо-

¹ «Офники» – российская молодежная субкультура «околофутбольных фанатов», отличающаяся показной агрессивностью. Представители данной субкультуры конфликтуют с представителями субкультуры «редан». «Редан» – молодежное движение любителей аниме в России. Участники субкультуры используют в одежде символ паука, называют себя неформалами, отрицают радикальность своего движения, однако состоят в конфликте с «офниками».

² «АУЕ» («арестантский уклад един») – название и девиз криминальной субкультуры (признана экстремистской в России), состоящей из несовершеннолетних. Сообщество пропагандирует систему норм и ценностей, свойственную криминальной идеологии («воровские понятия»), однако не копирует ее полностью.

Движение «Колумбайн» (признано террористическим в России) связано с событиями стрельбы в школе Колумбайн в 1999 г. в США, когда двое студентов устроили массовое убийство своих одноклассников. Движение пропагандирует идеи массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций преимущественно в стенах учебных заведений.

ваниях девиантности данных статистики позволяет анализировать большие объемы информации и выявлять закономерности, которые могут быть незаметны на первый взгляд, а также дать оценку социальной ситуации в динамике или на определенном историческом этапе.

Так, при подготовке анализа данных статистики за разные годы и обзора историко-правовых источников авторами была сформулирована гипотеза о том, что период резкого всплеска девиантологических и криминологических проблем в 1990 гг. в России предварялся достаточно длительным «латентным» периодом нарастания различных деструктивных процессов, скрывавшихся под относительно благополучными цифрами статистики.

Согласно архивным криминологическим данным, первое послевоенное десятилетие являлось неблагополучным в криминальном отношении. И, хотя уголовная статистика послевоенных лет была неполной и противоречивой, анализ исторических источников свидетельствует, что пик уровня преступности приходился на 1947 г., после чего наблюдалось некоторое снижение с последующим повышением в 1953 г. [13]. Принятые советским государством в 1958–1961 гг. ряд мер, направленных на либерализацию и гуманизацию уголовной политики и судебной системы, привели к ослаблению государственного контроля за общественной жизнью, в связи с чем кривая преступности за период с конца 1950-х по 1964 г. в своем развитии претерпела значительные изменения. Так, в 1965 г. был зарегистрирован самый низкий показатель преступности за всю историю существования СССР – 751 801 преступление (коэффициент преступности составил 328 на 100 тыс. жителей). Однако фактическое положение дел свидетельствовало о том, что в условиях снижения милицейского контроля расхождение между цифрами статистики и реальной криминогенной обстановкой постепенно нарастало [12; 13]. Уже в 1966 г. учтенная преступность возросла на 18,1% и с тех пор стала постепенно расти [13].

О сложившейся напряженной ситуации в сфере общественного порядка свидетельствуют и архивные данные статистики о преступности несовершеннолетних, согласно которым за период с 1965 по 1981 гг. наблюдался относительно плавный рост подростковой преступности, с 1982 по 1988 гг. рост преступности усилился, а в 1989–1991 гг. ситуация резко усугубилась (рис. 1), особенно, если рассматривать более объективный показатель – коэффициент преступности несовершеннолетних (по числу преступлений из расчета на 10000 человек населения 14–17 лет). В 1987 г. он составил 151, в 1988 г. – 169,1 в 1989 г. – 196,5 [11; 28].

С 1983 по 1991 гг. большинство количественных и качественных показателей преступности показывали увеличение в несколько раз. Произошел рост количества преступлений по большинству видов (убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбоев, грабежей и хищений государственного имущества). Наблюдаемое в 1987–1988 гг. снижение численности осужденных несовершеннолетних связано с амнистиями 1985–1987 гг. и изменившимися показателями учета. Сопоставление архивных данных по преступности несовершеннолетних за 1960-е, 1970-е, 1980-е и начала 1990-х годов свидетельствует об укреплении криминальной традиции в этот период [9; 10; 11].

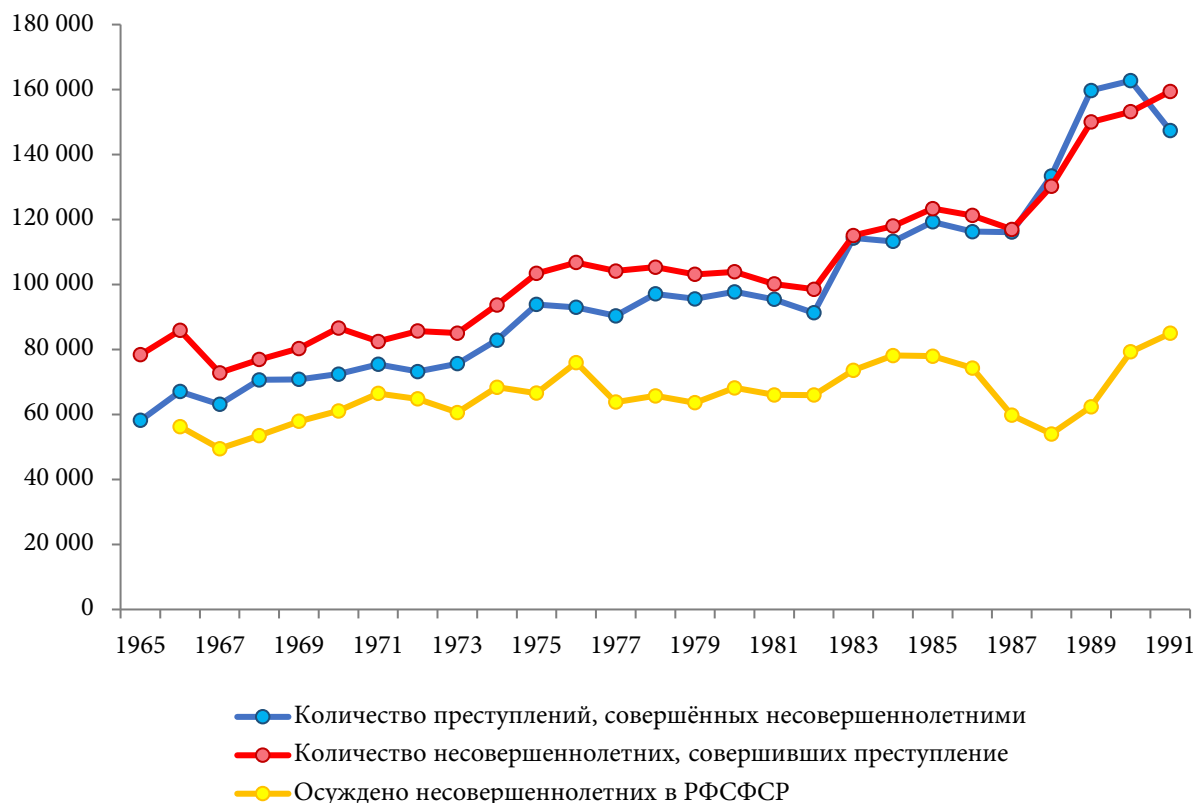

Рис. 1. Основные показатели преступности несовершеннолетних в РСФСР за период с 1965 по 1991 гг.¹

Figure 1. Main indicators of juvenile delinquency in the RSFSR from 1965 to 1991

Анализ и сопоставление различных показателей статистики (например, производства и продаж спиртного, заболеваемости алкоголизмом, смертности от причин, связанных с алкоголем, преступлений, совершенных в нетрезвом виде) позволяет предположить, что одним из важных факторов, влияющих на рост преступности, в том числе подростковой, являлся высокий уровень алкоголизации в обществе. Так, в 1950-е гг. отмечался заметный рост производства алкогольных напитков и их потребления во всем мире. Не обошел этот процесс и СССР. Вся борьба с алкоголизмом в это время сводилась к пропаганде теории так называемого «культурпитейства» (то есть, умеренного) потребления алкоголя). Такое настроение общества привело к появлению все большего числа «культурных» и «умеренных» пьяниц, пополнявших число алкоголиков. Уже с 1960-х гг. происходило быстрое увеличение потребления алкоголя на душу населения, вызванное в том числе улучшением социально-экономического положения: у людей появился достаток и свободные деньги, которые можно было потратить на алкоголь. Проблема потребления продолжала постепенно усугубляться до середины 1980-х гг. Если в 1960 г. через государственную торговлю было реализовано на душу населения 3,5 л абсолютного спирта, то в 1970 г. уже 8,20 л, а в 1980 г. – 10,51 л. С 1965 по 1980 г. душевое потребление алкоголя в стране более чем удвоилось. В 1980 г. оно перестало расти, оставаясь на уровне 10,5 л в год вплоть до 1985 г. –

¹ График составлен по архивным данным, приведенным в публикациях Д. А. Краснова, см.: [8; 9; 10; 11].

начала антиалкогольной кампании¹ [7]. При этом особенность алкогольной ситуации заключалась в том, что, в отличие от большинства европейских стран, в России сложилась такая грубая форма потребления алкоголя как разовое потребление больших доз преимущественно крепких алкогольных напитков, способствующих сильному опьянению и интоксикации (так называемая «северная модель» потребления).

Рост алкопотребления в СССР имел своим неизбежным следствием ухудшение криминальной ситуации, как в городах, так и сельской местности. Об этом свидетельствовала судебная практика 1960-х гг.: до 90% проявлений хулиганства и 70% умышленных убийств и изнасилований совершались в нетрезвом состоянии [3].

Во второй половине 1960-х гг. была зафиксирована опережающая динамика алкоголизации подростков по сравнению с взрослыми: с 1964 по 1968 гг. количество доставленных в вытрезвители взрослых увеличилось в 0,8 раза, а несовершеннолетних – в 2,5. Пьянство «помолодело»: Минздрав зафиксировал в период 1964–1967 гг. 10-кратный рост заболеваемости хроническим алкоголизмом у детей до 14 лет [8; 9]. Данные статистики тех лет свидетельствовали: из общего числа детей и подростков, ежегодно доставляемых в детские комнаты милиции, от 10 до 30% задерживались либо за пребывание в общественных местах в нетрезвом виде, либо за покупку спиртного [8].

Можно выделить несколько причин возрастания подросткового алкоголизма в те годы. Как уже было отмечено, сказывалось общее увеличение потребления спиртного на душу населения в этот исторический период. Параллельно с ростом потребления произведенного промышленным способом алкоголя отмечался и рост самогонарения. Приблизительно 30–40% крепкого алкоголя, который употребляли в СССР, являлся самогоном, то есть это был домашний алкоголь, который хранился дома и к которому был постоянный доступ у членов семьи². Совместное распитие взрослыми спиртных напитков получило распространение не только на улицах и во дворах, но и дома, в семьях, что подавало негативный пример подрастающему поколению. Кроме того, ранние первые пробы алкоголя чаще всего происходили в семейной обстановке – именно родители зачастую выступали «провокаторами» приобщения к алкоголю собственных детей [5]. К сожалению, борьба с пьянством и алкоголизмом в 1960-х гг. носила узковедомственный характер, а адекватная молодежная антиалкогольная политика развита не была, оставаясь в основном «работой на бумаге». Проблема совершения преступлений несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения сохранялась актуальной на протяжении 1970–1980-х гг.

Анализ показателей заболеваемости социально значимыми болезнями свидетельствует о том, что за период с 1960-х по 1980-е гг. наблюдались значительные негативные изменения в состоянии здоровья населения. Выросла заболеваемость инфекциями, передаваемыми половым путем: в 2 раза

¹ Данные о душевом употреблении алкоголя приводятся по РФСФСР.

² Корсак Д. Как спился Советский Союз? Известный исследователь о корнях «пьянства испокон веков» и о том, так ли глубоки эти корни // Onliner.by. 12.10.2018. URL: <https://people.onliner.by/opinions/2018/10/12/neformat-85> (дата обращения: 15.10.2023).

гонореей (с 7,38 на 10 тыс. населения в 1960 г. до 14,7 в 1981 г.) и в 7,7 раз сифилисом (с 0,29 на 10 тыс. населения в 1963–1965 гг. до 2,24 в 1979 г.). Венерическими болезнями болели и дети. Например, по данным 1965 г. периодических осмотров с целью раннего выявления больных венерическими заболеваниями в городских и сельских кожно-венерологических учреждениях РСФСР было обследовано: взрослых – 29,9%, подростков в возрасте 15–17 лет – 12,1%, детей в возрасте до 14 лет – 58,0% [1]. Барьерная контрацепция¹ не являлась абсолютно недоступной в советское время, однако отмечалось ее низкое качество и труднодоступность в регионах, невысокая информированность населения о способах предохранения и сексуальной культуре. Как отмечает социолог А. А. Темкина, уже с 1960-х гг. началась постепенная либерализация сексуальной культуры в стране – стали появляться историко-культурологические исследования сексуальности (С. И. Голод, И. С. Кон и др.). Однако фактически лишь в 1990-е г. секс и контрацепция перестали быть табуированной темой: появились импортные презервативы, противозачаточные таблетки, стали появляться журналы, которые открыто писали о сексе и предохранении. Тем не менее вплоть до 1994 г. основным методом предохранения продолжал оставаться аборт [19].

Другой серьезной проблемой конца XX в. был рост наркомании как среди населения, так и среди подростков. В 1965 г. во всем СССР, по данным Министерства здравоохранения, насчитывалось 10 тыс. больных различными формами наркомании [4]. На фоне численности населения почти в 250 млн чел. эта цифра не выглядела угрожающей. По данным статистики, основная часть потребителей наркотиков представляла собой маргинальные слои общества, так называемый «придонный слой». Ситуация с распространением наркотиков в России в 1970-е гг. изменилась незначительно, однако некоторые специалисты отмечали рост интереса части населения к наркотикам и их употреблению, а также рост предложения со стороны наркорынка. О происходивших «скрытых» процессах в наркоситуации свидетельствовали значительные изменения в структуре использовавшихся наркотических средств: в середине 1960-х гг. преобладали лекарственные препараты группы опиатов и опиоидов (омнопон, морфин, промедол), с середины 1970-х гг. происходит рост употребления конопли и ее производных, а к началу 1980-х появляются новые виды наркотиков: стимуляторы (эфедрин, эфедрон, первитин, фенамин) и психоделики (циклодол, псилоцибин и др.) [2].

С середины 1980-х гг. процесс наркотизации общества становится заметным, и, как следствие, происходит и массовое распространение преступлений, связанных с наркотиками в РСФСР (изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или сбыт наркотических веществ). За несколько лет показатели судимости несовершеннолетних за преступления, связанные с наркотиками, выросли в несколько раз в различных регионах страны. Именно в 1980-е гг. в стране стали закладываться основы более поздней криминальной наркокультуры. Торговля запрещенными веществами постепенно стала переходить под контроль организованных преступных групп («наркомафия»). Заболеваемость насе-

¹ Т. е. при помощи презерватива или чего-то подобного.

ления наркоманией и токсикоманией, остававшаяся на относительно низком уровне в 1970-е г., резко возросла к началу 1990-х гг. Так, в 1970 г. число заболевших составляло 10,4 тыс. человек (8 чел. на 100 тыс. населения), в 1990 уже 39,7 тыс. чел. (27 чел. на 100 тыс. населения), а в 2000 г. подскочило до 281,2 тыс. чел. (194 чел. на 100 тыс. населения) [20].

Данные статистики, которые были представлены выше, демонстрируют ситуацию напряженности в отношении различных форм девиации в России в период с 1960-х по 1980-е гг. Многие нерешенные проблемы послевоенного времени, негативные феномены, являвшиеся неотъемлемым элементом советской повседневности (пьянство, тунеядство, заболеваемость социально значимыми болезнями, преступность несовершеннолетних и др.), заложили базу для последующего стремительного развертывания деструктивных процессов в конце XX – начале XXI вв. Высокий девиантогенный потенциал конца 1970-х – середины 1980-х заключался в постепенном изменении морально-правовых ориентиров у населения, росте формализма правоохранительной деятельности и, как следствие, снижении эффективности большинства профилактических мероприятий. Таким образом, к началу «перестройки» общество в какой-то степени было «готово» к всплеску деструктивных проявлений, особенно молодое поколение, наиболее восприимчивое к любым новым переменам. «Перестройка» в свою очередь усугубила процессы, которые развивались в советском обществе долгие годы.

В период социальных трансформаций частота проявлений девиаций и деструкций резко увеличивается. Как показывает статистика, конец 1980-х гг., 1990-е и 2000-е гг. ознаменовались лавинообразным подъемом всех видов девиантного поведения (распространением алкогольных проблем, так называемым «школьным алкоголизмом», токсикоманией, вовлеченностью подростковых групп в наркоманию, распространением девиаций в сфере половых отношений и рискованным сексуальным поведением, распространением подростковой делинквентности и преступности) среди населения, включая подростков и молодежь.

Рассмотрим, как развивалась алкогольная и наркотическая ситуация в России за последние 30–40 лет, акцентируя внимания на детском и подростковом¹ употреблении психоактивных веществ. Отслеживать наркологическую ситуацию среди различных слоев населения во многом позволяют данные медицинской статистики. Такая статистика включает в себя *показатели первичной обращаемости* за наркологической помощью (то есть, число больных, впервые взятых под наблюдение в течение года), а также показатели *общей заболеваемости* (то есть, числа больных, нахо-

¹ Государственные службы учета используют различные возрастные группы в зависимости от социальной сферы. Традиционно в российских государственных статистических материалах используют возрастные группы 0–14 (дети) и 15–17 лет (подростки), в связи с чем основной упор в нашем исследовании мы сделали именно на эти возрастные группы. Дети до 14 лет находятся в периоде детства, когда они еще не достигли полной самостоятельности и не могут принимать самостоятельные решения. Подростки в возрасте 15–17 лет уже проходят через переходный этап от детства к взрослости, их поведение и решения могут быть более самостоятельными и ответственными. Выделение этих возрастных групп позволяет более точно анализировать социальные проблемы и разрабатывать программы поддержки и развития молодежи, учитывая особенности каждой возрастной группы.

дящихся под наблюдением на конец отчетного года). Эти показатели изучаются в динамике в различных группах населения [6]. При этом первичная заболеваемость является более чувствительным индикатором изменяющихся социальных условий по сравнению с общей.

Общая заболеваемость алкоголизмом, достигнув пика в 1987 г. (2013,5 на 100 тыс. населения), с 1988 г. показала тенденцию к снижению. Значительно снизилась заболеваемость алкогольными психозами, уровень которой составил в 1988 г. 5,1 на 100 тыс. человек. В 2,5 раз снизилась первичная заболеваемость алкоголизмом – с 266,1 в 1985 г. до 103,3 в 1992 г. (на 100 тыс. человек) (рис. 2). На снижение алкоголизма повлияли такие факторы как: антиалкогольная кампания 1985–1987 гг., сокращение сроков диспансерного учета больных алкоголизмом с 5 до 3 лет (в 1988 г.), реорганизация наркологической службы, отказ от репрессивного обеспечения контроля за посещением больными врачей и реализация добровольного принципа обращения за медицинской помощью [7].

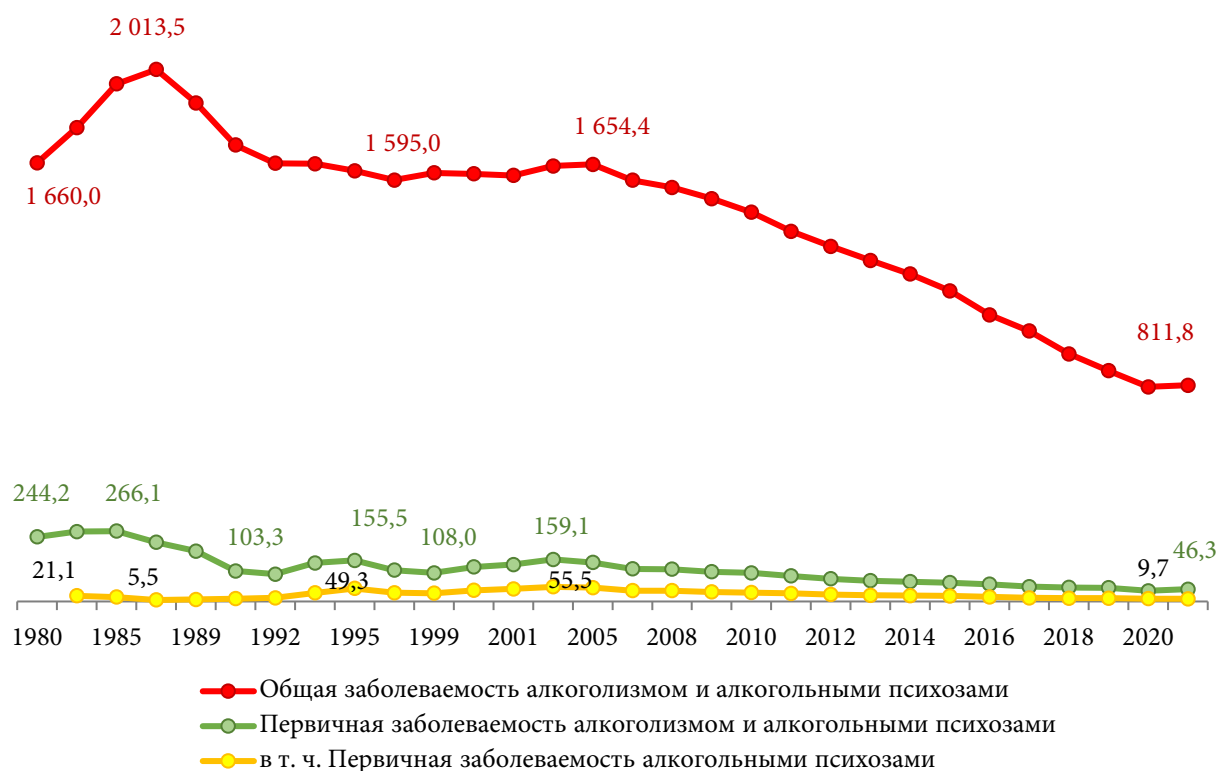

Рис. 2. Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами среди населения России¹ за 1980–2021 гг., на 100 тыс. населения²

Figure 2. Incidence of alcoholism and alcohol psychosis among the population of Russia from 1980 to 2021, per 100,000 of population

На фоне экономического, политического и социального кризиса 1990-х годов резко возросло неконтролируемое частное производство контрафактного и некачественного алкоголя, при этом потребление крепкого алкоголя в России достигло исторически рекордных уровней («северный

¹ Данные до 1991 г. представлены по РСФР.

² График составлен авторами статьи по материалам сборников Росстата «Здравоохранение в России» за период с 2001 по 2021 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.05.2023).

тип потребления»), первичная заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами вновь выросли в несколько раз, достигнув 155,5 на 100 тыс. в 1995 г. Незначительно снизившись к 1999 г. показатели заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами в дальнейшем оставались стабильно высокими вплоть до 2005 г. после чего началось плавное снижение всех показателей алкогольных проблем, которое продолжалось до периода пандемии COVID-19 (рис. 2).

Ситуация с употреблением алкоголя подростками в 1990-е гг. складывалась напряженно, но была относительно стабильна: за период с 1991 по 2000 гг. показатели общей и первичной заболеваемости алкоголизмом среди подростков увеличивались постепенно: с 7,6 до 10,5 на 100 тыс. подростков (рис. 3). Плавный рост показывало и пагубное употребление алкоголя: с 663,1 в 1991 г. до 819,8 в 2000 г. (на 100 тыс. подростков) (рис. 4).

При рассмотрении динамики употребления любых психоактивных веществ следует отметить, что, как и любое социальное явление, подростковая алкоголизация и наркотизация носят волнообразный характер. Так, проблема употребления алкоголя подростками, плавно нарастая в предыдущие годы, обострилась в 2000-е гг., достигнув пика в 2005 г., когда показатель общей заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами составил 47,9 на 100 тыс. детей данного возраста (рис. 3).

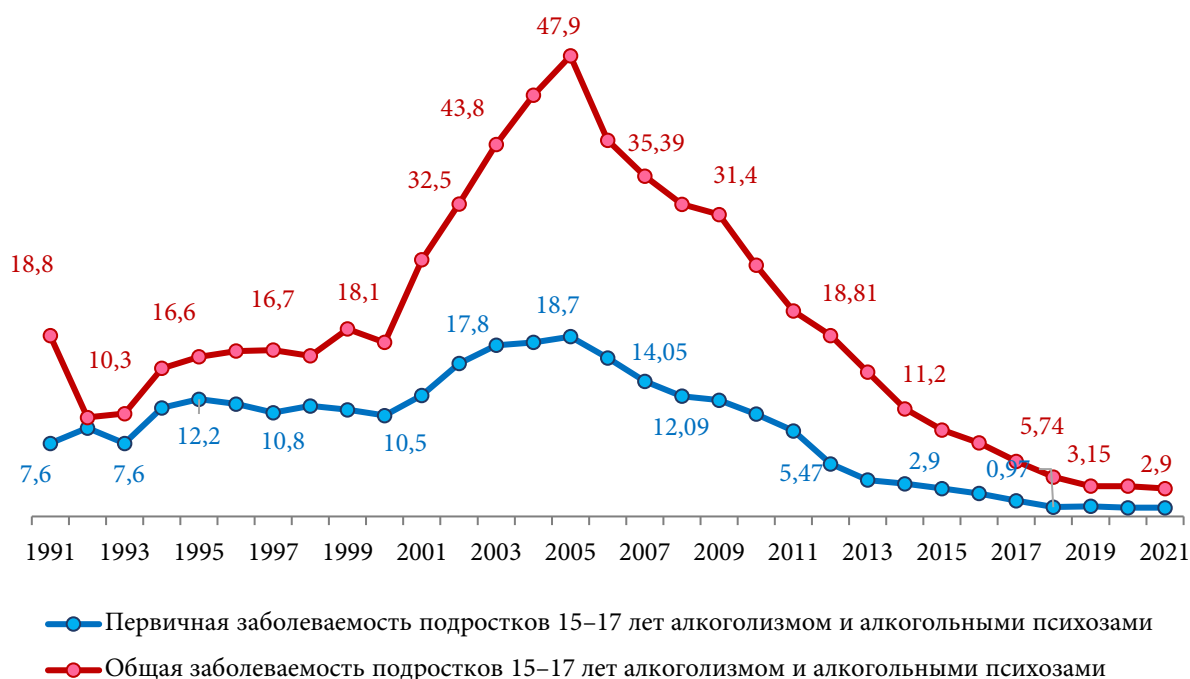

Рис. 3. Заболеваемость подростков 15–17 лет алкоголизмом и алкогольными психозами в 1991–2021 гг., на 100 тыс. детей соответствующего возраста¹

Figure 3. Incidence of alcoholism and alcohol psychosis among adolescents aged 15–17 from 1991 to 2021, per 100,000 children of the corresponding age

Одной из причин резкого всплеска подросткового алкоголизма и злоупотребления алкоголем в середине 2000-х – начале 2010-х гг. была высокая распространенность употребления пива в обществе. При изучении

¹ График составлен авторами статьи по материалам сборников Минздрава России «Состояние и деятельность наркологической службы Российской Федерации» за 1999–2022 гг. URL: <http://nncn.serbsky.ru/spetsialistam> (дата обращения: 20.05.2023).

статистических данных, касающихся алкогольной промышленности и, соответственно, употребления алкоголя среди трудоспособного населения, было выявлено, что в середине 2000-х гг. немного снизилось употребление водки, что произошло за счет резкого роста пивной промышленности. Однако общее потребление чистого спирта в России достигло 12 л/чел. по данным ВОЗ, по данным Института наркологии, и по некоторым иным данным (или 18 л по внутренней статистике с учетом скрытого производства и употребления)¹. Произошло изменение структуры потребляемых напитков, и доминирующий «северный тип» потребления спиртного дополнился новыми алкогольными паттернами: «пивной моделью» и «смешанной» (крепкие напитки в сочетании с пивом), в основном характерными для молодежи и приводящими к употреблению спиртного с вредными последствиями (пагубное). Пиво привлекает подростков отсутствием выраженных нарушений поведения, а лояльное отношение к нему в обществе порождает у подростков убежденность в его безопасности.

В целом, в структуре общей заболеваемости подростков различными алкогольными расстройствами на протяжении всего рассматриваемого периода преобладает пагубное употребление алкоголя, достигшее максимума в 2010 г. – 1982,87 на 100 тыс. подростков (рис. 4).

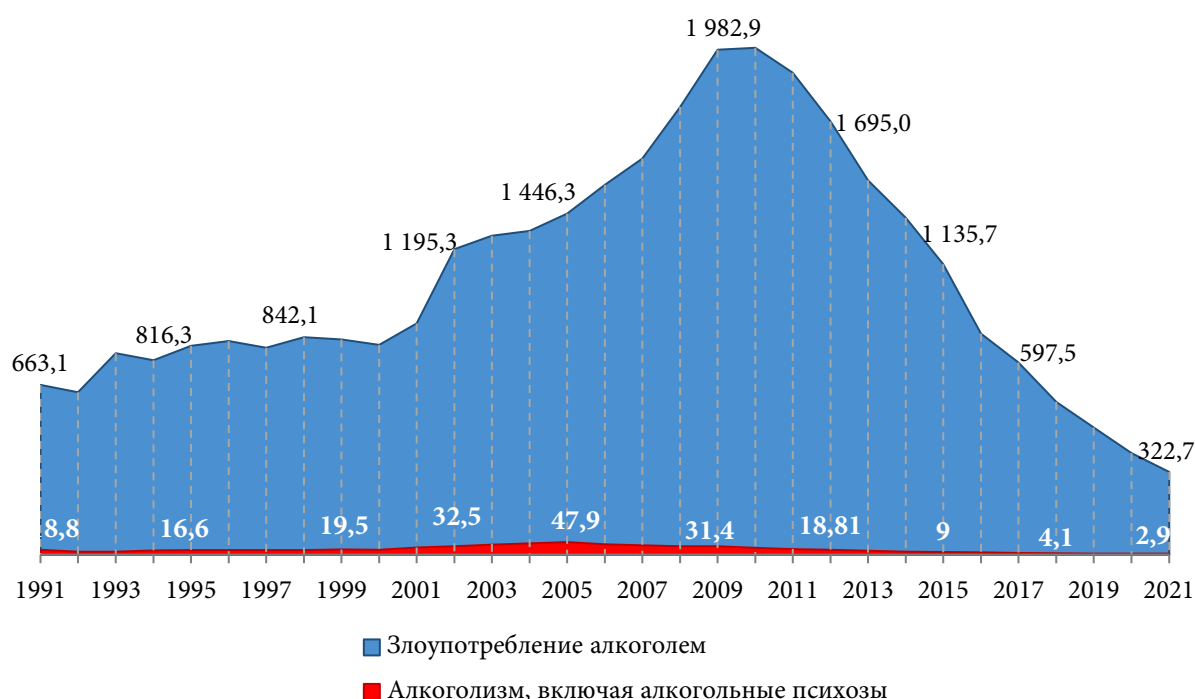

Рис. 4. Распространенность наркологических расстройств, связанных со злоупотреблением алкоголем, среди подростков 15–17 лет в 1991–2021 гг., на 100 тыс. подростков²

Figure. 4. Prevalence of narcological disorders related to alcohol abuse among adolescents aged 15–17 from 1991 to 2021, per 100,000 adolescents

¹ Ежегодное потребление алкоголя, литры чистого спирта на человека, население возрастом 15+ лет // Европейский портал информации здравоохранения ВОЗ. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_426-3050-pure-alcohol-consumption-litres-per-capita-age-15plus/visualizations/#id=19443 (дата обращения: 18.05.2023)

² График составлен авторами по материалам сборников Минздрава «Состояние и деятельность наркологической службы Российской Федерации» за 1991–2022 гг. URL: <http://nncn.serbsky.ru/spetsialistam/> (дата обращения: 15.05.2023)

Преобладание пагубного потребления над зависимостью связано с несколькими причинами. Зависимость – тяжелая форма алкогольного расстройства, обычно развивающаяся вследствие многолетнего злоупотребления алкоголем и характеризующаяся в том числе такими признаками как необходимость опохмелки и «синдром отмены» (делирий). У подростков в возрасте 15–17 лет, как правило, относительно небольшой стаж злоупотребления спиртными напитками в силу возраста, и полноценная зависимость зачастую еще не успевает сформироваться. Также для подростков, согласно данным социологических опросов, характерен выбор более легких алкогольных напитков (пиво, алкогольные коктейли) [14; 16], употребление которых может «маскировать» или «растягивать» процесс формирования зависимости.

К 2000 г. в связи с проблемой распространения и употребления наркотиков в России, потребовавшей незамедлительных действий со стороны государства, проблема алкоголизации населения отошла на второй план. На рубеже веков в России сформировалась качественно новая наркоситуация: повысился общий уровень наркотизации населения, выросла наркопреступность, вышедшая на уровень межрегиональных и международных организаций наркобизнеса, сформировался «черный рынок» продажи наркотиков. Общая заболеваемость наркоманией с 1991 по 2000 гг. выросла в 9 раз, с 21,2 до 185,8 на 100 тыс. человек, уровень первичной заболеваемости вырос в 13 раз – с 3,9 до 50,6 на 100 тыс. населения, пагубное употребление наркотиков (без зависимости) выросло в 6,4 раз – с 13,5 до 86,9 на 100 тыс. человек [6]. Причинной обусловленностью наркотизма в те годы стали ослабление социальных регуляторов, разрушение устоявшихся норм поведения при неопределенности формирующихся, что привело к изменению образа жизни людей. Наиболее восприимчивыми к образу жизни, связанному с потреблением наркотиков, оказались те, кто в наибольшей мере был готов к крайним поведенческим альтернативам в отношении общепринятых норм [15].

Особенностью ситуации тех лет являлась негативная динамика распространения детско-подросткового и молодежного наркотизма. В молодежных субкультурах стал формироваться феномен «наркоманического сознания», когда жизненный успех, духовное совершенствование, секс, коммуникации рассматриваются неотрывно от наркотического «кайфа». Потребление наркотиков приобрело статус социально-культурального явления с формированием особой наркотической субкультуры [15].

Пик вовлеченности детей и подростков в наркопотребление приходился на 2000 г. [16]. Первичная заболеваемость подростков 15–17 лет выросла с 4,9 в 1991 г. до 84,5 на 100 тыс. подросткового населения в 2000 г. (рис. 5). Пагубное употребление наркотиков (на конец года) выросло с 42,6 в 1991 г. до 241 в 1999 г. (на конец года) (рис. 6). После значительного спада в 2001–2003 гг. вновь начался подъем уровня первичной заболеваемости подростков 15–17 лет наркоманией, достигнув 14,75 на 100 тыс. подросткового населения в 2007 г. (рис. 5).

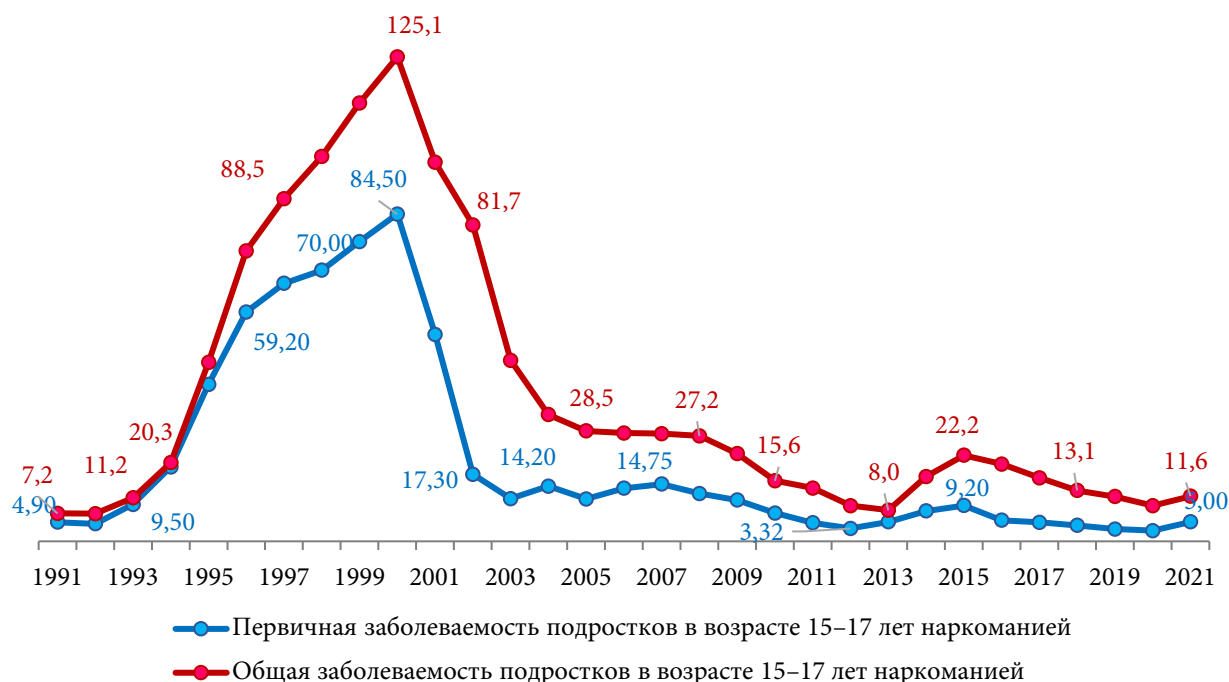

Рис. 5. Заболеваемость подростков 15–17 лет наркоманией в 1991–2021 гг., на 100 тыс. детей соотв. возраста¹

Figure 5. Incidence of drug addiction among adolescents aged 15–17 from 1991 to 2021, per 100,000 children of the corresponding age

Рис. 6. Пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков подростками 15–17 лет в 1991–2021 гг., на 100 тыс. подросткового населения

Figure 6. Harmful (with detrimental consequences) drug use by adolescents aged 15–17 from 1991 to 2021, per 100,000 adolescent population

¹ Рисунки 5 и 6 составлены авторами статьи по материалам сборников Минздрава «Состояние и деятельность наркологической службы Российской Федерации» за 1999–2022 гг. URL: <http://nncn.serbsky.ru/spetsialistam> (дата обращения: 22.05.2023).

Росту подросткового наркопотребления в те годы способствовало изменение отношения к наркотикам в обществе, так называемое «поисковое поведение» в отношении «легких» наркотиков (производные конопли), а также наметившееся изменение структуры потребляемых наркотиков.

Структура потребляемых наркотиков менялась на протяжении всего изучаемого периода. В 1990-х гг. одним из самых модных и распространенных наркотиков был героин. В конце нулевых в России начинают повсеместно распространяться различные «новые» виды наркотиков («дизайнерские», «клубные», «легальные»), многие из которых на тот момент еще не находились в списке запрещенных Госнарконтролем и их можно было приобрести относительно легально [16]. С начала 2010-х гг. происходит дальнейшее устойчивое расширение спектра различных химических соединений, продолжающееся по сегодняшний день. Следует обратить внимание на то, что второй пик подростковой наркотизации, произошедший в 2014–2015 гг., был вызван новым витком изменения структуры наркотиков и значительном распространении в тот период «новых» наркотических веществ («спайсы», «миксы»). Распространенность тех или иных наркотиков отражается в заболеваемости подростков в зависимости от различных видов наркотических веществ (рис. 7).

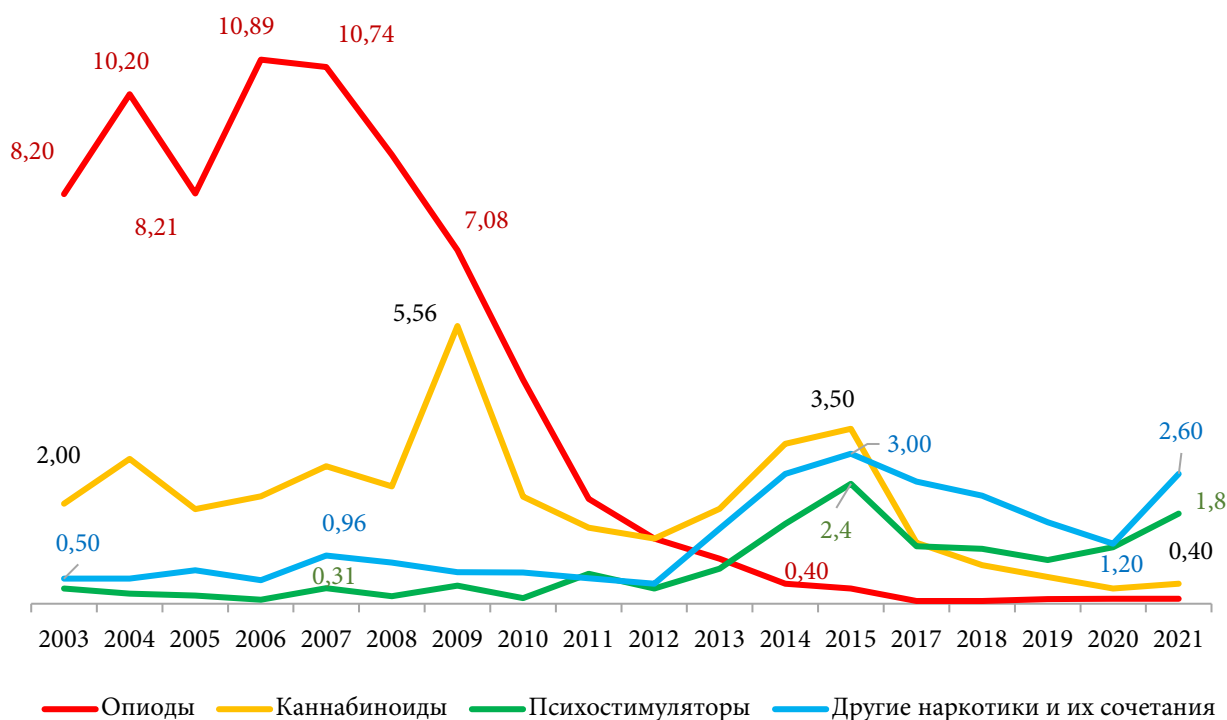

Рис. 7. Первичная заболеваемость подростков 15–17 лет наркоманией от различных видов наркотиков в 2003–2021 гг., на 100 тыс. подросткового населения¹

Figure. 7. Primary incidence of drug addiction among adolescents aged 15–17 from various types of drugs from 2003 to 2021, per 100,000 adolescent population

¹ График составлен авторами статьи по материалам сборников Минздрава «Состояние и деятельность наркологической службы Российской Федерации» за 1999–2022 гг. URL: <http://nncn.serbsky.ru/spetsialistam> (дата обращения: 25.05.2023)

Сопоставление показателей первичной заболеваемости подростков наркоманией в целом с показателями первичной заболеваемости подростков от различных видов наркотиков позволяет сделать вывод о том, что снижение заболеваемости наркоманией за последние 20 лет находится в прямой зависимости от снижения опийной наркомании. В начале столетия до 93% больных наркоманией составляли потребители опиоидов. К 2020 г. доля потребителей опиоидов в структуре первичной заболеваемости наркоманией снизилась до 28,2% [18].

Данные официальной статистики за 2015–2020 гг. свидетельствуют о стабилизации числа больных наркоманией и снижении уровней как первичной, так и общей заболеваемости среди подростков 15–17 лет к 2020 г. В то же время с начала 2021 г. позитивный тренд на снижение наркотизации был прерван: по сравнению с 2019–2020 гг. отмечен рост как общей, так и первичной заболеваемости наркоманией среди подростков. В ряде регионов зафиксировано утяжеление наркоситуации, выражающееся в росте общей заболеваемости наркоманией и пагубного (с вредными последствиями) употребления за счет увеличения заболеваемости от отдельных видов наркотических веществ. Серьезная наркоситуация была отмечена в Центральном Федеральном округе (за счет Москвы), в Калининградской области, Санкт-Петербурге, Свердловской области, в Ханты-Мансийском автономном округе, в Республике Хакасия, Хабаровском крае. Рост произошел в основном за счет увеличения потребления психостимуляторов и «других» наркотиков. Полученные из регионов данные вызывают тревогу.

С 2009–2010 гг. Правительство РФ начало жесткую войну с наркотизацией и алкоголизацией общества, разработав специальные программы государственной профилактики, основными целями которых было снижение потребления населением алкогольной продукции с 18 до 8 л/чел., и существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. Анализ данных статистики и наших исследований позволяет говорить о том, что поставленные цели профилактической политики частично были достигнуты. По данным Минздрава, в России произошло значительное снижение алкогольного потребления: с 15,8 л/чел. в 2008 г. (18 л по данным ВОЗ) до 9 л в 2021 г. Снизились показатели заболеваемости алкогольными расстройствами (включая психозы), показатели смертности от причин, связанных с употреблением алкоголя, заболеваемости среди подростков. В то же время, как видно из рассмотренных данных статистики, позитивные тенденции в наркоситуации, к сожалению, менее очевидны.

Разумеется, что по результатам исследований, полученных на основе анализа медицинской статистики, сложно судить о распространенности потребления алкоголя и наркотиков среди всех подростков, так как в поле зрения системы здравоохранения попадают молодые люди с ярко выраженной зависимостью. Если же подросток не употребляет спиртное в экстремальных количествах или каких-либо сильнодействующих наркотических веществ, а сам характер потребления носит нерегулярный, «контролируемый» или «рекреационный» характер (как в случае

с потреблением марихуаны и «клубных» наркотиков, прежде всего, экстази), его шансы попасть в наркологический диспансер или иные медицинские учреждения резко сокращаются.

Важную роль статистика играет и при изучении криминального поведения населения. Сопоставление данных за 1990–2010 гг. позволило установить, что показатели подростковой преступности постоянно снижались, пройдя при этом три цикла роста и следующего за ним понижения. Периоды всплеска совпадали по времени с социальными и экономическими кризисами: начала 1990-х, дефолтом 1998 г. и финансовым и экономическим мировым кризисом второй половины 2000-х. Было выявлено, что уровень подростковой преступности сильно связан с целым рядом показателей, характеризующих с разных сторон качество жизни на определенной территории (размер среднедушевого валового продукта, средняя ожидаемая продолжительность жизни, общий коэффициент смертности, миграционный прирост населения и др.). Преступность подростков ниже в тех регионах, где люди в целом более благополучны: меньше болеют и умирают, дольше живут, лучше питаются [14].

Анализ статистических данных различных ведомств показывает, что большинство показателей преступности несовершеннолетних за последние 10–20 лет снизились. С 2005 г. количество преступлений среди несовершеннолетних в общей сложности сократилось на 80% (с 154,7 тыс. в 2005 г. до 30469 в 2022 г), а количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления – на 82%¹. В течение 17 лет происходило постепенное снижение количества тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними – с 55,5 тыс. в 2005 г. до 9,2 тыс. в 2022 г. Количество детей на скамье подсудимых снизилось на 86%: в 2005 г. осудили 99 091 несовершеннолетних, в 2022 г. – 14214 чел.²

Несмотря на снижение за последние 10–20 лет большинства показателей криминального поведения среди молодежи в России, целый ряд выявленных тревожных тенденций не позволяют оценивать ситуацию в положительном ключе. Негативной тенденцией является увеличение за 17 лет доли несовершеннолетних, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, с 2,4% в 2005 г. до 10,5% в 2022 г.³ Растет женская преступность: доля женщин среди несовершеннолетних осужденных увеличилась с 6,8% в 2005 г. до 8,6% в 2022 г. Наблюдается рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних – с 21,4% в 2016 г. до 30,5% в 2022 г.⁴

¹ Источник: сборники МВД «Состояние преступности в России» за 2005–2022 гг. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.05.2023).

² Источник: данные статистики судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Источник: данные статистики судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ Источник: сборники МВД «Состояние преступности в России» за 2005–2022 гг. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.05.2023).

В России за последние несколько десятилетий существенные изменения произошли и в сексуальной культуре, проявляющиеся в распространении более свободного отношения к половым контактам, в изменении системы ценностей. Подобная ситуация повлекла за собой распространение инфекций, передающихся половым путем (ИППП), включая ВИЧ-инфекцию и СПИД. В 1990-е гг. Россия пережила вспышку инфекций, передаваемых половым путем. Заболеваемость сифилисом за период 1990–1997 гг. возросла в 52 раза – с 5,3 до 277,6 на 100 тыс. населения (рис. 8). Заболеваемость сифилисом увеличилась во всех возрастных группах населения, но наиболее интенсивно – среди детей и подростков. Так, с 1991 по 1996 гг. рост первичной заболеваемости среди девочек до 14 лет составил 56,5 раз, девушек-подростков 15–17 лет – 42,3 раза, взрослых женщин – 37,9 раз [17].

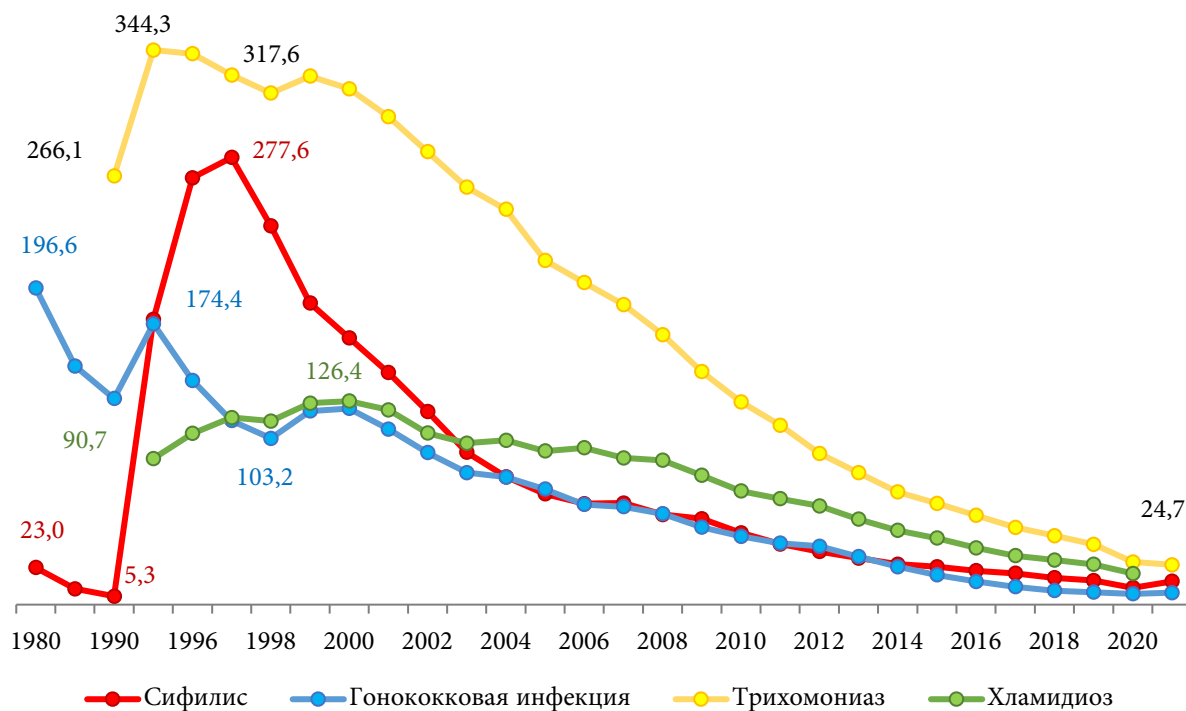

Рис. 8. Первичная заболеваемость населения социально-значимыми болезнями в 1980–2021 гг., на 100 тыс. населения¹

Figure. 8. Primary incidence of socially significant diseases in the population from 1980 to 2021, per 100,000 population

После вспышки заболеваемости ИППП в середине 1990-х гг., правительство России предприняло ряд мер по предупреждению и профилактике заболеваний. Это привело к снижению общей заболеваемости ИППП среди населения, включая сифилис и гонококковую инфекцию. В настоящее время (2021) первичная заболеваемость сифилисом составляет 10,5 случаев на 100 тыс. населения, что в 26 раз ниже, чем в 1997 г., но все еще выше, чем в 1990 г. (5,3 случая на 100 тыс. населения).

¹ График составлен по материалам сборников Росстата «Здравоохранение в России» за 2001 – 2021 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.05.2023).

Хотя заболеваемость ИППП значительно снизилась за последние годы, эпидемиологическая обстановка все еще сохраняется напряженной. Например, после достаточно благополучного 2020 г., с 2021 г. заболеваемость сифилисом снова начала расти. В Москве уровень заболеваемости сифилисом в 2022 г. был в 4,6 раза выше среднероссийского уровня. Уже в январе 2023 г. заболеваемость сифилисом в стране увеличилась на 71%, а гонококковой инфекцией – на 19% по сравнению с январем 2022 г.¹ Тяжелой остается ситуация и с распространением ВИЧ-инфекции. Согласно официальной статистике, первичная заболеваемость ВИЧ-инфекцией сначала резко возрастала на рубеже веков, но к 2004 г. заметно сократилась и оставалась относительно стабильной в 2003–2006 гг. (на уровне 19–23 случая на 100 тыс. чел.) (рис. 9). Однако с 2007 г. начался новый рост, и к 2015–2016 гг. число впервые выявленных случаев с диагнозом ВИЧ достигло 59,6 на 100 тыс. чел., оставаясь на этом уровне вплоть до 2020 г. В период пандемии COVID-19 заболеваемость ВИЧ-инфекцией сократилась до 40–41 случая на 100 тыс. человек [21]. Несмотря на это, общее число инфицированных вирусом иммунодефицита продолжает расти.

Рис. 9. Заболеваемости ВИЧ-инфекцией населением России с 2000 по 2021 гг., на 100 тыс. населения²

Figure 9. Incidence of HIV infection in the population of Russia from 2000 to 2021, per 100,000 population

О тяжести ситуации с распространением ВИЧ свидетельствует и выросшее в 2021 г. число летальных исходов среди людей с вирусом иммунодефицита человека (показатель составил 32 160 случаев, что на 2,4% больше, чем в 2020 г. – 31 408 умерших). В то же время число

¹ Бормотова Е. Протекает скрыто и поражает сердце: в России растет заболеваемость сифилисом, его часто замечают на поздних стадиях // Сочи онлайн. 18.02.2023. URL: <https://sochi1.ru/text/health/2023/02/03/72027815/> (дата обращения: 10.10.2023).

² График составлен по материалам данных Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 25.05.2023).

умерших непосредственно от ВИЧ в 2021 г. за последние пять лет, по данным Роспотребнадзора, наименьшее – 16 914. Тревожно звучат слова главного внештатного специалиста по проблемам диагностики и лечения ВИЧ-инфекции Минздрава Евгения Воронина, сообщившего, что общемировая смертность от СПИДа снизилась на 30% во всех группах, кроме подростков. Среди них смертность увеличилась на 50%.

Заключение

Анализ статистических данных по различным видам социальных девиаций позволил обрисовать процессы, которые происходили в советском обществе до 1990-х гг. Выявлено, что со второй половины 1960-х по конец 1980-х гг. наблюдалось постепенное нарастание различных деструктивных процессов: фиксировался плавный, а затем заметный рост подростковой преступности, отмечены значительные негативные изменения в состоянии здоровья населения (рост заболеваемости венерическими инфекциями и нервно-психическими болезнями), с 1960-х гг. происходило заметное увеличение потребления алкоголя на душу населения, беспокойной была обстановка и с распространением наркотиков. Особенностью того периода был формализм правоохранительной деятельности и большинства профилактических мероприятий. Все это заложило основу для резкого всплеска девиантологических и криминологических проблем в 1990-е гг.

Начавшийся процесс серьезных структурных изменений в социальной системе России в конце XX в. сопровождался резким ростом различных девиаций. Так, во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. наиболее остро стояла проблема подростковой и молодежной наркомании, а в 2000-е гг. и начале 2010-х все большее значение, как для подросткового, так и для взрослого населения, стала приобретать проблема алкоголизма. Пики преступности несовершеннолетних были зафиксированы в 1993, 1999 и 2005 гг., после чего число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, начало плавно снижаться.

Благодаря принятым Правительством РФ в 2006–2009 гг. жестким профилактическим мерам за 10–15 лет удалось стабилизировать ситуацию по многим проявлениям деструкций в обществе, однако, социальные вызовы 2020–2022 гг. запустили новый процесс трансформаций, и позитивный тренд на снижение некоторых форм девиаций был прерван. И пандемия COVID-19, и события на международном уровне с последующим введением беспрецедентных санкций против России повлияли на ключевые звенья процессов алкоголизации и наркотизации в негативную сторону. Данные статистики алкогольного рынка за 2020–2022 гг. фиксировали рост как производства, так и продаж спиртного, статистика МВД показывала, что, несмотря на сохраняющееся снижение общего уровня преступности, в структуре наркопреступлений выросло количество преступлений, связанных с производством и пересылкой наркотических веществ. Медицинская статистика свидетельствует: на фоне общего снижения заболеваемости наркологическими

расстройствами в отдельных регионах зафиксировано очень серьезное утяжеление наркоситуации. Заметно возросло за последние три года и количество некоторых видов инфекций, передающихся половым путем.

Таким образом, рассмотренная статистика за несколько десятков лет по основным видам деструктивного поведения (алкоголизация, наркотизация, преступность, заболеваемость ИППП и ВИЧ и др.) позволяет сделать вывод, что на фоне резких изменений социальной ситуации (социально-экономического положения, стиля и качества жизни) частота проявлений девиаций и деструкций в обществе заметно увеличивается. Подобная выявленная связь позволяет исследователям в своем научном поиске обращать внимание на новые, только формирующиеся негативные тенденции, являющиеся, как правило, глубоко латентными, но достаточно опасными, влияющими на национальную безопасность страны (например, новые виды преступлений – «неокриминализация»).

Данные статистики не позволяют оценивать положение с деструктивными проявлениями в России за последние 3 года оптимистично. Более того, дальнейший прогноз ситуации, несмотря на отмеченные позитивные изменения последнего десятилетия, на ближайшие несколько лет является неблагоприятным. Естественно, в сложившихся условиях необходим незамедлительный пересмотр и переоценка общепринятых профилактических мер. Подобная переоценка позволит выявлять новые устойчивые модели деструктивно-девиантного поведения российской молодежи и подойти к прогнозированию дальнейших изменений состояния общественного сознания, причем не для всего населения, а отдельно для каждой половозрастной группы.

Несомненно, данные государственной статистики важны для выявления тенденций многих деструктивных процессов в стране и отдельных ее регионах. Однако официальный статистический учет имеет целый ряд ограничений.

1. Социальная ситуация в стране характеризуется относительно высокой динамичностью, и статистика зачастую «отстает» от реальных социальных условий. Например, наркотическая ситуация может кардинально измениться за несколько месяцев в связи с появлением на рынке новых видов наркотиков, еще не попавших в списки запрещенных веществ, как это происходило в начале XXI века (распространение «курительных смесей»).

2. Большинство девиантных проявлений имеют очень высокий уровень латентности. Известно, что медицинская статистика отражает только количество тех лиц, которые лечатся (обратились) в государственные учреждения. Истинные показатели распространенности того или иного негативного явления, несомненно, выше учтенных. Представители более обеспеченных слоев населения обращаются, как правило, к частным специалистам. Критерии диагностики алкоголизма и наркомании как заболеваний, особенно на ранних стадиях, также искажают статистику. Данные статистики по уголовным делам тоже достаточно латентны: в некоторых случаях потерпевшие отказываются сообщать в полицию о преступлениях; иногда органы полиции протоколируют преступление в качестве менее серьезного, чем это есть на самом деле. Высокой латентностью отличается «беловоротничковая» преступность (экономическая, коррупционная). Закономерны сложности

с оценкой масштабов девиаций и преступлений среди представителей высших социальных страт (например, употребление наркотиков руководителями верхнего звена или политическими элитами) и т. д.

3. Не сформирована адекватная единая система учета девиантных проявлений («моральная статистика»), а многие показатели государственной статистики и ведомственного учета, учетные данные различных ведомств несопоставимы между собой (МВД, суды, здравоохранение, образование и др.). Статистика по многим видам девиантности в принципе отсутствует (или осуществляется не по значимым показателям). Некоторые необходимые сведения вообще не являются предметом государственного или ведомственного учета и могут быть получены только в результате специальных исследований (межрегиональный «экспорт-импорт» преступности и иных правонарушений, пространственно-временное распределение различных форм девиантного поведения, размеры латентной преступности, наркотизма и т. п.).

Таким образом, оперируя массовыми явлениями, статистика значительно упрощает и усредняет все многообразие социальной реальности – количественные показатели не могут адекватно отразить все стороны социальных процессов и явлений. Кроме того, статистический учет не лишен рисков фальсификаций (прямых – в виде искажения числовых данных, или косвенных – в результате подбора «нужных» показателей) и, соответственно, дефектов при подсчете. Именно поэтому обращение со статистикой и ее анализ должны быть осознанными. В наших исследованиях важным моментом при использовании статистической информации является правильная сопоставимость данных. Для преодоления проблемы несопоставимости мы в своих исследованиях старались привести данные к общему содержанию (разделение разнородных совокупностей на однородные части, т. е. группировку), а сравниваемые показатели к одинаковым периодам и моментам времени, к единой территории или кругу охватываемых единиц. При сравнении использовали единую систему «мер и весов», а несопоставимые показатели пересчитывали по единой методике, несравнимые абсолютные показатели заменяли относительными или средними показателями: показателями структуры, координации и т. д.

Несмотря на имеющиеся ограничения, обзор и изучение статистических показателей остается важной частью социологического исследования и является обязательным этапом анализа всего причинно-следственного комплекса деструктивного поведения населения, необходимым как для оценки состояния системы профилактики деструктивного поведения различных групп населения, так и для разработки адекватных мер воздействия на девиантную личность.

Библиографический список

1. Араловец Н. А. Репродуктивное здоровье населения РСФСР в 1960-е годы // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: Сб. ст. X Уральского демографического форума. В 2-х т., Екатеринбург, 10–11 июня 2019 г. Т. 2. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2019. С. 277–283. EDN: AHSXOX.

2. Блюдина У. А. Борьба с наркоманией в современной России: взгляд социолога права. Ульяновск: УлГУ, 2006. 295 с. EDN: QOGJNV.
3. Богданов С. В. Алкогольная политика российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984 гг.). М.: Русайнс, 2020. 303 с.
4. Каримова Г. Г., Черникова Ю. П. Наркомания: исторические и социальные аспекты // Наркоконтроль. 2007. № 1. С. 31–34. EDN: RMYQHD.
5. Климова С. Г. Изменения в алкогольном поведении молодежи (по данным сравнительных исследований в Московской области в 1984, 1988, 1991 гг.) // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 90–97.
6. Кошкина Е. А. Распространенность наркологических заболеваний в Российской Федерации в 2000 г. по данным официальной статистики // Вопросы наркологии. 2001. № 3. С. 61–66. EDN: QCWSJR.
7. Кошкина Е. А., Паронян И. Д., Павловская Н. И. Оценка алкогольной ситуации в России // Российский медицинский журнал. 1996. Т. 3. № 7. С. 11–17.
8. Краснов Д. А. «Собранные данные позволили констатировать...» Документы Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР о распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. 1969 г. // Исторический архив. 2013. № 1. С. 27–45. EDN: PSCFDV.
9. Краснов Д. А. Характеристика системы борьбы с подростковой преступностью и преступности несовершеннолетних в РСФСР за 1965–1969 гг. // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 80–104. EDN: RTMVMN.
10. Краснов Д. А. Характеристика преступности несовершеннолетних и системы борьбы с подростковой преступностью в РСФСР за 1970–1974 гг. // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 54–69. EDN: RILFPD.
11. Краснов Д. А. Особенности преступности несовершеннолетних в годы перестройки. 1985–1991 гг. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 1. С. 20–34. EDN: RXKNIN.
12. Курицына Е. В. Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (социально-криминологический аспект) // Известия ПензГПУ им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С. 115–119. EDN: JWQWCD.
13. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 912 с.
14. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа). Коллективная монография / Под науч. ред. М. Е. Поздняковой и Т. А. Хагурова. Краснодар: КубГУ; М.: ИС РАН, 2012. 344 с.

15. Позднякова М. Е. XXI век без наркотиков? (особенности наркотизации населения России на рубеже веков) // Россия реформирующаяся: Ежегодник. М.: ИС РАН, 2003. 536 с.

16. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Сравнительный социологический анализ изменений ситуации с потреблением наркотиков в России за 30 лет: 1990–2020 гг. // Вопросы наркологии. 2021. № 5(200). С. 15–51. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_05_15; EDN: NIHCIB.

17. Сакевич В. И. Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России // Демоскоп Weekly, 2001. 13–14. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/013/tema07.php> (дата обращения: 22.05.2023).

18. Семенова Н. В., Вишняков Н. И., Куркова Е. С. и др. Заболеваемость наркоманией и алкоголизмом в Российской Федерации в первых двух десятилетиях XXI века. Динамика и основные тенденции // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68. № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-4-15; EDN: XYAXPE.

19. Темкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУ в СПб., 2008. 376 с. EDN: UPCCST

20. Щербакова Е. М. Заболеваемость населения России, 2016–2017 годы // Демоскоп Weekly. 2018. № 767-768. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0767/barom01.php> (дата обращения: 12.05.2023).

21. Щербакова Е. М. Заболеваемость населения России, 2021–2022 годы // Демоскоп Weekly. 2023. № 985-986. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0985/barom01.php> (дата обращения: 01.06.2023).

Получено редакцией: 07.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднякова Маргарита Ефимовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Брюно Виктория Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.17

Deviant Behaviour of the Population as a Reflection of Maladaptive Processes in Russian Society (Based on State Statistics)

Margarita E. Pozdnyakova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: margo417@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7896-5115

Victoriya V. Bruno

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: victoria.bruno@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9735-024X

For citation: Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Deviant Behaviour of the Population as a Reflection of Maladaptive Processes in Russian Society (Based on State Statistics). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 306–330. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.17; EDN: UFRCLU.

Abstract. The article focuses on studying changes in the destructive behaviour of various population groups in Russia over a period of more than 40 years (1980–2022). The article examines the role of state social statistics in studying various forms of deviance, discussing its possibilities, functions, and limitations. Based on the analysis of statistical data (Rosstat, Ministry of Health, Ministry of Internal Affairs, etc.), the dynamics of criminological indicators of crime, sales of alcoholic beverages, alcohol consumption, prevalence of alcoholism, alcohol-induced psychoses, drug addiction, sexually transmitted infections (including HIV), and others are considered. Special attention is paid to analysing destructive manifestations in the adolescent-youth environment, as the most vulnerable category that responds acutely to processes of social transformation and modernisation.

The review of scientific sources and analysis of statistical data allowed to identify stages in the development of destructive processes in Russia: 1) the early post-war period of increased deviant problems – 1945–1947; 2) a period of relative stabilisation – 1959–1965; 3) a latent period of growing deviant problems – the late 1960s to the 1980s; 4) a sharp surge in all forms of deviations in all population groups – the 1990s to the mid-2000s; 5) a period of relative stabilisation with a moderate trend towards a gradual but fluctuating decline in some types of deviance – 2006–2019; 6) the formation of conditions for a new surge in some forms of destructive behaviour – from 2020 onwards.

It has been revealed that the period of a sharp surge in deviantological and criminological problems in the 1990s was preceded by a fairly long ‘latent’ period of escalating destructive processes, hidden behind relatively positive statistical figures.

The work demonstrates that studying and analysing various indicators of state statistics reflecting destructive processes in society is an important stage in the sociological analysis of the entire cause-and-effect complex of deviant behaviour in the population. This is necessary both for assessing the state of the system for preventing negative social phenomena and for developing adequate measures to impact deviant individuals.

At the same time, during the analysis, a number of limitations in using official statistical records have been identified, related to: 1) the high dynamics of the social situation in the country, leading to the ‘lag’ of statistical data from real social conditions; 2) the high level of latency of most destructive phenomena; 3) the absence of a unified system for recording deviant manifestations; 4) the lack of data on many manifestations of deviance.

Keywords: deviant behaviour, adolescents, crime, alcoholism, drug addiction, sexually transmitted infections, HIV/AIDS, state social statistics

References

1. Aralovets N. A. Reproductive health of the population of the RDFS in 1960-ies. Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: Collection of articles of the X Ural Demographic Forum. In 2 vol., Yekaterinburg, June 10–11, 2019. Vol. II. Yekaterinburg, IE UrO RAN, 2019: 277–283 (in Russ.). EDN: AHSXOX.
2. Blyudina U. A. Bor’ba s narkomaniyey v sovremennoy Rossii: vzglyad sotsiologa prava. [The fight against drug addiction in modern Russia: the view of a sociologist of law]. Ulyanovsk, UIGU, 2006: 295 (in Russ.). EDN: QOGJNV.
3. Bogdanov S. V. Alcohol policy of the Russian state in the process of social modernization (1894–1984). Moscow, Rusayns, 2020: 303 (in Russ.).
4. Karimova G. G., Chernikova Yu. P. Narkomaniya: istoricheskie i sotsial’nye aspekty [Drug addiction: historical and social aspects]. *Narkokontrol’*, 2007: 1: 31–34 (in Russ.). EDN: RMYQHD.
5. Klimova S. G. Izmeneniya v alkogol’nom povedenii molodezhi (po dannym sravnitel’nykh issledovaniy v Moskovskoy oblasti v 1984, 1988, 1991 gg.). [Changes in the alcoholic behavior of young people (according to comparative studies in the Moscow region in 1984, 1988, 1991)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1992: 8: 90–97 (in Russ.).
6. Koshkina E. A. Rasprostranennost’ narkologicheskikh zabolevaniy v Rossiyskoy Federatsii v 2000 po dannym ofitsial’noy statistiki [The prevalence of narcological diseases in the Russian Federation in 2000 according to official statistics]. *Voprosy narkologii*, 2001: 3: 61–66 (in Russ.). EDN: QCWSJR.
7. Koshkina E. A., Paronyan I. D., Pavlovskaya N. I. Otsenka alkogol’noy situatsii v Rossii [Assessment of the alcohol situation in Russia]. *Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal*, 1996: 3: 7: 11–17 (in Russ.).
8. Krasnov D. A. «Sobrannye dannye pozvolili konstatirovat’ ...» Dokumenty Vsesoyuznogo instituta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti pri Prokurature SSSR o rasprostranennosti upotrebleniya spirtnykh napitkov nesovershennoletnimi. 1969 g. [“The collected

data made it possible to state ...” Documents of the All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures under the USSR Prosecutor’s Office on the prevalence of alcohol consumption by minors. 1969]. *Istoricheskii arkhiv*, 2013: 1: 27–45 (in Russ.). EDN: PSCFDV.

9. Krasnov D. A. The characteristic of system of fight against teenage crime and crime of minors in RSFSR for 1965–1969. *Sotsial’no-politicheskie nauki*, 2013: 3: 80–104 (in Russ.). EDN: RTMVMN.

10. Krasnov D. A. The characteristic of system of fight against teenage crime and crime of minors in RSFSR for 1970–1974. *Probely v rossiyskom zakonodatel’stve*, 2013: 5: 54–69 (in Russ.). EDN: RILFPD.

11. Krasnov D. A. Features of crime of minors in the years of reorganization. 1985–1991. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal*, 2014: 1: 20–34 (in Russ.). EDN: RXKNIN.

12. Kuritsyna E. V. Prestupnost’ v sovetskom obshchestve v 1953–1964. (sotsial’no-kriminologicheskii aspekt). [Crime in Soviet society in 1953–1964. (socio-criminological aspect)]. *Izvestiya PenzGPU im. V. G. Belinskogo*. 2007: 7: 115–119 (in Russ.). EDN: JWQWCD.

13. Luneev V. V. Crime of the 20th century: global, regional and Russian trends. 2nd ed. Moscow, Norma, 2021: 912 (In Russ.).

14. Na puti k prestupleniyu: deviantnoe povedenie podrostkov i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii (opyt sotsiologicheskogo analiza) [On the way to crime: deviant behavior of adolescents and the risks of growing up in modern Russia (an experience of sociological analysis)]. Ed. by M. E. Pozdnyakova, T. A. Hagurov. Krasnodar, KubGU; Moscow, IS RAN, 2012: 344 (in Russ.). EDN: PYNJKD.

15. Pozdnyakova M. E. XXI vek bez narkotikov? (osobennosti narkotizatsii naseleniya Rossii na rubezhe vekov) [21st century without drugs? (Features of drug addiction in Russia at the turn of the century)]. In *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik [Russia Reforming: Yearbook]*. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2003: 413–430 (in Russ.).

16. Pozdnyakova M. E., Bryuno V. V. Comparative analysis of changes in drug situation in Russia for 30 years: 1990–2020. *Voprosy narkologii*. 2021: 5(200): 15–51 (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2021_05_15; EDN: NIHCIB.

17. Sakevich V. I. Seksual’noe i reproduktivnoe povedenie podrostkov v Rossii [Sexual and reproductive behavior of adolescents in Russia]. *Demoskop*, 2001: 13–14. Accessed 22.05.2023. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/013/tema07.php> (in Russ.).

18. Semenova N. V., Vishnyakov V. I., Kurkova E. S. et al. Incidence of drug addiction and alcoholism in the Russian Federation in the first two decades of the XXI century. Dynamics and main trends. *Sotsial’nye aspekty zdorov’ya naseleniya*, 2022: 68(4). (in Russ.). DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-4-15; EDN: XYAXPE.

19. Temkina A. A. Seksual’naya zhizn’ zhenshchiny: mezhdub podchineniem i svobodoy [Sexual life of a woman: between submission and freedom]. St. Petersburg, EU v SPb., 2008: 396 (in Russ.). EDN: UPCCCT.

20. Shcherbakova E. M. Morbidity of the Russian population, 2016–2017. *Demoskop*, 2018: 767–768. Accessed 12.05.2023. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0767/barom01.php> (in Russ.).

21. Shcherbakova E. M. Morbidity of the Russian population, 2021–2022. *Demoskop*, 2023: 767–768. Accessed 01.06.2023. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0985/barom01.php> (in Russ.).

The article was submitted on: June 6, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Margarita E. Pozdnyakova, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Victoriya V. Bruno, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2023. Том 14. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2023.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>